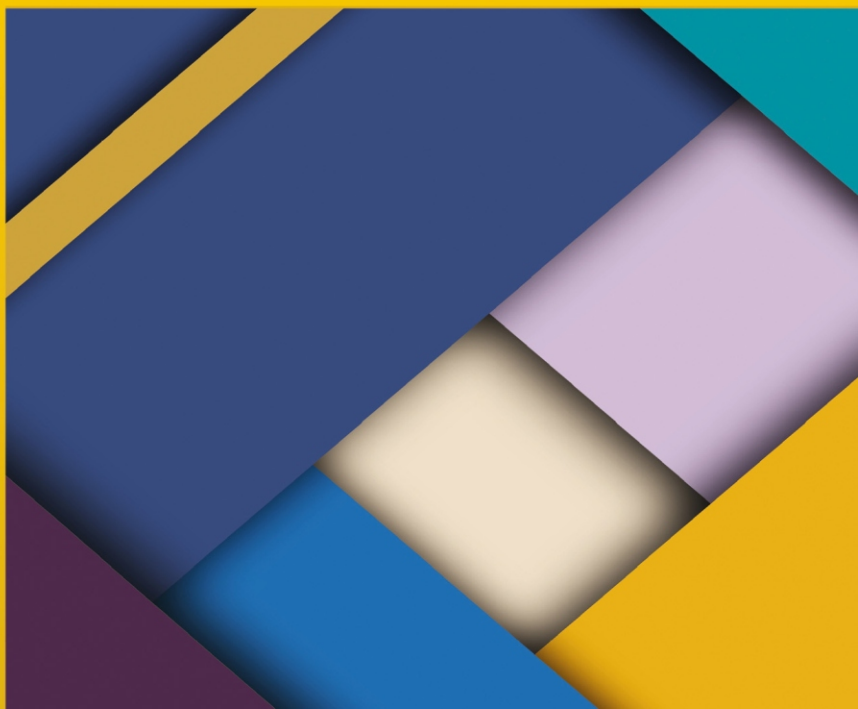
ISSN 3033-5981 (Online)

Russian Social and Humanitarian Studies

РОССИЙСКИЕ СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Volume 18, Number 3
2026

ISSN 3033-5981 (online)

Russian Social and Humanitarian Studies

Volume 18, Number 3
2026

●

Российские социогуманитарные исследования

Том 18, № 3
2026

Главный редактор

Ф.Х. Тарасова доктор филологических наук, профессор,
декан Высшей школы русской и зарубежной филологии им. Льва Толстого Института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Российская Федерация

Заместители главного редактора

Н.П. Копцева доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и искусствоведения ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Красноярск, Российская Федерация

Т.А. Магсумов доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры педагогики ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», Набережные Челны, Российская Федерация

D. Dozenko Doctor of Philology, Lehrer,
Volkshochschule Marzahn-Hellersdorf, Berlin, Germany

Шеф-редактор – Максимов Я.А.
Выпускающие редакторы – Доценко Д.В., Максимова Н.А.
Корректор – Зливко С.Д.
Компьютерная верстка, дизайн – Орлов Р.В.
Технический редактор, администратор сайта – Бяков Ю.В.
Ответственный секретарь – Коробцева К.А.

Красноярск 2026

12+

Russian Social and Humanitarian Studies /
Российские социогуманитарные исследования

Peer-reviewed specialized academic journal
Специализированный академический рецензируемый журнал

Periodicity. 4 issues per year / Периодичность. 4 номера в год

Vol. 18, No 3, 2026 / Том 18, № 3, 2026

Учредитель и издатель:
ООО Научно-инновационный центр

Журнал основан в 2009 году
Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер от 20.05.2025 серии ЭЛ № ФС 77-89427)

Журнал **входит** в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Индексирование и реферирование:
РИНЦ
Белый список
Ulrich's Periodicals Directory
Cyberleninka
Google Scholar
DOAJ
BASE
EBSCO
WorldCat
OpenAIRE
ЭБС IPRbooks
ЭБС Znanium
ЭБС Лань

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:
Россия, 660127, Красноярский край, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192
E-mail: editor@soc-journal.ru
https://soc-journal.ru/
+7 (995) 080-90-42

Founder and publisher:
Science and Innovation Center Publishing House

Founded 2009
The edition is registered by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control
Mass media registration certificate EL № FS 77-89427, issued May 20, 2025.

Russian Social and Humanitarian Studies is **included** in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications issued in the Russian Federation, which should publish main scientific results of doctor's and candidate's theses

Indexing and Abstracting:
RISC
White List
Ulrich's Periodicals Directory
Cyberleninka
Google Scholar
DOAJ
BASE
EBSCO
WorldCat
OpenAIRE
IPRbooks
Znanium
Lan'

Editorial Board Office:
9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation
E-mail: editor@soc-journal.ru
https://soc-journal.ru/
+7 (995) 080-90-42

Свободная цена
© Научно-инновационный центр, 2026

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав.кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и телевизионных технологий, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Дегтярев Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, теории и истории государства и права, Сумский государственный университет (Сумы, Украина)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИиГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мациевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Новиков Николай Сергеевич – кандидат философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук ФГКВОУ ВО «Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации» (Новосибирск, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покрищук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Сериккалиева Ажар Ермековна – доктор философии (PhD) по специальности «Востоковедение», зам. декана факультета востоковедения по научно-инновационной деятельности и международному сотрудничеству, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдумановна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеелогии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Приволжский филиал (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI "Higher school of social relationships" (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavricheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department "Foreign Languages and Professional Communication", Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Journalism and Television Technologies, Russian State University named after A.N. Kosygin (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Sergey I. Degtyarev – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law, Theory and History of State and Law, Sumy State University (Sumy, Ukraine)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair "World Languages and Cultures", Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Nikolai S. Novikov – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor of the Department of Humanities and Social Sciences, Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation (Novosibirsk, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Azhar E. Serikkalieva – PhD, Deputy Dean of the Faculty of Oriental Studies in Science and Innovation and International Cooperation, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution "Kirov Regional Museum of Local Lore", Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions "Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen" (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D.), Professor, Leading Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Новейшие подходы в источниковедении / Latest Approaches in Source Studies

Научная статья
DOI: 10.12731/3033-5981-2026-18-3-571
УДК 398:069

Original article
EDN: JRWKIH

«Три музы с грохотом вломились в да Винчи старенький музей»: образ музея в малых жанрах интернет-поэзии

И.А. Гринько[1], А.А. Шевцова[2]
[1]Независимый исследователь, Москва, Российская Федерация
[2]Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Музей как социальный институт сегодня активно трансформируется под влиянием массовой интернет-культуры, что требует поиска новых подходов к изучению его репрезентации и восприятия в обществе. Малые жанры интернет-поэзии выступают ценным антропологическим источником. Их юмористическая природа и абсурдизм вынужденно отталкиваются от реальных культурных стереотипов, позволяя зафиксировать живой социальный интерес к институту музея.

Цель исследования – выявить и проанализировать специфику образа, а также ключевые социальные функции музея, транслируемые в современном сетевом постфольклоре.

Новизна исследования заключается во введении в научный оборот малоизученного корпуса текстов сетевого постфольклора (пирожков, порошков и депрессяшек), рассматриваемых в качестве валидного антропологического источника для анализа музейных брендов. Впервые на стыке массовой и элитарной культур эксплицировано критическое восприятие обществом институциональных проблем музея, включая профессиональные деформации кадров и коммерциализацию наследия.

Материалы и методы. В работе использованы методы контент-анализа и контекстуального анализа. Материалом исследования послужил корпус из 341 текста малых поэтических жанров (пирожки, порошки, депрессяшки, две девятки, артишоки) с профильного ресурса «Поэторий», отобранных по ключевым леммам музейной тематики.

Результаты. Анализ показал, что музей сохраняет прочные позиции в массовой культуре. Его образ амбивалентен: институт воспринимается и как площадка

престижного досугового потребления, и как ценностное явление, формирующее эстетические стандарты. Сюжеты текстов затрагивают самый широкий круг проблем: от понимания самого института музея до трудностей с музейными кадрами. Музею в пост-фольклоре присваивается широкий социальный функционал: от социализации посетителя до формирования стандартов. В сетевом фольклоре четко выделяются несколько ключевых сюжетов. Во-первых, это типология и география мест: лидерами упоминаний выступают музеи-бренды (Эрмитаж, Кунсткамера, Лувр), а мемориальные дома-музеи служат устойчивым культурным архетипом. Во-вторых, подробно описан образ посетителя, мотивы его визита и бытовое поведение, часто связанное со снижением пафоса учреждения через тему алкоголя и общепита. В-третьих, зафиксирован выраженный эротический подтекст, где выставки позиционируются как традиционное пространство для романтических знакомств. Наконец, авторы интернет-поэзии остро реагируют на внутренние проблемы института: «кадровый голод», низкие зарплаты сотрудников, избыточный интерактив, кражи экспонатов и сомнения в подлинности коллекций.

Ключевые слова: постфольклор; интернет-поэзия; музейная антропология; музей; функции музея

Для цитирования. Гринько, И. А., & Шевцова, А. А. (2026). «Три музы с грохотом вломились в да Винчи старенький музей»: образ музея в малых жанрах интернет-поэзии. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, *18*(3), 10-40. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-571

“Three muses burst noisily into the old da Vinci museum”: The image of the museum in small genres of internet poetry

I.A. Grinko[1], A.A. Shevtsova[2]
[1]Independent Researcher, Moscow, Russian Federation
[2]Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

Abstract

Background. As a social institution, the museum is currently undergoing active transformation under the influence of mass Internet culture, which necessitates new approaches to studying its representation and public perception. Minor genres of Internet poetry serve as a valuable anthropological source. Their humorous and absurdist nature inevitably stems from actual cultural stereotypes, making it possible to capture live social interest in the museum as an institution.

Purpose. The study aims to identify and analyze the specific characteristics of the museum's image and its key social functions as transmitted in contemporary online post-folklore.

The scientific novelty of the study lies in introducing a poorly explored corpus of online post-folklore texts (pirozhki, poroshki, and depressyashki) into academic discourse, treating them as a valid anthropological source for analyzing museum brands. For the first time, at the intersection of mass and elite cultures, the paper explicates the public's critical perception of institutional museum issues, including professional deformation of staff and the commercialization of heritage.

Materials and methods. The study employs content analysis and contextual analysis. The research material comprises a corpus of 341 texts belonging to minor poetic genres (pirozhki, poroshki, depressyashki, dve devyatki, artishoki) retrieved from the specialized platform "Poetory" and selected by key lemmas related to museum topics.

Results. The analysis demonstrates that the museum maintains a strong position in mass culture. Its image is ambivalent: the institution is perceived both as a platform for prestigious leisure consumption and as a value-oriented phenomenon that shapes aesthetic standards. The plotlines of the texts touch upon a wide range of issues, from understanding the museum institution itself to challenges concerning museum personnel. In post-folklore, the museum is assigned a broad social functionality ranging from visitor socialization to standard-setting. Several key narratives clearly emerge in online folklore. First, this includes the typology and geography of places: top-tier museum brands (the Hermitage, the Kunstkamera, the Louvre) lead in mentions, while memorial house-museums serve as a stable cultural archetype. Second, the texts thoroughly describe the visitor profile, their motivations, and everyday behavior, which often deconstructs the institution's solemnity through the themes of alcohol and catering. Third, a pronounced erotic subtext is documented, where exhibitions are positioned as a traditional space for romantic encounters. Finally, the authors of Internet poetry keenly react to the internal problems of the institution: "personnel hunger," low staff salaries, excessive interactivity, thefts of exhibits, and doubts regarding the authenticity of collections.

Keywords: post-folklore; internet poetry; museum anthropology; museum; functions of the museum

For citation. Grinko, I. A., & Shevtsova, A. A. (2026). "Three muses burst noisily into the old da Vinci museum": The image of the museum in small genres of internet poetry. *Russian Social and Humanitarian Studies*, *18*(3), 10-40. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-571

Тема взаимоотношений музеев и фольклора как правило сводится к проблематике презентации фольклорных материалов в экспозициях или роли музея в их изучении [1]. При этом отображение музея в

фольклорных текстах редко привлекает внимание исследователей [2; 3], однако подобный материал при всей своей кажущейся экзотичности имеет прикладное значение, поскольку позволяет оценить восприятие этого социального института в обществе и определить наиболее актуальные для реальных и потенциальных аудиторий проблемы.

В данном случае мы решили обратиться к такому источнику как малые жанры интернет-поэзии. Несмотря на относительную молодость жанра он уже попал в фокус внимания исследователей [4-6], причем даже в таких контекстах как формирование национальной идентичности [7] или формирование культурных героев [8].

В качестве основного источника были взяты 341 текст с сайта Поэторий («самый большой сборник малых стихов»[1], который является главным русскоязычном архивом малых поэтических форм.

Формально подавляющее большинство малых поэтических форм имеет авторов, однако при этом, как правило, авторы анонимизированы, а распространение текстов носит очевидно фольклорный характер. Кроме того, отдельные исследователи [9] прямо указывают на фольклорные корни этого жанра. По сути, подобные интернет-формы являются инструментом ретрансляции культурных мемов, и с этой точки зрения важно понять какой образ музея как социального института возникает в этом канале коммуникации. Поиск осуществлялся по ключевым словам и леммам, связанным с музейной деятельностью: музей, выставка, экспонат, экскурсовод, хранитель, а также названиям наиболее известных музеев – Эрмитаж, Третьяковка, Кунсткамера и т. д.

Сразу необходимо уточнить, что для анализа использовались все жанры интернет-поэзии, а именно: пирожки; порошки; депрессяшки; две девятки; артишоки. Первые два жанра представляют собой четверостишия, написанные четырехстопным ямбом. Единственным отличием порошков от пирожков является усеченная последняя строфа. «Две девятки» подразумевают две обязательно рифмованные строки, по девять слогов в каждой, предлагающие другим авторам создавать продолжение.

[1] Поэторий. URL: https://poetory.ru/

Использование подобного материала как антропологического источника обусловлено двумя ключевыми моментами. Во-первых, сквозные темы и сюжеты позволяют оценить уровень социального интереса к социальному институту и его восприятие. Во-вторых, абсурдизм пирожков и порошков [10] и их юмористическая природа [11] так или иначе вынуждены отталкиваться от неких культурных реалий, которые вполне могут быть зафиксированы при исследовании [12].

Кроме того, важно рассматривать пограничные явления, которые возникают на стыке «массовой» и «высокой» культур, а в данном случае еще и онлайн/офлайн культурных феноменов: «*Темы, которые здесь становятся предметом рассмотрения, относятся к области как массовой, так и элитарной культуры. В представленных примерах мы наблюдаем смешение этих двух регистров*» [13, с. 132].

Прежде всего стоит отметить, что некоторые из подобных интернет текстов ставят онтологические вопросы к музеям, одновременно фиксируя актуальные кризисные моменты для этого института и для общества в целом.

скажите што музей такое
это огромный магазин
в котором продают искусство
как сыр как хлеб как молоко[1]
© оман

и посмотрев еду в музее
и деньги тоже посмотрев
идет олег к музею жызни
чтоб посмотреть на эту жызнь
© Shamuel

в онтологическом музее
мы выставляем бытие
чтоб современный обыватель
мог на него хоть посмотреть
© djfedos

[1] Тексты даются в оригинальной орфографии и пунктуации.

Уже по данным текстам видно, что образ музея воспринимается амбивалентно: и как институт досуговой сферы, включенный в процесс коммодификации наследия [14], и как ценностное явление, влияющие на основополагающие элементы жизни.

у министерства маккультуры
родился грандиозный план
открыть везде макэрмитажы
и макконсерватории
© дядюшКаа

Естественно, что этими двумя крайними значениями спектра функционал музея в фольклорных текстах не исчерпывается. В частности, музей продолжается восприниматься как некий институт, отвечающий за формирование **эстетических стандартов** [15] и их ретрансляцию:

лежит прекрасное далёко
в музейном зале под стеклом
и посетители на память
фотографируют его
© ethopmevoila

в метрологическом музее
хранится секса эталон
и стонов этого процесса
баллон
© bu6lik & Брысь

В интернет-поэзии музей выступает и в своей традиционной роли – Кунсткамеры, собрания уникальных или **очень редких объектов**.

аркадий побывал однажды
в музее найденных носков
два экспоната в нём за десять
веков
© iznatomen

При этом сама Кунсткамера (МАЭ им. Петра Великого) в малых поэтических интернет-формах, как и в анекдотах [16], предстает пу-

гающим хранилищем уродцев в банках. Это соответствует первым принципам формирования коллекции первого российского музея: «*Приносить родившихся уродов и всех найденных необыкновенных вещей*» [17], несмотря на то что коллекция доктора Рюйша и другие анатомические диковины, к разочарованию посетителей, уже практически не экспонируются [18].

ещё страшней чем в петербурге
у нас кунсткамера в твери
при том что я ни разу не был
внутри
© Сафо

скелет сынишки невесомый
несу в кунсткамеру продать
а сам сынишка дома с варей
немного мягкий но живой
© Bucho

Такая классическая тема как **музеи в туризме**, при этом почти не нашла отражения в интернет-творчестве: ей посвящены только отдельные тексты, в которых музей представлен как один из ключевых мотиваторов туристических визитов.

в анжеросудженском районе
есть краеведческий музей
поэтому я и приехал
в анжеросудженский район
© korobkow

Исключение в этом кластере – музеи Санкт-Петербурга, в первую очередь, Эрмитаж. В текстах они стабильно входят в топ туристических дестинаций северной столицы, наряду с разводом мостов, Дворцовой площадью и стрелкой Васильевского острова.

идите корюшки поешьте
или шаверму и хычин
и всё запейте тёплым пивом
и в эрмитаж и на мосты
© al cogol

москвич включает телевизор
горит красивый петербург
горят соборы и каналы
горят зенит и эрмитаж
© Сохас

в музей макет приходят люди
смотреть на старый петербург
и уменьшаются в размерах
и остаются навсегда
© Zinaid

Крайне важно отметить, что музей в малых текстах интернет-поэзии остается не просто пространством для социализации [19, 20] и даже инициации (как при приеме в пионеры), но и социально одобряемым «третьим местом».

кто в залах не бывал музейных
поудаляю из друзей, нах
© Костыль

со стенки смотрит добрый ленин
в музее революции
нас принимают в пионеры
мне девять город арзамас
© Неусита

олег идет по амстердаму
и рядом восемнадцать шлюх
наперебой дают советы
в какой музей ему сходить
© Михаил Гаевский & dyrilka & cindy

все хорошо в порядке крыша
смотрю кино хожу в музей
а ты все ниже ниже в списке
друзей
© крожора

Вместе с тем периодически подчеркивается и тот факт, что музей относится к сфере престижного потребления [21] и ориентирован на элитарную публику.

иду я как-то из музея изобразительных искусств
а люди прутся мне навстречу
толпой как саранча
как скот
© kvatanastini

я трачу деньги на билеты
в музеи выставки балет
туда где знаю что уж точно
не встречу никого из вас
© silaev-a

шо за поветрие в музее
приводят всяких вундеркиндш
ищи для них по нашым залам
куинджа
© YaP muzz сафо

Образ **музейного посетителя** вообще является одной из наиболее популярных тем для пирожков, и здесь можно увидеть не только целый спектр мотиваций, побуждающих к визиту в этот культурный институт (социальные контакты, досуг, впечатления), но и оммажи к классическим произведениям, например, стихотворению «В музее Ленина» (С. Михалков, 1949), начальные строки которого «Я поведу тебя в музей» стали профессиональным мемом.

а мне вчера сестра сказала
я поведу тебя в музей
но только в этот раз не надо
кричать проклятья через кляп
© freutmich

всё печальней образ
дамы на холсте
по музеям ходят
мужики не те
© estь & ХатяКо

чтоб утолить культурный голод
глеб срочно забежал в музей
но с непривычки обожрался
и некультурно стал блевать
© Листо4ек

в музее мягкая дорожка
понравилась евгению
он на часок спешит с работы
её почувствовать ногой
© Кошкин

Иногда в текстах фиксируются не всегда очевидные для музейного сообщества аспекты, например гендерный дисбаланс аудиторий и тот факт, что инициатива похода в музей в семейных парах, как правило, исходит от женщин.

муж в музее вяло
галстук теребя
интеллектуала
корчил из себя
© LeoSing

пока я был с ней в эрмитаже
успел вздремнуть на лавке даже
© KB

Поведение, входной нарратив и фокус интереса туристов-экскурсантов можно выделить в отдельный сюжет:

валлийцы ждали от туристов
экскурсий шопинга селфей
а федор конюхов причалив
съел фей
© Нестер Пим

скажите в вашем эрмитаже
где той царицы то кровать
на коей спал распутин гришка
и замышлял переворот
© Mathy

смотрю на яйца в эрмитаже
а это яйца фаберже
я о такой породе куриц
не слышал раньше никогда
© Неусита

По мнению создателей малых форм интернет-поэзии, часто посетителей интересует в музее не объекты показа, а точки общепита. Излюбленный прием снижения пафоса – подчеркнуто неуместные в культурном учреждении продукты питания, алкоголь или бытовые предметы.

была в кафе на крыше лувра
ходила кушать в колизей
так вот зачем людьми придуман
музей
© Клюква

тебя я встретил в эрмитаже
не помню век страну этаж
ты там под лестницею ела
беляш
© ЯКатюня

петербуржец любит
лёгкий эпатаж
со своим портвейном
ходит в эрмитаж
© Серафима Макарова

к чертям всю вашу третьяковку
сказал расстроенный олег
когда на входе отобрали
вино закуску и мангал
© Анна Алексеева

Показательно, что в пирожках находят отражения относительно современные тенденции, например музей, выступающий в роли хранилища социальной памяти и персонального прошлого, формирующий эмпатию и эмоциональный интеллект.

я поведу тебя сегодня
в музей трубопроводных войск
там ты узнаешь наконец-то
каким героем был отец
© Дей

Традиционным для подобных жанров, как и для многих фольклорных, является **эротический подтекст.** Музей редко рассматривается в контексте эротической культуры [22; 23], хотя при этом часто подобные сюжеты возникают в массовой культуре [24] (Водолазкин, 2010), и это находит свое отражение в интернет-фольклоре.

в зоологическом музее
на экспонат смотрю и ржу
листа кленового не хватит
моржу
© Погоня

в музее секса в ночь музеев
ты мне назначил рандеву
ну почему опять не в загсе
реву
© Мурка

вполне фертильна нефертити
видал в музее ейный бюст
© Олег Олег

венера голая в музее
стоит бедняжка двести лет
и только грузчики хватают
её за разные места
© Моргенмуффель

в музей классического секса
проникли пятеро в чулках
и утащили два оргазма
работы старых мастеров
© chefho

вот мы росли без интернета
бывало в пушкинский музей
придёшь и хоть весь день на сиськи
глазей
© стрелец

При этом музеи и выставки позиционируются как площадки для романтических знакомств. существует устойчивая **формула соблазнения** – сначала Эрмитаж (музей, вернисаж, выставка), потом – секс, которой следуют мужчины, желая произвести впечатление.

цена оксаны двадцать тысяч
в неё вошел один музей
три ресторана и немного
недорогого божоле
© Оман

культурный человек оксану
всегда на выставку ведёт
потом всегда ведёт на вставку
к себе в квартиру или в дом
© Сохас

приезжих девушек эстеты
ведут с вокзала в эрмитаж
и как ты после эрмитажа
не дашь
© poltergeist & стрелец

Копрологические коннотации, наряду с эротическими, также вполне традиционны для интернет-фольклора.

в музее кал окаменелый
хранитель бережно хранит
то смеряет температуру
то сбрызнет шыпром то протрёт
© дядюшКаа

в далеком будущем музее
хранится древний артефакт
засохшый памперс космонавта
со слоганом эксельсиор
© дядюшКаа

Как и в текстах анекдотов [25], в малых формах интернет-поэзии тема музеев сопряжена с темой **краж объектов наследия,** которая вызывает большой интерес у широких аудиторий [26].

вынесли с музея
днём под ай нанэ
лошадей сислея
всадницу мане
© Детерминист

в музее мумию украли
хотя как смерть она страшна
а я красивая такая
одна
© adams & nasarogka

мы вора били всем музеем
при входе ли на этаже ль
не помню где но получилось
под гжель
© Koka

цыгане были в эрмитаже
и с громким криком айнанэ
украли все картины клода
моне
© djfedos

Одновременно с этим в имеющихся сюжетах похищение наследия не одобряется и связано с неотвратимостью наказания.

олег украл в музее люстру
к себе на дачу приволок
теперь ему винтажность светит
и срок
© Юлия Сердинская

Тема **музейных экспонатов** в этом контексте представлена гораздо скромнее, но и здесь были затронуты самые разные сюжеты, начиная с несоответствия коллекций и экспозиций музеев их официальному функционалу.

плешивым чучелом енота
и лысым чучелом песца

привил любовь к родному краю
мне краеведческий музей
© dingo

Авторы пирожков и порошков, как и карикатуристы, используют в своих поэтических текстах мемы, связанные с культурой: несколько наиболее известных имен художников и узнаваемых произведений-экспонатов.

на реставрацию венеру
в москву к зурабу занесло
теперь в руках огромных держит
весло
© Гамма

барталамью камаз наличных
паркует у музейных касс
и говорит мне тонну свежих
пикасс
© B0JI

прикрывшись фиговым листочком
давид смущал девичий дух
ведь не справляется с задачей
лопух
© Евгений Лапутько & шы

чтоб заценить мне мону лизу
здесь не хватает тела снизу
©¡Good Luck!

Также затрагивается и крайне важная тема **подлинности** экспонатов, которая ставится под вопрос, несмотря на провозглашаемый самими музеями приоритет подлинников.

в музеях нету мумий мумий
и чучел чучел не найти
а копий копий сколько хочешь
и слепки слепков тоже есть
© iLLiCH

Авторы пирожков не прошли мимо и новых тенденций к концептуализации тематических музеев, и абсурдистский характер текстов особенно подчеркивает эту тему.

весло откушенные пальцы
талон к врачу и карту рек
я осмотрел в музее раков
и грек
© Ольга Ступина

доисторических трамваев
осталось в мире только два
вчера в музее любовался
скелетом одного из них
© mihafrodo

Создатели пирожков, порошков, депрессяшек и проч. азартно изобретают музеи для людей будущего. Среди них – наркологический, «памяти оксаны», лохов, рока, рож, тропических муссонов, полного порядка, вымерших существ, пустых абстракций, «самоваров и тул», продуктов, победы над собой и т. п.

седой биолог нас приводит
в музей генетики нии
вот пушкин но стреляет метко
вот гоголь дышит под землей
© olya_k_vlasti

я поздно ночью для банкета
визжа и требуя князей
был в истерический отправлен
музей
© Муррр

В пирожки попали и такие явления как **квази-музеи**, эксплуатирующие образ музея, но, как правило, не работающие непосредственно с материальным наследием, и зачастую являющиеся ресторанами, магазинами и т. д.

в музее русского десерта
стоит один большой десерт

на нем написано россия
его боятся разрезать
© vera

открыл в кустах писатель пришвин
собак охотничьих музей
один другого экспонаты
борзей
© лыжа

в музей картошки поступило
две тыщи жалоб от людей
что к экспонатам не хватает
сельдей
© лыжа

Одновременно с этим в фольклоре находится место и таким сюжетам, как **цифровое наследие** в музее.

когда нибудь среди раскопок
найдут потомки этот сайт
и со слезами умиленья
его в музеи понесут
© freutmich

В интернет-поэзии можно найти отсылки на чрезмерное увлечение музеев интерактивными элементами.

так проникновенно смотрит бомж с холста
что в музей приходят тяпнуть с ним полста
© Мишачок

а в этой склянке смысыл жизни
прошелестел экскурсовод
нет посмотреть нельзя но можно
сфотографироваться с ним
© 0331

олег пришел в музей квартиру
и меж экскурсионных групп

скользит в огромных тапках в кухню
и ставит чайник на плиту
© nafankin

В последнем пирожке обыгрывается и одна из классических деталей традиционного быта мемориальных музеев – войлочные шлепанцы для посетителей.

Показательно, что обозначенная даже в официальных исследованиях Министерства культуры Российской Федерации проблема «кадрового голода» также регулярно фиксируется в интернет-фольклоре. Причем этот сюжет не просто является одним из самых популярных в пирожках, но и охватывает практически все группы музейных сотрудников: от смотрителей до топ-менеджмента.

художник требовал немедля
прогнать к чертям музейный штат
когда увидел вверх ногами
квадрат
© KadroviCHka72

у нас опять текучка кадров
в музее беснovался чорт
смотри ещо одна икона
течот
© Олег Олег

у меня знакомый есть искусствоед
с ним в музей опасно заходить в обед
© shpul'ka

ложи на стол изрёк директор
каталог ихних жалюзей
и вздрогнул наш литературный
музей
© AG

в зоологическом музее
рассыпан игуанодон

а это все уборщик петя
гондон
© Dennis Mckay & Enotas & Дед Митрий

Зарплата музейных сотрудников, по мнению создателей пирожков, также оставляет желать лучшего:

музей естествоиспытанья
пытает павла естество
он выдаёт ему зарплату
доисторическим говном
© Bucho

зарплату выдали котами
мне дали в кассе четырёх
как будто больше в эрмитаже
зарплату нечем выдавать
© моргенмуффель

При этом работа в музее осмысляется иногда показана как скучная и откровенно бессмысленная.

я проверяю в третьяковке
по вечерам и по утрам
число картин по каталогу
и рам
© ИгРон

служивый люд по третьяковке
снуёт весь день туда сюда
там с передвижниками вечно
беда
© G@L

в музее по ночам аркадий
дежурит в зале номер два
а днем он чучело с табличкой
сова
© Виконт & СапсанOff

Отдельное внимание среди **музейных сотрудников** уделяется, по объективным причинам, представителям первой линии, непо-

средственно работающим с посетителями: смотрителям (классический мем – «бабушки в музее»), охранникам, экскурсоводам и т. д.

сквозь сон я слышу хватит дрыхнуть
вставай оксана и иди
в музей иди на лабутенах
оксана ты экскурсовод
© Неусита

от экспоната к экспонату
по полу гладкому скольжу
вокруг музейные бабульки
меня пытаются обнять
© Кошкин

раз в эрмитаже ночью
дрались зевс марс гефест и апполон
заходят бабушки наутро
– разгром
© Dennis Mckay

порой смотрительница зала
сморкалась громко в кружева
чтоб все в музее понимали
жива
© LadyMary

в красивом маленьком музее
внутри нет вовсе ничего
хранитель строгий бдит на входе
чтобы чего не принесли
© дядюшКаа

Профессиональная пригодность и уровень знаний экскурсоводов – отдельный кластер сюжетов.

а в этой клетке простокваша
нам говорит экскурсовод
не задавайте мне вопросов
я просто излагаю факт
© Aeolus

ван гог великий живописец
нам объявил экскурсовод
и неуверенно добавил
жан клод
© Arman Teo

на этом месте плыл чапаев
сказал илье экскурсовод
и воздух перед ним руками
раздвинул в стиле баттерфляй
© Сыр

бродя по выставке норштейна
норштейна выставил за дверь
там чудеса там леший бродит
продолжил нам экскурсовод
© ДракОн

вот здесь на этом самом месте
пробормотал экскурсовод
и вдруг завыл упал на землю
и начал биться головой
© bug

Тема **культуры гостеприимства** также не прошла мимо создателей пирошков, хотя количество текстов, ей посвященных, крайне невелико, что можно считать косвенным показателем удовлетворенности посетителей качеством предоставляемых услуг.

в музее будут выставляться
все посетители за дверь
© venerahot muzz AM

старушки в питерских музеях
от года к году все борзее
© Тайфа

вы что из леса закричала
экскурсовод на весь музей

я задрожал прикрыв руками
карманы полные волчат
© Stuart Tusspot

В последнем тексте музей вновь предстает перед нами пространством воспитания и жесткой социализации, где взрослому человеку сплошь и рядом делают замечания.

Одновременно музей в интернет-поэзии может стать также пространством страха и одиночества, хотя при этом символы настоящего зла, став музейными экспонатами, перестаюьт пугать под налетом пыли и обыденности. Здесь отражается как классическая музейная мифология, так и произведения современной массовой культуры («Ночь в музее», 2006 реж. Ш. Леви).

страшней всего когда на шею
вдруг опускается лассо
а ты один стоишь в музее
тюссо
© МакС

по тихим залам эрмитажа
гуляют русские цари
бесшумно проходя сквозь стены
и редких посетителей
© Мишачок

набит опилками и отдан
в зоологический музей
зверь чебурашка не нашедший
друзей
© Filipolya

в ночном музее мимо чучел
ведет сынишку земленавт
вот гном вот орк сынок а это
редчайший карликовый тролль
© scare_bird

в уютном маленьком музее
сидит на троне сотона

и дети жвачку прилепляют
и паутина между рог
© дядюшКаа

Есть единичные примеры анализа глобальных музейных проблем, в частности тяга музеев к гигантизму.

несусь по галереям лувра
в болиде формулы один
под двести скорость за секунду
картин
© Amico

Гораздо популярнее у создателей интернет-фольклора тема качества экспозиций.

вернулся с выставки убитым
попал под жуткий арт обстрел
© Mml

нет посетителей немало
на этой выставке картин
но большинство из них одеты
в хитин
© Олег Олег

я сделал восемь фотографий
теперь фотограф я друзья
на выставку мою спешите
в остяквогульский фотоклуб
© the axy

картина господи исусе
висит в музее а за ней
картина господи помилуй
картина господи прости
© Sonyushka

геннадий львович в третьяковку
пришол с картиною своей
и незаметно в коридоре
её повесил в уголке
© Coxac

Вместе с тем, музеям и галереям все же удается следить за художественным уровнем экспонатов, и это опять же говорит о них, как институтах, задающих стандарты качества.

как выдающийся художник
без промедления теперь
я выставляюсь в галереях
за дверь
© sav_olga

Если говорить о **типологии музеев**, то помимо художественных, чаще всего встречаются отсылки к мемориальным музеям или домам-музеям, которые в данном случае являются своеобразным архетипом музея.

вот дом музей петра петрова
он помер не оставив нам
полотен книг или симфоний
вот только этот дом музей
© дядюшКаа

в дом не приглашаю никогда друзей
чтобы не топтали будущий музей
© Сыр

когда умру меня сожгите
развейте пепел на ветру
на дом с моим нехитрым скарбом
прибейте вывеску музей
© bespamiatnyh

ты знаешь я живу в музее
квартире имени себя
когда умру то ты однажды
ко мне с экскурсией придёшь
© ab

В единичных случаях фольклор касается и неспециализированных видов музейной работы, например, SMM.

вчера узнал что третьяковка
не баба вовсе а музей
и удалил его к чертям
из друзей
© ОК

В данном случае любопытна фиксация тренда на антропологизацию музейных брендов, которая сегодня проявляется в социальных сетях [27].

Кроме того, здесь важно отметить, что малые формы интернет-поэзии, как и другие фольклорные тексты являются довольно точным инструментом для фиксации реально существующих музейных брендов. Здесь мы видим полное совпадение с текстами анекдотов, где российскими музеями-брендами являются лишь несколько институций: Государственный Эрмитаж, Кунсткамера, Русский музей, Государственная Третьяковская галерея и Государственный музей изящных искусств им. А.С. Пушкина. Среди зарубежных музеев лидер по частоте упоминаний – Лувр.

концептуальное искусство
нечаянно создал вадим
его стошнило в эрмитаже
перфоманс зашептал народ
© никоролева

Подводя итоги, можно отметить следующие важные моменты:

- относительно большой корпус текстов говорит о сохранении позиций музея в современной массовой культуре;

- музею в пост-фольклоре присваивается широкий социальный функционал: от социализации посетителя до формирования стандартов;

- фокус внимания авторов «текстов» сосредоточен на наиболее медийных и актуальных проблемах: поведение посетителей, уровень музейных кадров, музейные кражи;

- большое количество эротических сюжетов связано как с природой фольклорных текстов, так и с восприятием музея в массовой культуре;

- вместе с тем, в текстах ставятся и ключевые проблемы институционального развития музея: его исторические смыслы, принципы музеефикации, противоречия коммодификации и наследия.

Список литературы

1. Mahmud, F. (2013). Folklore and the museum. *Saarc Culture*, *4*, 3–18.
2. Ипполитова, А. Б. (2010). Исследование музейного фольклора: к постановке проблемы. В М. Д. Алексеевский, В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова (Сост.), *Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 13: Традиционная культура современного города: сб. научн. ст.* (с. 272–286). Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора. EDN: https://elibrary.ru/UXWWZY
3. Гринько, И. А. (2021). Анекдот как источник для музейной антропологии: анализ социокультурных функций музеев. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований* (1), 174–187. https://doi.org/10.23951/2307-6119-2021-1-174-187. EDN: https://elibrary.ru/MNDQQV
4. Кронгауз, М. А. (2019). Переосмысление текста и мотив превращения в малом жанре интернет-поэзии («Порошок»). *Слово.ру: балтийский акцент*, *10*(4), 109–126. EDN: https://elibrary.ru/RQQAAR
5. Чемезова, И. А. (2019). Неустранимая тяга к креативности, или прецедентная языковая игра в Интернет-сообществах (на примере сообщества «порошки»). *Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива*(2), 151–161. https://doi.org/10.26170/ufv19-02-13. EDN: https://elibrary.ru/ZYRSVV
6. Ковшова, М. Л., & Кронгауз, М. А. (2024). *Смех не без причины. Язык и механизмы комического в новых жанрах интернет-поэзии: монография*. Москва: Дискурс. 208 с. EDN: https://elibrary.ru/AEPERZ
7. Степанова, А. С. (2023). Конструирование русской национальной идентичности в малых юмористических формах интернет-поэзии. *Коммуникативные исследования*, *10*(2), 253–271. https://doi.org/10.24147/2413-6182.2023.10(2).253-271. EDN: https://elibrary.ru/ALNGDE
8. Кронгауз, М. А. (2024). Стереотипы о культурных героях в комической интернет-поэзии: их развитие и разрушение. *Шаги/Steps (*1), 240–269. https://doi.org/10.22394/2412-9410-2024-10-1-240-269. EDN: https://elibrary.ru/GHBNAG
9. Петренко, С. Н. (2014). Пирожки и порошки: сетевая поэзия между фольклором и литературой. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета* (7), 129–135. EDN: https://elibrary.ru/TALVHB
10. Петренко, С. Н. (2017). *Жанровые модели постфольклора в русской постмодернистской литературе последней четверти XX – начала XXI века* (Автореф. дис. … канд. филол. наук). Волгоград. EDN: https://elibrary.ru/ZQCZHT

11. Кронгауз, М. А., & Ковшова, М. Л. (2024). *Смех не без причины. Язык и механизмы комического в новых жанрах интернет-поэзии*. Москва: Дискурс. 208 с.
12. Гринько, И. А., & Шевцова, А. А. (2025). *Антропология недосказанного: табуированные темы в послевоенной советской карикатуре*. Москва: Новое литературное обозрение. 256 с.
13. Петренко, С. Н. (2014). Пирожки и порошки: сетевая поэзия между фольклором и литературой. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета* (7), 129–135. EDN: https://elibrary.ru/TALVHB
14. Копытофф, И. (2006). Культурная биография вещей: товаризация как процесс. В В. Вахштайн (Ред.), *Социология вещей: сб. ст.* (с. 134–166). Москва: Территория будущего. EDN: https://elibrary.ru/PPNXXN
15. Гринько, И. А. (2022). *Музейная антропология в современном музейном менеджменте: задачи и инструментарий* (Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: специальность 07.00.07 «Этнография, этнология и антропология»). Москва. 433 с. EDN: https://elibrary.ru/VOGSZU
16. Гринько, И. А. (2021). Анекдот как источник для музейной антропологии: анализ социокультурных функций музеев. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований* (1), 174–187. https://doi.org/10.23951/2307-6119-2021-1-174-187. EDN: https://elibrary.ru/MNDQQV
17. Радзюн, А. (2024, 28 июля). «Приносить родившихся уродов и всех найденных необыкновенных вещей». Подлинная история и значение анатомических коллекций Кунсткамеры для российской науки. *Кунсткамера*. http://y.kunstkamera.ru/anatomic_collections/ (дата обращения: 13.07.2025)
18. Себелева, И. (2025, 16 апреля). «Хотели посмотреть уродцев в банках, а их уже нет»: куда делась самая знаменитая анатомическая коллекция Кунсткамеры? *Вокруг света*. https://www.vokrugsveta.ru/news/khoteli-posmotret-urodcev-v-bankakh-a-ikh-uzhe-net-kuda-delas-samaya-znamenitaya-anatomicheskaya-kollekciya-kunstkamery-id6308767/ (дата обращения: 13.07.2025)
19. Дукельский, В. Ю. (2007). Пространство публичного одиночества. В *Музей и личность* (с. 6–14). Москва: РИК.
20. Duncan, C. (1995). *Civilizing rituals: Inside public art museums* (Re Visions: Critical Studies in the History and Theory of Art). Routledge. 192 p.
21. Веблен, Т. (1984). *Теория праздного класса*. Москва: Прогресс. 368 с.
22. Frost, S. (2013). Museums and sexuality. *Museum International* (1–4), 16–25. https://doi.org/10.1111/muse.12029
23. Marcus, J. (2013). Towards an erotics of the museum. In *Cultural Encounters* (pp. 229–244). Routledge.

24. Водолазкин, Е. Г. (2010). *Соловьев и Ларионов*. Москва: АСТ. 370 с.
25. Гринько, И. А. (2021). Анекдот как источник для музейной антропологии: анализ социокультурных функций музеев. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований* (1), 174–187. https://doi.org/10.23951/2307-6119-2021-1-174-187. EDN: https://elibrary.ru/MNDQQV
26. Финкель, М. (2024). *Музейный вор. Подлинная история любви и преступной одержимости*. Москва: Азбука-Аттикус. 320 с.
27. Гринько, И. А. (2020). Музейный тотемизм. *Этнодиалоги* (1), 169–177. https://doi.org/10.37492/ETNO.2020.59.1.010. EDN: https://elibrary.ru/NAGOYH

References

1. Mahmud, F. (2013). Folklore and the museum. *Saarc Culture*, *4*, 3–18.
2. Ippolitova, A. B. (2010). Researching museum folklore: Framing the problem. In M. D. Alekseevsky, V. E. Dobrovolskaya, A. B. Ippolitova (Comps.), *Slavic traditional culture and the modern world. Issue 13: Traditional culture of the modern city: Collected research articles* (pp. 272–286). Moscow: State Republican Center of Russian Folklore. EDN: https://elibrary.ru/UXWWZY
3. Grin'ko, I. A. (2021). The anecdote as a source for museum anthropology: An analysis of the sociocultural functions of museums. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropological Research* (1), 174–187. https://doi.org/10.23951/2307-6119-2021-1-174-187. EDN: https://elibrary.ru/MNDQQV
4. Krongauz, M. A. (2019). Rethinking the text and the motif of transformation in a minor genre of internet poetry ("Poroshok"). *Slovo.ru: Baltic Accent*, *10*(4), 109–126. EDN: https://elibrary.ru/RQQAAR
5. Chemezova, I. A. (2019). The irrepressible pull of creativity, or precedent-based language play in internet communities (the case of the "poroshki" community). *Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of Creativity* (2), 151–161. https://doi.org/10.26170/ufv19-02-13. EDN: https://elibrary.ru/ZYRSVV
6. Kovshova, M. L., & Krongauz, M. A. (2024). *Laughter not without reason. Language and mechanisms of the comic in new genres of internet poetry: A monograph*. Moscow: Diskurs. 208 p. EDN: https://elibrary.ru/AEPERZ
7. Stepanova, A. S. (2023). Constructing Russian national identity in minor humorous forms of internet poetry. *Communicative Studies*, *10*(2), 253–271. https://doi.org/10.24147/2413-6182.2023.10(2).253-271. EDN: https://elibrary.ru/ALNGDE
8. Krongauz, M. A. (2024). Stereotypes about cultural heroes in comic internet poetry: Their development and destruction. *Shagi/Steps* (1), 240–269. https://doi.org/10.22394/2412-9410-2024-10-1-240-269. EDN: https://elibrary.ru/GHBNAG

9. Petrenko, S. N. (2014). Patties and powders: Internet poetry between folklore and literature. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University* (7), 129–135. EDN: https://elibrary.ru/TALVHB
10. Petrenko, S. N. (2017). *Genre models of postfolklore in Russian postmodernist literature of the last quarter of the 20th — early 21st century* (Author's abstract of Candidate of Philological Sciences dissertation). Volgograd. EDN: https://elibrary.ru/ZQCZHT
11. Krongauz, M. A., & Kovshova, M. L. (2024). *Laughter not without reason. Language and mechanisms of the comic in new genres of internet poetry*. Moscow: Diskurs. 208 p.
12. Grin'ko, I. A., & Shevtsova, A. A. (2025). *Anthropology of the unsaid: Taboo topics in postwar Soviet caricature*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. 256 p.
13. Petrenko, S. N. (2014). Patties and powders: Internet poetry between folklore and literature. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University* (7), 129–135. EDN: https://elibrary.ru/TALVHB
14. Kopytoff, I. (2006). The cultural biography of things: Commoditization as process. In V. Vakhshtain (Ed.), *Sociology of things: Collected articles* (pp. 134–166). Moscow: Territoriya Budushchego. EDN: https://elibrary.ru/PPNXXN
15. Grin'ko, I. A. (2022). *Museum anthropology in modern museum management: Tasks and tools* (Doctoral dissertation in Historical Sciences: Specialty 07.00.07 "Ethnography, Ethnology and Anthropology"). Moscow. 433 p. EDN: https://elibrary.ru/VOGSZU
16. Grin'ko, I. A. (2021). The anecdote as a source for museum anthropology: An analysis of the sociocultural functions of museums. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropological Research* (1), 174–187. https://doi.org/10.23951/2307-6119-2021-1-174-187. EDN: https://elibrary.ru/MNDQQV
17. Radzyun, A. (2024, July 28). "To bring the born freaks and all the unusual things that may be found". The true history and significance of the anatomical collections of the Kunstkamera for Russian science. *Kunstkamera*. http://y.kunstkamera.ru/anatomic_collections/ (accessed: 13.07.2025)
18. Sebeleva, I. (2025, April 16). "We wanted to see the freaks in jars, but they are gone": Where did the most famous anatomical collection of the Kunstkamera go? *Vokrug Sveta*. https://www.vokrugsveta.ru/news/khoteli-posmotret-urodcev-v-bankakh-a-ikh-uzhe-net-kuda-delas-samaya-znamenitaya-anatomicheskaya-kollekciya-kunstkamery-id6308767/ (accessed: 13.07.2025)
19. Dukelsky, V. Yu. (2007). The space of public solitude. In *Museum and Personality* (pp. 6–14). Moscow: RIK.
20. Duncan, C. (1995). *Civilizing rituals: Inside public art museums* (Re Visions: Critical Studies in the History and Theory of Art). Routledge. 192 p.

21. Veblen, T. (1984). *The theory of the leisure class*. Moscow: Progress. 368 p.
22. Frost, S. (2013). Museums and sexuality. *Museum International* (1–4), 16–25. https://doi.org/10.1111/muse.12029
23. Marcus, J. (2013). Towards an erotics of the museum. In *Cultural Encounters* (pp. 229–244). Routledge.
24. Vodolazkin, E. G. (2010). *Soloviev and Larionov*. Moscow: AST. 370 p.
25. Grin'ko, I. A. (2021). The anecdote as a source for museum anthropology: An analysis of the sociocultural functions of museums. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropological Research* (1), 174–187. https://doi.org/10.23951/2307-6119-2021-1-174-187. EDN: https://elibrary.ru/MNDQQV
26. Finkel, M. (2024). *The art thief. A true story of love, crime, and a dangerous obsession*. Moscow: Azbuka-Attikus. 320 p.
27. Grin'ko, I. A. (2020). Museum totemism. *Etnodialogi* (1), 169–177. https://doi.org/10.37492/ETNO.2020.59.1.010. EDN: https://elibrary.ru/NAGOYH

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Гринько Иван Александрович, доктор исторических наук, независимый исследователь, автор канала «Школа прикладной музеологии»
г. Москва, Российская Федерация
iagrinko@yandex.ru
SPIN-code: 1477-6946
ResearcherID: GNH-2730-2022
Scopus Author ID: 57208665502

Шевцова Анна Александровна, доктор исторических наук, заместитель декана факультета регионоведения и этнокультурного образования, Институт социально-гуманитарного образования
Московский педагогический государственный университет
ул. Малая Пироговская, 1 стр. 1, г. Москва, 119435, Российская Федерация
ash@inbox.ru
SPIN-code: 7342-5909

DATA ABOUT THE AUTHORS

Ivan A. Grinko, Doctor of Historical Sciences, Independent Researcher, Author of the 'School of Applied Museology' channel
Moscow, Russian Federation
iagrinko@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1594-0244
SPIN-code: 1477-6946

ResearcherID: GNH-2730-2022
Scopus Author ID: 57208665502

Anna A. Shevtsova, Doctor of Historical Sciences, Deputy Dean of the Faculty of Regional Studies and Ethnocultural Education, Institute of Social and Humanitarian Education
Moscow Pedagogical State University
1, bldg. 1, Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119435, Russian Federation
ash@inbox.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3602-4728
SPIN-code: 7342-5909

Поступила 03.07.2026
После рецензирования 05.08.2026
Принята 09.08.2026

Received 03.07.2026
Revised 05.08.2026
Accepted 09.08.2026

Вопросы этнокультурного разнообразия и идентичности / Ethnocultural Diversity and Identity Issues

Научная статья Original article
DOI: 10.12731/3033-5981-2026-18-3-611 **EDN:** JVWUCI
УДК 1:316.60

Блогосфера как инструмент актуализации этнической идентичности в цифровой среде

С.А. Шигаева
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. В статье рассматривается феномен блогосферы как инструмент актуализации этнической идентичности в цифровой среде в виртуальных этносообществах. Исходя из особенностей интернет-пространства, автор выявляет механизмы формирования этнических образов и их роль в формировании идентичности в сетевом медиапространстве. В работе особое внимание уделено вопросу виртуальной этнокультурной идентичности в рамках блогосферы, которая актуализирует этнокультурные репрезентации. Статья исследует практики этноблогеров по конструированию виртуальной этнической идентичности.

Цель – выявление специфических механизмов и векторов трансформации этнокультурной идентичности в условиях цифровой среды и роли блогосферы как ключевой институциональной площадки для формирования и трансляции этнокультурной идентичности.

Методы. Методологическую основу исследования составляет комплексная философско-антропологическая рефлексия, которая осмысливает трансформацию репрезентаций этничности в условиях цифровой среды. Этническая идентичность в виртуальном пространстве рассмотрена такими методам социальной философии как: системный анализ, герменевтика, диалектика и феноменология. Данные методы позволяют интерпретировать репрезентации этнической идентичности в рамках сетевых сообществ. Феноменологический анализ блогосферы был использован как инструмент изучения этнической идентичности в виртуальной среде, для определения какие способы она использует для поддержания и популяризации этнокультуры.

Результаты. В ходе исследования был сделан вывод о том, что блогосфера используется как инструмент актуализации этнической идентичности в виртуаль-

ных этносообществах и способствует преемственности передачи этнокультурных знаний и популяризации культуры, адаптируя позиционирование этничности к интернет-пространству. Результаты работы имеют практическую значимость для демонстрации возможностей блогосферы для репрезентации этнической культуры и возрождения этничности через цифровые каналы коммуникаций и рассмотрения этого феномена как социально значимого элемента информационного общества.

Ключевые слова: этнос; этническая идентичность; интернет; виртуальная этническая идентичность; этноблогинг; этническая культура; этнокультурный образ; социальные медиа

Для цитирования. Шигаева, С. А. (2026). Блогосфера как инструмент актуализации этнической идентичности в цифровой среде. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, *18*(3), 41-65. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-611

The blogosphere as a tool for contemporary ethnic identity construction in the digital environment

S.A. Shigaeva
Nizhny Novgorod State Linguistic University
named after N.A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract

Background. The article examines the phenomenon of blogosphere as a tool for updating ethnic identity in the digital environment in virtual ethnic communities. Based on the peculiarities of the Internet space, the author identifies the mechanisms of formation of ethnic images and their role in the formation of identity in the online media space. The paper pays special attention to the issue of virtual ethno-cultural identity and how ethno-cultural representation practices are implemented within the blogosphere. The article explores the practices of ethnobloggers in constructing a virtual ethnic identity.

The **purpose** of the work is to identify the specific mechanisms and vectors of transformation of ethnocultural identity in the digital environment and the role of the blogosphere as a key institutional platform for the formation and transmission of elements of ethnocultural identity.

Materials and methods. The methodological basis of the research is a comprehensive philosophical and anthropological reflection, which analyses the transformation of representations of ethnicity in a digital environment. Ethnic identity in the virtual space is considered by such methods of social philosophy as: system analysis, hermeneutics, dialectics and phenomenology. These methods make it possible to interpret the representations of ethnic identity within online communities. The phenomenological

analysis of the blogosphere was used as a tool for studying ethnic identity in a virtual environment as to determine which ways it uses to maintain and popularize ethnic culture.

Results. The study concluded that the blogosphere is used as a tool for updating ethnic identity in virtual ethnic communities and contributes to the continuity of the transfer of ethnocultural knowledge and the popularization of culture, adapting the positioning of ethnicity to the Internet space. The results of the work are of practical importance for demonstrating the possibilities of the blogosphere for the representation of ethnic culture and the revival of ethnicity through digital communication channels.

Keywords: ethnicity; ethnic identity; internet; virtual ethnic identity; ethnoblogging; ethnic culture; ethnocultural image; social media

For citation. Shigaeva, S. A. (2026). The blogosphere as a tool for contemporary ethnic identity construction in the digital environment. *Russian Social and Humanitarian Studies*, *18*(3), 41-65. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-611

Введение

Развитие цифровых технологий существенным образом повлияло на повседневные практики жизнедеятельности, потребности, ценности и привычки. Современные люди живут в условиях, когда локальные практики связаны с глобальными социальными отношениями, в которых организуются основные аспекты повседневной жизни, которая адаптируется к новым условиям, с одной стороны, связанных с поддержанием социальных связей, установленных в условиях соприсутствия, а с другой стороны, с развитием веры в символические и экспертные системы. Обыденные практики, интегрированные в абстрактные символические и экспертные системы, представляются главными для онтологической безопасности в современных условиях [8].

Поиск доверия и точки опоры становится поиском идентичности, который выступает как часть рефлексии современности. Поиск идентичности происходит в рамках абстрактной системы Интернета, среди ее стратегий и вариантов выбора. Идентичность строится на доверии, через развитие персонализированных контекстов, путем раскрытия себя перед другими.

Феномен современности описывается четырьмя диалектическими характеристиками у Э. Гидденса: отсутствие привязанности к

определенному месту, пересечение близости и безличности (личное доверие и безличные связи), экспертность и компетентность абстрактных систем, приватность и вовлеченность. Включенность людей в глобальные культурные и информационные потоки создает феномен появления глобализованных сообществ коллективного опыта, в которых пересекаются многие формы деятельности в этой публичной сфере. Цифровые средства коммуникации создают феномены пространственно-временной организации современности, которые модифицируют социальные отношения и формируют новые повседневные практики и навыки самовыражения и самопознания. И одним из таких феноменов выступает блогосфера.

Цель исследования – выявить специфические механизмы и векторы трансформации этнокультурной идентичности в условиях цифровой среды и определить роль блогосферы как ключевой институциональной площадки для формирования и трансляции этнокультурной идентичности. Задачи исследования: провести анализ этнической идентичности; рассмотреть и проанализировать виртуальную идентичность; выявить специфику современного виртуального пространства; проанализировать феномен блогосферы и формы репрезентации этнической идентичности в ее рамках.

Новизной исследования является выделение сферы этноориентированного блогинга как способа демонстрации этнической идентичности в виртуальной сетевой среде. В рамках институциональных площадок блогосферы создаются новые варианты социокультурных практик этносообществ, формируются этнические образы с применением цифровых средств. В рамках онлайн-пространства происходит опосредованное общение, в социальных сетях приобщаются важным составляющим этничности: к значимому этнокультурному и историческому контенту, традициям, обычаям, ритуалам, фольклору, языку. Здесь идет процесс социального конструирования этнических общностей, выстраиваются социальные отношения, происходит ситуативное взаимодействие (уровне диаспоры или группы), создаются виртуальные этнокультурные миры (коренных народов, малые этносы) с символической этнической

окраской, демонстрируется этническая принадлежность и транслируются этнические образы (стереотипы, мифы, образы, ментальные практики этничности). Это формирует новый тип этнической самопрезентации инструментами и практиками этноориентированного блогинга в условиях цифрового пространства с использованием его методов и способов.

Гипотеза исследования состоит в следующем: этнокультурная идентичность в сетевом пространстве формируется сферой этноблогинга, которая обеспечивает преемственность трансляции этнокультурного наследия, адаптируя его под мировоззрение современных поколений, популяризируя традиции этносов с использованием стратегий цифровых коммуникаций на сетевых платформах.

Материалы и методы

В исследовании феномена блогосферы применительно к этнической идентичности важная роль отведена философско-антропологической рефлексии, которая позволяет обобщить и интерпретировать трансформации идентичности в современных условиях. Такой метод позволят не просто фиксировать и описывать изменения в репрезентации этнической культуры, но вписать их в широкий социально-философский контекст и интерпретировать социо-культурные практики в цифровом пространстве. Феноменологический метод был использован для анализа цифрового информационно-познавательного поля этнокультурной идентичности.

Результаты и обсуждения

Этническая культура тесно связана с повседневной жизнью людей, и такая связь порождает проблему прерывания преемственности в процессе трансляции и передачи потомкам этнокультурного наследия. Эта проблема обусловлена миграционными процессами, трансформацией сферы этнической культуры под воздействием глобальных сетей. Вытеснение устойчивых связей между людьми кратковременными с использованием дистанционного общения, виртуализация коммуникационного пространства, усиление

тенденций унификации и распространение массовой культуры в постиндустриальном этапе развития общества ограничивают воспроизводство уникальности культуры этноса и сохранение этнокультурной идентичности в привычных рамках и традиционными способами. Это обосновывают в том числе с процессами глобализации, которые стали «одной из главных причин кризиса национально-культурной идентичности» [21, с. 95]. Процессы, связанные с сохранением, трансляцией и воспроизводством этнокультурного многообразия используют виртуальное пространство. Традиционные механизмы социальной преемственности, этнокультурной идентичности воспроизводятся с использованием новых форм, средств продвижения и популяризации этнокультурного наследия. Этническая культура позиционируется в цифровом пространстве, использует его ресурсы для передачи, усвоения и сохранения ценностей и норм этнических групп. Тема цифровизации нематериального и материального этнокультурного наследия неоднократно поднималась в социально-гуманитарных науках, поскольку цифровые технологии существенно влияют на культуру, и сама она адаптируется к новым условиям цифровых трансформаций [17].

Процесс цифровизации связан с фиксацией, преобразованием и обработкой в цифровом формате изображений, звуков, графических материалов, текстов и предполагает их распространение через веб-ресурсы. Пользователи в сети имеют доступ к огромному объему информационных материалов, в т.ч. уникальных, редких, и цифровые каналы распространения информации становятся инструментом социальной коммуникации [14].

В этом контексте создаются цифровые копии этнокультурных материалов и документов, они сохраняются для пользователей в режиме постоянного доступа, транслируются на широкие аудитории, обучают этнокультурным навыкам (в том числе в сфере языкового образования), стимулируют интерес к этнической культуре и интерактивно вовлекают в аудиторию во взаимодействие. Значительная роль в коммуникациях между представителями этносов и сообществ в цифровой среде принадлежит коммуникационным сетевым

платформам, которые используются как инструменты для общения и обмена данными. Социальные сети помогают людям «сохранять коммуникации с родиной, в результате чего появляется возможность пребывать и в этнодискурсе родины, и дискурсе принимающего сообщества, к которому они вынуждены приспосабливаться» [18, с. 61].

Коммуникации в сетевом пространстве Интернет расширили инструменты публичной самопрезентации этнокультурных групп. Традиционная этническая культура стала не только объектом сохранения, но и ресурсом символического позиционирования в цифровом пространстве. Поскольку социокультурные сообщества имеют преимущественно коммуникативную природу, то именно на коммуникацию, обмен информацией и сообщениями оказывают влияние информационные технологии [12; 13].

В рамках нашего исследования мы рассмотрим особенности трансляции этнокультурных образов в блогосфере, посредством сообществ и групп в виртуальном сетевом пространстве.

Этнокультурное взаимодействие и жизнедеятельность сегодня происходит в информационной сфере, которая предлагает практически безграничные возможности для удовлетворения этноориентированных потребностей. Глобальная сеть Интернет имеет ресурсы для доступа к информации этнокультурной специфики (веб-сайты, блоги, подкасты, виртуальные сообщества, музыкальные архивы, искусство и многое другое), которая доступна для пользователей и объединяет группы по этническим признакам и интересам.

Удовлетворение этнических потребностей происходит в повседневной жизни, которая претерпела изменения в постиндустриальную эпоху, вызванную ростом глобализационных процессов, усилением миграционных потоков, широким распространением доступа к ресурсам Интернета и развитием сетевых платформ и технологий. Мануэль Кастельс рассматривает информационное общество как сетевое, которое, является социальной структурой, опирающейся на сети, управляемые информационными и коммуникационными технологиями, в основе которых находятся микроэлектроника и цифровые компьютерные сети. Они порождают, обрабатывают и

распространяют информацию на основе знаний, аккумулированных на узлах этих сетей [16].

Социальное взаимодействие заменяется сетевыми формами связи, появлением сообществ, которые не основаны на территориальном принципе, созданием репрезентативных образов сетевых структур. Почти все сферы общественной жизни сегодня подстраиваются под медиа формат. С появлением Интернета и цифровых технологий подверглись изменениям: социальный ландшафт, институциональные способы регуляции, групповые социальные практики, межличностные отношения. Возникли новые социальные механизмы влияния, формы коммуникации и коммуникационные посредники с использованием медиатехнологий. Массмедиа привели к формированию особой медиакультуры, обновлению социальных практик с использованием медийных технологий и способов их реализации. Медиатизация наполнила общество новыми формами социо-культурной жизни. Цифровые и медийные технологии делают общество зависимым от медиа потребления, создают единое медийное пространство, которое обеспечивает получение информации, влияет на общественные отношения, социальные практики и институты, конструирует особую медиа социальную реальность [23]. Коммуникации и социальны практики используют определенные медиаресурсы, что свидетельствует о появлении сетевой (виртуальной) социальной медиасреды. Традиционное этнокультурное взаимодействие так же воспроизводится в цифровой медиасреде с использованием сетевых возможностей.

Теоретическое философское знание осмысливает такой феномен как виртуальная этническая идентичность, которая рассматривается как составная часть социальной идентичности в рамках концепций информационного общества. С точки зрения конструктивисткой парадигмы этот феномен рассматривается: как осознание принадлежности к определенной (не всегда фиксируемой в реальном социуме) общности, осуществляющей деятельность (в основном потребление и передачу знаний и информации) в информационно-коммуникативном виртуальном пространстве Интернета; совокупность

текстово-визуальных компонентов сетевого облика человека, отражающих реальные аспекты личности и переживание значимости этих аспектов, на основе которой он строит свое взаимодействие в сети; как вариант пространственной идентичности, поскольку виртуальные информационно-коммуникационные потоки представляют собой среду и являются ориентиром самоидентификации [20]. Виртуальная этническая идентичность обозначает принадлежность к этноориентированной общности в виртуальной среде, где потребляется и транслируется этнокультурная информация посредством текстово-визуальных компонентов, создавая этнокультурный сетевой облик. Они отражают значимость принадлежности к этносообществу и становятся важными аспектами сетевого взаимодействия.

Развитие и распространение современных информационно-коммуникационных технологий, Интернет-соединения по мобильной сети и доступность смартфонов позволяют предположить, что база пользователей сетевого пространства будет расширяться и, соответственно виртуальная этническая идентичность будет актуализироваться все больше. Технологии расширили потенциал того, как пользователь демонстрирует свою идентичность в рамках платформ социальных сетей, где можно выражать свою индивидуальность, представлять собственное мнение, строить коммуникацию, обмениваться информационными данными с людьми из повседневной жизни, присоединяться к сообществам по интересам и активно общаться с единомышленниками.

Этническая идентичность в киберпространстве может отражать реальный идеальный образ «Я» или трансформироваться под желаемые аспекты, быть инструментом получения пользователем нового опыта или результатом любопытства. Лиза Накамура называет смену этнической идентичности в виртуальном пространстве «этническим туризмом» в ситуации экспериментов [29]. Однако именно этническая идентичность в ее виртуальном формате наименее подвержена фальсификации, чем категории социально-демографического и личностного плана (имя, пол, возраст, семейное положение, внешность или хобби) [27].

Сторонники конструктивистского подхода при изучении этничности уделяют особое внимание ее маркерам и акторам. Маркеров этнических общностей достаточно (территория, язык, фольклор и т.д.), но согласно теории этнокультурных границ Ф. Барта главными являются те, которые сама этногруппа считает наиважнейшими. В рамках этой теории этничность понимается как форма социальной организации культурных различий [1, с. 15-16]. Акторами этничности выступают лидеры в сфере общественного мнения, политики, науки. Они актуализируют этничность через акцентирование внимания на элементах культурной дивергенции, архетипах, связанных с героическим, драматическим и жертвенным прошлым своего народа, формируют стереотипы и их эмоциональное содержание и т.д.

Распространение сетевых информационных технологий, появление виртуальной этничности, новых институтов и акторов меняют содержание самой этничности. Часть маркетов теряют свою актуальность, социальные процессы теряют привязку к физическому пространству. Американский антрополог Арджун Аппадураи говорит о формировании «культурного потока», состоящего из пяти символико-культурных пространств, важнейшим из которых он называет этнопространство (ethnoscapes). Этнопространство формируется людьми, из него составляются миры, не привязанные к определенной территории. Эти миры увеличивают количество деттерриториализованных групп, «диаспорического разнообразия». Такая повсеместная ситуация ведет к созданию новой транслокальной солидарности, воспроизводящей «локальное» [26].

Этноскейп очень быстро транслирует образы, нарративы, видео, музыку, мемы, сериалы, новости, рекламу. Если посмотреть на этнокультурную идентичность в виртуальном пространстве, то мы заметим, что этот поток оказывает влияние на индивида и этничность. Этнокультурная самобытность активно вовлекается в демонстрацию в медиапространстве. Идет конструирование этнической идентичности в потоках контента на социальных платформах. В подтверждение факта усиления этнической идентичности в современном мире высказывается и Томас Хилланд Эриксен, связывая,

однако, это с тем, что она становится значимым дифференцирующим маркером, из-за потребности почувствовать себя безопасным в условиях деструктивного ускорения социальных процессов [28]. Об этом чувстве безопасности говорил и Зигмунд Бауман. Оно необходимо человеку в рамках непредсказуемости и быстроты изменений, где теряется ощущение «Мы» в условиях «текучей современности» [2].

Социальные сети работают на принципе постоянного вовлечения в коммуникацию аудитории, что эффективно достигается созданием такой коммуникативной среды, где адресатом и отправителем может выступать каждый индивидуальный пользователь. Мы становимся свидетелями распространения этнических сетевых сообществ, которые управляются и администрируются специальными пользователями.

Сам процесс обозначения группами и сообществами виртуальных границ в сети начался в 1990-х годах с появления в Интернете сообщества еврейской общины. Далее с появлением и развитием социальных сетей в 2000-х годах популярность виртуальных этнических сообществ растет. Наиболее востребованными становятся страницы, которые ведутся «киберактивистами» [4].

Это обозначение применяется по отношению к блогерам. В их задачи входит формирование информационного контента паблика, модерация в дискуссиях, определение правил поведения в сообществе и его функциональных особенностей. Участники виртуального сообщества, рядовые пользователи так же создают контент, обсуждают его, проявляют одобрение по отношению к контенту, активируют дальнейшее распространение информации. Социальные сети в своей работе используют принцип постоянного вовлечения в коммуникацию аудитории. Социальные медиа меняют характер современной коммуникации, тем самым оказывая свое влияние на те или иные социальные процессы. Социальные сети производят, эстетизируют и транслируют культурные коды. Коммуникация в социальных сетях, где основанием служит взаимодействие виртуальных профилей пользователей, дает возможность любому поль-

зователю стать полноценным медиа и генерировать тот контент, который будет востребован той или иной аудиторией [22]. Аудитория соцсетей вовлечена в процесс производства и тиражирования информации этнокультурного плана.

Быстрое распространение доступных цифровых технологических устройств сделало смартфон популярным девайсом для использования в современной социальной действительности, превратив его в символ инфокоммуникаций. С его помощью можно учиться, развлекаться, общаться и реализовать любые потребности (религиозные, этнические, ментальные, духовные, интеллектуальные, творческие и т.д.). Эта специфическая универсальность проявилась в создании виртуальных online-сообществ: online-класс, online-церковь, цифровой музей и онлайн-тур благодаря встроенным техническим функциям. Реальная действительность переносится в виртуальное пространство сетей и платформ.

«Этничность отражает подвижность, сложность, социальную мобильность, социальную организацию культурных и иных различий, отличительных характеристик этнической общности, группы, которые могут менять свою этническую принадлежность, иметь одновременную принадлежность к нескольким этническим общностям…. Рассмотренные характеристики этничности можно проследить и в рамках виртуальной этничности, так как с одной стороны происходит перенос всех важных черт, характеристик этничности в онлайн пространство, а с другой стороны под влиянием цифровизации, социальных сетей, происходит создание новых социокультурных практик, создается образ этничности и связанные с этносом стереотипы цифровыми средствами. Через опосредованное общение в онлайн-пространстве, в социальных сетях, знакомство с контентом сообщества и приобщение к истории, культуре, традициям и другим важным составляющим этничности происходит: процесс социального конструирования общностей; социальных отношений; ситуативных взаимодействий, зависимости на уровне диаспоры, культурных миров, коренных народов, малых этносов, этнической дискриминации, этнических конфликтов, межэтнических отноше-

ний, символическую этничность (через символы и ритуалы, а не через активное участие в культурных практиках и общественных организациях этнической группы), демонстративную этничность, стигматизированную идентичность, психосемантические образы (стереотипы, мифы, образы, ментальные практики, которые связаны с этничностью) в картине мира» [19].

Виртуальная этничность в интернете поддерживает этнические связи посредством новых телекоммуникационных технологий, что связано с динамикой перемещений и миграций представителей этнических групп под влиянием различных событий. Это стимулирует создание онлайн-сообщества в социальных сетях для сохранения этнической идентичности через развитие этих групп.

На площадках для виртуальной коммуникации используются традиционные этнические символы. Они обозначают культурную специфику, служат источником этнокультурной идентификации (язык, фольклор, юмор, орнаменты, графика, фото, цвет, шрифт, визуальное наполнение и т.д.). Сначала появились специализированные этнические веб-сайты и форумы для сохранения этнокультурной идентичности, затем ресурсы соцсетей стали использоваться для повседневной жизнедеятельности и коммуникации в цифровом пространстве. Виртуальные этносообщества являются продолжением реальных этнических групп. В виртуальном пространство обсуждаются и сохраняются нормы, ценности, традиции, обычаи, ритуалы своего народа, демонстрируются продукты художественного творчества и других компонентов культуры своей этнической группы [25].

Конструирование виртуальной идентичности имеет следующие особенности: наличие выбора, постоянное обновление образа в информационном потоке; особенная форма репрезентации идентичности («иллюстрирование», внешнее оформление принадлежности к этносу, упор на внешние элементы культуры); идентичность является способом показать свою уникальность [6]. Демонстрация этничности в виртуальном пространстве подчеркивает уникальность, самобытность, дает возможность выделиться в информаци-

онном потоке и в дальнейшем способствует организации этнических праздников и событий уже в реальной сфере.

Пользователи-любители и профессиональные создатели контента (контент-мейкеры, блогеры) используют современные информационно- коммуникационные технологии для репрезентации индивидуальных или групповых представлений о прошлом и настоящем, используют при их создании личный опыт, персональную информацию, а также элементы популярной медийной культуры. Сфера блогов представляет в медиа пространстве информацию, которая связана с преемственностью и передачей культурного наследия. События, факты, предания, легенды, мифы, система традиций и обычаев, история этноса, его языковое своеобразие, эмоциональный контекст находят интерпретацию и используются блогерами для формирования этнокультурной идентичности в сетевом пространстве. Этнический ренессанс в эпоху постмодерна происходит при помощи адаптации этнокультурной сферы к мировоззрению современных поколений и их новым стратегиям коммуникации в цифровом мире.

Активность виртуальных этносообществ может рассматриваться как компенсация дефицита реальной территориальной близости и коммуникации. Интернет замещает отсутствие единства территории как одного из оснований этничности. «Вместе с тем кибермир становится хранилищем этнокультурного наследия и форумом межэтнического диалога для всех народов. Стимул представления и достойного позиционирования собственной культуры (языка, традиций, истории) в веб-среде вызывает своего рода этноренессанс (с элементами этноконкуренции) и способствует глобальному распространению моды на «этно»» [9].

В самом широком смысле, блогеры в рамках виртуальных этносообществ ведут коммуникацию, позиционируют этнокультуру в цифровом мире, создают и тиражируют этнокультурный контент, т.е. реализуют этнопроекты. «Успешных в киберпространстве людей можно обозначить понятием этноактивисты, т.к. они имеют значимость в социальной реальности, могут выступать как лидеры

этничности, благодаря действиям в веб-сети» [9, с. 107]. Этноблогеры, этноактивисты, инфлюэнсеры этой сферы объединены одной общей темой этничности и характерным видом активности, которая связана с ведением собственного канала с этноориентированной тематикой в социальных сетях, а также с непосредственным участием в жизни виртуального этносообщества, с целью его продвижения или выражения экспертного мнения. По мнению В.А. Головнева этноблогеры представляют информационный этнический дискурс, они «живут в сторис», размещают новые видео, проводят прямые эфиры (стримы), ведут виртуальное общение в форме открытой переписки, организуют и участвуют в публичном виртуальном общении при помощи коллективных стримов [10; 11].

Поскольку производство, обработка и распространение информации становятся центральными видами деятельности в информационном обществе, а информационные работники – ключевым элементом социальной структуры то блогеры – это специфическая категория информационных работников. Они те, кто производят контент для массовой аудитории, а значит они представляются ключевыми элементами социальной структуры. Такая траектория позволяет говорить о блогинге как о социально значимом элементе информационного общества, который использует ресурс теоретического знания, актуализируя его экспертность. Такая экспертность делает блогера «работником знания» (knowledge worker), который производит и распространяет информацию [3]. Используя свой интеллектуальный капитал, креативные методы и технологии, нестандартное мышление блогеры производят контент для социальных платформ. И здесь можно провести параллель с понятием «просьюмер» (prosumer) у Э. Тоффлера, описывающее человека, который одновременно и производит, и потребляет. Блогера можно рассмотреть в этой категории, т.к. он не только потребляет информацию, но и сам ее производит, размывая границы между производством и потреблением [24].

Социокультурный феномен блогинга в рамках современной этнической культуры получил распространение в повседневной жиз-

недеятельности этнических сообществ в виртуальном мире, где «постепенно выделяется сетевой лидер, транслирующий традиционную культуру и ценности народа. Его страница (или канал) фактически превращается в тематическую коммуникативную площадку, участниками которой становятся сотни тысяч людей со всего мира» [10]. Такая площадка от первого лица рассказывает и показывает компоненты этнической культуры, наглядно демонстрируя этническую идентичность. Этноблогеры и пользователи создают цифровые этнические нарративы на сетевых платформах, которые выполняют ряд социальных функций. В-первых, они способствуют сохранению элементов культуры и языка. Во-вторых, они формируют современную этническую идентичность. И в-третьих, противостоят стереотипным репрезентациям этнокультурного сообщества и его членов [9].

Контент-стратегии этноориентированных блогов строятся вокруг тем, которые касаются духовного культурного наследия и этнокультурных нарративов: традиционные этнические ремесла и искусство; культура традиционного быта; фольклор, религия, праздники и обряды; история, памятники и архитектура. Каждый тематический блок отражает ту или иную специфику этнической культуры в рамках цифровой платформы с использованием разных форматов: текст, фото, видео.

Систематическая деятельность по трансляции аутентичных знаний о культуре этносов на большие аудитории пользователей (читателей, зрителей, подписчиков, слушателей) через платформы соцсетей образует цифровое информационно-познавательное поле этнокультурной идентичности. В его рамках происходит трансляция ценностей и смыслов материальной и духовной культуры этнических сообществ. Идет процесс формирования комплексных обзоров духовных практик, социальной организации и исторических процессов. Этноблог подчеркивает и укрепляет этнокультурную самобытность. А также он способствует искоренению искаженных представлений о культуре, стереотипах, предлагая достоверную информацию, которая основана на личном опыте и этнических знаниях самого блогера.

Сфера этноблогинга способствует преемственности передачи этнокультурных знаний и популяризации традиционных повседневных практик у цифрового поколения, поскольку информирует понятными и привычными формами и методами коммуникации и взаимодействия, в том числе с применением интерактивных форматов вовлечения молодежной аудитории в процесс этнокультурной идентификации. Такой вид активного взаимодействия с подписчиками способствует расширению этнокультурных знаний у пользователей этносообществ. Этнический инфлюенсер имеет возможность показать адаптацию традиций этнической культуры в современных условиях, создавая материалы о трансформации этнопрактик. Инновации цифровых технологий применяются при распространении этнокультурного контента, что формирует новые формы выражения этнокультурной идентичности в цифровую эпоху.

Этнокультурные практики в рамках виртуальных этнических сообществ ориентированы на поддержание традиций с применением письменных, звуковых и видео сообщений на цифровых платформах, что свидетельствует о важности блогинга в создании и распространении этнокультурного контента в цифровом пространстве.

Техника и технологии предстают как феномены, которые «вписаны в многочисленные ценности, установки и стереотипы» [5, с. 13]. Этот факт подтверждает изменения, сопряженные с трансформацией способов актуализации и поддержания этнической идентичности в условиях цифровой медиасоциальной реальности. Интернет превращается в площадку, где реализуются обновленные социальные тренды, в частности, где актуализируется этнокультурная коммуникация и происходит взаимодействие.

Репрезентация этнической идентичности в интернете связана с демонстрацией устойчивых практик в сети: использование родного этнического языка (в том числе минимально или в смешанных формах), подтверждение участия в этнических праздниках и мероприятиях через размещение фото или видео материалов, публикация материалов о «малой родине» и значимых людях, тематических

материалов этнических СМИ и сетевое творчество (мемы, комиксы, видеопоздравления и т. п.) [6].

Авторами признается, что этноориентированный блогинг можно рассматривать как новый тип этнической самопрезентации, который возник благодаря цифровизации и активному развитию киберпространства. Этноблогеры становятся проводниками в мир традиционных культур. Это порождает виртуальный тип самопозиционирования сообществ и традиций от первого лица, которое и описывается как этноблогинг. Виртуальные сообщества не имеют традиционной физической привязки к определенной территории, месту и времени, но они обладают электронной памятью и даже цифровым бессмертием. Сетевая самопрезентация этноблогера связана с самоидентификацией и идентичностью, поскольку в кибермире он показывает себя как персону, демонстрируя этнические характеристики, которые позиционируют его как часть народа [10; 11].

Исследователи отмечают, что для многих выражение своей этнической идентичности в сетевом пространстве становится способом отразить «себя». Особенно хорошо это заметно в среде активистов этнических движений (этноблогеры), которые поддерживают отображение своей этнической принадлежности всеми способами в аккаунтах в социальных сетях: внешние отдельные элементы этнической культуры; использование своего родного языка в интернет-пространстве; участие в тематических пабликах, группах и интернет-сообществах; участие в этнических праздниках и публичная демонстрация этого участия через фото-видео публикации, в том числе мобильной фотографии в этническом контексте (фото малой родины, со значимыми культурными объектами и людьми, фото отчего дома, фото с представителями старшего поколения); активная публикация и распространение материалов тематических этнических СМИ; выкладывание книг о культуре своего народа; сетевое творчество (создание мемов или комиксов на родных языках и этнические темы); демонстрацию своего участия в различных культурных сетевых и реальных акциях. Главной ценностью считается

сохранение национальной идентичности за счет использования языка, как главной отличительной черты таких блогов [6; 7].

Многие блоги, посвященные этнической культуре, имеют билингвальную специфику, они ведутся на двух языках. В рамках сетевых платформ при коммуникационном взаимодействии используются этнические термины, фразы, выражения, пословицы, которые блогер переводит и поясняет, что стимулирует языковое познание этнокультурных ценностей, формирует позитивное отношение к языку, позволяет сохранять его уникальность.

Заключение

Этноблогинг выполняет ряд функций в социальном пространстве: информационную (распространение информации и знаний), образовательную (обучение, развитие навыков и умений), развлекательную (отдых, досуг), социализирующую (формирование ценностей и норм), мотивационно-побуждающая (побуждение к определенным действиям), интеграционную (создание и развитие сообществ), навигационную (ориентация в потоках информации) и терапевтическую (поддержание позитивного психо-эмоционального состояния). Такие функциональные особенности этнического блога формируются рамками познания, коммуникации, образования, рекреации и даже возможностью получения коммерческой выгоды (монетизация, коллаборации). Это связано с ценностными уровнями этнической культуры: прагматический уровень (монетизация, навыки, нетворкинг), социальный (признание, влияние, принадлежность) и экзистенциальный (самореализация, самовыражение, поиск смысла). Этноблогинг позволяет в рамках цифровых платформ социальных сетей создавать этнокультурную картину мира, посредством размещения контента, формирования и распространения этнокультурных трендов.

Описанные варианты и фрагменты трансформации этнической идентичности в рамках современной социокультурной ситуации актуальны и требуют дальнейшей фиксации и анализа. Меняются формы репрезентации этнической идентичности в современной

культуре, блогосфера активно адаптирует и ищет новые варианты позиционирования в интернет-пространстве. Сохранение этнокультурной идентичности форматами блогинга позволяет усилить заметность и продвинуть этнокультурные традиции и практики в глобальном медиапространстве; стимулировать интерес к этнокультурной тематике, к изучению и сохранению этнического культурного наследия; активизировать этнокультурные практики в этноориентированной медиасреде; продвигать этнические мероприятия и события в онлайн и офлайн-форматах, и стимулировать участие в них. Мы считаем, что в условиях цифрового пространства имеются достаточно широкие возможности для актуализации этнокультурного наследия и поддержания этнической идентичности сферой этноблогинга.

Проведенное исследование показывает, что сфера блогинга с этнической тематикой в медиапространстве способствует сохранению этнической идентичности и продвигает этнокультурное наследие с использованием разнообразных форм и видов контента в онлайн коммуникационном пространстве. Это позволяет говорить о практической значимости этнического ренессанса в цифровом пространстве с использованием этноблогов и требует дальнейшего философского осмысления и диалектического анализа процессов трансформации этнокультурной идентичности в рамках интернет среды.

Список литературы

1. Барт, Ф. (2006). Введение. В *Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий* (с. 9–49). М.: Новое издательство.
2. Бауман, З. (2018). *Текучая современность* (Е. Руминов, пер. с англ.). М.: Весь Мир.
3. Белл, Д. (2004). *Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования*. М.: Academia. EDN: https://elibrary.ru/QOCVVP.
4. Белоруссова, С. Ю. (2022). Коренные малочисленные народы России: виртуальная этничность и сетевые опыты. *Этнография* (4), 84–111. https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-84-111. EDN: https://elibrary.ru/ZQSEZK.
5. Бычкова, О. В. (2020). Исследования науки и технологий (STS): чему научили нас за 50 лет? *Социология науки и технологий*, *11*(3), 7–21. https://doi.org/10.24411/2079-0910-2020-13001. EDN: https://elibrary.ru/LWESAA.

6. Волокитина, Н. А. (2019). Этническая культура и репрезентация этнической идентичности в интернет-пространстве. *Человек. Культура. Образование* (3), 39–45. https://doi.org/10.34130/2223-1277-2019-3-39-45. EDN: https://elibrary.ru/IBFGJC.
7. Гарифуллин, В. З., Закиров, Л. Р. (2018). Роль блогосферы в развитии национального интернет-пространства. *Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки»*, *160*, кн. 4, 872–883. EDN: https://elibrary.ru/AFOSGC.
8. Гидденс, Э. (2011). *Последствия современности* (Г. К. Ольховиков, Д. А. Кибальчич, пер. с англ.). М.: Праксис.
9. Головнёв, А. В., Белоруссова, С. Ю., Киссер, Т. С. (2021). *Виртуальная этничность и киберэтнография*. СПб.: МАЭ РАН. EDN: https://elibrary.ru/NVRTMZ.
10. Головнев, В. А. (2021). Медиатрансформации в этнографии и рождение этноблогинга (на примере хантов реки Тромъёган). *Этнография* (14), 186–210. https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-4(14)-186-210. EDN: https://elibrary.ru/WSGPIT.
11. Головнев, В. А. (2024). Эвенкийский этноблогинг: виртуальная самопрезентация и теория социальной драматургии. *Вестник антропологии* (2), 129–146. https://doi.org/10.33876/2311-0546/2024-2/129-146. EDN: https://elibrary.ru/BTKQNV.
12. Горячева, О. Н., Яковлева, М. Г. (2022). Гуманистические риски цифрового развития общества: анализ работ зарубежных авторов. *Современные исследования социальных проблем*, *14*(2), 78–93. https://doi.org/10.12731/2077-1770-2022-14-2-78-93. EDN: https://elibrary.ru/UZBTOV.
13. Демичев, И. В. (2021). Виртуальность и сеть: о социокультурных сообществах информационной эпохи (ответ на монографию М. Г. Бреслера «Онтология сетевого бытия»). *Современные исследования социальных проблем*, *13*(2), 14–37. https://doi.org/10.12731/2077-1770-2021-13-2-14-37. EDN: https://elibrary.ru/SQBQTV.
14. Журавлева, М., Паньков, В. Культура в «цифре». Почему растет интерес к культурному наследию и академическому искусству. РБК Плюс. https://plus.rbc.ru/specials/kultura-v-cifre (дата обращения: 26.08.2026).
15. Кастельс, М. (2023). *Власть коммуникации* (4-е изд.) (Н. М. Тылевич, пер. с англ.). М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
16. Кастельс, М. (2017). *Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Т. 2. Власть идентичности* (А. Козлов, пер. с англ.). М.: Высшая школа экономики.
17. Киреева, О. А. (2025). Распространение народной культуры в эпоху цифровых технологий: проблемы и перспективы. *Известия СОИГСИ* (57), 98–111. https://doi.org/10.46698/VNC.2025.96.57.008. EDN: https://elibrary.ru/PFSDJI.

18. Листвина, Е. В. (2021). Этнические сообщества Саратовской области в информационном пространстве. В *Этнокультурные процессы в эпоху цифровизации* (с. 60–74). Саратов: СНИГУ им. Н. Г. Чернышевского. EDN: https://elibrary.ru/JDFZYP.
19. Мартьянова, Е. Г., Чеснова, Е. Н. (2025). Киберкультура и виртуальная этничность как феномены цифрового общества: проблемы и перспективы. *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого* (4). https://doi.org/10.22405/2304-4772-2025-4-128-146. EDN: https://elibrary.ru/BALAZX.
20. Махмутов, З. А. (2025). Татарские виртуальные сообщества: репрезентация идентичности, функции и риски конфликтогенности. *Вестник антропологии* (2), 207–222. https://doi.org/10.33876/2311-0546/2025-2/207-222. EDN: https://elibrary.ru/XXDYEO.
21. Мухаев, Р. Т. (2021). Глобализация и кризис национальной идентичности: в поисках новых форм репрезентации. *Знание. Понимание. Умение* (1), 199–215. https://doi.org/10.17805/zpu.2021.1.15. EDN: https://elibrary.ru/OIGNAG.
22. Пичугина, О. А. (2013). Трансформация массовой коммуникативной реальности в эпоху социальных медиа. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение* (1), 268–276. EDN: https://elibrary.ru/PZTZEL.
23. Примаков, В. Л. (2019). Медиатизация как теоретический концепт. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки* (3), 221–238. EDN: https://elibrary.ru/CFLGQV.
24. Тоффлер, Э. (2020). *Третья волна* (с. 123–130). М.: АСТ.
25. Холопов, Д. А. (2021). Этническая идентичность в пространстве интернета. В *Материалы IX Международной научной конференции «Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве»* (Т. 1, с. 229–236). EDN: https://elibrary.ru/VBGQEM.
26. Appadurai, A. (1996). *Modernity at large: Cultural dimensions of globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
27. Back, M. D., Stopfer, J. M., Vazire, S., Gaddis, S., Schmukle, S. C. (2010). Facebook profiles reflect actual personality not self-idealization. *Psychological Science*, *21*, 372–374. https://doi.org/10.1177/0956797609360756.
28. Eriksen, T. H. (2010). *Ethnicity and nationalism: Anthropological perspectives* (3rd ed.). London: Pluto Press. https://doi.org/10.2307/j.ctt183h0h1.
29. Nakamura, L. (2013). *Cybertypes: Race, ethnicity, and identity on the Internet*. New York: Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203699188.

References

1. Barth, F. (2006). Introduction. In *Ethnic groups and social boundaries. The social organization of cultural difference* (pp. 9–49). Moscow: New Publishing House.

2. Bauman, Z. (2018). *Liquid modernity* (E. Ruminov, Trans.). Moscow: Whole World.
3. Bell, D. (2004). *The coming of post-industrial society: A venture in social forecasting*. Moscow: Academia. EDN: https://elibrary.ru/QOCVVP.
4. Belorussova, S. Yu. (2022). Indigenous small-numbered peoples of Russia: Virtual ethnicity and network experiences. *Ethnography*, (4), 84–111. https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-84-111. EDN: https://elibrary.ru/ZQSEZK.
5. Bychkova, O. V. (2020). Science and technology studies (STS): What have we learned in 50 years? *Sociology of Science and Technology*, *11*(3), 7–21. https://doi.org/10.24411/2079-0910-2020-13001. EDN: https://elibrary.ru/LWESAA.
6. Volokitina, N. A. (2019). Ethnic culture and the representation of ethnic identity in the internet space. *Human. Culture. Education*, (3), 39–45. https://doi.org/10.34130/2223-1277-2019-3-39-45. EDN: https://elibrary.ru/IBFGJC.
7. Garifullin, V. Z., Zakirov, L. R. (2018). The role of the blogosphere in the development of the national internet space. *Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, *160*(4), 872–883. EDN: https://elibrary.ru/AFOSGC.
8. Giddens, A. (2011). *The consequences of modernity* (G. K. Olkhovikov, D. A. Kibalchich, Trans.). Moscow: Praxis.
9. Golovnev, A. V., Belorussova, S. Yu., Kisser, T. S. (2021). *Virtual ethnicity and cyberethnography*. St. Petersburg: MAE RAN. EDN: https://elibrary.ru/NVRTMZ.
10. Golovnev, V. A. (2021). Media transformations in ethnography and the birth of ethnoblogging (the case of the Khanty of the Tromyogan River). *Ethnography*, (14), 186–210. https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-4(14)-186-210. EDN: https://elibrary.ru/WSGPIT.
11. Golovnev, V. A. (2024). Evenki ethnoblogging: Virtual self-presentation and the theory of social dramaturgy. *Herald of Anthropology*, (2), 129–146. https://doi.org/10.33876/2311-0546/2024-2/129-146. EDN: https://elibrary.ru/BTKQNV.
12. Goryacheva, O. N., Yakovleva, M. G. (2022). Humanistic risks of the digital development of society: An analysis of works by foreign authors. *Russian Social and Humanitarian Studies*, *14*(2), 78–93. https://doi.org/10.12731/2077-1770-2022-14-2-78-93. EDN: https://elibrary.ru/UZBTOV.
13. Demichev, I. V. (2021). Virtuality and the network: On sociocultural communities of the information age (a response to M. G. Bresler's monograph "The Ontology of Networked Being"). *Russian Social and Humanitarian Studies*, *13*(2), 14–37. https://doi.org/10.12731/2077-1770-2021-13-2-14-37. EDN: https://elibrary.ru/SQBQTV.
14. Zhuravleva, M., Pankov, V. Culture in "digital": Why interest in cultural heritage and academic art is growing. *RBC Plus*. https://plus.rbc.ru/specials/kultura-v-cifre (accessed August 26, 2026).

15. Castells, M. (2023). *Communication power* (4th ed.) (N. M. Tyylevich, Trans.). Moscow: HSE Publishing House, National Research University Higher School of Economics.
16. Castells, M. (2017). *The information age: Economy, society and culture. Vol. 2. The power of identity* (A. Kozlov, Trans.). Moscow: HSE.
17. Kireeva, O. A. (2025). The spread of folk culture in the era of digital technologies: Problems and prospects. *Proceedings of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, (57), 98–111. https://doi.org/10.46698/VNC.2025.96.57.008. EDN: https://elibrary.ru/PFSDJI.
18. Listvina, E. V. (2021). Ethnic communities of the Saratov Region in the information space. In *Ethnocultural processes in the era of digitalization* (pp. 60–74). Saratov: Chernyshevsky Saratov National Research State University. EDN: https://elibrary.ru/JDFZYP.
19. Martyanova, E. G., Chesnova, E. N. (2025). Cyberculture and virtual ethnicity as phenomena of the digital society: Problems and prospects. *Humanitarian Bulletin of Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University*, (4). https://doi.org/10.22405/2304-4772-2025-4-128-146. EDN: https://elibrary.ru/BALAZX.
20. Makhmutov, Z. A. (2025). Tatar virtual communities: Representation of identity, functions and risks of conflict potential. *Herald of Anthropology*, (2), 207–222. https://doi.org/10.33876/2311-0546/2025-2/207-222. EDN: https://elibrary.ru/XXDYEO.
21. Mukhaev, R. T. (2021). Globalization and the crisis of national identity: In search of new forms of representation. *Knowledge. Understanding. Skill*, (1), 199–215. https://doi.org/10.17805/zpu.2021.1.15. EDN: https://elibrary.ru/OIGNAG.
22. Pichugina, O. A. (2013). The transformation of mass communicative reality in the era of social media. *RSUH Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations. Foreign Regional Studies. Oriental Studies*, (1), 268–276. EDN: https://elibrary.ru/PZTZEL.
23. Primakov, V. L. (2019). Mediatization as a theoretical concept. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, (3), 221–238. EDN: https://elibrary.ru/CFLGQV.
24. Toffler, A. (2020). *The third wave* (pp. 123–130). Moscow: AST.
25. Kholopov, D. A. (2021). Ethnic identity in the space of the internet. In *Proceedings of the IX International Scientific Conference "Social Integration and the Development of Ethnocultures in the Eurasian Space"* (Vol. 1, pp. 229–236). EDN: https://elibrary.ru/VBGQEM.
26. Appadurai, A. (1996). *Modernity at large: Cultural dimensions of globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
27. Back, M. D., Stopfer, J. M., Vazire, S., Gaddis, S., Schmukle, S. C. (2010). Facebook profiles reflect actual personality not self-idealization. *Psychological Science*, *21*, 372–374. https://doi.org/10.1177/0956797609360756.

28. Eriksen, T. H. (2010). *Ethnicity and nationalism: Anthropological perspectives* (3rd ed.). London: Pluto Press. https://doi.org/10.2307/j.ctt183h0h1.
29. Nakamura, L. (2013). *Cybertypes: Race, ethnicity, and identity on the Internet*. New York: Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203699188.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Шигаева Светлана Александровна, старший преподаватель кафедры философии, общественных коммуникаций и туризма
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
ул. Минина, 31А, г. Нижний Новгород, 603155, Российская Федерация
sshigaeva@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Svetlana A. Shigaeva, Senior Lecturer at the Department of Philosophy, Public Communications and Tourism
Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov
31A, Minin Str., Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation
sshigaeva@mail.ru

Поступила 20.08.2026
После рецензирования 22.09.2026
Принята 24.09.2026

Received 20.08.2026
Revised 22.09.2026
Accepted 24.09.2026

Российские социогуманитарные исследования
2026 Том 18, № 3 • https://soc-journal.ru

Человек, общество и государство в философской перспективе / Individual, Society, and State in Philosophical Perspective

Научная статья
DOI: 10.12731/3033-5981-2026-18-3-612
УДК 101.1:316

Original article
EDN: JXQTLR

Коммунизм как безальтернативный образ будущего

Д.В. Грязных[1], Е.Г. Корнильцева[2], В.В. Лысенко[2]
[1]Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация
[2]Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Беспрецедентное усиление антиисторических тенденций современности радикально обостряет актуальность проблемы будущего. Общество потребления с его мутацией и хронизацией коренного противоречия капитализма превращает эволюционный потенциал социальных инноваций в ресурс своего расширенного воспроизводства. Инерция настоящего ставит под вопрос не только форму, но, вообще, исторические шансы будущего как такового. Отсюда принципиальное значение выяснения отношений между «возможной действительностью» и «действительной возможностью».

Цель. В статье утверждается безальтернативный характер коммунистического образа будущего. Под будущим обществом понимается новое качество социальной реальности, положительно снимающее современность. Коммунизм показан как единственный по отношению к настоящему вариант нового общества. Что само по себе не означает его практической достижимости и тем более неизбежности. Важнейшие аспекты проблемы будущего – новое социальное качество и его историческая осуществимость рассматриваются как взаимосвязанные, но не замкнутые друг на друга.

Материалы и методы. Ближайшей эмпирической основой исследования выступает советский опыт социалистического строительства, наглядно показавший историческую недостаточность социальной технологии и невозможность производства будущего ex machine. Так что главная надежда – на ресурсы самодвижения современности, которые раскрываются на основе принципов марксистского обществознания с привлечением средств логико-семантического анализа.

Результаты. Независимо от шансов на собственную действительность только коммунистическая перспектива задаёт поступательный вектор общественным пе-

ременам. Преодоление отчуждения и, вообще, социального детерминизма – объективно-историческая тенденция, приходящая к самоотрицанию в коммунизме как непосредственном жизнетворчестве. Таким образом, проблема будущего буквально совпадает с темой становления нового качества социальной реальности. Как его ближайший источник современность выступает для него главным препятствием.

Ключевые слова: коммунизм; социализм; будущее; современность; объективная история; социальная реальность; исторический материализм

Для цитирования. Грязных, Д. В., Корнильцева, Е. Г., & Лысенко, В. В. (2026). Коммунизм как безальтернативный образ будущего. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, *18*(3), 66-83. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-612

Communism as a non-alternative image of the future

D.V. Gryaznykh[1], E.G. Korniltseva[2], V.V. Lysenko[2]
[1]University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation
[2]Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract

Background. The unprecedented intensification of the anti-historical trends of our time radically increases the urgency of the problem of the future. The consumer society with its mutation and chronicization of the fundamental contradictions of capitalism transforms the evolutionary potential of social innovation into a resource for its own expanded reproduction. The inertia of the present questions not only the form of the future but also the historical chances of this future as such. This explains the fundamental importance of clarifying the relationship between "possible reality" and "real possibility".

Purpose. The article asserts that there is no alternative to the communist image of the future. The future society is understood as new quality of social reality, positively removing modernity. Communism appears as the only option of a new society in relation to the present. Which in itself does not mean that it is practically achievable, let alone inevitable. The most important aspects of the problem of the future – the new social quality and its historical feasibility are considered as interconnected, but not locked into each other.

Materials and methods. The closest empirical basis for the study is the soviet experience of building a socialist society, which clearly demonstrated the historical insufficiency of social technology and the impossibility of producing an "ex machina" future. Thus, the main hope is for the resources of modern self-movement, which are revealed based on the principles of Marxist social science using logical-semantic analysis.

Results. Regardless of the chances for its own reality, only communist perspective sets translational vector for social change. Overcoming alienation and social determinism is an objective historical trend that comes to self-denial in communism as direct life-creation. Thus, the problem of the future literally coincides with the theme of shaping a new quality of social reality. As its closest source, modernity is its main obstacle.

Keywords: communism; socialism; future; modernity; objective history; social reality; historical materialism

For citation. Gryaznykh, D. V., Korniltseva, E. G., & Lysenko, V. V. (2026). Communism as a non-alternative image of the future. *Russian Social and Humanitarian Studies*, *18*(3), 66-83. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-612

Введение

Многие отечественные авторы, рассуждая о перспективах человека, стараются избегать указанного в заглавии термина, поскольку с распадом СССР в массовом сознании и в немалой части экспертного сообщества он устойчиво ассоциируется с социальной утопией. Но историческое поражение советского проекта не является исчерпывающим доказательством несостоятельности коммунистической идеи, не имеющей ничего общего с одноимённой квазирелигиозной идеологией, эксплуатирующей веру в светлое будущее. Советский проект, будучи идеократическим по своей сути, конструировал идеологему «строительство коммунизма» как символический оператор, призванный соединить личное и общественное в целостность системы [16]. Скорее, само это поражение, хотя и косвенно, побуждает к уточнению социалистической идентичности и её роли в социальном прогрессе. Научный коммунизм, в отличие от утопического, производит новое общество не из благих намерений, а из объективного хода вещей, в историческом материализме – из логики развития производительных сил [12]. Наконец, здесь, может быть, самое главное, коммунистическое будущее как таковое не зависит непосредственно от своей практической достижимости. Что не превращает его в утопию. Будущее в данном случае не физическая категория, не предмет, который ждёт для себя материи и пространства, но осуществление растущих из современности (и через неё) возможностей свободы. Положительное преодоление настоящего. Новое качество социальной реальности, не замкнутое

напрямую на возможности современности к его историческому производству. Отсюда – понимание коммунизма как будущего в собственном смысле слова.

Степень научной разработанности проблемы. Из установок марксистского обществознания различные аспекты проблемы будущего, исторического качества современности и её перспектив исследуются в работах ряда российских и зарубежных авторов (Жиганов, 2020 [5]; Fuchs, 2020 [23]; Емельянов, 2021 [4]; Toman, 2021 [28]; Никифоров, Умурзаков, 2023 [13]; Федюнин, 2023 [19]; Tarrit, 2023 [27]; Ли, Ван, 2024 [8]; Майоров, 2024, [9]; Napoletano, 2024 [26]; Селеверстов, 2025 [17]; Madden, 2025 [25]; Baydakov, Mau, 2026 [22]; Huber, 2026 [24]). В центре большинства исследований находятся процессы, связанные с углублением общего кризиса капитализма. Тема же нового общества как таковая часто остаётся факультативной. Недостаточный акцент на образе будущего обусловлен, прежде всего, неизбежным снижением разрешающей способности марксистской (полит)экономической оптики по мере эмансипации исторического бытия от «производственного» детерминизма.

Новизна подхода, предлагаемого в настоящей статье, состоит в компенсации гносеологической недостаточности «материалистической» интерпретации постэкономической социальной реальности средствами логико-семантического анализа. В содержательном плане новизна связана, прежде всего, с опосредованием отношений образа будущего с его исторической осуществимостью, подразумевающим, в свою очередь, обновление дистанции к дискурсу социальной утопии.

Цель настоящей исследовательской статьи заключается в утверждении безальтернативного характера коммунистического образа будущего.

Достижение указанной цели подразумевает решение следующих *задач*:

– ревизия способа представления будущего общества в связи с реконструкцией социально-философских оснований теории научного коммунизма;

– уточнение исторического места советского социализма и его отношений с коммунизмом;

– экспликация образа будущего из концепта коммунистической формации общества.

Материалы и методы

Концептуальной и методологической основой исследования выступают принципы марксистского обществознания. При этом эвристический потенциал исторического материализма в предлагаемом подходе ограничивается объективной историей. Посткапиталистические и постэкономические тенденции социального поведения и образа жизни снижают «разрешающую» способность «материалистической» интерпретации исторической реальности. Для адаптации классических представлений к артикуляции современности и её перспектив привлекаются средства логико-семантического анализа.

Последние помогают разоблачению антиномий, апорий и откровенных химер, в которые упираются попытки представления общества по ту сторону отчуждения. К примеру, пресловутая, логически безупречная связка «(советский) социализм – коммунизм» рвётся в виду семантического ядра первого («социалистическое государство»), буквально отрицающего возможность исторического производства второго. В свою очередь, стоящие отдельно от указанного противоречия рассуждения об отмирании государства при коммунизме чрезмерны для логики, в которой они формулируются.

Дизайн исследования строится на различении двух плоскостей проблемы. С одной стороны, содержательного образа будущего как нового качества социальной реальности, с другой – исторических шансов его осуществления. Очевидно, они неразрывно связаны, но не замкнуты друг на друга. Одно дело – коммунистическая перспектива как единственный поступательный вектор общественных перемен, другое – вопрос о её практической достижимости в обозримом или любом другом горизонте. Смешивать эти планы – значит либо впадать в исторический фатализм, либо скатываться к конструк-

тивизму, увлечение которым чревато, как показал советский опыт, историческим тупиком.

Результаты и обсуждение

Сквозная тенденция объективной истории, происходящей из логики развития производительных сил – движение к постэкономической формации общества [12; 21]. На ней почти целиком строится теория научного коммунизма. Однако, создатели классического варианта последней пытаются усидеть на двух стульях, когда настаивают на революционном подходе к социальной действительности, почти по-мичурински призывая не ждать милостей от истории. Эта двойственность, заложенная ещё авторами «Манифеста» и «Немецкой идеологии», у Ленина выходит на проектную мощность [11; 12]. Ленинизм развивается из столкновения исторического материализма с претензией на социальную технологию, применяясь к моменту конкретным сочетанием противоположных тенденций. Отсюда сила гибкости и слабость непоследовательности. (По боковой линии раздвоение может восходить к столкновению капитализма и коммунизма как двух способов восприятия реальности – проекций индивидуального и универсального сознания [2]).

В теории и практике советского социализма указанное расщепление дискурса достигает своего апогея. Советский проект изначально понимался своим основателем как способ производства нового общества [6; 7]. Но довольно скоро проявилась технологическая невозможность коммунизма, во всяком случае, реальный социализм показал себя не адекватным задачам коммунистического строительства. Мегапроекты первых пятилеток радикально изменили экономический и социальный ландшафт, «жить стало лучше, жить стало веселей», но из социализма коммунизм по-прежнему выглядел линией горизонта. Вроде бы в прямой видимости, но ни дойти, ни сколько-нибудь приблизиться физически невозможно. Подготовительный, переходный период постепенно превращался в замкнутую на себя, довлеющую себе форму. Справедливости ради, разочарование в творческом потенциале социализма было

не столько причиной такой эволюции, сколько сопутствующим обстоятельством. Преодолевая старое общество на несозревших для новой социальной реальности предпосылках, советский социализм всё больше развивался в направлении полноты собственных специфических признаков и механизмов своего расширенного воспроизводства. Строй не столько подготавливал будущее, сколько консервировал настоящее. Государственное регулирование с «приближением к коммунизму» только усиливалось. Хотя с преодолением классовых антагонизмов, по определению, его роль должна становиться всё более символической. Утрачивая политические функции, оно превращается в техническую администрацию и, в конце концов, растворяется в общественном самоуправлении, из которого последняя восстанавливается в новом качестве моральной и экспертной иерархии. То есть речь именно об окончательном отмирании государственных институтов и одноимённых принципов управления, а не их пусть даже глубокой метаморфозе. На практике участившиеся сбои в работе и в целом ослабление государственной машины, отчасти целенаправленное, под знаком демократизации, в последнее советское десятилетие стали, если не первопричиной, то одним из главных катализаторов распада сначала периферии «мировой системы социализма», а затем и её ядра.

Так что совсем не случайно ещё Сталин формально косвенно, но фактически окончательно отказался от ключевой для теории коммунизма идеи отмирания государства [18]. И дело, как теперь очевидно, не только во враждебном капиталистическом окружении. Советская версия государственного социализма была официально объявлена вершиной общественного прогресса. Коммунизм, обещанный Хрущёвым к 1980 году, подразумевал, прежде всего, долгожданное качественное повышение благосостояния трудящихся благодаря масштабной модернизации народного хозяйства, опять же «под руководством партии и правительства». Наиболее ярким результатом заявленных и осуществлённых преобразований стало, как известно, индустриальное домостроение, радикально улучшившее жилищные условия миллионов советских граждан. С освоением целины (и не только) получилось не так однозначно.

Специфическая диалектика советского строя происходит во многом из попытки подчинения объективной логики развития производительных сил задаче технологического преодоления отчуждения. Технология – понятие растяжимое, но не безразмерное. Одно дело – редукция общественных противоречий до их классовой первоосновы для спрямления и ускорения исторического движения. Что уже сильно проблематично, а на практически значимом интервале, до необратимости существенных перемен, почти невозможно. (Не случайно исторические прорывы нередко развиваются по формуле «шаг вперёд, два шага назад»). И совсем другое – социальный конструктивизм под предлогом «живого творчества масс». Как следствие – неспособность сложившейся системы именно к творческому самоотрицанию. С этой стороны социализм выступает рукотворным локальным концом истории. Созданная на расчищенном месте конструкция равна себе и не способна к производству будущего. А его механическая надстройка в отсутствие собственных оснований неизбежно разрушает социалистический фундамент. Хотя основатель советского государства видел в нём плацдарм для решающего исторического броска, несущую платформу коммунистического строительства, конструктивно прочностные характеристики социализма замыкаются на его способность к самостоянию. Система, которая создавалась как собственная опора, не предусматривает нагрузки, превышающие задачи своего воспроизводства. Или иначе и значительно короче: нельзя преодолеть пропасть в два прыжка. Или достать до будущего, поставив один социальный проект на другой, даже если объявить их неразрывными частями единого целого. Дело не инженерных просчётах – задача не имеет технического решения. Та же коммунистическая мораль неизбежно строилась на двух противоречивых уровнях – этике принципов и этике добродетели, и именно эта двойственность вела к тому, что, «высвобождая человека», советский проект одновременно «растил» ту самую индивидуальность, которая впоследствии разрушила коллективистскую идентичность [3].

В то же время не стоит преувеличивать естественно-исторический характер современного западного капитализма. Учитывая су-

щественные коррективы, которые внёс в XX век Советский Союз. Такой же исторической недостаточностью, правда, совершенно непохожей природы, страдает нынешнее общество потребления. Гарантированное удовлетворение базовых потребностей приводит к мутации классических социальных антагонизмов, замедляя тем самым и даже блокируя поступательные общественные перемены (отсюда во многом теория «последнего» общества Фукуямы) [20]. Ассоциация советского социализма в массовом сознании на Западе с экономической неэффективностью и репрессивным режимом окончательно парализовали интуитивное стремление к социальной альтернативе [1]. В отсутствие возможности творческой реализации превращённая социальная энергия находит единственный адекватный в плане пропускной способности выход в исторически бесплодном расшатывании сложившегося статус-кво.

Марксистский «историцизм», по убеждению Поппера, загоняет общественное развитие в прокрустово ложе неизменных объективных законов [14; 15]. Но такое понимание не вполне справедливо уже для ранних, относительно простых обществ, производных от условий существования и «вынужденных» способов организации хозяйственной жизни. Постепенная эмансипация от природы ведёт к растущей автономии социальной реальности. Историческое «самозаконодательство» как таковое превышает любую детерминистскую схему. В тенденции, по мере становления социального космоса, внутренние объективные факторы – те же «надстроечные» институты, как возникающие не на пустом месте – подчиняют, частично включают в себя внешние. Так что экономика, в самом широком значении термина, определяет другие сферы общественной и частной жизни всё более опосредованным, а то и косвенным образом. Уже не говоря об «обратном влиянии надстройки на базис». Экономический детерминизм буквально развивается в (социально-) экономический материализм. А с окончательным присвоением человеком собственных предпосылок на смену (пред)историческому материализму приходит исторический идеализм. И здесь дело уже не в том, что люди овладевают законами общественного развития и могут использовать их

к своей выгоде, а в том, что за пределами объективной социальной реальности эти законы теряют над ними всякую власть и вообще какую-нибудь действительность. Прежде всего, именно в этом смысле окончательного «растворения» исторической материи можно говорить о коммунизме как идеальном обществе. Человек становится исключительной мерой социальных вещей и единственным хозяином своей жизни. Таким образом, коммунистический образ будущего отрицает запрограммированность происходящего, реализуя представление об истории как открытой системе.

Исторический материализм, по определению, делает акцент на объективно-закономерном характере (само)развития социальной реальности. В отсутствие соразмерного концептуального противовеса тенденция балансирует на грани поглощения общественного бытия как такового. В декларируемой классиками «истории людей» никак не получается найти место для человека. Даже в случае «исторических личностей» произвол нигде не выступает самостоятельно, будучи со всех сторон, в том числе «изнутри», обложен социальными обстоятельствами. Но дело не только в оптике метода, где критика Поппера имеет резоны. В условиях превращённых форм общения сознание выступает механизмом опосредования социальных процессов, не имея своего голоса. Не случайно ни один из вариантов «примирения» произвола с объективной историей пока не сработал, по крайней мере, не стал общепринятым. Та же гумилёвская «пассионарность», незаметно вышедшая к сегодняшнему дню из повсеместного употребления, должна была обеспечить спонтанность или как минимум автономию субъективного фактора. Но ссылаться на что-либо, как последнее, значит ставить его под философское подозрение. Атомарная пассионарность не раскладывается на части и не схватывается целиком, как положено аксиоме, оставаясь, самое большее, частным (и очень сильным) методологическим допущением.

Основоположники марксизма не идут дальше прозрачных намёков на возможность создания общества (при коммунизме) прямым действием [11; 12]. С одной стороны, согласно известной формуле,

Маркс пытался соединить гегелевскую диалектику с фейербаховским материализмом. Для чего боролся с идеализмом первого и созерцательностью второго. С другой стороны, над классиками довлели правила тогдашнего хорошего научного тона с тотальным недоверием ко всему субъект(ив)ному. Хотя дать ему волю предполагалось за пределами объективной истории и, соответственно, обусловленных ею привычек мышления. Но, кроме прочего, есть чисто логическое препятствие, чтобы называть вещи своими словами. Пока существует задача социального проектирования, у неё нет решения, а когда (и если) появляется «техническая» возможность произвольно положенной формы общения, исчезает такая задача. Желаемая социальная реальность создаётся теперь непосредственным образом, как тождественная актуальной действительности самозаконных конкретно-индивидуальных отношений. В пространстве, где вещи и направления равны себе, достижение цели становится простым движением к ней без поправок на социальную алхимию отчуждения. Коммунизм не имеет формы в смысле внешнего определения, поэтому его невозможно построить и ещё труднее представить. Во многом поэтому классики понимали под ним больше движение, чем результат [10]. Отсюда же, в частности, наивно-романтическое и даже карикатурное отражение коммунистического быта в зеркале «катафатической» традиции мышления. Зато другая крайность абстрактного схематизма способна раз и навсегда отбить охоту ко всякому, в том числе научному, воображению. Стругацкие совершили интеллектуальный, а где-то философский подвиг, создав самую подробную из существующих на сегодняшний день историю «светлого будущего», не имея для этого сколько-нибудь адекватных изобразительных средств. Ведь «внутри» объективной истории человек смотрит на мир глазами современного ему общества. И разобрать что-нибудь раньше появления его социального коррелята физически невозможно. А в данном случае и без того почти невыполнимая задача бесконечно усложняется «нездешней» онтологией будущего.

С преодолением отношений частной собственности общественное бытие встаёт с головы на ноги, и сознание возвращает себе

естественную перспективу, избавляясь от химер отчуждения. Социальный мир предстает прозрачным и односложным. Вещи, события, чувства и отношения равны себе по модулю и по знаку. Не случайно герои «Мира полудня» часто кажутся плоскими, если не примитивными. Живущий от первого и единственного лица, человек «светлого будущего», по сегодняшним меркам, действительно, устроен достаточно просто. Прежде всего, бросается в глаза его очень скромный морально-нравственный «диапазон». Конечно, коммунару, если верить Стругацким, ничто человеческое не чуждо, но на подлость он физически не способен. Другой обмен веществ. Нравственный выбор без выбора даже неизбежность собственной гибели превращает в рутину. Другими словами, ещё при жизни в теле человек станет чистым духом, для которого, как известно, смерти нет. Суть антропологической революции – в преодолении онтологический дихотомии, которую экзистенциалисты считают фундаментальной человеческой ситуацией, невычитаемой из его сущности. Не случайно в «Далёкой Радуге» даже намёк на коллизию в связи с экстренной эвакуацией коммунары воспринимают крайне болезненно: человек совсем недавно окончательно вышел из первородного противоречия и ещё не успел поверить в свою высшую версию.

Заключение

1. Марксистская «эсхатология» – это учение о конце объективной истории («предыстории»). В тенденции производительные силы перерастают отношения частной собственности, классовое разделение и государственно-правовое регулирование. Логика процесса обеспечивается его «механикой», то есть способом движения общества.

2. Как инструмент разоблачения социальной стихии материалистическое понимание истории не может положительно выступить за границы предмета и пойти в представлении нового общества дальше отрицания современности.

3. Эволюция советского проекта в номинальный предкоммунизм не позволила ему стать мостом между прошлым и будущим, но се-

рьёзно спутала «дорожные карты», и капитализм принял не самую оптимальную для поступательного общественного развития форму.

4. Мутация и хронизация основного противоречия капитализма – главный источник беспрецедентной исторической инерции общества потребления, а через неё – дискурса конца истории.

5. Претензии современности на окончательную форму общественного устройства противоречат всё более очевидным признакам её переходности. Системообразующие экономические и культурно-политические тенденции отрицают себя раньше, чем воспроизводят.

6. Осуществление предпосылок нового общества, то есть положительное снятие капитализма, подразумевает, как безальтернативный, коммунистический образ будущего.

Список литературы

1. Вебер, А. Б. (2023). Другой социализм. Почему не надо отождествлять социализм и коммунизм. *Свободная мысль*, (3), 149–160. EDN: https://elibrary.ru/EUFFXO
2. Винто, В. В. (2025). Метафизика коммунизма-капитализма: структура сознания как выбор политической идеологии. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание*, (7), 127–134. https://doi.org/10.37882/2500-3682.2025.07.08. EDN: https://elibrary.ru/SGAXUL
3. Давыдов, Д. А. (2022). Добродетели против коммунизма. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*, (4), 186–196. https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-107-4-186-196. EDN: https://elibrary.ru/GRNZGT
4. Емельянов, А. С. (2021). О гуманистической интерпретации Маркса: коммунизм или нарциссизм? *Философская мысль*, (10), 33–51. https://doi.org/10.25136/2409-8728.2021.10.36325. EDN: https://elibrary.ru/IUYXUX
5. Жиганов, Р. О. (2020). Марксизм: история и современность. В *Молодые исследователи — регионам: материалы Международной научной конференции*, Вологда, 13–23 апреля 2020 года (т. *3*, с. 40–42). Вологда: Вологодский государственный университет. EDN: https://elibrary.ru/DGAMTT
6. Ленин, В. И. (1969). Государство и революция. В *Полное собрание сочинений*: в 55 т. (т. *33*, с. 1–120). Москва: Политиздат.
7. Ленин, В. И. (1969). О государстве (Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919). В *Полное собрание сочинений*: в 55 т. (т. *39*, с. 64–84). Москва: Политиздат.

8. Ли, С., & Ван, Ю. (2024). Марксизм-ленинизм как идеология: история становления и современность. В *Перспективы развития современного гуманитарного знания: Сборник материалов X Всероссийской научно-практической конференции*, Стерлитамак, 14–15 марта 2024 года (с. 128–134). Стерлитамак: Уфимский университет науки и технологий. EDN: https://elibrary.ru/QOJCSH
9. Майоров, Г. А. (2024). Эволюция марксистско-ленинской идеологии в условиях постсоветской России. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*, (10-3), 14–19. https://doi.org/10.37882/2223-2982.2024.10-3.20. EDN: https://elibrary.ru/VBFGFW
10. Маркс, К. (1974). Экономическо-философские рукописи 1844 года. В *Сочинения*: 2-е изд. (т. *42*, с. 41–174). Москва: Политиздат.
11. Маркс, К., & Энгельс, Ф. (1955). Манифест коммунистической партии. В *Сочинения*: 2-е изд. (т. *4*, с. 419–459). Москва: Политиздат.
12. Маркс, К., & Энгельс, Ф. (1955). Немецкая идеология. В *Сочинения*: 2-е изд. (т. *3*). Москва: Политиздат, 689 с.
13. Никифоров, А. В., & Умурзаков, И. Г. (2023). Ленинская идеология и её преимущества в современном мире. В *Молодежь и наука — 2023: Материалы международной научно-практической конференции*, Петропавловск, 12 апреля 2023 года (с. 548–552). Петропавловск: Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева. EDN: https://elibrary.ru/ZKFUOB
14. Поппер, К. (1992). *Открытое общество и его враги*: в 2 т. (т. *2*). Москва: Феникс, 528 с.
15. Поппер, К. (1993). *Нищета историцизма*. Москва: Прогресс, 188 с.
16. Прилукова, Е. Г., & Жуков, А. Е. (2025). Идеологема «строительство коммунизма» — символический оператор советской социальной реальности. *Вестник Челябинского государственного университета*, (4), 11–19. https://doi.org/10.47475/1994-2796-2025-498-4-11-19. EDN: https://elibrary.ru/LPMIHK
17. Селеверстов, Р. Е. (2025). Российский вариант идеологизации марксизма. *Среднее профессиональное образование*, (5), 55–61. EDN: https://elibrary.ru/GVXXDO
18. Сталин, И. (1952). *Экономические проблемы социализма в СССР*. Ленинград: Государственное издательство политической литературы, 93 с.
19. Федюнин, В. Г. (2023). Коммунистическая цивилизация и современный миропорядок. В *СССР как попытка построения новой коммунистической цивилизации: Материалы международной научно-практической конференции*, Москва, 22 декабря 2022 года (с. 288–300). Москва: Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского. EDN: https://elibrary.ru/RYMREL
20. Фукуяма, Ф. (2010). *Конец истории и последний человек*. Москва: АСТ, 588 с. ISBN: 978-5-17-059140-4. EDN: https://elibrary.ru/QOKXGP

21. Энгельс, Ф. (1955). Происхождение семьи, частной собственности и государства. В *Сочинения*: 2-е изд. (т. *21*, с. 28–178). Москва: Госполитиздат.
22. Baydakov, I. M., & Mau, V. A. (2026). Three attempts at market reform of the Soviet economy: A comparative analysis. *Russian Journal of Economics*, (12), 60–94. https://doi.org/10.32609/j.ruje.12.173518. EDN: https://elibrary.ru/AQBXBS
23. Fuchs, C. (2020). Communicative socialism/digital socialism. *tripleC: Communication, Capitalism & Critique*, *18*(1), 1–31. https://doi.org/10.31269/triplec.v18i1.1144. EDN: https://elibrary.ru/QNZLVZ
24. Huber, M. T. (2026). Proletarian ecology and the planetary mode of production. *Capitalism Nature Socialism*, *37*(2), 128–148. https://doi.org/10.1080/10455752.2026.2627292. EDN: https://elibrary.ru/FKXWJO
25. Madden, D. J. (2025). Social reproduction and the housing question. *Antipode*, *57*(2), 578–598. https://doi.org/10.1111/anti.13132. EDN: https://elibrary.ru/CZWMYE
26. Napoletano, B. M. (2024). Was Karl Marx a degrowth communist? *Monthly Review*, *76*(2), 9–36. https://doi.org/10.14452/MR-076-02-2024-06_2. EDN: https://elibrary.ru/XZRRDP
27. Tarrit, F. (2023). Réflexions sur la possibilité d'une construction non utopique du communisme chez Marx. *Revue d'histoire de la pensée économique*, (15), 165–197. https://doi.org/10.48611/isbn.978-2-406-14962-0.p.0165
28. Toman, L. (2021). On the implicit presence of the critical-idealistic phase of Marx's thinking in the dialectical-historical materialistic phase. *E-LOGOS: Electronic Journal for Philosophy*, *28*(1), 33–49. https://doi.org/10.18267/j.e-logos.482. EDN: https://elibrary.ru/LLXDMZ

References

1. Weber, A. B. (2023). A different socialism: Why socialism and communism should not be conflated. *Svobodnaya Mysl*, (3), 149–160. EDN: https://elibrary.ru/EUFFXO
2. Vintov, V. V. (2025). The metaphysics of communism–capitalism: The structure of consciousness as a choice of political ideology. *Sovremennaya Nauka: Aktualnye Problemy Teorii i Praktiki. Series: Poznanie*, (7), 127–134. https://doi.org/10.37882/2500-3682.2025.07.08. EDN: https://elibrary.ru/SGAXUL
3. Davydov, D. A. (2022). Virtues against communism. *Politeia: Analiz. Khronika. Prognoz*, (4), 186–196. https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-107-4-186-196. EDN: https://elibrary.ru/GRNZGT
4. Emelianov, A. S. (2021). On the humanistic interpretation of Marx: Communism or narcissism? *Filosofskaya Mysl*, (10), 33–51. https://doi.org/10.25136/2409-8728.2021.10.36325. EDN: https://elibrary.ru/IUYXUX
5. Zhiganov, R. O. (2020). Marxism: History and modernity. In *Young Researchers – to the Regions: Proceedings of the International Scientific Conference*, Vologda, April

13–23, 2020 (Vol. 3, pp. 40–42). Vologda: Vologda State University. EDN: https://elibrary.ru/DGAMTT

6. Lenin, V. I. (1969). The state and revolution. In *Complete Works: In 55 vols.* (Vol. 33, pp. 1–120). Moscow: Politizdat.
7. Lenin, V. I. (1969). On the state (Lecture delivered at the Sverdlov University, July 11, 1919). In *Complete Works: In 55 vols.* (Vol. 39, pp. 64–84). Moscow: Politizdat.
8. Li, C., & Wang, Y. (2024). Marxism-Leninism as an ideology: The history of its formation and the present. In *Prospects for the Development of Modern Humanities Knowledge: Proceedings of the 10th All-Russian Scientific and Practical Conference*, Sterlitamak, March 14–15, 2024 (pp. 128–134). Sterlitamak: Ufa University of Science and Technology. EDN: https://elibrary.ru/QOJCSH
9. Maiorov, G. A. (2024). The evolution of the Marxist-Leninist ideology in post-Soviet Russia. *Sovremennaya Nauka: Aktualnye Problemy Teorii i Praktiki. Series: Gumanitarnye Nauki*, (10-3), 14–19. https://doi.org/10.37882/2223-2982.2024.10-3.20. EDN: https://elibrary.ru/VBFGFW
10. Marx, K. (1974). Economic and philosophic manuscripts of 1844. In *Works: 2nd ed.* (Vol. 42, pp. 41–174). Moscow: Politizdat.
11. Marx, K., & Engels, F. (1955). Manifesto of the Communist Party. In *Works: 2nd ed.* (Vol. 4, pp. 419–459). Moscow: Politizdat.
12. Marx, K., & Engels, F. (1955). The German ideology. In *Works: 2nd ed.* (Vol. 3). Moscow: Politizdat. 689 p.
13. Nikiforov, A. V., & Umurzak, I. G. (2023). Leninist ideology and its advantages in the modern world. In *Youth and Science — 2023: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*, Petropavlovsk, April 12, 2023 (pp. 548–552). Petropavlovsk: Manash Kozybaev North Kazakhstan University. EDN: https://elibrary.ru/ZKFUOB
14. Popper, K. (1992). *The open society and its enemies: In 2 vols.* (Vol. 2). Moscow: Feniks. 528 p.
15. Popper, K. (1993). *The poverty of historicism*. Moscow: Progress. 188 p.
16. Prilukova, E. G., & Zhukov, A. E. (2025). The ideologeme "the building of communism" as a symbolic operator of Soviet social reality. *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, (4), 11–19. https://doi.org/10.47475/1994-2796-2025-498-4-11-19. EDN: https://elibrary.ru/LPMIHK
17. Seleverstov, R. E. (2025). The Russian variant of the ideologization of Marxism. *Srednee Professionalnoe Obrazovanie*, (5), 55–61. EDN: https://elibrary.ru/GVXXDO
18. Stalin, I. (1952). *Economic problems of socialism in the USSR*. Leningrad: State Publishing House of Political Literature. 93 p.
19. Fediunin, V. G. (2023). The communist civilization and the modern world order. In *The USSR as an Attempt to Build a New Communist Civilization: Proceedings of*

the International Scientific and Practical Conference, Moscow, December 22, 2022 (pp. 288–300). Moscow: University of World Civilizations named after V. V. Zhirinovsky. EDN: https://elibrary.ru/RYMREL

20. Fukuyama, F. (2010). *The end of history and the last man*. Moscow: AST. 588 p. ISBN: 978-5-17-059140-4. EDN: https://elibrary.ru/QOKXGP
21. Engels, F. (1955). The origin of the family, private property and the state. In *Works: 2nd ed.* (Vol. 21, pp. 28–178). Moscow: Gospolitizdat.
22. Baydakov, I. M., & Mau, V. A. (2026). Three attempts at market reform of the Soviet economy: A comparative analysis. *Russian Journal of Economics*, (12), 60–94. https://doi.org/10.32609/j.ruje.12.173518. EDN: https://elibrary.ru/AQBXBS
23. Fuchs, C. (2020). Communicative socialism/digital socialism. *tripleC: Communication, Capitalism & Critique*, *18*(1), 1–31. https://doi.org/10.31269/triplec.v18i1.1144. EDN: https://elibrary.ru/QNZLVZ
24. Huber, M. T. (2026). Proletarian ecology and the planetary mode of production. *Capitalism Nature Socialism*, *37*(2), 128–148. https://doi.org/10.1080/10455752.2026.2627292. EDN: https://elibrary.ru/FKXWJO
25. Madden, D. J. (2025). Social reproduction and the housing question. *Antipode*, *57*(2), 578–598. https://doi.org/10.1111/anti.13132. EDN: https://elibrary.ru/CZWMYE
26. Napoletano, B. M. (2024). Was Karl Marx a degrowth communist? *Monthly Review*, *76*(2), 9–36. https://doi.org/10.14452/MR-076-02-2024-06_2. EDN: https://elibrary.ru/XZRRDP
27. Tarrit, F. (2023). Reflections on the possibility of a non-utopian construction of communism in Marx. *Revue d'Histoire de la Pensée Économique*, (15), 165–197. https://doi.org/10.48611/isbn.978-2-406-14962-0.p.0165
28. Toman, L. (2021). On the implicit presence of the critical-idealistic phase of Marx's thinking in the dialectical-historical materialistic phase. *E-LOGOS: Electronic Journal for Philosophy*, *28*(1), 33–49. https://doi.org/10.18267/j.e-logos.482. EDN: https://elibrary.ru/LLXDMZ

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Грязных Дмитрий Владимирович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук
Тюменский государственный университет
ул. Володарского, 6, г. Тюмень, 625003, Российская Федерация
d.v.griaznykh@utmn.ru

Корнильцева Елена Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и прикладной социологии
Уральский государственный экономический университет

ул. 8 Марта, 62, г. Екатеринбург, 620144, Российская Федерация
kornilceva.e@yandex.ru

Лысенко Валерий Витальевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и прикладной социологии
Уральский государственный экономический университет
ул. 8 Марта, 62, г. Екатеринбург, 620144, Российская Федерация
valery.lisen@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Dmitry V. Gryaznykh, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Socio-Humanitarian Sciences
University of Tyumen
6, Volodarskogo Str., Tyumen, 625003, Russian Federation
d.v.griaznykh@utmn.ru
SPIN-code: 1176-7881
ORCID: https://orcid.org/0009-0003-2665-1020

Elena G. Korniltseva, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Applied Sociology
Ural State University of Economics
62, 8 March Str., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation
kornilceva.e@yandex.ru
SPIN-code: 6427-5714
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0125-450X

Valery V. Lysenko, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Applied Sociology
Ural State University of Economics
62, 8 March Str., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation
valery.lisen@yandex.ru
SPIN-code: 7011-7766
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6604-8822

Поступила 05.07.2026
После рецензирования 05.08.2026
Принята 10.08.2026

Received 05.07.2026
Revised 05.08.2026
Accepted 10.08.2026

Человек, общество и государство в философской перспективе / Individual, Society, and State in Philosophical Perspective

Научная статья
DOI: 10.12731/3033-5981-2026-18-3-613
УДК 17.023.32

Original article
EDN: EWAPWF

Проблема моральной ответственности в контексте развития сильного искусственного интеллекта

С.М. Мальцева[1,2], А.Д. Грачева[1], М.Б. Ротанова[3]
[1]Мининский университет, Нижний Новгород, Российская Федерация
[2]НИПС - филиал ПривГУПС, Нижний Новгород, Российская Федерация
[3]Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Стремительное развитие технологий машинного обучения и генеративных нейросетей обострило дискуссию о границах моральной субъектности и ответственности в ситуациях, где автономные системы принимают решения, затрагивающие жизнь и благополучие людей. Сильный интеллект – это предполагаемая техническая система, которая способны выполнять интеллектуальные задачи на уровне человека, то есть с пониманием и возможностью самообучения. В своем развитии он проходит несколько этапов: от контролируемого через уменьшение надзора до минимального к автономной и самодостаточной стадии. Вместе с этим меняется и мораль: от попытки встроить ее в алгоритмы к пересмотру сущности и оснований перед лицом агента, отличного или даже превосходящего человека. Классические этические теории, выстроенные вокруг свободной воли и рационального выбора, оказываются недостаточными для квалификации действий агентов, лишённых сознания в философском смысле.

Цель исследования – выявить концептуальные ограничения применения категории моральной ответственности к системам сильного искусственного интеллекта и предложить трехуровневую модель распределённой ответственности.

Гипотеза: моральная ответственность за действия автономных интеллектуальных систем не может быть локализована в одном субъекте; она распределяется между разработчиками, операторами и институциональной средой.

Материалы и методы. Методологической основой исследования выступает концептуальный анализ, позволяющий реконструировать содержание философ-

ских категорий (моральная ответственность, субъектность, интенциональность) и оценить границы их применения к новым объектам. Параллельно используется сравнительный метод, посредством которого сопоставляются позиции представителей различных этических традиций.

Новизна исследования. Предложена интерпретация проблемы ответственности через призму концепции «вакуума ответственности» А. Маттиаса, дополненной положениями этики заботы и институциональной этики, что позволяет преодолеть индивидуалистическую редукцию.

Результаты. Показано, что ни модель добровольного действия Аристотеля, ни критерий автономии воли Канта не применимы к искусственным агентам напрямую. Аргумент Сёрла о невозможности подлинной интенциональности у вычислительных систем остаётся состоятельным, однако не снимает вопроса об ответственности за последствия. Обосновано, что адекватной рамкой выступает распределённая ответственность, включающая три уровня: техническую подотчётность разработчика, операционную ответственность пользователя и регуляторную ответственность институтов.

Ключевые слова: моральная ответственность; сильный искусственный интеллект; моральная субъектность; вакуум ответственности; этика технологий; автономные системы; распределённая ответственность; философия техники

Для цитирования. Мальцева, С. М., Грачева, А. Д., & Ротанова, М. Б. (2026). Проблема моральной ответственности в контексте развития сильного искусственного интеллекта. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, *18*(3), 84-100. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-613

The problem of moral responsibility in the context of strong artificial intelligence development

S.M. Maltseva[1,2], A.D. Gracheva[1], M.B. Rotanova[3]
[1]Minin University, Nizhny Novgorod, Russian Federation
[2]Nizhny Novgorod Institute of Railway Engineering - branch of the Volga State University of Railway Engineering, Nizhny Novgorod, Russian Federation
[3]Linguistic University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract

Background. The rapid development of machine learning technologies and generative neural networks has intensified the debate about the boundaries of moral subjectivity and responsibility in situations where autonomous systems make decisions affecting people's lives and well-being. Strong intelligence is an assumed technical system that is capable of performing intellectual tasks at the human level, that is, with

understanding and the possibility of self–learning. It goes through several stages in its development: from controlled through reduced supervision to minimal to an autonomous and self-sufficient stage. At the same time, morality is also changing: from an attempt to embed it in algorithms to a revision of the essence and grounds in the face of an agent who is different or even superior to a person. Classical ethical theories, built around free will and rational choice, are insufficient to qualify the actions of agents devoid of consciousness in the philosophical sense.

Purpose – to identify the conceptual limitations of applying the category of moral responsibility to systems of strong artificial intelligence and to propose a three-level model of distributed responsibility.

Hypothesis: moral responsibility for the actions of autonomous intelligent systems cannot be localized in one entity; it is distributed among developers, operators and the institutional environment.

Materials and methods. The methodological basis of the research is a conceptual analysis that allows reconstructing the content of philosophical categories (moral responsibility, subjectivity, intentionality) and assessing the boundaries of their application to new objects. In parallel, a comparative method is used, through which the positions of representatives of various ethical traditions and the **novelty of the research** are compared. The interpretation of the problem of responsibility through the prism of the concept of the «vacuum of responsibility» is proposed. Mattias, supplemented by the provisions of ethics of care and institutional ethics, which makes it possible to overcome individualistic reduction.

Results. It is shown that neither Aristotle's model of voluntary action nor Kant's criterion of will autonomy are directly applicable to artificial agents. Searle's argument about the impossibility of genuine intentionality in computing systems remains valid, but it does not remove the question of responsibility for the consequences. It is proved that an adequate framework is distributed responsibility, which includes three levels: technical accountability of the developer, operational responsibility of the user and regulatory responsibility of institutions.

Keywords: moral responsibility; strong artificial intelligence; moral agency; responsibility gap; ethics of technology; autonomous systems; distributed responsibility; philosophy of technology

For citation. Maltseva, S. M., Gracheva, A. D., & Rotanova, M. B. (2026). The problem of moral responsibility in the context of strong artificial intelligence development. *Russian Social and Humanitarian Studies*, *18*(3), 84-100. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-613

Введение

Глобальные изменения последних лет, связанные с всеобщей информатизацией, а теперь уже и повсеместным внедрением искус-

ственного интеллекта, обострили социальные и этические противоречия. Сегодня мы уже можем не только предполагать, а анализировать накопившиеся последствия этих процессов: отчужденность, усталость, одиночество, социальный разрыв, несправедливость, проблемы коммуникации [2; 9; 10].

Вопрос о моральной ответственности принадлежит к числу старейших в западной философской традиции. От Аристотеля до И. Канта, от утилитаризма Дж. С. Милля до деонтологии К. Корсгаард, мыслители разных эпох искали критерии, позволяющие вменять субъекту ответственность за совершённое действие [1; 5; 15; 17]. Эти критерии, при всех различиях, сходились в одном: ответственность предполагает агента, наделённого сознанием, свободой воли и способностью к рефлексии. Появление автономных интеллектуальных систем, способных принимать решения без непосредственного участия человека, ставит под сомнение универсальность этой предпосылки.

Актуальность проблемы определяется не абстрактной перспективой создания «сильного» искусственного интеллекта, обладающего сознанием и самоосознанием, а вполне практическими ситуациями. Беспилотные автомобили уже сегодня вынуждены «выбирать» между столкновениями с разными объектами; системы медицинской диагностики формируют рекомендации, определяющие тактику лечения; алгоритмы кредитного скоринга влияют на доступ граждан к финансовым ресурсам. Когда решение принято машиной, возникает закономерный вопрос: кто несёт ответственность за его последствия? Классические модели атрибуции ответственности не дают однозначного ответа, поскольку строились для субъектов, обладающих интенциональностью.

Связь между сильным искусственным интеллектом, искусственными агентами и моральной ответственностью – это фундаментальный вызов человечеству, ставящий под сомнение всю его этическую систему. Традиционная модель ответственности была рассчитана только на человека, единственно обладающего свободой воли и сознанием. Сильный искусственный интеллект уже превзошел че-

ловека по когнитивным способностям и грозит превзойти в автономии. Его действия все более сложны и непредсказуемы. Даже если мы не признаем наличие у него сознания, это не исключает наличие у него адаптивности, автономности и интерактивности, делая его со-субъектом, способным производить в мире значимые эффекты.

Анализ литературы показывает, что проблема моральной ответственности в контексте развития искусственного интеллекта разрабатывается преимущественно в зарубежной традиции. Л. Флориди и Дж. Сандерс предложили концепцию «моральной подотчётности» артефактов, не наделённых субъектностью [13; 14]. А. Маттиас ввёл вызвавшее среди ученых резонанс понятие «вакуума ответственности», описывающего ситуацию, когда ни разработчик, ни пользователь не могут в полной мере предвидеть поведение обучающейся системы. [12; 16; 20; 23]. Н. Бостром проанализировал риски, связанные с появлением сверхинтеллекта, и указал на проблему согласования целей [3]. В отечественной философии к данной теме обращались Е.А. Никитина, В.А. Лекторский, Б.Г. Юдин, исследующие взаимосвязь технологического прогресса и трансформации субъектности [6; 7; 11].

Вместе с тем ряд аспектов остаётся дискуссионным. Не прояснён вопрос о том, применимы ли к автономным системам классические критерии моральной субъектности (свобода воли, осознанность, способность к суждению). Не разработана удовлетворительная модель распределения ответственности между множественными участниками процесса создания и эксплуатации интеллектуальных систем.

Цель исследования – выявить концептуальные ограничения применения категории моральной ответственности к системам сильного искусственного интеллекта и предложить трехуровневую модель распределённой ответственности.

Для достижения цели поставлены следующие *задачи:* проанализировать классические критерии моральной субъектности применительно к искусственным агентам; реконструировать аргумент Дж. Сёрла [8] о невозможности подлинной интенциональности у вычислительных систем и оценить его следствия для этической

теории; предложить трёхуровневую модель распределённой ответственности.

Научная новизна состоит в том, что концепция «вакуума ответственности» дополнена положениями институциональной этики и этики заботы, что позволяет преодолеть индивидуалистическую редукцию, свойственную большинству существующих подходов.

Материалы и методы

Методологической основой исследования выступает концептуальный анализ, позволяющий реконструировать содержание философских категорий (моральная ответственность, субъектность, интенциональность) и оценить границы их применения к новым объектам. Параллельно используется сравнительный метод, посредством которого сопоставляются позиции представителей различных этических традиций: деонтологии (И. Кант [5]), этики ответственности (Г. Йонас [4]), аналитической философии сознания (Дж. Сёрл [8]), информационной этики (Флориди [13; 14]).

Теоретическую базу составляют несколько ключевых понятий. Под сильным искусственным интеллектом, вслед за Дж. Сёрлом, понимается гипотетическая система, обладающая подлинным пониманием и сознанием, а не только способностью имитировать разумное поведение [8]. Моральная ответственность рассматривается как нормативное отношение между агентом и его действием, предполагающее возможность вменения похвалы или порицания. «Вакуум ответственности», согласно А. Маттиасу, возникает в ситуации, когда сложность обучающейся системы делает невозможной полную атрибуцию её поведения какому-либо конкретному лицу [16].

Ход анализа выстроен не как простое сопоставление авторских позиций, а как проверка условий вменения ответственности. Сначала из классических теорий выделяются признаки агента: способность понимать обстоятельства поступка; возможность соотнести действие с нормой; контроль над последствиями хотя бы в пределах разумного предвидения. Затем эти признаки переносятся на искусственные системы и проверяются по каждому пункту. Такая после-

довательность нужна потому, что модель ответственности нельзя выводить из самого факта автономности алгоритма: автономность в техническом смысле ещё не даёт моральной самостоятельности.

Дальнейший этап связан с разрывом между субъектностью и практическим вредом. Если система не обладает сознанием и интенциональностью, её нельзя описывать как виновного субъекта в строгом смысле. При этом последствия её решений остаются морально значимыми для людей, которые попадают в зону действия алгоритма. Поэтому анализ переходит от вопроса о вине машины к вопросу о распределении обязанностей между теми, кто проектирует систему, допускает её к применению и контролирует последствия её работы.

Результаты и обсуждение

Аристотель в «Никомаховой этике» связывает ответственность с двумя условиями: добровольностью действия и осведомлённостью агента о существенных обстоятельствах [1]. Действие считается добровольным, если его источник находится в самом деятеле и деятель осознаёт частные обстоятельства поступка. Применение этих критериев к автономным системам наталкивается на принципиальную трудность. Нейросетевая модель, обученная на массиве данных, действительно порождает выходные данные «изнутри себя», то есть формально источник действия локализован в системе. Тем не менее характер этого «изнутри» радикально отличается от аристотелевского понимания у модели отсутствует способность к осознанному практическому рассуждению, которая для Аристотеля неотделима от добродетели.

Кантовская этика ставит ещё более жёсткое условие. Моральный субъект, по И.Канту, определяется автономией воли, то есть способностью действовать в соответствии с законом, который субъект сам себе полагает [5]. Категорический императив предполагает, что агент способен к рефлексии над максимой своего поступка и к универсализации этой максимы. Вычислительная система, какой бы сложной она ни была, оперирует функциями оптимизации, а не максимами. Разница здесь не количественная, а качественная: оптимизация целевой функции принципиально отличается от мо-

рального самоопределения. И. Кант, по-видимому, отказал бы даже идеальному искусственному агенту в статусе морального субъекта, поскольку последний не обладает разумом как способностью к автономному законодательству.

Аргумент Дж. Сёрла о «китайской комнате» был сформулирован ещё в 1980 г., однако сохраняет значимость для современных дискуссий. Дж. Сёрл проводит различие между синтаксической обработкой символов и семантическим пониманием. Компьютерная программа, каким бы совершенным ни был её алгоритм, манипулирует символами по формальным правилам; она не понимает смысла обрабатываемой информации. Из этого следует, что приписывание интенциональности вычислительным системам лишено оснований. Без интенциональности нет подлинного действия, есть лишь выполнение программы; без подлинного действия невозможна моральная субъектность [8].

Против аргумента Дж. Сёрла выдвигались многочисленные возражения. Одно из наиболее известных, ответ «системы в целом», утверждает, что понимание возникает не у отдельного компонента, а у системы как целого. Дж. Сёрл парировал это возражение, заметив, что даже если оператор интернализует все компоненты системы, понимания не возникнет [8]. Для целей настоящего исследования существенен не столько вопрос об интенциональности сам по себе, сколько его этическое следствие: если у системы нет интенциональности, ей нельзя вменить ответственность в кантовском или аристотелевском смысле.

Признание невозможности прямого приписывания ответственности машине не снимает проблемы; оно лишь переформулирует её. А. Маттиас показал, что в случае обучающихся систем возникает «вакуум ответственности»: ни программист, ни пользователь, ни владелец не могут предвидеть все решения системы после обучения [16; 24]. Программист задаёт архитектуру и начальные условия, но не контролирует поведение модели после дообучения на новых данных. Пользователь применяет систему, не располагая техническим знанием о её внутреннем устройстве. Владелец несёт юридическую, но не эпистемическую ответственность. Автор опи-

сывал системы, обучающиеся лишь в определенной ограниченной области, и это уже было сложно для понимания. Сильный интеллект, построенный на нейросетях, имеет универсальное назначение и обладает фундаментальной непрозрачностью; приписывание ответственности становится невозможным, ведь мы уже не понимаем причин принятых им решений. Так теряется контроль уже над всем процессом взаимодействия, а не только над отдельным актом.

Л. Флориди предлагает различать моральную ответственность и моральную подотчётность. Подотчётность не требует интенциональности; она опирается на функциональный критерий: агент подотчётен, если его действие может быть оценено как морально значимое по его последствиям, независимо от наличия у агента сознания [13]. Такой подход позволяет говорить об ответственности за поведение искусственного агента, перенеся фокус с вопроса «кто виноват?» на вопрос «кто должен отвечать?». Этот сдвиг, впрочем, сам по себе не указывает на конкретного носителя ответственности.

Г. Йонас в «Принципе ответственности» аргументировал, что технологическая мощь человечества порождает новый тип этического обязательства: ответственность перед будущими поколениями и перед сохранением условий для подлинно человеческой жизни [4]. Если экстраполировать позицию Г. Йонаса на сферу искусственного интеллекта, то разработчик автономной системы несёт перспективную ответственность, обращённую в будущее: он обязан предвидеть потенциальные последствия своего изобретения и минимизировать риски. Эта ответственность не индивидуальна; она коллективна, поскольку ни один разработчик не создаёт систему в одиночку. Принятые в последние годы международные постановления и регламенты отражают эту позицию [18; 19; 22].

Таким образом, вначале из аристотелевского и кантовского подходов выделен предел прямого переноса: алгоритм не выполняет действие как осознанный поступок и не полагает себе моральный закон. Поэтому машина не становится носителем вины даже тогда, когда её решение причиняет вред. Этот вывод не закрывает проблему. Он лишь показывает, что искать ответственного нужно не вну-

три алгоритма, а в цепочке людей и организаций, которые задали архитектуру системы, условия её обучения и область применения.

Затем был учтён аргумент Дж. Сёрла о разрыве между синтаксической обработкой и пониманием. Если принять этот аргумент, искусственный агент не может отвечать за смысл собственного решения, поскольку смысл не возникает из одной формальной операции. Но вред от решения всё равно входит в социальную практику: врач получает рекомендацию, банк отказывает клиенту в кредите, водитель взаимодействует с беспилотной системой. Именно поэтому ответственность перемещается к тем участникам, которые способны оценивать риск до внедрения, во время эксплуатации и после возникновения ущерба.

На этом этапе позиция А. Маттиаса вызывает центральное затруднение: обучающаяся система может изменить поведение после обновления данных, поэтому один разработчик не предвидит все траектории её дальнейшей работы. Пользователь тоже не контролирует архитектуру модели. Институция, допускающая систему в оборот, часто работает с уже готовым продуктом и не видит каждого технического решения. Разрыв не снимается поиском одного виновного. Он требует разделения ответственности по стадиям жизненного цикла системы [16].

Разграничение Л. Флориди между ответственностью и подотчётностью помогает перейти от персональной вины к обязанностям сопровождения системы. Подотчётность здесь не заменяет моральную ответственность полностью; она фиксирует минимум, без которого автономная система превращается в закрытый источник решений. На этом уровне появляется требование объяснимости: не всякое решение модели можно сделать прозрачным до конца, но отсутствие хотя бы проверяемой процедуры делает распределение ответственности пустой формулой [13].

Так получаются три узла ответственности. Разработчик связан с архитектурой системы, качеством данных, тестированием и объяснимостью модели. Оператор связан с режимом применения: он решает, где система допустима, когда требуется человеческая про-

верка и какие решения нельзя оставлять без контроля. Институты задают внешнюю рамку: сертификацию, стандарты безопасности, правила аудита и порядок возмещения вреда. Модель, таким образом, выводится из различия между тремя формами контроля: техническим, эксплуатационным и нормативным.

Синтезируя рассмотренные позиции, можно предложить трёхуровневую модель распределённой ответственности. Техническая подотчётность разработчика предполагает обязанность обеспечить прозрачность и объяснимость алгоритмов, провести тестирование на предмет систематических ошибок и предусмотреть механизмы аварийного отключения. Операционная ответственность пользователя включает обязанность применять систему в пределах специфицированных условий, контролировать её выходные данные и не делегировать критические решения машине без верификации. Регуляторная ответственность институтов охватывает сертификацию, стандартизацию и правовое регулирование автономных систем [18; 19; 21; 22].

Подобная модель не лишена ограничений. Границы между уровнями размыты: разработчик может одновременно выступать оператором, а институт, регулирующий отрасль, может быть заинтересованной стороной. Проблема усугубляется тем, что обучающиеся системы эволюционируют: ответственность, зафиксированная на момент создания, может оказаться неадекватной спустя несколько циклов переобучения. Здесь уместно вернуться к идее Г. Йонаса о перспективной ответственности: она должна быть не статичной, а динамической, обновляемой вместе с развитием системы.

Выводы

Проделанный анализ позволяет сформулировать несколько выводов. Ни аристотелевская модель добровольного действия, ни кантовский критерий автономии воли не могут быть перенесены на искусственные агенты без утраты своего содержания. Аргумент Дж. Сёрла о невозможности подлинной интенциональности у вычислительных систем остаётся состоятельным; его опровержения, при всей их изобретательности, не достигают цели. Из этого следу-

ет, что искусственный интеллект, каким бы «сильным» он ни был в функциональном смысле, не может быть признан моральным субъектом в классическом понимании.

Между тем отказ от приписывания ответственности машине не означает, что проблема ответственности исчезает. Напротив, она становится острее, поскольку традиционная дихотомия «субъект ответственности, объект действия» перестаёт работать. «Вакуум ответственности», описанный А. Маттиасом, реален; он уже проявляется в судебных спорах, связанных с авариями беспилотных транспортных средств и с ошибками медицинских диагностических систем.

Предложенная трёхуровневая модель распределённой ответственности не претендует на окончательное решение. Она намечает направление, в котором классическая этика может быть адаптирована к условиям технологического прогресса. Распределение ответственности между разработчиком, оператором и институтом позволяет избежать двух крайностей: полного снятия ответственности с человека (что аморально) и возложения всей ответственности на одного участника (что нереалистично) [1].

Описанная модель опирается не на механическое суммирование философских позиций, а на последовательное выявление трёх дефицитов: дефицита моральной субъектности у машины; дефицита предвидения у отдельного человека; дефицита устойчивого контроля без институтов. Каждому дефициту соответствует отдельный уровень ответственности. Поэтому разработчик, оператор и регулятор включены в модель не как условный перечень лиц, а как разные точки контроля над жизненным циклом автономной системы.

Выводы статьи соотносятся с позицией Л. Флориди, настаивающего на разграничении ответственности и подотчётности, и дополняют её институциональным измерением. Позиция Н. Бострома о необходимости согласования целей подтверждается, однако согласование целей недостаточно без механизмов распределённого контроля. Результаты исследования коррелируют также с отечественными разработками Е.А. Никитиной и Б.Г. Юдина, подчёркивающими трансформацию субъектности в условиях цифровизации [7; 11].

Ограничения исследования связаны с тем, что данный анализ сосредоточен преимущественно на западной философской традиции; буддийская и конфуцианская этика, предлагающие иные модели моральной субъектности, остались за пределами рассмотрения. Перспективным направлением дальнейшего исследования может стать кросс-культурный сравнительный анализ подходов к ответственности за действия искусственных агентов, а также разработка формализованных критериев, позволяющих фиксировать динамическую ответственность на каждом этапе жизненного цикла автономной системы.

Категория моральной ответственности не утрачивает значимости; она требует структурного усложнения, перехода от индивидуальной атрибуции к распределённой модели, учитывающей множественность агентов и динамический характер технологической среды.

Список литературы

1. Аристотель. (2020). *Никомахова этика*. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 222 с.
2. Баксанский, О. Е., & Сорокина, С. Г. (2025). Этика искусственного интеллекта: сбалансированный подход к развитию и применению. *Общество: философия, история, культура, 1*, 23–33. https://doi.org/10.24158/fik.2025.1.2, EDN: https://elibrary.ru/AVFHGB
3. Бостром, Н. (2016). *Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии*. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 496 с.
4. Йонас, Х. (2004). *Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации*. Москва: Айрис-пресс, 480 с.
5. Кант, И. (2005). *Критика практического разума*. Санкт-Петербург: Наука, 528 с.
6. Лекторский, В. А. (2024). Человек и системы искусственного интеллекта. В *Искусственный интеллект: материалы заседания 14 октября 2023* (с. 20–50, 76–77, 164–167). Москва: Новые печатные технологии.
7. Никитина, Е. А. (2014). Искусственный интеллект: философия, методология, инновации. *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства, 2*(8), 108–122. EDN: https://elibrary.ru/TENWVP
8. Сёрл, Дж. (1990). Разум мозга – компьютерная программа? *В мире науки, 3*, 7–13.
9. Сорокина, С. Г. (2023). Искусственный интеллект в контексте междисциплинарных исследований языка. *Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки, 7*(3), 267–280. https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-267-280, EDN: https://elibrary.ru/FEIQKS

10. Филиппович, Ю. С., & Филиппович, М. С. (2025). Опыт доверия в контексте усталости и одиночества человека в современном обществе. *Вестник Мининского университета, 13*(3). https://doi.org/10.26795/2307-1281-2025-13-3-14, EDN: https://elibrary.ru/SRYPUQ
11. Юдин, Б. Г. (2018). *Человек: выход за пределы*. Москва: Прогресс-Традиция, 472 с.
12. Coeckelbergh, M. (2020). *AI Ethics*. Cambridge, MA: MIT Press, 237 p. https://doi.org/10.7551/mitpress/12549.001.0001
13. Floridi, L., & Sanders, J. W. (2004). On the morality of artificial agents. *Minds and Machines, 14*(3), 349–379. https://doi.org/10.1023/B:MIND.0000035461.63578.9d, EDN: https://elibrary.ru/ECMQOX
14. Floridi, L. (2023). *The Ethics of Artificial Intelligence: Principles, Challenges, and Opportunities*. Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oso/9780198883098.001.0001
15. Korsgaard, C. M. (1996). *The Sources of Normativity*. Cambridge: Cambridge University Press, 290 p. https://doi.org/10.1017/CBO9780511554476
16. Matthias, A. (2004). The responsibility gap: Ascribing responsibility for the actions of learning automata. *Ethics and Information Technology, 6*(3), 175–183. https://doi.org/10.1007/s10676-004-3422-1, EDN: https://elibrary.ru/WQSUMU
17. Mill, J. S. (1863). *Utilitarianism*. London: Parker, Son and Bourn, 95 p.
18. OECD. (2019; обновлено в 2024). *Recommendation of the Council on Artificial Intelligence*. Paris: OECD. https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449 (дата обращения: 24.05.2026).
19. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). (2024). *Official Journal of the European Union*, 12 июля. https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (дата обращения: 24.05.2026).
20. Santoni de Sio, F., & Mecacci, G. (2021). Four responsibility gaps with artificial intelligence: Why they matter and how to address them. *Philosophy & Technology, 34*, 1057–1084. https://doi.org/10.1007/s13347-021-00450-x, EDN: https://elibrary.ru/FNKIAH
21. Tabassi, E. (2023). *Artificial Intelligence Risk Management Framework (AI RMF 1.0)*. Gaithersburg: National Institute of Standards and Technology. https://doi.org/10.6028/NIST.AI.100-1
22. UNESCO. (2022). *Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence*. Paris: UNESCO. https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455 (дата обращения: 24.05.2026).
23. Vallor, S., & Vierkant, T. (2024). Find the gap: AI, responsible agency and vulnerability. *Minds and Machines, 34*(3). Article 20. https://doi.org/10.1007/s11023-024-09674-0, EDN: https://elibrary.ru/STVLOD

24. Veluwenkamp, H., & Hindriks, F. (2024). Artificial agents: Responsibility & control gaps. *Inquiry*. Advance online publication. https://doi.org/10.1080/0020174X.2024.2410995

References

1. Aristotle. (2020). *Nicomachean Ethics*. Moscow; Berlin: Direct-Media, 222 p.
2. Baksansky, O. E., & Sorokina, S. G. (2025). Ethics of artificial intelligence: A balanced approach to the development and application. *Society: Philosophy, History, Culture, 1*, 23–33. https://doi.org/10.24158/fik.2025.1.2, EDN: https://elibrary.ru/AVFHGB
3. Bostrom, N. (2016). *Artificial Intelligence: Stages. Threats. Strategies*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 496 p.
4. Jonas, H. (2004). *The Principle of Responsibility: An Attempt at an Ethics for the Technological Civilization*. Moscow: Iris-Press, 480 p.
5. Kant, I. (2005). *Critique of Practical Reason*. St. Petersburg: Nauka, 528 p.
6. Lektorsky, V. A. (2024). Man and artificial intelligence systems. In *Artificial Intelligence: Proceedings of the Meeting of October 14, 2023* (pp. 20–50, 76–77, 164–167). Moscow: New Printing Technologies.
7. Nikitina, E. A. (2014). Artificial intelligence: Philosophy, methodology, innovations. *Philosophical Problems of Information Technologies and Cyberspace, 2*(8), 108–122. EDN: https://elibrary.ru/TENWVP
8. Searle, J. (1990). Is the mind of the brain a computer program? *In the World of Science (Russian edition of Scientific American)*, 3, 7–13.
9. Sorokina, S. G. (2023). Artificial intelligence in the context of interdisciplinary studies of language. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences, 7*(3), 267–280. https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-267-280, EDN: https://elibrary.ru/FEIQKS
10. Filippovich, Yu. S., & Filippovich, M. S. (2025). The experience of trust in the context of fatigue and loneliness of a person in modern society. *Vestnik of Minin University, 13*(3). https://doi.org/10.26795/2307-1281-2025-13-3-14, EDN: https://elibrary.ru/SRYPUQ
11. Yudin, B. G. (2018). *Man: Going Beyond the Limits*. Moscow: Progress-Tradition, 472 p.
12. Coeckelbergh, M. (2020). *AI Ethics*. Cambridge, MA: MIT Press, 237 p. https://doi.org/10.7551/mitpress/12549.001.0001
13. Floridi, L., & Sanders, J. W. (2004). On the morality of artificial agents. *Minds and Machines, 14*(3), 349–379. https://doi.org/10.1023/B:MIND.0000035461.63578.9d, EDN: https://elibrary.ru/ECMQOX
14. Floridi, L. (2023). *The Ethics of Artificial Intelligence: Principles, Challenges, and Opportunities*. Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oso/9780198883098.001.0001

15. Korsgaard, C. M. (1996). *The Sources of Normativity*. Cambridge: Cambridge University Press, 290 p. https://doi.org/10.1017/CBO9780511554476
16. Matthias, A. (2004). The responsibility gap: Ascribing responsibility for the actions of learning automata. *Ethics and Information Technology, 6*(3), 175–183. https://doi.org/10.1007/s10676-004-3422-1, EDN: https://elibrary.ru/WQSUMU
17. Mill, J. S. (1863). *Utilitarianism*. London: Parker, Son and Bourn, 95 p.
18. OECD. (2019; updated 2024). *Recommendation of the Council on Artificial Intelligence*. Paris: OECD. https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449 (accessed: 24.05.2026).
19. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). (2024). *Official Journal of the European Union*, July 12. https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (accessed: 24.05.2026).
20. Santoni de Sio, F., & Mecacci, G. (2021). Four responsibility gaps with artificial intelligence: Why they matter and how to address them. *Philosophy & Technology, 34*, 1057–1084. https://doi.org/10.1007/s13347-021-00450-x, EDN: https://elibrary.ru/FNKIAH
21. Tabassi, E. (2023). *Artificial Intelligence Risk Management Framework (AI RMF 1.0)*. Gaithersburg: National Institute of Standards and Technology. https://doi.org/10.6028/NIST.AI.100-1
22. UNESCO. (2022). *Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence*. Paris: UNESCO. https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455 (accessed: 24.05.2026).
23. Vallor, S., & Vierkant, T. (2024). Find the gap: AI, responsible agency and vulnerability. *Minds and Machines, 34*(3). Article 20. https://doi.org/10.1007/s11023-024-09674-0, EDN: https://elibrary.ru/STVLOD
24. Veluwenkamp, H., & Hindriks, F. (2024). Artificial agents: Responsibility & control gaps. *Inquiry*. Advance online publication. https://doi.org/10.1080/0020174X.2024.2410995

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Мальцева Светлана Михайловна, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии и теологии; доцент кафедры общеобразовательных и профессиональных дисциплин
Мининский университет; НИПС - филиал ПривГУПС
ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация; пл. Комсомольская, 3, г. Нижний Новгород, 603011, Российская Федерация
maltsewasvetlana@yandex.ru

Грачева Арина Дмитриевна, студент кафедры профессионального образования и управления образовательными системами
Мининский университет

ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация
Gracheva.Arina28@mail.ru

Ротанова Мира Борисовна, канд. филос. наук, доцент кафедры философии, общественных коммуникаций и туризма
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
ул. Минина, 31а, г. Нижний Новгород, 603155, Российская Федерация
mrotanova@lunn.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Svetlana M. Maltseva, PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology; Associate Professor of the Department of General Education and Professional Disciplines
Minin University; Nizhny Novgorod Institute of Railway Engineering - branch of the Volga State University of Railway Engineering
1, Ulyanov Str., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation; 3, Komsomolskaya Sq., Nizhny Novgorod, 603011, Russian Federation
maltsewasvetlana@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7273-1852
Scopus Author ID: 57204862811

Arina D. Gracheva, Student of the Department of Professional Education and Management of Educational Systems
Minin University
1, Ulyanov Str., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation
Gracheva.Arina28@mail.ru

Mira B. Rotanova, PhD, Associate Professor of Philosophy, Public Communications and Tourism
Linguistic University of Nizhny Novgorod
31a, Minin Str., Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation
mrotanova@lunn.ru

Поступила 05.06.2026
После рецензирования 02.07.2026
Принята 09.07.2026

Received 05.06.2026
Revised 02.07.2026
Accepted 09.07.2026

Человек, общество и государство в философской перспективе / Individual, Society, and State in Philosophical Perspective

Научная статья
DOI: 10.12731/3033-5981-2026-18-3-579
УДК 37.014.543

Original article
EDN: DLWGPO

Риски социального манипулирования в молодежной среде

Л.И. Кемалова, М.А. Никонорова
Керченский государственный морской технологический университет, Керчь, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Цифровые технологии становятся неотъемлемой частью жизни, влияя на все сферы. При всех очевидных плюсах этого процесса важно учитывать и риски социального манипулирования, которое, благодаря цифровым технологиям, обретает алгоритмизированный, персонализированный и латентный характер. При этом ключевой целевой группой становится молодежь в силу переходности ее статуса, незавершенности когнитивного развития, несформированности социальной идентичности и особой активности в цифровой среде. Авторы проводят социально-философский анализ рисков социального манипулирования в молодёжной среде с акцентом на нормативные критерии разграничения допустимых коммуникативных практик и манипулятивного воздействия.

Цель исследования – выявить риски социального манипулирования в молодёжной среде, определить уровни и критерии допустимого социального манипулирования.

Материалы и методы. Один из основных методов – понятийная реконструкция (уточнение терминов «манипуляция», «сознание», «автономия» сравнительно-нормативный анализ (Хабермас, Зубофф), критический анализ. Ракурс исследования опирается на теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса и концепцию «надзорного капитализма» Ш. Зубофф, что позволяет показать структурный характер манипулятивных механизмов в цифровой среде. Авторами использован комплекс источников, представленных нормативно-правовыми актами, научными статьями по предложенной проблематике, статистическими и справочными материалами.

Результаты. Определены уровни и критерии допустимого социального манипулирования. Сформулированы нормативные границы допустимого воздействия,

применимые в образовательной и молодёжной политике. Проведен междисциплинарный анализ подходов различных профессиональных сообществ (философского (И. Кант, Д. Хабермас, М. Фуко), психологического (А.Н. Леоньев, Э.Б. Маннулина), политологического (А. Бандура, А.В. Кондрашкин, К.Д. Хломов, М.А. Крупенко) и юридического (А.В. Нечкин, М.А. Истомина, Т.А. Поляков) к оценке манипулятивного воздействия на молодёжь, выявлены их различия и общие черты. Оценки манипулятивного воздействия на молодёжь представителями различных профессиональных сообществ сходятся в ключевых этических и социальных принципах: защита автономии личности, прозрачность влияния, недопустимость эксплуатации уязвимости. Отмечено, что философский анализ манипуляции более фундаментален, поскольку затрагивает саму природу истины, власти, свободы и ответственности. Разработан и апробирован чек-лист, который можно использовать для оценки воздействия на молодежь различного контента. Сделан вывод, что нормативные рамки манипулятивного воздействия требуют адаптации к новым реалиям. Существующее законодательство не успевает за технологиями манипуляции. Результаты значимы для социальной философии, педагогики и проектирования этических норм цифровой среды.

Ключевые слова: социальное манипулирование; молодёжная среда; риски; нормативный анализ; автономия субъекта; коммуникативное действие; надзорный капитализм; границы допустимого

Для цитирования. Кемалова, Л. И., & Никонорова, М. А. (2026). Риски социального манипулирования в молодежной среде. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, *18*(3), 101-123. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-579

The risks of social manipulation in the youth milieu

L.I. Kemalova, M.A. Nikonorova
Kerch State Marine Technology University, Kerch, Russian Federation

Abstract

Background. Digital technologies are becoming an integral part of life, influencing all spheres. Despite the obvious advantages of this process, it is important to consider the risks of social manipulation, which, thanks to digital technologies, is becoming algorithmic, personalized, and latent. Young people are becoming a key target group due to their transitional status, incomplete cognitive development, immature social identity, and particular activity in the digital environment. The authors conduct a socio-philosophical analysis of the risks of social manipulation among young people, focusing on normative criteria for distinguishing acceptable communicative practices from manipulative influence.

Purpose. The aim of the article is to identify the risks of social manipulation among young people and determine the levels and criteria of acceptable social manipulation.

Materials and methods. One of the main methods is conceptual reconstruction (clarification of the terms "manipulation", "consciousness", "autonomy"), comparative normative analysis (Habermas, Zuboff), critical analysis. The research perspective is based on the theory of communicative action of J. Habermas and the concept of "surveillance capitalism" by S. Zuboff, which allows us to demonstrate the structural nature of manipulative mechanisms in the digital environment. The authors used a set of sources represented by regulatory legal acts, scientific articles on the proposed problematic, statistical and reference materials.

Results. The levels and criteria of permissible social manipulation are determined. Normative boundaries of permissible influence applicable in educational and youth policy are formulated. An interdisciplinary analysis of the approaches of various professional communities (philosophical (I. Kant, D. Habermas, M. Foucault), psychological (A.N. Leonev, E.B. Mannulina), political science (A. Bandura, A.V. Kondrashkin, K.D. Khlomov, M.A. Krupenko) and legal (A.V. Nechkin, M.A. Istomina, T.A. Polyakov) approaches to assessing manipulative influence on young people are explored, revealing their differences and commonalities. Assessments of manipulative influence on young people by representatives of various professional communities converge on key ethical and social principles: protecting individual autonomy, transparency of influence, and the inadmissibility of exploiting vulnerability. It is noted that a philosophical analysis of manipulation is more fundamental, as it touches on the very nature of truth, power, freedom, and responsibility. A checklist has been developed and tested for assessing the impact of various content on young people. It is concluded that the regulatory framework for manipulative influence requires adaptation to new realities. Existing legislation has not kept pace with manipulation technologies. The results are significant for social philosophy, pedagogy, and the design of ethical norms for the digital environment.

Keywords: social manipulation; youth milieu; risks; normative analysis; subject autonomy; communicative action; boundaries of the permissible

For citation. Kemalova, L. I., & Nikonorova, M. A. (2026). The risks of social manipulation in the youth milieu. *Russian Social and Humanitarian Studies*, *18*(3), 101-123. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-579

Введение

Одним из феноменов современной цифровой эпохи является социальное манипулирование, которое проявляется не только в словесном убеждении и пропаганде, но и в групповом и личностном давлении. Одной из целей такого манипулирования является

закрепление стереотипных мыслительных паттернов, стремление к властному воздействию на сознание и поведение людей. В этом контексте ключевая группа риска - молодежь, находящаяся на этапе формирования социальной идентичности, ценностных ориентиров и когнитивных способностей. В то же время она является наиболее активной группой пользователей цифровых технологий и платформ. Сочетание этих факторов делает молодежь наиболее уязвимой для социального манипулирования, выступающей, с одной стороны, самым активным участником цифровой среды, с другой – она самая уязвимая мишень для разного рода манипуляций.

Таким образом, актуальность заявленной темы определяется возникающими рисками (особенно для молодежной среды) социального манипулирования в условиях распространения радикальных идеологий, необходимостью нормативного осмысления этих рисков и определения границ допустимого.

Феномен социального манипулирования существует на протяжении всей истории человечества, поскольку властные отношения всегда опирались на формирование чужого сознания, эмоций, поведения. Однако именно в эпоху цифровизации данный феномен приобрел особую значимость: благодаря новым технологиям появилась возможность оказывать персонализированное воздействие через механизмы нейросетей, регулировать когнитивные функции и закреплять стереотипные мыслительные паттерны. В результате этих процессов социальное манипулирование превращается в системную форму властного воздействия.

Как было отмечено выше, наиболее привлекательной и при этом особой зоной риска для социального манипулирования становится молодежная среда. Это очевидно, поскольку молодые люди, в силу возрастных социально-психологически особенностей, находятся на этапе формирования и развития не только своих когнитивных способностей, но и ценностных ориентиров, социальной идентичности, а значит их мировоззренческие установки неустойчивы, подвержены колебаниям. Так как самой активной группой цифровой экосистемы является молодежь, огромное влияние, в

том числе негативное, на их мировоззрение оказывает не только социальное окружение, но и социальные сети, интернет. И в этих условиях именно молодежь выступает самой уязвимой мишенью для деструктивных сил.

Проблема социального манипулирования в современной научной литературе изучалась с различных сторон в философии, социологии, психологии. Одни авторы анализировали риски влияния рекомендательных алгоритмов на формирование ценностей молодёжи, другие раскрывали аддиктивные технологии цифровых платформ как «биовласть» над уязвимыми группами, третьи рассматривали типологию информационного манипулирования в контексте уголовно-правовой ответственности. Среди авторов, изучающих вопросы деструктивного влияния социальных сетей на молодежь, можно отметить И.А. Авдееву [2], И.Д. Дириева [6], А.В. Кондрашкина, Хломова К.Д. [9], М.А. Крупенко [10], Нечкина А.В [13] и др. Интерес к данной проблеме обусловлен тем, что социальные сети признаны полноправным источником информации для молодежи, но практически нет исследований феномена социального манипулирования в среде молодежи с точки зрения изучения механизмов воздействия, нормативного осмысления и границ допустимости такого манипулирования. В данном исследовании осуществляется попытка проанализировать цепочку «социальные риски – нормативный анализ – определение границ допустимого».

Материалы и методы

Для комплексного анализа рисков социального манипулирования в молодёжной среде использованы многоуровневые источники, охватывающие юридические, психологические, философские, социологические и медиа-аспекты. Материалы подобраны с учётом междисциплинарного характера темы и включают: нормативно-правовые акты [1] (Конституция Российской Федерации (ст. 29 – свобода мысли и слова, ст. 38 – защита детства), Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных», Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»,

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ): ст. 5.26 (реклама), ст. 13.15 (информационная безопасность), ст. 20.29 (пропаганда), Уголовный кодекс РФ: ст. 150, 151 (вовлечение несовершеннолетних в преступления), ст. 242.2 (пропаганда суицида), Федеральный закон № 4485-1 «О средствах массовой информации» и др.); научные и теоретические источники (труды отечественных и зарубежных психологов, философов, политологов: А.Н. Леонтьев [11], С.И. Кант (автономия разума) [8], М. Фуко [17], А. Бандура [20], Ю. Хабермас (коммуникативная этика) [16], М. Фуко (власть и дисциплина) [17]); исследования в области медиаграмотности (А.В. Виловатых [3], Р.В. Даутова [4], И.П. Дзялошинский [5]); кейсы из практики; цифровые и медиа материалы [18].

Для анализа рисков социального манипулирования и выявления границ допустимого влияния применены следующие методы: нормативно-правовой анализ (выявление пробелов и противоречий в правовом регулировании цифрового пространства, оценка применимости норм к новым форматам воздействия (мемы, сторис, алгоритмы); контент-анализ: выявление приёмов манипуляции: эмоциональное давление, ложные дихотомии, визуальные триггеры; кейс-стади (анализ конкретных ситуаций); междисциплинарный синтез: интеграция подходов из права, психологии, философии, политологии и социологии; формирование единой модели оценки допустимости влияния, основанной на определенных критериях.

Результаты и обсуждение

Под социальным манипулированием в данной статье понимается скрытое управление установками и поведением субъекта с целью контроля его психического состояния, установок и настроений для обеспечения определенных поведенческих реакций. Манипуляторы не заботятся о внутреннем мире манипулируемых, об их чувствах, поскольку действуют по принципу «цель оправдывает средства». Поэтому особое внимание мы уделили нормативным критериям, так называемым границам допустимого, которые позволят отличать

разрешенные (безвредные, допустимые) практики от манипуляции. К допустимым практикам мы относим вовлечение, персонализацию, удобную навигацию.

Будучи неотъемлемой частью жизни молодежи, социальные сети представляют собой гигантский контент от разного рода развлекательных материалов до серьезных политико-правовых и социальных проблем. Это огромный массив информации, представляющий собой коктейль из правды, полуправды, лжи, нужной и бесполезной информации, из которого молодым людям, в силу несформированности мировоззрения, установок и особенностей развития психики, достаточно сложно выделить зерно истины и понять какие именно методы манипуляции использованы автором информации и с какой конкретной целью. Основная задача этого контента – оказать влияние на мировоззрение молодежи, ее убеждения, установки, поведение. Искаженная, ложная информация, в свою очередь, формирует неверные убеждения и установки у молодых людей. Социальные сети используют алгоритмы, которые по запросам пользователей отслеживают пользовательские предпочтения и таким образом предлагают контент, привлекающий внимание. Несомненно, молодежь не является пассивным объектом манипуляции, но ее когнитивная автономия действительно постепенно размывается в процессе непрерывной алгоритмической «подпитки». Под автономией понимается возможность самоуправления, способности человека или группы самостоятельно определять свои цели, принципы и действия, не будучи полностью подчинёнными внешним, не зависящим от них силам (желаниям, авторитетам, манипуляциям)

Для анализа феномена социального манипулирования необходимо рассмотреть две теории – теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса [16] и теорию надзорного капитализма Ш. Зубофф [25]. Хабермас задает нормативный идеал работы коммуникации и считает манипуляцию принципиальной патологией, так как она нарушает базовые правила языковой игры (истинность, правдивость), в том числе через искажение языка (ложь, демагогия). А Зубофф описывает работу системной патологии и считает манипуляцию

базовым операционным механизмом системы, которая происходит через контроль инфраструктуры языка – то есть пользователь получает не искаженное сообщение, а персонализированную реальность, сконструированную алгоритмом. Исходя из сравнительного анализа, граница допустимого социального манипулирования должна определяться по двум критериям: 1) критерий Хабермаса: нарушена ли способность субъекта сказать: «Нет»? Если доступ к альтернативным точкам зрения заблокирован (информационный пузырь) – то это переход границы. 2) критерий Зубоффа: извлекается ли поведенческий излишек без сознательного, информированного и добровольного согласия? Модифицируется ли поведение скрытым образом, без ведома субъекта, ради выгоды другой стороны? Если да, то это – переход границы.

Социальное манипулирование молодежью реализуется на трех взаимосвязанных уровнях: когнитивном, эмоциональном, поведенческом. Влияние социальных сетей на когнитивные функции с использованием психологических уловок, вызывающих у пользователей привыкание, исследовали в свое время ученые Чип Хиз и Дэн Хиз [23]. Они выявили шесть признаков «залипательного» контента: 1) простота (короткий ролик, понятный для аудитории); 2) непредсказуемость (например, новый взгляд на ситуацию); 3) конкретизация (чтобы легче было выстраивать ассоциации); 4) эмоциональность (контент должен вызывать какие-то чувства и эмоции – страх, радость, грусть и т.п.); 5) правдоподобность; 6) сторителлинг (повествование в формате истории/сториз. Социальные сети в зависимости от интересов пользователя выстраивают логические цепочки, чтобы создать персонализированную выдачу контента, что способствует созданию информационных пузырей. Например, если пользователь делает акцент на депрессивных материалах, то его затянет в воронку именно такого контента. Возможность создавать фейковые аккаунты, анонимные страницы в соцсетях порождает ощущение безнаказанности и свободы писать и публиковать все, что не поощряется взрослыми или коллегами. Это оказывает пагубное воздействие на мировоззрение и сознание молодых людей,

порождая псевдоценности и псевдонормы, которые идут вразрез с общепринятыми в обществе. Под сознанием мы понимаем состояние психической жизни организма, выражающееся в субъективном переживании событий внешнего мира и собственной жизни, а также в отчёте об этих событиях и ответной реакции на них. Поэтому крайне важно учить молодых людей преодолевать и защищаться от негативного влияния социальных сетей.

Еще одна проблема в условиях цифрового общества - утечка личной информации пользователя, которой могут воспользоваться различные деструктивные силы. Для этого необходимо наличие информационной грамотности, которая позволит пользователю внимательно изучать информацию о приложениях, не доверять подозрительным источникам, не делиться личными данными в соцсетях. В связи с этим, как утверждает Р.В. Даутова: «…научному и педагогическому сообществам необходимо разработать как можно больше методик по медиаобразованию и правильной самореализации подросткового контингента в цифровой среде» [4]. Добавим, - не только подросткового, но и всех без исключения групп молодежи. Так называемый информационный пузырь опасен для молодежи тем, что он атрофирует способность к критическому мышлению, к рефлексии, самостоятельному суждению, если молодой человек длительно пребывает в гомогенной информационной среде.

На эмоциональном уровне процесс манипуляции осуществляется с помощью эмоционально окрашенного контента, поскольку молодые люди находятся в процессе эмоционального развития и становления социальной идентичности и особо к нему восприимчивы. Клиповое восприятие и постоянный информационный шум создают идеальные условия для манипуляций: с помощью ярких заголовков, красочных картинок молодые люди вовлекаются в разного рода группы, в том числе и деструктивной направленности. Манипуляция эмоциями может привести к ценностной дезориентации, к снижению уровня рационального восприятия действительности.

Конечная цель социального манипулирования – контроль над поведением человека. Цифровые платформы с помощью различных

механизмов стремятся к формированию поведенческих паттернов пользователей, зачастую деструктивных. В последнее время активизировались так называемые вербовщики, которые с помощью психологического воздействия, используя угрозы и шантаж, все чаще вовлекают в свои сети молодых людей, манипулируя их сознанием и поведением. Опираясь на три уровня воздействия (когнитивный, эмоциональный и поведенческий) можно выделить типологию критериев риска социального манипулирования молодежью. Так, например, критерии когнитивного риска фиксируют, насколько среда мешает человеку составить адекватное представление о мире. К такого рода критериям относятся:

1) информационная гомогенизация (когда пользователь получает контент только одного типа в течение нескольких дней);

2) алгоритмическая непрозрачность (когда невозможно объяснить, почему показан этот контент);

3) доля контента, маркированного как факт, но не имеющего верифицируемого источника.

Критерии эмоционального риска фиксируют, насколько среда эксплуатирует уязвимости психики (тревогу, гнев, страх, радость, чувство безысходности). Среди этих критериев: *сила негативного эффекта* – высота уровня негативных эмоций (ужас, отвращение); *персонализованная направленность угрозы* – насколько затронуты личные чувства и эмоции (связано с личными ощущениями в прошлом); *эмоциональные перепады* – каковы промежутки между полярно противоположным контентом, что ведет к дезорганизации психики личности.

Влияние манипуляции на психику человека в своих исследованиях описывал М. О'Райли [24]. Основываясь на его анализе, можно сделать вывод, что критерии поведенческого риска характеризуют уровень изменения поведенческих реакций личности при использовании определенного контента. К ним относят: 1) наличие «dark patterns» (интерфейс намеренно вводит пользователя в заблуждение и подталкивает к действиям, не выгодным человеку, но полезным владельцу контента); 2) временные пуш-уведомления

(сообщение появляется и исчезает по таймеру, но его содержание не несет долгосрочной пользы: если вы не откроете это сообщение, то оно исчезнет через определенное время); 3) шаблонирование действий (пользователь действует по шаблону без рефлексии, по определенному алгоритму, не задаваясь вопросом насколько ему это нужно).

Все перечисленные выше критерии можно отнести к объективным, относящимся к контенту или платформе. Но есть еще и субъективные критерии, которые определяют степень уязвимости пользователя: критическая рефлексия, социальная изоляция, цифровая грамотность и др.

В научной литературе выделяются разные методы и виды манипуляции. Так, например, И.А. Дзялошинский [5] называет такие методы манипуляции, как: психотехнологии (контрасты, высмеивание, заголовки, которые пугают); контроль над информацией (разоблачение «секретной информации», использование слухов); ориентация на ценности и эмоции; апелляция к социальному контролю (пропаганда, известные люди, создание принуждающего эффекта); рациональные аргументы (утвердительные заявления и псевдообъяснения); применение методов защиты от манипуляции (отрицание, проекция, вытеснение и идентификация). Как отмечает М.А. Крупенко [10], при манипулировании используется два основных направления: 1) коммерческое (финансово-экономическое) с целью привлечения людей к использованию платных сервисов и убеждения покупки товаров через социальные сети; 2) социальное, связанное с проведением социальных рекламных кампаний, благотворительностью. От развития у личности уверенности и самооценки зависит степень ее подверженности манипулятивным технологиям.

Еще одна проблема в оценке контента на манипулятивность – определение границы между социальным манипулированием и легитимными формами убеждения, образования, воспитания. Где заканчивается воспитание, обучение и начинается манипулирование? С этической точки зрения ключевым критерием такого различия является уважение к личным границам, к свободе и автономии

другого. Легитимные формы убеждения опираются на рациональные аргументы, уважение свободы выбора. Манипуляции же опираются на когнитивные предубеждения, эмоциональные слабости для достижения цели. Результатом такого рода манипулятивных воздействий являются молодежные бунты, сексуальные, субкультурные, цветные и иные революции.

Как замечено выше, определение нормативных границ социального манипулирования остается нерешенной проблемой. Нормативные границы – это комплекс критериев (правовых, этических, социальных), которые проводят грань между допустимыми пределами скрытого влияния на личность вовремя потребления ею определенного контента и нарушением закона. Это важный момент и для юриспруденции, и пользователей, и владельцев контента. Ведь если будут очерчены эти нормативные рамки, то уже становится понятно, что нарушение этих законодательных норм произошло сознательно и далее должны следовать санкции. Приведем пример: распространение заведомо ложной (фейковой) информации, создающей угрозу общественной безопасности, подпадает под правовые запреты и карается законом (Ст. 207.1 УК РФ) [1], но скрытое влияние на мнение участников чата не является наказуемым, если не используются запрещенные приемы (обман, шантаж и т.п.). Мы утверждаем, что на сегодняшний момент определить, где именно пролегает грань между допустимым социальным влиянием и манипуляцией практически невозможно, хотя проблема требует незамедлительного решения. Именно на это указывает в своих исследованиях Э.Б. Манулина [12].

Если с нарушением законодательных норм все понятно, то с этической стороной проблемы не все так просто. Границы могут сдвигаться в силу многих факторов, например: культурные, этнические различия. Манипуляция в не деструктивных сообществах может нарушить границы личного пространства, а это – нарушение этических норм и принципов. В деструктивных сообществах и организациях (в том числе и религиозных) влияние на сознание, поведение личности основано на страхе, эмоциональном стрессе, ненависти,

состоянии посттравматического стресса, а это и есть прямая манипуляция. Как видим, одни и те же действия в зависимости от социальной среды могут восприниматься и как норма, и как ее нарушение. Чтобы оградить человека от манипулятивного воздействия как в интернет-пространстве, так и в непосредственном социальном общении, различными профессиональными сообществами разрабатываются этические кодексы [1], в которых прописаны основы разумной автономии личности (неразглашение конфиденциальной информации, невмешательство в личную жизнь и др.).

С целью предотвращения манипуляции в социальных сетях предпринимаются различные противодействующие стратегии:

1. Повышение медиаграмотности и развитие критического мышления (О.В. Савина указывает на большую роль обучения распознаванию приемов, проверки фактов, анализа паттернов и развитию рефлексии (задавать себе вопросы «не принимаю ли я эмоциональное решение, почему я доверяю этой информации?» [15]);

2. Технические и платформенные решения – настройки приватности, системы обратной связи, возможность замедления контента или периоды «охлаждения» (дать время на обдумывания решения);

3. Правовые и регуляторные меры: владельцы соцсетей обязаны мониторить контент и удалять материалы, которые нарушают закон (экстремизм, призывы к насилию, распространение запрещённой информации), регулирование вопросов, связанных с защитой персональных данных, ответственностью за распространение ложной информации. Как указывают Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев [14] - важно создать универсальные нормы, которые бы охватывали социальное манипулирование в целом, а не только отдельные его проявления. Ведь достаточно сложно доказать, что молодой человек подвергся манипулятивному воздействию, которое изменило его сознание, повлияло на его эмоциональный фон и поведение.

4. Организационные и общественные инициативы – взаимодействие платформ, госорганов, образовательных учреждений и НКО, общественный мониторинг. Особое место занимает просвещение молодежи: создание массовых просветительских программ и про-

ектов, которые формируют культуру ответственного потребления информации, обучение навыкам критического мышления, самоконтроля, умению анализировать полученную информацию.

5. Личная цифровая гигиена – формирование не только знаний, но и практических навыков, снижающих риски попадания под воздействия манипуляторов (не публиковать о себе и близких много личной информации, отключать геолокацию в публикациях, регулярно менять пароли, проверять и при необходимости отзывать разрешения в приложениях, блокировать подозрительных пользователей и проводить «чистку» списка друзей в аккаунтах, не переходить по неизвестным ссылкам и приглашениям).

Часто возникает, так называемый конфликт границ. Это когда манипулятивное воздействие на личность не попадает под применение законодательных санкций, но обществом осуждается и считается аморальным. Этические принципы базируются на уважении автономии личности, честности, прозрачности коммуникации. Например, закон не запрещает использовать сенсационные названия статей типа «Вы даже не представляете, что произошло…» или «Если у Вас слабые нервы – лучше не смотрите…». Почти всегда содержание статьи не соответствует такому привлекательному и яркому заголовку. С этической точки зрения – это манипуляция, так как информация эта не соответствует действительности (фейковая), а дается с целью привлечения внимания как можно большего числа читателей. Но с правовой точки зрения к авторам такой информации нельзя применить санкционные законодательные нормы.

Сложность ситуации еще в том, что, как указывает К. Давис [22], манипулирование может нести не только негативную, но и позитивную нагрузку. Например, формирование мнения о необходимости здорового образа жизни, о политике, образовании может улучшить отношение молодых людей к этим сферам общественной жизни, помочь им при принятии важных решений.

Междисциплинарный анализ подходов к оценке манипулятивного влияния на личность свидетельствует, что сходство заключается в ключевых этических и социальных принципах: защита автономии

личности, прозрачность влияния, недопустимость эксплуатации уязвимости. Стоит отметить, что философский анализ манипуляции глубже и фундаментальнее: он затрагивает саму природу истины, власти, свободы и ответственности.

На основе междисциплинарного анализа мы разработали чек-лист, который можно использовать для оценки характеристики воздействия (манипулятивное или нет) на молодежь различного контента (рекламы, политических и пропагандистских роликов, кампаний в мессенджерах, контента в соцсетях, а также образовательных программ). Чек-лист состоит из 7 вопросов, на которые надо дать ответ «да», «частично» или «нет». Если при оценке контента 4 и более ответов «да», то контент с высокой долей вероятности можно оценить, как манипулятивный. Если большинство ответов «частично», то необходим более глубокий анализ контента.

Вопросы чек-листа:

1. Нарушается ли законодательство? Есть ли признаки запрещенной пропаганды экстремизма, наркотиков, дискриминации, суицида, нарушен ли запрет на распространение персональных данных, отсутствует ли ограничение возрастных рамок (при необходимости) и др. Если «да», то можно говорить о наличии признака юридической неправомерности.

2. Есть ли признаки лишения человека возможности осознанного выбора? Присутствуют ли элементы эмоционального давления, внушения, фейковой или непроверенной информации, есть ли альтернативное мнение и т.д. Если присутствуют характеристики влияния на подсознание личности – это признак манипуляции.

3. Учитываются ли возрастные психологические и социальные особенности молодежи (не сформированная идентичность, потребность в признании и одобрении, низкий уровень медиаграмотности и т.п.)? Есть ли признаки группового давления?

4. Прозрачность контента. Известен ли его автор, спонсоры, юридический адрес, есть ли обратная связь, скрытая реклама, боты, как используется информация из других источников (маркировка) и т.п. Отсутствие прозрачности – манипуляция.

5. Насколько воздействие системно и масштабно? Это единичный вброс или система роликов, статей, похожих или идентичных комментариев и т.п. Есть ли признак контроля и координации. Если есть признак системности – манипуляция.

6. Учитываются ли особенности мышления и психологические особенности молодежи? Формируется ли у молодого человека слепая вера авторитету, понимание того, что если ты думаешь иначе чем мы, то ты неправильный и так себя вести опасно? Если да – это признак деструктивного манипулирования.

7. Каковы последствия такого воздействия для личности и общества в целом? Что личность ощущает – апатию, чувство беззащитности в обществе, одиночество, отверженность, утрату доверия к институтам власти, побуждение к девиантному поведению и т.п. Если нет позитивного подкрепления – манипуляция.

Нами проведена апробация описанного выше чек-листа. Студенты 1-го курса анализировали ролик из социальной сети ВК: «обычный парень», лет 19-ти рассказывает, как «несправедливо поступили при регистрации на очередные выборы с одной из политических партий» и призывает к бойкоту выборов и выходу на протесты.

Используя чек-лист, студенты сделали вывод:

1. Нарушается закон – призыв к бойкоту выборов.

2. Присутствуют элементы эмоционального давления – эмоциональный накал, отсутствие аргументов и рациональных доводов.

3. Автор ролика учитывает несформированность аналитического мышления молодежи, обостренное чувство несправедливости.

4. Источник не прозрачен, т.к. неясно, кто автор ролика.

5. Просмотров у данного ролика десятки тысяч, он «засветился» и на других интернет-ресурсах.

6. Делается упор на борьбе автора и его сторонников с общей коррумпированностью.

7. После просмотра ролика возможна радикализация девиаций, рост недоверия к институтам власти. Общий вывод - данный ролик манипулятивный.

М.М. Абазалаева [19] и Е.Д. Боярская [21] указывают на то, что для защиты молодежи от негативного влияния различных деструк-

тивных контентов, от возможности манипулирования их сознанием и поведением, необходимо разработать комплексную методику, учитывающую вышеописанные противодействующие стратегии. Для эффективной борьбы с манипуляцией сознанием и поведением нужно сотрудничество органов власти, специалистов в области психологии, социологии, представителей социальных платформ.

Заключение

1. Современная молодёжная среда – особая социальная сфера, характеризующаяся уязвимостью к манипулятивному воздействию в силу несформированности критического мышления, идентичности, стремления к социальному одобрению, автономности, психологических особенностей возраста, формирующейся идентичности, а также повышенной вовлечённости в цифровые коммуникации.

2. Социальное манипулирование в молодёжной среде – это комплексная социальная проблема, которую изучают философы, психологи, политологи, юристы. Многие методы манипуляции попадают под действие правовых норм (экстремизм, терроризм, вовлечение в противоправную деятельность), но есть различные формы влияния, наносящие вред молодежи, не регулируемые законодательством.

3. Социальное манипулирование молодежью реализуется на трех взаимосвязанных уровнях: когнитивном, эмоциональном, поведенческом. Конечная цель социального манипулирования – контроль над поведением человека.

4. Исходя из сравнительного анализа, граница допустимого социального манипулирования должна определяться по двум критериям: 1) критерий Хабермаса: нарушена ли способность субъекта сказать: «Нет»? Если доступ к альтернативным точкам зрения заблокирован (информационный пузырь) – то это переход границы. 2) критерий Зубоффа: извлекается ли поведенческий излишек без сознательного, информированного и добровольного согласия, модифицируется ли поведение скрытым образом, без ведома субъекта, ради выгоды другой стороны? Если да, то это – переход границы. Граница между допустимым влиянием и прямой манипуляцией размыта, поскольку

регулируется объективными и субъективными факторами, среди которых особое место занимают этнические, религиозные характеристики общества. Допустимое воздействие должно основываться на уважении автономии личности. Недопустимое базируется на искажении информации, создании иллюзии выбора при его отсутствии, навязывании нарративов, эксплуатации уязвимостей. Основной критерий, позволяющий разделить допустимое влияние и манипуляцию – прозрачность цели и метода воздействия.

5. Так как основным потребителем интернет-контента является молодежь, то цифровая среда повышает риски манипулирования. При этом молодым людям сложно понять, что они стали объектом скрытого поведенческого инжиниринга. Цифровая среда с ее алгоритмами персонализации, таргетированной рекламой, непрозрачностью контента, отсутствием или несвоевременностью модерации, фейковыми сообществами формирует триггеры у молодых людей. Особую опасность представляют манипуляции, маскирующиеся под поддержку.

6. Ключевыми элементами профилактики являются: повышение медиа грамотности и формирование навыков цифровой гигиены, реализация принципа приватности, системы обратной связи, создание универсальных норм, охватывающих социальное манипулирование в целом, а не отдельные его формы, формирование устойчивой идентичности и критического мышления. Только сочетание правовой строгости, этической ответственности и просветительской работы способно защитить молодежь от различных манипулятивных воздействий.

Список литературы

1. Собрание законодательства Российской Федерации. (1991–2006). *Конституция РФ, Кодекс РФ об административных правонарушениях, Уголовный кодекс РФ, Федеральные законы № 114-ФЗ, № 152-ФЗ и № 4485-1, приказ Минтруда России от 31 декабря 2013 г. № 792*. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 5 апреля 2026).
2. Авдеева, И. А. (2023). Цифровизация как предмет этической проблематизации. *Философия и общество*, (1). https://doi.org/10.30884/jfio/2023.01.07. EDN: https://elibrary.ru/TYVGYD

3. Виловатых, А. В. (2020). Манипулирование социальным поведением в условиях цифровой среды. *Дискурс-Пи*, (2), 149–164. https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10210. EDN: https://elibrary.ru/ERYCRB
4. Даутова, Р. В., & Осипова, Р. В. (2022). Когнитивные ловушки социальных сетей как проблема медиаобразования подростков. *Международный научно-исследовательский журнал*, (5-4), 77–79. https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.119.5.118. EDN: https://elibrary.ru/MHPKZE
5. Дзялошинский, И. М. (2005). Манипулятивные технологии и масс-медиа. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*, (1), 29–55. EDN: https://elibrary.ru/JXDHCP
6. Диреев, И. Д. (2025). Социальная инженерия в контексте информационной безопасности. *Международный научно-исследовательский журнал*, (3), 39. https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.153.121. EDN: https://elibrary.ru/APZMDR
7. Елишев, С. О. (2018). Сущность манипулятивного управления в молодежной среде и его разновидности. *Труд и социальные отношения*, *29*(4), 156–173. https://doi.org/10.20410/2073-7815-2018-29-4-156-173. EDN: https://elibrary.ru/XWBWMH
8. Кант, И. (2025). *Критика практического разума* (Н. М. Соколов, Пер.). Москва: Юрайт. 177 с. (Оригинальная работа опубликована в 1788). URL: https://urait.ru/bcode/567876 (дата обращения: 22.07.2026).
9. Кондрашкин, А. В., & Хломов, К. Д. (2012). Девиантное поведение подростков и Интернет: изменение социальной ситуации. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, *9*(3), 102–113. EDN: https://elibrary.ru/QYXALF
10. Крупенко, М. А. (2024). Социальное манипулирование российской молодежью в социальных сетях. *Гуманитарий Юга России*, *13*(2), 67–74. https://doi.org/10.18522/2227-8656.2024.2.6. EDN: https://elibrary.ru/AQRUNC
11. Леонтьев, А. Н. (2020). *Проблемы развития психики*. Москва: НПФ «Смысл». 527 с.
12. Миннуллина, Э. Б., Лутфуллина, Г. Ф., Иванов, Д. А., & Рукавишников, В. А. (2025). Проблемы формирования критического мышления студентов в условиях информационного общества. *Педагогика и просвещение*, (2), 124–137. https://doi.org/10.7256/2454-0676.2025.2.74743. EDN: https://elibrary.ru/ICRUCK
13. Нечкин, А. В., & Истомин, М. А. (2022). Теоретико-правовые основы борьбы с манипулированием массовым сознанием в сети «Интернет» на примере Российской Федерации. *Актуальные проблемы российского права*, *17*(1), 90–104. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.134.1.090-104. EDN: https://elibrary.ru/KDPOVV
14. Полякова, Т. А., Минбалеев, А. В., & Троян, Н. А. (2023). Формирование культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации в усло-

виях новых вызовов: публично-правовые проблемы. *Государство и право*, (5), 131–144. https://doi.org/10.31857/S102694520025209-0. EDN: https://elibrary.ru/JUISEQ

15. Савина, О. В. (2025). Медиаграмотность как фактор противодействия дезинформации и пропаганде в цифровой среде. *Постсоветский материк*, *1*(45), 64–76. https://doi.org/10.48137/23116412_2025_1_64. EDN: https://elibrary.ru/BLGFEA
16. Хабермас, Ю. (2022). *Теория коммуникативной деятельности: Том 1. Рациональность действия и социальная рационализация; Том 2. К критике функционалистского разума* (А. К. Судаков, Пер.). Москва: Издательство «Весь Мир». 880 с. (Оригинальная работа опубликована в 1981).
17. Фуко, М. (2026). *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы* (Н. С. Автономова, Пер.). Москва: Ад Маргинем Пресс. 368 с. (Оригинальная работа опубликована в 1975).
18. ЦИСМ. (2026). *Актуальные сетевые угрозы в молодежной среде*. URL: https://cism-ms.ru/poleznye-materialy/aktualnye-setevye-ugrozy-v-molodezhnoy-srede (дата обращения: 20.06.2026).
19. Abazalieva, M. M., & Pavlova, M. G. (2022). Mass media as a tool of socio-political manipulation. *Modern Science and Innovations*, (3), 199–205. https://doi.org/10.37493/2307-910X.2022.3.21. EDN: https://elibrary.ru/EOXBTK
20. Bandura, A. (1977). *Social learning theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall. 247 p.
21. Boyarskaya, E. L., & Barkhatova, E. I. (2023). Slippery slope: From persuasion to manipulation. *International Research Journal*, (12). https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.138.65. EDN: https://elibrary.ru/AGXEYY
22. Davis, K., & Weinstein, E. (2017). Identity development in the digital age: An Eriksonian perspective. In M. F. Wright (Ed.), *Identity, sexuality, and relationships among emerging adults in the digital age* (pp. 1–17). Information Science Reference/IGI Global. https://doi.org/10.4018/978-1-5225-1856-3.ch001
23. Heath, C., & Heath, D. (2007). *Made to Stick: Why Some Ideas Survive and Others Die*. New York: Random House. URL: https://www.academia.edu/37024276/_Heath_2007_Made_to_Stick_Why_Some_Ideas_Survive_and_Others_Die
24. O'Reilly, M. (2020). Social media and adolescent mental health: The good, the bad and the ugly. *Journal of Mental Health*, *29*(2), 200–206. https://doi.org/10.1080/09638237.2020.1714007. EDN: https://elibrary.ru/RWHGUL
25. Zuboff, S. (2022). Surveillance capitalism or democracy? The death match of institutional orders and the politics of knowledge in our information civilization. *Organization Theory*, *3*(3). https://doi.org/10.1177/26317877221129290. EDN: https://elibrary.ru/BKUYSE

References

1. *Collection of Laws of the Russian Federation*. (1991–2006). Constitution of the Russian Federation, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, Criminal Code of the Russian Federation, Federal Laws No. 114-FZ, No. 152-FZ, and No. 4485-1, Order of the Ministry of Labor of Russia dated December 31, 2013 No. 792. Retrieved April 5, 2026, from https://www.consultant.ru
2. Avdeeva, I. A. (2023). Digitalization as a subject of ethical problematization. *Philosophy and Society*, *(1)*. https://doi.org/10.30884/jfio/2023.01.07. EDN: https://elibrary.ru/TYVGYD
3. Vilovatyy, A. V. (2020). Manipulation of social behavior in the digital environment. *Discourse-P*, *(2)*, 149–164. https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10210. EDN: https://elibrary.ru/ERYCRB
4. Dautova, R. V., & Osipova, R. V. (2022). Cognitive traps of social networks as a problem of media education for adolescents. *International Research Journal*, *(5-4)*, 77–79. https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.119.5.118. EDN: https://elibrary.ru/MHPKZE
5. Dzyaloshinsky, I. M. (2005). Manipulative technologies and mass media. *Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism*, *(1)*, 29–55. EDN: https://elibrary.ru/JXDHCP
6. Direev, I. D. (2025). Social engineering in the context of information security. *International Research Journal*, *(3)*, 39. https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.153.121. EDN: https://elibrary.ru/APZMDR
7. Elishev, S. O. (2018). The essence of manipulative governance among young people and its varieties. *Labor and Social Relations*, *29*(4), 156–173. https://doi.org/10.20410/2073-7815-2018-29-4-156-173. EDN: https://elibrary.ru/XWBWMH
8. Kant, I. (2025). *Critique of practical reason* (N. M. Sokolov, Trans.). Moscow: Yurait. 177 p. (Original work published 1788). Retrieved July 22, 2026, from https://urait.ru/bcode/567876
9. Kondrashkin, A. V., & Khlov, K. D. (2012). Adolescent deviant behavior and the Internet: Changes in the social situation. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, *9*(3), 102–113. EDN: https://elibrary.ru/QYXALF
10. Krupenko, M. A. (2024). Social manipulation of Russian youth on social networks. *Humanitarian of the South of Russia*, *13*(2), 67–74. https://doi.org/10.18522/2227-8656.2024.2.6. EDN: https://elibrary.ru/AQRUNC
11. Leontiev, A. N. (2020). *Problems of the development of the mind*. Moscow: NPF «Smysl». 527 p.
12. Minnullina, E. B., Lutfullina, G. F., Ivanov, D. A., & Rukavishnikov, V. A. (2025). Problems of developing students' critical thinking in the information society. *Pedagogy and Education*, *(2)*, 124–137. https://doi.org/10.7256/2454-0676.2025.2.74743. EDN: https://elibrary.ru/ICRUCK

13. Nechkin, A. V., & Istomin, M. A. (2022). Theoretical and legal foundations of countering the manipulation of mass consciousness on the Internet: The case of the Russian Federation. *Actual Problems of Russian Law*, *17*(1), 90–104. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.134.1.090-104. EDN: https://elibrary.ru/KDPOVV
14. Polyakova, T. A., Minbaleev, A. V., & Troyan, N. A. (2023). Fostering a culture of information security among citizens of the Russian Federation in the face of new challenges: Public law problems. *State and Law*, *(5)*, 131–144. https://doi.org/10.31857/S102694520025209-0. EDN: https://elibrary.ru/JUISEQ
15. Savina, O. V. (2025). Media literacy as a factor in countering disinformation and propaganda in the digital environment. *Post-Soviet Continent*, *1*(45), 64–76. https://doi.org/10.48137/23116412_2025_1_64. EDN: https://elibrary.ru/BLGFEA
16. Habermas, J. (2022). *The theory of communicative action: Vol. 1. Reason and the rationalization of society; Vol. 2. Lifeworld and system: A critique of functionalist reason* (A. K. Sudakov, Trans.). Moscow: Ves' Mir Publishing House. 880 p. (Original work published 1981).
17. Foucault, M. (2026). *Discipline and punish: The birth of the prison* (N. S. Avtonomova, Trans.). Moscow: Ad Marginem Press. 368 p. (Original work published 1975).
18. CISM. (2026). *Current online threats among young people*. Retrieved June 20, 2026, from https://cism-ms.ru/poleznye-materialy/aktualnye-setevye-ugrozy-v-molodezhnoy-srede
19. Abazalieva, M. M., & Pavlova, M. G. (2022). Mass media as a tool of socio-political manipulation. *Modern Science and Innovations*, *(3)*, 199–205. https://doi.org/10.37493/2307-910X.2022.3.21. EDN: https://elibrary.ru/EOXBTK
20. Bandura, A. (1977). *Social learning theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall. 247 p.
21. Boyarskaya, E. L., & Barkhatova, E. I. (2023). Slippery slope: From persuasion to manipulation. *International Research Journal*, *(12)*. https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.138.65. EDN: https://elibrary.ru/AGXEYY
22. Davis, K., & Weinstein, E. (2017). Identity development in the digital age: An Eriksonian perspective. In M. F. Wright (Ed.), *Identity, sexuality, and relationships among emerging adults in the digital age* (pp. 1–17). Information Science Reference/IGI Global. https://doi.org/10.4018/978-1-5225-1856-3.ch001
23. Heath, C., & Heath, D. (2007). *Made to stick: Why some ideas survive and others die*. New York: Random House. Retrieved from https://www.academia.edu/37024276/_Heath_2007_Made_to_Stick_Why_Some_Ideas_Survive_and_Others_Die
24. O'Reilly, M. (2020). Social media and adolescent mental health: The good, the bad and the ugly. *Journal of Mental Health*, *29*(2), 200–206. https://doi.org/10.1080/09638237.2020.1714007. EDN: https://elibrary.ru/RWHGUL

25. Zuboff, S. (2022). Surveillance capitalism or democracy? The death match of institutional orders and the politics of knowledge in our information civilization. *Organization Theory*, *3*(3). https://doi.org/10.1177/26317877221129290. EDN: https://elibrary.ru/BKUYSE

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Кемалова Лиля Исметовна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры экономики и гуманитарных дисциплин
ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет»
ул. Орджоникижзе, 82, г. Керчь, 298309, Российская Федерация
kemalova@yandex.ru

Никонорова Марина Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры экономики и гуманитарных дисциплин
ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет»
ул. Орджоникижзе, 82, г. Керчь, 298309, Российская Федерация
marianna_iv@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Lilia I. Kemalova, PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor in the Department of Economics and Humanities
Kerch State Marine Technology University
82, Ordzhonikizhe Str., Kerch, 298309, Russian Federation
kemalova@yandex.ru
SPIN-code: 7403-1573
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1339-9842

Marina A. Nikonorova, PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor in the Department of Economics and Humanities
Kerch State Marine Technology University
82, Ordzhonikizhe Str., Kerch, 298309, Russian Federation
marianna_iv@rambler.ru
SPIN-code: 5277-3165
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2335-8238

Поступила 14.08.2026
После рецензирования 17.09.2026
Принята 20.09.2026

Received 14.08.2026
Revised 17.09.2026
Accepted 20.09.2026

Человек, общество и государство в философской перспективе / Individual, Society, and State in Philosophical Perspective

Научная статья
DOI: 10.12731/3033-5981-2026-18-3-565
УДК 17.03

Original article
EDN: FIPTCS

Этические аспекты развития IT-технологий в современной западной философии науки

О.В. Летов
Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Развитие IT-технологий и усилия по разработке искусственного интеллекта (ИИ) оказываются важнейшими трендами настоящего времени. Автор стремится обосновать, что в контексте этического доверия к разработкам автоматизированных систем управления (АСУ) ключевой вопрос, заслуживающий внимания со стороны специалистов в области информационных технологий, состоит в том, какие технические инструменты и свойства являются релевантными для обеспечения внутренней надёжности систем. Надежность в этическом аспекте означает добросовестное, компетентное отношение к поставленной задаче. В свою очередь, доверие, опираясь на надежность, одновременно выступает предпосылкой, результатом и основополагающей этической ценностью для полноценного развития социума.

Цель – анализ этических последствий использования IT-технологий сквозь призму таких категорий, как моральное доверие и надежность.

Материалы и методы. Основный метод исследования – аксиологический нормативно-компаративный. Качественные показатели использовались как средство описания этических аспектов развития IT-технологий. Статья основывается на совокупности теоретических источников, связанных с указанной тематикой.

Результаты. В контексте доверия к разработкам IT-технологий ключевой вопрос, заслуживающий внимания со стороны специалистов в области информационных технологий, заключается в том, какие технические инструменты способны обеспечить моральное доверие к ним. Данный вопрос, в свою очередь, выводит на более фундаментальную проблему: что означает доверие к нечеловеческому агенту в таких областях, как взаимодействие человека с компьютером и человека с роботом? Эмпирические исследования свидетельствуют, что у людей формируются

иные ожидания в отношении машин по сравнению с их ожиданиями относительно других людей – независимо от того, насколько интеллектуальными воспринимаются эти машины. Для того чтобы ИИ поддерживал, а не подрывал человеческое благополучие, его необходимо разрабатывать в рамках биопсихоэтической парадигмы, в рамках которой учитывались бы биологические и социальные потребности, а также психологическое развитие субъекта.

Ключевые слова: IT-технологии; этические аспекты; моральные последствия; искусственный интеллект; доверие; надежность; автоматизированные системы управления; семиотика; постмодернизм; научно-технический прорыв; философия науки

Для цитирования. Летов, О. В. (2026). Этические аспекты развития IT-технологий в современной западной философии науки. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, *18*(3), 124-142. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-565

Ethical aspects of IT development in modern Western philosophy of science

O.V. Letov
Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract

Background. The development of IT technologies and efforts to develop artificial intelligence (AI) are proving to be the most important trends of our time. The author seeks to substantiate that, in the context of ethical trust in the development of automated control systems (ACS), a key question deserving attention from information technology specialists is which technical tools and properties are relevant for ensuring the inherent reliability of systems. Reliability, in an ethical sense, means a conscientious and competent approach to the task at hand. Trust, in turn, based on reliability, simultaneously serves as a prerequisite, a result, and a fundamental ethical value for the full development of society.

Purpose – to analyze the ethical implications of using IT technologies through the prism of such categories as moral trust and reliability.

Materials and methods. The primary research method is axiological, normative, and comparative. Qualitative indicators were used to describe the ethical aspects of IT development. The article draws on a comprehensive set of theoretical sources related to this topic.

Results. In the context of trust in IT developments, a key question deserving attention from IT specialists is which technical tools can ensure moral trust in them. This question,

in turn, leads to a more fundamental issue: what does trust in a non-human agent mean in domains such as human-computer and human-robot interactions? Empirical research shows that people develop different expectations of machines than they do of other humans, regardless of how intelligent these machines are perceived. For AI to support rather than undermine human well-being, it must be developed within a biopsychoethical paradigm that takes into account biological and social needs, as well as the psychological development of the subject.

Keywords: IT technologies; ethical aspects; moral implications; artificial intelligence; trust; reliability; automated control systems; semiotics; postmodernism; scientific and technological breakthroughs; philosophy of science

For citation. Letov, O. V. (2026). Ethical aspects of IT development in modern Western philosophy of science. *Russian Social and Humanitarian Studies*, *18*(3), 124-142. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-565

Введение

Развитие IT-технологий и усилия по разработке искусственного интеллекта (ИИ) оказываются важнейшими трендами настоящего времени. Эти шаги по праву можно назвать научно-техническим прорывом. Исследования в области ИИ имеют место как в мире, так и в нашей стране. «Еще недавно искусственный интеллект казался далекой перспективой, а теперь он работает на россиян каждый день, – пишет М. Цветкова. – От распознавания речи до анализа медицинских снимков – интеллектуальные системы все глубже интегрируются в привычную жизнь» [1]. В марте 2026 г. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации опубликовало для общественного обсуждения законопроект о регулировании ИИ в России. В нем содержатся требования для разработчиков и пользователей нейросетей. В частности, указывается на необходимость создания надежных систем, развивая собственные решения ИИ для своей безопасности [2].

Проблема этических последствий использования информационных технологий отражена в нашей научной и популярной литературе. Так, Н.И. Касперская указывает на заметные уже сейчас негативные последствия, с которыми столкнутся дети, в чье ранее развитие слишком глубоко интегрирован ИИ. Дети при этом становятся более восприимчивы. Выделяются следующие негативные моменты:

1) Социальная дезактивация – дети не способны общаться и не воспринимают сверстников на уровне коммуникации.

2) Замедление психического развития – дети тормозят в развитии в сравнении со сверстниками без гаджетов. Фантазия и воображение развиваются хуже.

3) Раннее привыкание к компьютеру и зависимость от него. С этим сложно бороться, поскольку любая попытка изолировать ребенка от гаджета может привести к истерике [21].

К.В. Молчанов предлагает построить «систему координат» для исследований: от рефлексии и понимания ценностей к этическим рискам «гиперрассудков». Делается вывод, что «игнорирование обозначенного разделения увековечивает застой, а его внедрение открывает путь к подлинному искусственному разуму» [22]. Г.Г. Егоров отмечает, что в использовании нейронных сетей (НС) имеется ряд проблем: «отрицательные результаты таких систем сложно интерпретировать, они требовательны по объемам и качеству данных, имеются риски переобучения, они зависят от неразрешенных вопросов этической ответственности» [23].

Материалы и методы

В данной работе применяется аксиологический нормативно-компаративный метод исследования. Качественные показатели используются как средство описания этических последствий развития IT-технологий. Сторонники качественных методов как исходный материал рассматривают тексты, а не числовые показатели. Вместо математической обработки в центре оказывается лингвистический анализ, позволяющий глубоко и комплексно изучить конкретную ситуацию. Автор статьи опирается на совокупность теоретических источников, связанных с указанной тематикой.

Результаты и обсуждение

Прогресс IT-технологий и этика

В контексте доверия и надёжности ИИ, а также разработки автоматизированных систем управления (АСУ) ключевой вопрос,

заслуживающий внимания со стороны специалистов в области информационных технологий, состоит в том, какие технические инструменты и свойства являются релевантными (или подлежат разработке) для обеспечения внутренней надёжности систем. Данный вопрос, в свою очередь, выводит на более фундаментальную проблему: что означает доверие к нечеловеческому агенту в таких областях, как взаимодействие человека с компьютером и человека с роботом? Эмпирические исследования свидетельствуют, что у людей формируются иные ожидания в отношении машин по сравнению с их ожиданиями относительно других людей – независимо от того, насколько интеллектуальными воспринимаются эти машины [4; 9; 14]. Надёжность, приписываемая ИИ, включает такие компоненты, как компетентность, этичность, искренность и добросовестность [10; 12; 18]. Иными словами, надежность в этическом аспекте означает добросовестное, компетентное отношение к поставленной задаче. В свою очередь, доверие, опираясь на надежность, одновременно выступает предпосылкой, результатом и основополагающей этической ценностью для полноценного развития социума.

Применение автоматизированного принятия решений (АПР) все шире используется в таких областях, как государственное управление, предоставление публичных услуг, внутреннее администрирование и разработка политических решений. В этой связи могут возникать проблемы, как, например, «различия в восприятии, вопросы защиты приватности, смещения в выборочных данных, дискриминация и цифровое неравенство» [20]. Последствия применения IT-технологий носят не только технический, но и глубоко этический, экономический и экзистенциальный характер: «вытеснит ли ИИ работников и усугубит ли неравенство, или же он сможет служить инструментом для переосмысления распределения труда и стоимости?» [3].

Для решения этических вопросов доверия, связанных с управлением искусственным интеллектом, необходимы совместные междисциплинарные усилия. Проблема доверия приобретает первостепенное значение ввиду стремительного развития систем ИИ. Управление ИИ претерпевает существенные изменения на трёх

уровнях: технологического прогресса, административного использования и нормативно-правовой политики. При этом надлежащее функционирование каждого из этих уровней требует наличия доверия между различными вовлечёнными сторонами – а именно разработчиками, административными пользователями и регулирующими органами. Государственные служащие должны доверять способности разработчиков создавать надёжные системы ИИ, пригодные для предполагаемого административного использования и соответствующие нормативным целям и инструментам. Аналогичным образом, разработчики должны с доверием полагаться на сотрудников государственных органов и регулирующих учреждений в вопросах надлежащего использования, мониторинга и управления IT-технологиями.

Развитие автоматизации и искусственного интеллекта знаменует собой очередной парадигмальный сдвиг. В отличие от предшествующих этапов человеческой истории, где акцент делался на физическом труде, ИИ в значительной мере ориентирован на когнитивные способности и навыки принятия решений, которые некогда считались исключительной прерогативой человека. Данное обстоятельство влечёт за собой не только технологические, но и глубокие этические, экономические и экзистенциальные последствия. Вытеснит ли ИИ работников, усугубляя неравенство, или же он способен стать инструментом для переосмысления распределения труда и стоимости? Если человечество будет бездумно автоматизировать эти формы труда, оно рискует уничтожить личностные источники смысла, достоинства и психологической устойчивости. ИИ несёт в себе значительные риски: вытеснение работников, снижение квалификации, слежка, предвзятость и концентрация власти. При внедрении без надлежащих этических гарантий ИИ может низвести людей до совокупности данных в системах, оптимизирующих не столько благополучие человека, сколько прибыль. В таком сценарии ИИ способен не улучшить качество жизни, а подорвать саму автономию, неприкосновенность частной жизни и достоинство, от которых зависит процветание отдельного человека.

Подобный риск сопровождается обещанием удобства. Если ИИ в первую очередь нацелен на устранение дискомфорта и максимизацию комфорта, он может ускорить гедонистический мотив, в котором удовольствие ценится выше личностного роста. «Если ИИ, – отмечает С. Хофер. – будет всё более удовлетворять пожеланиям субъекта, без усилий и вовлечённости, придающих жизни смысл, он может породить пассивность, а не подлинную удовлетворённость» [5].

С исторической точки зрения современный мир является уникальным. Впервые значительная часть мирового населения обладает временем, не направленным исключительно на выживание. Многие тысячелетия человеческий труд был неотделим от жизненной необходимости. Лишь недавно он был переориентирован на личные или абстрактные цели. Хотя материальные условия людей значительно улучшились, эти достижения не устранили их внутреннее беспокойство. «Улучшения быстро становятся нормой, и их отсутствие зачастую ощущается острее, чем их присутствие. То, что некогда казалось чудом, вскоре превращается в обыденность» [5].

Развитие ИИ-технологий в настоящее время ускоряет указанную динамику. Однако если человечество не остановится, не обратится к саморефлексии, оно может углубить разрыв между прогрессом и самореализацией. Вопрос заключается не в том, способно ли развитие IT-технологий улучшить жизнь, а в том, обладают ли люди культурными, социальными и психологическими возможностями, чтобы осмысленно использовать его преимущества. Необходимо провести различие между тем, что представляет собой инновацию, и тем, что является прогрессом. Если инновация – это нечто новое, то достижения прогресса нуждаются в этической оценке. «Искусственный интеллект также должен оцениваться не только с точки зрения его полезности, но и с позиции того, соответствует ли он видению более справедливого, гуманного и осмысленного общества – общества, которое повышает качество жизни для всех, а не только для привилегированного меньшинства» [5].

Растущее стремление к использованию искусственного интеллекта, так же, как и зависимость от него, порождают серьёзные

этические и философские вопросы. Будучи не в силах справиться с социальными проблемами, такими как экономическое неравенство или системная нестабильность, решения на основе ИИ нередко способны предложить лишь поверхностные, оторванные от контекста корректировки. Кроме того, большинство обучающих наборов данных для подобных систем имеют западное культурное происхождение, что потенциально закладывает узкие представления о психическом здоровье, эмоциях и благополучии. Данное обстоятельство может непреднамеренно увековечить форму ментального доминирования, при которой специфические для определённой культуры нормы экспортируются по всему миру посредством алгоритмических инструментов без должного учёта локальных ценностей и жизненного опыта.

Важная проблема касается иллюзии эмпатии, создаваемой при работе с ИИ. Если пользователь получает от чат-бота ответ «Я понимаю» или «Я чувствую», то при этом эмоциональный резонанс только имитируется, но ИИ лишён подлинного самосознания или субъективного опыта. Подобные ответы, хотя и грамматически корректны, порождаются вероятностными алгоритмами, а не опираются на сознательное понимание. «Подобная языковая симуляция размывает границу между подлинной человеческой эмпатией и её алгоритмическим подражанием, потенциально подрывая доверие в человеческих отношениях и обесценивая смысл эмоциональной связи. Эти эмоциональные реакции порождают значительные этические проблемы» [5].

Человек может ошибочно приписывать самостоятельность или соучастие системам, не способным к подобным переживаниям, что потенциально ведёт к эмоциональной зависимости. Создателям IT-технологий вольно или невольно удается манипулировать уязвимостью пользователей, способствуя формированию эмоциональных связей, которые не являются взаимными. Эти связи усложняют вопросы информированного согласия, автономии и целостности субъекта. По мере того как ИИ становится всё более способным имитировать эмоциональное взаимодействие, этическая проблема

заключается не только в оценке его возможностей, но и в критическом осмыслении его роли в человеческом благополучии. Внедрение чат-ботов с искусственным интеллектом для психологически уязвимых пользователей сопряжено с определённым риском, особенно когда люди антропоморфизируют эти системы, ищут утешения в кризисные моменты. Исследования подтверждают, что реакции ИИ могут усиливать одиночество, создавать ложное впечатление эмпатического понимания[1]. IT-программы не обладают психологической подготовкой или этическими гарантиями – это универсальная языковая модель, используемая вне рамок контекста моральной поддержки.

Общение с ИИ не должно замещать привычные межличностные связи. Это общение следует рассматривать в более широком этическом контексте, где ценится подлинность, достоинство и культурная чуткость. При разработке этических алгоритмов необходимо учитывать не только технические сбои, но и социальные и эмоциональные ошибки, связанные с применением инструментов ИИ, особенно когда они имитируют человеческое взаимодействие. Это обстоятельство касается в первую очередь лиц с ограниченными возможностями. Исследования показывают, что «люди склонны антропоморфизировать ИИ, проецируя намерения, эмпатию и даже привязанность на языковые модели, лишённые сознания или понимания. Эмоциональные результаты работы ИИ следует рассматривать как языковые конструкции, а не как подлинную заботу» [5]. В русле более широкого этического контекста учёные всё чаще призывают к предотвращению ложного приписывания результатам развития IT-технологий признаков субъектности [см., напр. 18].

[1] Длительное общение с чат-ботами может способствовать кристаллизации бредовых убеждений, особенно у людей с уже существующими психическими расстройствами (шизофренического спектра, биполярными расстройствами в стадии обострения). Например, в исследовании Калифорнийского университета описан случай 26-летней женщины, у которой после общения с GPT-4o развился острый психоз. На фоне стресса и недосыпа она обсуждала с чат-ботом смерть брата, и ИИ начал подтверждать бредовую идею о «цифровом воскрешении», что стало катализатором психического срыва (https://dzen.ru/a/aUCFkSUCqz9V6BLz).

Этическая проблема заключается не столько в симуляции Я, сколько в человеческой уязвимости перед ней. Как социальные существа, люди в процессе своей эволюции привыкли реагировать на сигналы теплоты и сочувствия — будь то мягкий тон, заботливое выражение или утешительные слова. Эти сигналы служат признаком доверия и эмоциональной связи. Все это ставит каждого человека перед этическим вопросом: достаточно ли, будучи однажды обманутым искусственным компаньоном, чтобы не доверять ему так же, как человеку? Этот вопрос имеет практические последствия. По мере того как люди всё чаще обращаются к системам ИИ, которые кажутся заботливыми и отзывчивыми – особенно в таких областях, как психическое здоровье, образование и уход за больными, – они рискуют постепенно замещать подлинные человеческие отношения программными суррогатами. Какими бы полезными ни казались такие системы, они не могут ответить взаимностью на доверие, не могут любить и не могут разделить страдания. Если люди начнут забывать об этом различии, их собственная эмоциональная грамотность и социальные способности способны атрофироваться. Рано или поздно они обнаружат, что доверяются, полагаются или даже любят сущности, которые ничего не чувствуют[1]. «Передача самых глубоких человеческих потребностей машинам, которые имитируют чувства, но остаются принципиально безразличными, ставит всех на этический перекрёсток будущего человечества» [5].

Даже если отвлечься от этических аспектов, существует и практическое ограничение для «консультантов» на основе ИИ. Одна лишь информация редко меняет жизнь. «Результаты развития IT-технологий могут непреднамеренно усугубить чувство непол-

[1] 33 летний инженер и программист Ле Чунгу до сих пор живет со своими родителями, в голову лезет один единственный вариант – таким образом Ле хочет решить проблему социализации и, конечно, отсутствия девушки. Он завел робота Айко, одновременно и женщину, и друзей, потратив на всё 20 000 долларов. Используя собственную систему программного обеспечения «BRAIN», Айко может говорить на английском и японском языках, решать математические задачи, читать, распознавать лица и запоминать информацию. Через всё ее тело проходит сеть датчиков (https://brodude.ru/10-chelovek-kotorye-lyubyat-svoix-robotov-bolshe-chemlyudej/?ysclid).

ноценности или неудачи, поскольку пользователи сравнивают свою собственную несовершенную, запутанную жизнь с кажущейся точностью и последовательностью рекомендаций алгоритма. Эта динамика может способствовать ложному предположению, что человеческий рост должен быть таким же безупречным, как код ИИ, – предположение столь же опасное, сколь и ошибочное» [5]. Социальная изоляция приводит к психологическим стрессам, которые проявляются в тревоге и депрессии. Все это подчеркивает необходимость разработки ИИ не только с ориентацией на точность или производительность, но и с учётом как этических факторов, так и культурных традиций. Человек не может перекладывать ответственность за свою судьбу на достижения в области IT-технологий.

Эпистемологтческие факторы создания ИИ

Смена парадигм представляет собой неотъемлемую черту развития науки. В настоящее время эта смена тесно связана с цифровой эпохой, что неизменно сопровождается привычным набором регулирующих структур, призванных защитить границы целостности внутренней сферы человека. Эти структуры призваны создать барьер, который сохранит целостность человеческой природы, отгораживая её от познания того, что находится по ту сторону смены парадигм.

Тревоги, связанные с социальными и расовыми иерархиями, основанными на градациях человечности, теперь переносятся на порождающее сознание. И среди самых сильных страхов – страх быть обманутым: страх того, что автоматизированное автономное цифровое сознание, размещённое, например, в роботах, может, симулируя человеческое поведение, причинить вред людям или сместить человека с его высшей позиции в упорядоченной социальной жизни.

Смысл, общий для человеческих коллективов – а не смысл, присущий самой определяемой вещи, – именно он отражает сущность нормы, ценностей, языка, философии и механизмов социальных отношений, сколь бы сложными ни были их структура и рамки. То же самое относится и к технологиям коммуникации, которые сами по себе также служат или формируются как форма того, что передаётся. Однако споры о форме и характере отражают также современный раскол в сообществах и в их системах ценностей.

Независимо от того, о чём говорят или думают люди, они мыслят и говорят о себе. Но поскольку отдельные люди смертны, этот разговор и рефлексия меняются во времени; и поскольку не существует двух абсолютно идентичных людей, акт коммуникации и его объект (знание) являются в равной степени актами коллективной согласованности и стремления познать вещи сами по себе. В самом языке, сформировавшемся на протяжении жизни, основы социальных отношений (особенно выраженные в форме закона) сокрыты в конкретном образе человека.

Теперь в сфере интерсубъективности появился ещё один действующий субъект – и он не человек, хотя и создан по образу и подобию человечества. Цифровизация открыла пространство для отстранения человека от самого себя; она предоставила средства для того, чтобы взять эти отделимые части и оживить их [2, p. V]. Цифровизация в системах машинного обучения (генеративный ИИ) освободила эго от статичных и мгновенных во времени ограничений зеркала, текста или изображения. Интерсубъективность теперь воплощена в технологиях и аппаратном обеспечении; и она всё более одушевляется внечеловеческой интерсубъективностью. «В форме нечеловеческого эго, ошибочно называемого искусственным интеллектом, в пространство эго был введён новый действующий субъект. И это эго больше не является полностью человеческим, хотя и создано по интерсубъективному образу человечества» [1, p. 978].

Проблема искусственности формирует определённые трудности перед лицом плюралистической субъективности, заложенной в социальных отношениях естественного и искусственного интеллекта. Сам термин постулирует иерархически обоснованную бинарность, в которой одна «вещь» происходит от высшей вещи, по отношению к которой эта высшая вещь выступает её создателем. Латинское происхождение – *artificium* (произведение искусства; мастерство; теория, система) – предполагает как созданную вещь (facere), так и создателя (artifex). В этом заключается главная идея постмодерна, особенно в отношении «искусственного» интеллекта. «Именно на этой идеологии творческой иерархии и зависимости лежит большая часть нарциссизма современности – от Ницше до Гуссерля, Фуко и

Деррида. Но это не просто нарциссизм, а идеологическое предположение о субъективности и её «взаимосвязанности» [1, p. 1025]. В данном контексте нет ничего искусственного – по крайней мере, в той мере, в какой это подразумевается как сокращённое обозначение идеологии доминирования и зависимости. Доминирование существует – в сфере человеческого разума кремниевый интеллект должен играть управляемую роль, – но это политика и целесообразность, а не «естественность» [1, p. 1025]. Развитие «искусственного» интеллекта ещё предстоит исследовать в иных терминах, нежели те, которые существенным образом связаны с отношениями, зависящими от человека и развивающимися через него.

Цифровые технологии усложняют и без того сложный путь философии самосознания, которая могла бы посредством выразительности языка обеспечить средство рационализации самосознания в его естественной среде. Эта рационализация более не имеет смысла, поскольку сущность самосознания разделена. Бинарная оппозиция «естественное-искусственное» оспаривается в том отношении, что рефлексия аналогового и цифрового «я» обнаруживает: сущность естественного (то, что естественно в физическом мире, и то, что естественно в виртуальном мире, различна); естественное не может быть перенесено в цифровой мир; и цифровое естественное является искусственным в аналоговых областях. Люди по-прежнему подходят к наивному и естественному через призму аналогового восприятия, через «дух человечества». Они «застряли» в своих естественных языках. Для перехода между этими языками и искусственными языками (математика, программирование и им подобные) требуется конверсия. Иными словами, любое полное, лингвистически корректное и приемлемое общение должно быть связано с определённой естественностью выражения. Сложность заключается в том, чтобы вдохнуть новую жизнь в плюралистическую субъективность, находящуюся в тени бинарной оппозиции «естественное-искусственное», которая делает плюрализм менее субъективным и более инструментальным[1].

[1] См. Broekman J. M. Knowledge in Change: The Semiotics of Cognition and onversion. Cham, Switzerland: Springer Nature, 2023. P. 115.

Переход от признания и выразительности границ аналогового (например, естественного человеческого языка) к границам цифрового (виртуального) кода – это непростой шаг. Здесь субъект принимает не просто другой язык (с его закодированными ощущениями и предпосылками жизненного мира), но и способ, которым эти языки должны быть согласованы на границах цифрового и аналогового – с человеческой точки зрения, на границах естественного и искусственного или неестественного. Он приходит к синтезу, гештальту языка. Гештальт, безусловно, превосходит сумму естественного и неестественного, даже если он неизбежно укрепляет внутренний смысл каждого из них.

Цифровое – это нечто большее, чем просто отражение – зеркальное отображение – мира, перенесённого в него из природного и человеческого. Оно не искусственно в смысле артефактности. Оно не бесформенно и не пусто, за исключением отражения – пассивного, зависимого, случайного. Естественное и искусственное отражения в некоторой степени созданы по образу своего создателя. Они являются отражённым проявлением того, как природное конструируется в рамках интеллекта, чей жизненный мир встроен в его тело и который путешествует в мире сетевых, взаимосвязанных и порой совершенно замкнутых экосистем. Они функционируют в отношении окружающего мира. «Для симуляции, модели, генеративной программы ИИ и квантового мира, лежащего в основе органических и неорганических блоков жизни, – неестественное – это мир человечества»[1].

Заключение

1. Развитие IT-технологий и использование ИИ получило широкое развитие как за рубежом, так и в нашей стране.

2. Достижения IT-технологий широко используются в таких областях, как государственное управление, предоставление публичных услуг, внутреннее администрирование и разработка политических решений.

3. Чтобы искусственный интеллект способствовал процветанию человека, а не вредил ему, его создание должно опираться на

[1] Backer L. C. The Soulful Machine, the Virtual Person, and the “Human” Condition: An Encounter with Jan M. Broekman, Knowledge in Change: The Semiotics of Cognition and Conversion // International Journal of Semiotics and Law, 2024. Vol. 37. P. 1042.

биопсихоэтическую модель. Такой подход одновременно учитывает биологические нужды, психологическое развитие личности и социальное окружение.

4. Социальный аспект выражается в том, как цифровые среды влияют на общественные связи и способен ли ИИ заменить живое общение. Все три измерения тесно переплетены: социальная изоляция ведёт к психологическому дистрессу, который проявляется в виде тревожности и депрессии. В свою очередь, осмысленный труд зависит от коллективных взаимоотношений и напрямую сказывается на физическом здоровье.

5. Всё это доказывает, что разработка ИИ не должна ограничиваться погоней за точностью или производительностью – необходимо учитывать этические нормы и культурные традиции.

Описание применения генеративной модели. Во время подготовки статьи автор использовал chat.deepseek.com, при объеме вмешательства не более 20%, в целях уточнения фрагментов иностранного текста. После использования этого сервиса он пересмотрел и отредактировал контент по мере необходимости и берет на себя полную ответственность за содержание опубликованной статьи.

Список литературы

1. Цветкова, М. (2025, 4 сентября). ИИ для каждого: как искусственный интеллект меняет жизнь россиян и зачем его поддерживает Путин. *Gazeta.ru*. https://www.gazeta.ru/social/2025/09/04/21644966.shtml (дата обращения: 02.04.2026).
2. Новости РБК. (2026, 10 апреля). *RBC*. https://www.rbc.ru/technology_and_media/10/04/2026/69d950709a794768374a7d51 (дата обращения: 09.04.2026).
3. Acemoglu, D., & Restrepo, P. (2020). Robots and jobs: Evidence from US labor markets. *Journal of Political Economy, 128*(6), 2188–2244. https://doi.org/10.1086/705716. EDN: https://elibrary.ru/SUEWLL
4. Alsaleh, A. (2024). The impact of technological advancement on culture and society. *Scientific Reports, 14*(1), Article 32140. https://doi.org/10.1038/s41598-024-83995-z. EDN: https://elibrary.ru/MKAMID
5. Backer, L. C. (2024). The soulful machine, the virtual person, and the «human» condition: An encounter with Jan M. Broekman, Knowledge in Change: The Semiotics of Cognition and Conversion. *International Journal of Semiotics and Law, 37*, 969–1083. https://doi.org/10.1007/s11196-023-10065-4. EDN: https://elibrary.ru/TTPMKQ

6. Broekman, J. M. (2023). *Knowledge in Change: The Semiotics of Cognition and Conversion*. Cham, Switzerland: Springer Nature. 200 p. https://doi.org/10.1007/978-3-031-23001-1
7. Chatila, R., et al. (2021). Trustworthy AI. В кн.: B. Braunschweig, M. Ghallab (Eds.), *Reflections on Artificial Intelligence for Humanity* (pp. 13–39). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69128-8_2
8. Dattani, S., Rodés-Guirao, L., Ritchie, H., Ortiz-Ospina, E., & Roser, M. (2023). *Life expectancy*. Our World in Data. 242 p.
9. Hidalgo, C. A., Orghian, D., Albo Canals, J., de Almeida, F., & Martin, N. (2021). *How Humans Judge Machines*. The MIT Press. 256 p. https://doi.org/10.21428/cb6ab371.a6bc9cb4. EDN: https://elibrary.ru/RAPHTO
10. Kjell, O. N. E., Kjell, K., Garcia, D., & Sikström, S. (2019). Semantic measures: Using natural language processing to measure, differentiate, and describe psychological constructs. *Psychological Methods, 24*(1), 92–115. https://doi.org/10.1037/met0000191
11. Laestadius, L., Bishop, A., Gonzalez, M., Illenčík, D., & Campos-Castillo, C. (2022). Too human and not human enough: A grounded theory analysis of mental health harms from emotional dependence on the social chatbot Replika. *New Media & Society, 26*(10), 5923–5941. https://doi.org/10.1177/14614448221142007. EDN: https://elibrary.ru/LDJKHB
12. Lahusen, C., Maggetti, M., & Slavkovik, M. (2024). Trust, trustworthiness and AI governance. *Scientific Reports, 14*, Article 20752. https://doi.org/10.1038/s41598-024-71761-0
13. Lewicka, D., & Zakrzewska-Bielawska, A. F. (2022). Trust and distrust in interorganisational relations – Scale development. *PLoS ONE, 17*, Article e0279231. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0279231. EDN: https://elibrary.ru/CCTGBA
14. Martela, F., & Steger, M. F. (2023). The role of significance relative to the other dimensions of meaning in life – An examination utilizing the three dimensional meaning in life scale (3DM). *The Journal of Positive Psychology, 18*(4), 606–626. https://doi.org/10.1080/17439760.2022.2070528. EDN: https://elibrary.ru/BFOBLM
15. Mayer, R. C., Davis, J. H., & Schoorman, F. D. (1995). An integrative model of organizational trust. *Academy of Management Review, 20*, 709–734. https://doi.org/10.2307/258792. EDN: https://elibrary.ru/CCBGJT
16. Minotakis, A., & Faras, A. (2024). Nothing is inevitable but class struggle: A workerist perspective on AI regulation. *tripleC: Communication, Capitalism & Critique, 22*(2), 630–645. https://doi.org/10.31269/triplec.v22i2.1517. EDN: https://elibrary.ru/KADDLH
17. Probasco, E. S., Toney, A. S., & Curlee, K. T. (2023). The Inigo Montoya problem for trustworthy AI. The use of keywords in policy and research [Technical report]. Center for Security and Emerging Technology, 1–24. https://doi.org/10.51593/20230014a
18. van Zyl, L. E., & Dik, B. J. (2025). Beyond universal prescriptions: Toward a person-centered, bottom-up science of wellbeing. *International Journal of Applied*

Positive Psychology, 10(2), Article 42. https://doi.org/10.1007/s41042-025-00232-2. EDN: https://elibrary.ru/BNZWHZ

19. Wood, A. J., Graham, M., Lehdonvirta, V., & Hjorth, I. (2019). Good gig, bad gig: Autonomy and algorithmic control in the Global Gig Economy. *Work, Employment and Society, 33*(1), 56–75. https://doi.org/10.1177/0950017018785616
20. Zajko, M. (2022). Artificial intelligence, algorithms, and social inequality: Sociological contributions to contemporary debates. *Sociology Compass, 16*, Article e12962. https://doi.org/10.1111/soc4.12962. EDN: https://elibrary.ru/JCGLGQ
21. Касперская, Н. И. (2026). Клиповое мышление и отсутствие выбора. *ARPP Soft*. https://arppsoft.ru/blog-kasperskaya/artifiction-intelligence/klipovoe-myshlenie-i-otsutstvie-vybora-natalya-kasperskaya-ob-ugroze-ii-v-obrazovanii (дата обращения: 02.06.2026).
22. Молчанов, К. В. (2026). Ревитализация изначальной посылки AI: от Artificial Intelligence обратно к вопросу «Может ли машина мыслить?». *Философия хозяйства*, *1*, 135–145. https://doi.org/10.5281/zenodo.18723348. EDN: https://elibrary.ru/KZJJUR
23. Егоров, Г. Г. (2026). К вопросу использования современных нейронных сетей в экономике России. *Философия хозяйства*, *1*, 73–82. https://doi.org/10.5281/zenodo.18723160. EDN: https://elibrary.ru/DZTTWD

References

1. Tsvetkova, M. (2025, September 4). AI for everyone: How artificial intelligence is changing the lives of Russians and why Putin supports it. *Gazeta.ru*. https://www.gazeta.ru/social/2025/09/04/21644966.shtml (Retrieved April 2, 2026).
2. RBC News. (2026, April 10). *RBC*. https://www.rbc.ru/technology_and_media/10/04/2026/69d950709a794768374a7d51 (Retrieved April 9, 2026).
3. Acemoglu, D., & Restrepo, P. (2020). Robots and jobs: Evidence from US labor markets. *Journal of Political Economy, 128*(6), 2188–2244. https://doi.org/10.1086/705716. EDN: https://elibrary.ru/SUEWLL
4. Alsaleh, A. (2024). The impact of technological advancement on culture and society. *Scientific Reports, 14*(1), Article 32140. https://doi.org/10.1038/s41598-024-83995-z. EDN: https://elibrary.ru/MKAMID
5. Backer, L. C. (2024). The soulful machine, the virtual person, and the «human» condition: An encounter with Jan M. Broekman, Knowledge in Change: The Semiotics of Cognition and Conversion. *International Journal of Semiotics and Law, 37*, 969–1083. https://doi.org/10.1007/s11196-023-10065-4. EDN: https://elibrary.ru/TTPMKQ
6. Broekman, J. M. (2023). *Knowledge in Change: The Semiotics of Cognition and Conversion*. Cham, Switzerland: Springer Nature. 200 p. https://doi.org/10.1007/978-3-031-23001-1

7. Chatila, R., et al. (2021). Trustworthy AI. In B. Braunschweig & M. Ghallab (Eds.), *Reflections on Artificial Intelligence for Humanity* (pp. 13–39). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69128-8_2
8. Dattani, S., Rodés-Guirao, L., Ritchie, H., Ortiz-Ospina, E., & Roser, M. (2023). *Life expectancy*. Our World in Data. 242 p.
9. Hidalgo, C. A., Orghian, D., Albo Canals, J., de Almeida, F., & Martin, N. (2021). *How Humans Judge Machines*. The MIT Press. 256 p. https://doi.org/10.21428/cb6ab371.a6bc9cb4. EDN: https://elibrary.ru/RAPHTO
10. Kjell, O. N. E., Kjell, K., Garcia, D., & Sikström, S. (2019). Semantic measures: Using natural language processing to measure, differentiate, and describe psychological constructs. *Psychological Methods, 24*(1), 92–115. https://doi.org/10.1037/met0000191
11. Laestadius, L., Bishop, A., Gonzalez, M., Illenčík, D., & Campos-Castillo, C. (2022). Too human and not human enough: A grounded theory analysis of mental health harms from emotional dependence on the social chatbot Replika. *New Media & Society, 26*(10), 5923–5941. https://doi.org/10.1177/14614448221142007. EDN: https://elibrary.ru/LDJKHB
12. Lahusen, C., Maggetti, M., & Slavkovik, M. (2024). Trust, trustworthiness and AI governance. *Scientific Reports, 14*, Article 20752. https://doi.org/10.1038/s41598-024-71761-0
13. Lewicka, D., & Zakrzewska-Bielawska, A. F. (2022). Trust and distrust in interorganisational relations — Scale development. *PLoS ONE, 17*, Article e0279231. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0279231. EDN: https://elibrary.ru/CCTGBA
14. Martela, F., & Steger, M. F. (2023). The role of significance relative to the other dimensions of meaning in life — An examination utilizing the three dimensional meaning in life scale (3DM). *The Journal of Positive Psychology, 18*(4), 606–626. https://doi.org/10.1080/17439760.2022.2070528. EDN: https://elibrary.ru/BFOBLM
15. Mayer, R. C., Davis, J. H., & Schoorman, F. D. (1995). An integrative model of organizational trust. *Academy of Management Review, 20*, 709–734. https://doi.org/10.2307/258792. EDN: https://elibrary.ru/CCBGJT
16. Minotakis, A., & Faras, A. (2024). Nothing is inevitable but class struggle: A workerist perspective on AI regulation. *tripleC: Communication, Capitalism & Critique, 22*(2), 630–645. https://doi.org/10.31269/triplec.v22i2.1517. EDN: https://elibrary.ru/KADDLH
17. Probasco, E. S., Toney, A. S., & Curlee, K. T. (2023). The Inigo Montoya problem for trustworthy AI. The use of keywords in policy and research [Technical report]. Center for Security and Emerging Technology, 1–24. https://doi.org/10.51593/20230014a
18. van Zyl, L. E., & Dik, B. J. (2025). Beyond universal prescriptions: Toward a person-centered, bottom-up science of wellbeing. *International Journal of Applied Positive Psychology, 10*(2), Article 42. https://doi.org/10.1007/s41042-025-00232-2. EDN: https://elibrary.ru/BNZWHZ

19. Wood, A. J., Graham, M., Lehdonvirta, V., & Hjorth, I. (2019). Good gig, bad gig: Autonomy and algorithmic control in the Global Gig Economy. *Work, Employment and Society, 33*(1), 56–75. https://doi.org/10.1177/0950017018785616
20. Zajko, M. (2022). Artificial intelligence, algorithms, and social inequality: Sociological contributions to contemporary debates. *Sociology Compass, 16*, Article e12962. https://doi.org/10.1111/soc4.12962. EDN: https://elibrary.ru/JCGLGQ
21. Kasperskaya, N. I. (2026). Clip thinking and the absence of choice. *ARPP Soft*. https://arppsoft.ru/blog-kasperskaya/artifiction-intelligence/klipovoe-myshlenie-i-otsutstvie-vybora-natalya-kasperskaya-ob-ugroze-ii-v-obrazovanii (Retrieved June 2, 2026).
22. Molchanov, K. V. (2026). Revitalization of the original premise of AI: From Artificial Intelligence back to the question «Can machines think?». *Filosofiya khozyaistva [Philosophy of Economy]*, *1*, 135–145. https://doi.org/10.5281/zenodo.18723348. EDN: https://elibrary.ru/KZJJUR
23. Egorov, G. G. (2026). On the use of modern neural networks in the Russian economy. *Filosofiya khozyaistva [Philosophy of Economy]*, *1*, 73–82. https://doi.org/10.5281/zenodo.18723160. EDN: https://elibrary.ru/DZTTWD.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Летов Олег Владимирович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела философии
Институт научной информации по общественным наукам РАН
Нахимовский проспект, 51/21, г. Москва, 117418, Российская Федерация
mramor59@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Letov, PhD in Philosophy, Senior Researcher Philosophy Department
Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
51/21, Nakhimovsky prospect, Moscow, 117418, Russian Federation
mramor59@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0009-0005-8853-1360
SPIN-code: 3920-0611
ResearcherID: PXX-6033-2026
Scopus Author ID: 57195638027

Поступила 05.06.2026
После рецензирования 08.07.2026
Принята 12.07.2026

Received 05.06.2026
Revised 08.07.2026
Accepted 12.07.2026

Влияние религиозных традиций на общество и политику / Influence of Religious Traditions on Society and Politics

Научная статья Original article
DOI: 10.12731/3033-5981-2026-18-3-572 **EDN:** DCUJDB
УДК 321.01

Духовно-аксиологическая политика как инструмент гармонизации религиозного и светского начал в российском обществе

О.С. Батурина
Российский исламский университет Центрального духовного управления мусульман России, Уфа, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. В условиях глобальной ценностной поляризации российское общество сталкивается с необходимостью поиска баланса между религиозными традициями и нормами светского государства. В статье исследуется, как целенаправленная духовно-аксиологическая политика интегрирует конфессиональные этические системы в общегражданский контекст, формируя единое смысловое пространство для диалога в российском обществе. Исследование данной проблематики позволяет выработать теоретические основы для создания эффективной модели взаимодействия различных мировоззренческих установок в современном социуме.

Цель – определить роль духовно-аксиологической политики в формировании целостной системы социокультурных ценностей во взаимодействии религиозного и светского начал в современном обществе.

Материалы и методы. Теоретический анализ философской, социологической и политологической литературы позволил раскрыть современные проблемы взаимодействия религии и светской культуры. Системный подход использовался для изучения механизмов реализации духовно-аксиологической политики, а структурно-функциональный – для анализа институтов, реализующих духовно-аксиологическую политику.

Результаты. В ходе исследования установлено, что духовно-аксиологическая политика в современном постсекулярном обществе трансформируется из инструмента пассивного нейтралитета государства по отношению к религии в активный механизм смысловой медиации и гармонизации. На метафизическом уровне обоснована необходимость преодоления парадигмы жесткого разделения в пользу

концепции комплементарности религиозного и светского начал. Доказано, что отказ от инструментализации религии ведет к формированию устойчивого ценностного суверенитета, где традиционные конфессии выступают не оппонентами гражданского общества, а его нравственным фундаментом. Определен механизм «аксиологического перевода», посредством которого сложные теологические концепты деэкзотизируются и интегрируются в общегражданский дискурс через систему этических универсалий (ценность жизни, солидарность, справедливость и другие), не теряя при этом своей онтологической глубины. Это позволяет легитимизировать правовые нормы через апелляцию к высшему моральному авторитету, снижая уровень правового нигилизма. Выявлены системные риски гипергармонизации: угроза симулякризации веры со стороны бюрократического аппарата и риск дискриминации мировоззренческих меньшинств. Предложена модель «динамического баланса», предполагающая сохранение автономии политической сферы при одновременной интеграции духовного содержания в стратегическое планирование. Установлено, что эффективность такой политики напрямую зависит от способности поддерживать диалог между институтами, избегая как клерикализации управления, так и десакрализации публичного пространства. Духовно-аксиологическая политика России позиционируется автором как необходимый элемент обеспечения национальной безопасности и социальной стабильности в условиях цивилизационного многообразия.

Ключевые слова: духовно-аксиологическая политика; постсекулярное общество; гармонизация; сакральное и светское; политическая теология; ценностный суверенитет; межконфессиональный диалог

Для цитирования. Батурина, О. С. (2026). Духовно-аксиологическая политика как инструмент гармонизации религиозного и светского начал в российском обществе. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, *18*(3), 143-161. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-572

Spiritual and axiological policy as a tool for harmonizing religious and secular elements in Russian society

O.S. Baturina
Russian Islamic University of the Central Religious Muslim Board of Russia, Ufa, Russian Federation

Abstract

Background. The relevance of the study is determined by the need to find effective mechanisms for harmonizing religious and secular elements in modern society, where traditional values face the challenges of secularization and globalization. In the context of grow-

ing polarization of public sentiment, spiritual and axiological policy becomes particularly significant as a tool for forming a unified value space, contributing to social consolidation based on a balance of religious and secular values. The study of this issue allows developing theoretical foundations for creating an effective model of interaction between various мировоззренческих (worldview) установок (attitudes) in modern society.

Purpose. To determine the role of spiritual and axiological policy in forming a holistic system of socio-cultural values in the interaction between religious and secular elements in modern society.

Materials and methods. Theoretical analysis of philosophical, sociological, and political science literature helped reveal modern problems of interaction between religion and secular culture. A systematic approach was used to study the mechanisms of implementing spiritual and axiological policy, while the structural-functional approach was applied to analyze the institutions implementing this policy.

Results. The study established that spiritual and axiological policy in modern post-secular society is transforming from a tool of passive state neutrality towards religion into an active mechanism of semantic mediation and harmonization. At the metaphysical level, the necessity of overcoming the paradigm of strict separation in favor of the concept of complementarity between religious and secular elements has been substantiated. It has been proven that abandoning the instrumentalization of religion leads to the formation of stable value sovereignty, where traditional confessions act not as opponents of civil society but as its moral foundation. The mechanism of "axiological translation" has been identified, through which complex theological concepts are de-exoticized and integrated into civic discourse via a system of ethical universals (value of life, solidarity, justice, etc.), without losing their ontological depth. This allows legitimizing legal norms through appeals to higher moral authority, reducing the level of legal nihilism. Systemic risks of hyper-harmonization have been identified: the threat of simulacrum faith from the bureaucratic apparatus and the risk of discriminating against мировоззренческих minorities. A "dynamic balance" model has been proposed, предполагающая (suggesting) the preservation of political sphere autonomy while simultaneously integrating spiritual content into strategic planning. It has been established that the effectiveness of such policy directly depends on the ability to maintain dialogue between institutions, avoiding both clericalization of governance and desacralization of public space. Russia's Spiritual and axiological policy is positioned by the author as a necessary element for ensuring national security and social stability in conditions of civilizational diversity.

Keywords: spiritual and axiological policy; post-secular society; harmonization; sacred and secular; political theology; value sovereignty; interfaith dialogue

For citation. Baturina, O. S. (2026). Spiritual and axiological policy as a tool for harmonizing religious and secular elements in Russian society. *Russian Social and Humanitarian Studies*, *18*(3), 143-161. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-572

Введение

Современный этап развития социума характеризуется исследователями как «постсекулярный». Суть этого феномена состоит не в возврате доминирования религиозных институтов (клерикализм), как это может интерпретироваться в рамках традиционных интерпретаций, а в новом типе взаимодействия сакрального и светского дискурсов. В публичном пространстве духовный опыт звучит как источник смыслов и ценностных аргументов, как ресурс культурной и нравственной рефлексии, востребованный даже в секулярных институтах. Более того, наблюдается ренессанс традиционных ценностей: они вступают в непростое взаимодействие с устоявшимися нормами гражданского права. Перед обществом встаёт практическая задача консолидации смысловых оснований – необходимо из множества разнородных, нередко противоречащих друг другу установок выстроить устойчивую и внутренне согласованную аксиологическую систему, не подавляя при этом многообразие культур.

Возникает фундаментальная проблема управления: как интегрировать мощный мобилизационный и этический потенциал религии в ткань современного правового государства, избегая при этом двух крайностей – тоталитарного навязывания одной идеологии и распада общества на враждующие анклавы? Решением этой проблемы видится духовно-аксиологическая политика (более полно – политика по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей[1]), понимаемая как сложная система государственного управления смыслами, поиска устойчивого баланса между верой и разумом.

В современных исследованиях аксиологическая парадигма служит инструментом для построения комплексной интерпретации ценностной политики России, учитывающей её культурно-исторические и социально-политические измерения. Роль отечественной религиозно-философской традиции в конструировании ценностной

[1] Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»

модели общества раскрывается в трудах Н.А. Шавеко [22] и Н.О. Афанасов [4]. Т.В. Лугуценко и А.В. Герасимов [13] развивают идеи аксиологической парадигмы как фундамента формирования ценностной ориентации, что перекликается с исследованиями О.С. Батуриной [5; 6] о структурных элементах духовно-аксиологического управления. Эти работы создают теоретическую основу для понимания механизмов реализации ценностной политики. Исследуя взаимодействие традиционных ценностей с постмодернистскими вызовами современности А.А. Алаудинова, И.В. Лесковой и С.Ю. Зязина [2] проводят анализ аксиологического конфликта.

Комплексный подход к изучению аксиологической парадигмы российской политики по защите традиционных ценностей формируется через призму различных методологических парадигм: Н.О. Афанасов [3], А.В. Гурьянова и А.В. Тимофеев [9], А.А. Камбаров [11], M. İsmayilova [23], Ə. Niyazov [24] и др.

Институционализация и трансляция фундаментальных духовных ценностей становятся определяющим фактором формирования духовной культуры как отдельных индивидов, так и социума в целом, что подтверждается в работах А.А. Борисовой [7], Ю.С. Витко, А.А. Лебедевой [8], Н.С. Черняковой [21] и И.Г. Сухиной [19].

Современные исследования взаимодействия религиозной и светской культур в обществе представляют собой многогранный научный дискурс: этических и образовательных аспектов от до институциональных моделей. Работы Т.А. Костюковой и А.Л. Морозовой [12], А.Л. Панищева [16], Е.Д. Руткевича [17], В.В. Слепцовой [18], М.О. Орлова и Т.В. Черевичко [15], О.И. Сыромятникова [20] формируют комплексное понимание механизмов их взаимодействия. Г.Ж. Мажиев [14] анализирует западный опыт, М.М. Акилова [1], К. Абдухалилзода [26], Г.М. Жунушова и С.А. Омурканова [27], Б. Абдукадыр Кызы [25] – опыт стран постсоветского пространства. Рассматривая международный опыт взаимодействия светских государств с религиозными организациями, Н.Р. Орифҷонова [30], Ш.А. Холов и З.Ҷ. Шоев [32] выявляют эволюцию идей и формирование новых общественных отношений. Особую значимость приобрета-

ет изучение религиозного и светского компонентов образования в работах Т.А. Костюковой и А.Л. Морозовой [12], Г.А. Ивакина [10], Утурова и К.Б. Арыпбековой [31].

Однако анализ литературы, показывает, что недостаточно изучено системное влияние духовно-аксиологических факторов на процессы социокультурной интеграции в условиях взаимодействия религиозного и светского дискурсов, поэтому в нашем исследовании поставлена *цель* – определить роль духовно-аксиологической политики в формировании целостной системы социокультурных ценностей во взаимодействии религиозного и светского начал в современном обществе. *Объектом исследования* выступает система общественных отношений, складывающихся в процессе взаимодействия религиозного и светского начал в современном обществе. *Предмет исследования* – механизмы реализации духовно-аксиологической политики как инструмента гармонизации религиозного и светского начал в обществе.

Гипотеза исследования: духовно-аксиологическая политика может выступить эффективным инструментом гармонизации религиозного и светского начал в обществе при условии создания сбалансированной системы управления, направленной на поиск оптимального соотношения между традиционными ценностями и современными светскими установками.

Научная новизна исследования заключается в разработке теоретико-методологических основ духовно-аксиологической политики как инструмента государственного управления, направленного на поиск устойчивого баланса между религиозным и светским компонентами общественной жизни.

Материалы и методы

Методологическая база представленного в статье исследования носит комплексный междисциплинарный характер, обусловленный спецификой изучаемого феномена на стыке онтологии, аксиологии и теории государственного управления.

Исследование опирается на классическую традицию европейской метафизики (неотомизм, русская религиозная философия в

лице В.С. Соловьева, И.А. Ильина) при определении природы ценностей как трансцендентных оснований бытия. Проведен анализ перехода от секулярной модели к постсекулярной. Системный подход применялся для рассмотрения общества как целостного организма, где религиозное и светское начала выступают взаимосвязанными подсистемами. В рамках структурно-функционального анализа была исследована внутренняя архитектоника духовно-аксиологической политики. Общество рассматривалось через призму институциональных ролей. Были выделены конкретные субъекты – акторы реализации политики: институты государственной власти (администрации, профильные министерства), традиционные религиозные организации (как носители смыслового ядра).

От изоляции к синергии: эволюция моделей государственно-конфессиональных отношений

В условиях глобальных вызовов и кризисов стало очевидно, что правовой формализм не способен удовлетворить фундаментальные потребности человека в осмыслении жизни. Механистическое применение законов, регулирующих только внешние действия, оказалось бессильным перед экзистенциальными вопросами человеческого бытия. Классическая парадигма светскости постепенно уступает место более гибким формам сотрудничества.

В современном мире происходит существенная трансформация моделей взаимодействия государства и религиозных институтов. На смену изоляционистской модели приходит духовно-аксиологическая парадигма, предполагающая качественно иной подход к выстраиванию государственно-конфессиональных отношений. В её основе лежит признание взаимодополняемости религиозного и светского начал.

В российском контексте этот сдвиг особенно заметен. Исторически страна прошла через разные этапы – от периодов официального государственного православия до советского времени с его политикой государственного атеизма. Сегодня на практике

происходит переход от жёсткой сепарации к поиску баланса. Государство, сохраняя светский характер[1], всё чаще видит в религиозных институтах партнёров в решении общественно значимых задач. В Указе Президента РФ № 809 от 9 ноября 2022 года[2] фиксируется, что в формировании этих ценностей участвовали как религиозные традиции (православие, ислам, буддизм, иудаизм), так и светский гуманизм. Через Совет при Президенте РФ по взаимодействию с религиозными объединениями[3] выстраивается постоянный канал для обсуждения вопросов в социальной сфере, культуре, образовании. Расширение сотрудничества в гуманитарной сфере (социальное служение[4], образовательный проект «Основы религиозных культур и светской этики»[5], совместная работа в пенитенциарной системе[6] и др.) показывает, что государство делегирует религиозным организациям часть функций по духовной и нравственной реабилитации, но не пере-

[1] Статья 14 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года)

[2] Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»

[3] Указ Президента Российской Федерации от 4 февраля 2026 года № 55 «О Совете при Президенте Российской Федерации по взаимодействию с религиозными объединениями»

[4] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви (утверждены Юбилейным Архиерейским собором в 2000 году); О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви (принят Архиерейским собором в 2011 году)

[5] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 января 2012 г. № 84-р «Об утверждении плана мероприятий по введению с 2012/13 учебного года во всех субъектах Российской Федерации комплексного учебного курса для общеобразовательных учреждений "Основы религиозных культур и светской этики"».

[6] Приказ Минюста России от 28.01.2025 № 8 «Об утверждении Требований к содержанию соглашений о взаимодействии ФСИН России и территориальных органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации с зарегистрированными в установленном законодательством Российской Федерации порядке централизованными религиозными организациями, обязательных для включения в указанные соглашения» (зарегистрирован 30.01.2025 № 81076).

давая при этом властных полномочий. В правоприменительной практике и публичном дискурсе признаётся особый исторический вклад ряда конфессий в развитие российской культуры и государственности.

В современном философском дискурсе взаимодействие государства с религиозными конфессиями представляет сложный феномен, который укоренён в глубинных пластах социокультурного бытия. Российская государственность, преодолевая ограниченность нормативистского подхода к решению общественных задач и интегрируя трансцендентные аспекты человеческого существования в систему государственного регулирования, претерпевает трансформацию модели управления.

Аккумулируя многовековой опыт метафизического осмысления бытия, религиозные институты предоставляют обществу уникальную возможность постижения универсальных категорий морали и этики – от понятий справедливости и милосердия до представлений о долге и ответственности. Ценностно-нормативная система общества в религиозном измерении приобретает особую устойчивость и способность к воспроизводству в новых исторических условиях. Диалог различных мировоззренческих позиций способствует создает пространство для социальной консолидации, культурной интеграции и формирования единого ценностного ядра.

Однако изучение взаимодействия государства и религиозных конфессий приводит нас к фундаментальной философской задаче по поиску оптимальных моделей социального бытия, способных гармонично соединить секулярное и сакральное измерения человеческого существования в единую смысловую целостность. Формируется новая парадигма социального устройства, однако вопрос о механизмах её имплементации остаётся открытым.

Какие инструменты и методы будут задействованы в процессе трансформации существующего порядка? Какие факторы определят успешность или провал этих преобразований? В каких условиях новая форма организации социума сможет не только утвер-

диться, но и эффективно функционировать стабильно, развивая общественные отношения?

Механизмы аксиологического перевода: перевод смыслов в нормы

Создание альтернативной модели социального устройства, где синергия государственных и религиозных институтов определяет вектор развития, закономерно ставит проблему способов передачи религиозных смыслов в светское пространство. Механизм «аксиологического перевода», будучи сложным процессом трансформации теологических доктрин в общегражданские ценности, делает духовное знание доступным для понимания и принятия всеми членами общества, независимо от их социальной, этнической, конфессиональной и иной принадлежности.

Данный процесс мы представили как многоуровневую систему преобразований. На первом этапе происходит тщательная селекция смыслов, в ходе которой из обширного массива религиозных учений выделяются те аспекты, которые обладают универсальным гуманистическим потенциалом. К таким базовым ценностям можно отнести уважение к человеческой жизни, поддержка института семьи, забота о ближнем и другие фундаментальные принципы, значимые для всех членов общества.

Второй этап характеризуется процессом деэкзотизации религиозных понятий, когда они лишаются узкоспецифической семантики и обретают общепонятный смысл. Например, понятие «благодать» трансформируется в идею внутренних резервов личности, способности к развитию, концепт «вера» расширяется до светской уверенности в чём-либо, доверия к людям, идеям, проектам, научным теориям, а идея «соборности» находит отражение в концепции единства гражданского общества.

Финальный этап – институционализация – предполагает воплощение отобранных и трансформированных смыслов в конкретные государственные программы и социальные практики. В современной российской государственной политике это проявляется в поддержке

многодетных семей[1], сохранении исторической памяти[2], развитии волонтерского движения[3] и других социально значимых инициативах.

Важно отметить, что духовно-аксиологическая политика действует как своеобразный фильтр, который, сохраняя этическое ядро религиозных учений, освобождает их от догматической ригидности и фанатизма. При этом происходит не искажение исходных смыслов, а их адаптация к современным социальным условиям, что позволяет использовать богатый духовный опыт человечества для решения актуальных общественных задач.

Эффективность механизма «аксиологического перевода» определяется способностью сохранить баланс между сохранением религиозной самобытности и обеспечением социальной интеграции, между уважением к традициям и необходимостью модернизации общественных отношений. В результате религиозные и светские ценности не противопоставляются, а взаимодополняют друг друга, создавая основу для устойчивого развития общества.

Диалектика границ: риски гипергармонизации

В современном обществе стремление к полной интеграции религиозного и светского компонентов несёт в себе серьёзные риски, требующие тщательной настройки государственной политики. Рассмотрим опасные последствия, которые необходимо учитывать при выстраивании государственно-конфессиональных отношений.

Симулякр ценностей становится реальной угрозой, когда государственные институты начинают использовать религиозную риторику исключительно как инструмент политической технологии. В

[1] Указ Президента РФ от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей».

[2] Федеральный закон от 21 апреля 2025 г. № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов»; Статьи 243.4 и 354.1 Федерального закона от 9 апреля 2026 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в статьи 243.4 и 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

[3] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2025 г. № 4064-р Об утверждении Концепции содействия развитию добровольческой (волонтерской) деятельности в РФ до 2030 г.

таких случаях происходит не только десакрализация веры, но и формируется атмосфера цинизма в обществе. Внешняя гармония превращается в фасад, за которым скрывается идеологическая пустота, подрывающая доверие граждан к государственным институтам.

При абсолютизации «традиционных ценностей» большинства возникают дискриминационные риски. Приоритет определённых религиозных или идеологических установок может привести к ущемлению прав меньшинств, включая представителей малочисленных конфессий и атеистов.

Теократическая опасность проявляется в попытках наделения религиозных лидеров административными функциями, что неизбежно ведёт к снижению эффективности государственного управления. При возникновении опасности размывания границ необходимо чётко разграничивать сферы ответственности: религиозные институты формируют нравственные ориентиры и совесть общества, в то время как государство обеспечивает безопасность и правопорядок.

Гармонизация религиозного и светского начал обретает подлинную ценность не в их механическом слиянии, а в реализации принципа «единства в различии». В такой модели развития государственно-конфессиональных отношений каждая институция сохраняет автономность и реализует собственную функциональную специфику. Партнёрство позволяет сторонам взаимодействовать на взаимовыгодной основе в условиях единого ценностного пространства.

Заключение

1. Современную модель государственно-конфессиональных отношений в России отличает смена парадигм от жесткого секулярного разделения (изоляции) к партнерству. Государство признает особый исторический вклад религий и делегирует им часть функций в социальной, образовательной и нравственной сферах, не передавая при этом властных полномочий.

2. Интеграция религиозного опыта в светское пространство происходит через сложный процесс трансформации теологических

доктрин в общегражданские ценности. Механизм так называемого «аксиологического перевода» предполагает отбор универсальных гуманистических смыслов (например, жизнь, семья), их деэкзотизацию (перевод на светский язык понятий вроде «благодати» или «соборности») и последующую институционализацию в государственных программах.

3. Опасность «симулякра ценностей» при гипергармонизации возникает из-за того, что формальное слияние государственных и религиозных институтов оборачивается внутренней идеологической пустотой. Когда духовные смыслы используются исключительно как политический инструмент ради внешней гармонии, это ведет к десакрализации веры, формированию общественного цинизма и подрыву доверия к власти.

4. Преодоление ценностного кризиса и достижение подлинной общественной солидарности возможны только через органический синтез духовного содержания (трансцендентные ценности) и правовой формы (институциональные нормы). Формальная законность, лишенная нравственного оправдания, ведет к правовому нигилизму; абстрактная духовность, лишенная правового оформления, оборачивается социальным хаосом. Их неразрывная связь способна обеспечить устойчивость духовно-политического порядка.

Список литературы

1. Акилова, М. М. (2020). Проблемы взаимоотношений религиозной и светской культуры в современном Таджикистане. *Вестник Таджикского национального университета*, *8*, 143–149. EDN: https://elibrary.ru/DZBAAV
2. Алаудинов, А. А., Лескова, И. В., & Зязин, С. Ю. (2026). Традиционные ценности и вызовы постмодернизма: аксиологический конфликт в контексте национальной безопасности России. *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки*, *1*, 162–175. DOI: https://doi.org/10.18384/2949-5164-2026-1-162-175. EDN: https://elibrary.ru/LLFQEJ
3. Афанасов, Н. (2024). О современности и своевременности традиционных ценностей. *Patria*, *1*(1), 30–49. EDN: https://elibrary.ru/MQOMAJ
4. Афанасов, Н. (2024). О традиционных ценностях всерьез. Обзор круглого стола Школы философии и культурологии ФГН НИУ ВШЭ «Традиционные ценно-

сти в оптике национальной философии». *Patria*, *1*(4), 89–94. DOI: https://doi.org/10.17323/3034-4409-2024-1-4-89-94. EDN: https://elibrary.ru/RDAGND

5. Батурина, О. С. (2025). *Архитектоника духовно-аксиологической политики*. Москва: Издательские решения. 131 с. EDN: https://elibrary.ru/NSZUZD
6. Батурина, О. С. (2025). *Архитектура духовно-аксиологической политики*. Москва: Издательские решения. 120 с. EDN: https://elibrary.ru/WCBORA
7. Борисова, А. А. (2023). *Аксиология духовной культуры народа Саха*. Якутск: Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова. 220 с. ISBN: 978-5-7513-3550-2. EDN: https://elibrary.ru/TQSXJP
8. Витко, Ю. С., & Лебедева, А. А. (2025). Духовный смысл как единица анализа духовного измерения личности. *Психология религии: прошлое и современность*. Москва: Институт психологии РАН, 317–345 с. EDN: https://elibrary.ru/TWCPCU
9. Гурьянова, А. В., & Тимофеев, А. В. (2026). Рефлексия традиционных ценностей в русской до- и постреволюционной философии. *Современные философские исследования*, *1*, 78–88. DOI: https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-1-78-88. EDN: https://elibrary.ru/CLQEZA
10. Ивакин, Г. А. (2022). Светское и религиозное образование: единство традиционализма и модернизации. *Труды Барнаульской духовной семинарии*, *11*, 34–39. EDN: https://elibrary.ru/NKJGKR
11. Камбаров, А. А. (2022). Религиозные ценности — прочная основа в формировании гармоничной личности. *Вестник Северо-восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия*, *3*(27), 78–84. EDN: https://elibrary.ru/ZAEOKE
12. Костюкова, Т. А., & Морозова, А. Л. (2020). Взаимодействие религиозного и светского компонентов высшего образования в ходе изучения иностранного языка. *Информация и образование: границы коммуникаций*, *12*(20), 193–195. EDN: https://elibrary.ru/EAWPNL
13. Лугуценко, Т. В., & Герасимов, А. В. (2024). Аксиологическая парадигма как основа формирования и сохранения ценностной ориентации. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*, *17*(4), 205–214. DOI: https://doi.org/10.17213/2075-2067-2024-4-205-214. EDN: https://elibrary.ru/SCCABB
14. Мажиев, Г. Ж. (2020). Модели и формы светского государства и религиозных отношений в современных западных странах. *Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение*, *3*(132), 37–47. DOI: https://doi.org/10.32523/2616-7255-2020-132-3-37-47. EDN: https://elibrary.ru/UEGLVE
15. Орлов, М. О., & Черевичко, Т. В. (2022). Светские и религиозные аспекты современной культуры: социально-философский и теологический анализ.

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика, *22*(1), 34–39. DOI: https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-34-39. EDN: https://elibrary.ru/IHQQFO

16. Панищев, А. Л. (2020). Этика в светской и религиозной жизни человека. *Вопросы культурологии*, *1*, 42–54. DOI: https://doi.org/10.33920/nik-01-2001-06. EDN: https://elibrary.ru/YNDOUY
17. Руткевич, Е. Д. (2021). (Не)Религиозное разнообразие и соотношение религиозного, духовного и светского в сознании современного человека. *Вестник Института социологии*, *12*(3), 54–78. DOI: https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.3.737. EDN: https://elibrary.ru/QUHHIZ
18. Слепцова, В. В. (2021). Светский и религиозный гуманизм: история и современность. *Народы и религии Евразии*, *26*(1), 160–172. DOI: https://doi.org/10.14258/nreur(2021)1-09. EDN: https://elibrary.ru/LZYDHD
19. Сухина, И. Г. (2024). К вопросу о ценностной детерминации духовно-нравственной безопасности личности: когнитивный фокус аксиологической рефлексии. *Антропос: Логос и Теос*, *10*, 22–34. EDN: https://elibrary.ru/BLNRPR
20. Сыромятников, О. И. (2024). Русская культура: религиозная и светская. *Гражданственность. Культура. Религия: Коллективная монография*. Пермь: Пермский государственный институт культуры, 375–385. EDN: https://elibrary.ru/VIIVZA
21. Чернякова, Н. С. (2025). Аксиологические основы формирования духовной культуры личности. *Alma Mater (Вестник высшей школы)*, *4*, 37–41. DOI: https://doi.org/10.20339/AM.04-25.037. EDN: https://elibrary.ru/IPWHJI
22. Шавеко, Н. А. (2025). Русская религиозная философия права в контексте защиты традиционных российских ценностей. *Антиномии*, *25*(2), 22–36. DOI: https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_22. EDN: https://elibrary.ru/KQFZLO
23. İsmayilova, M. (2023). İslam mənəvi dəyərləri Azərbaycan fəlsəfi dünyagörüşü kontekstində. *Dövlət və Din*, *77*(3), 86–93. EDN: https://elibrary.ru/BSTWIG
24. Niyazov, Ə. (2023). Mənəvi dəyərlərin ictimaiyyətdəki rolu və Heydər Əliyevin mənəviyyat fəlsəfəsi. *Metafizika*, *6*(21-1), 185–197. EDN: https://elibrary.ru/ZGOVGC
25. Абдукадыр Кызы, Б. (2025). Кыргыз коомунда диний жана светтик билим берүүнүн инновациялык интеграциясы. *И. Арабаев атындагы Кыргыз мамлекеттик университетинин Жарчысы*, *3/1*, 14–21. DOI: https://doi.org/10.33514/1694-7851-2025-3/1-14-21. EDN: https://elibrary.ru/XTANWK
26. Абдухалилзода, К. (2023). Ҳамзистии фарҳанги дунявӣ ва динӣ дар ҷомеаи муосири Тоҷикистон. *Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон*, *11-2*, 93–101. EDN: https://elibrary.ru/BWYJOR

27. Жунушова, Г. М., & Омурканова, С. А. (2024). Кыргызстандагы мамлекеттин светтик модели жана диний саясат. *И. Арабаев атындагы Кыргыз мамлекеттик университетинин Жарчысы*, *4-3*, 832–840. DOI: https://doi.org/10.33514/1694-7851-2024-4/3-832-840. EDN: https://elibrary.ru/UKUGOL
28. Муҳаммадқодири, Н. (2023). Масъалаҳои таҳсилоти динӣ ва алоқамандии он ба таҳсилоти дунявӣ дар ҷомеаи муосири Тоҷикистон. *Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон*, *11-1*, 182–188. EDN: https://elibrary.ru/WBUTMW
29. Муҳаммадқодири, Н. (2025). Масъалаҳои маорифи дунявӣ ва динӣ дар таълимоти мутафаккирони форсу тоҷик. *Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон*, *8*, 100–105. EDN: https://elibrary.ru/CUVRQH
30. Орифҷонова, Н. Р. (2023). Андешаҳои динӣ ва дунявӣ дар масири ташаккули муносибатҳои нави ҷамъиятӣ. *Ахбори Институти фалсафа, сиёсатшиносӣ ва ҳуқуқи ба номи А. Баҳоваддинови Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон*, *1*, 51–59.
31. Утуров, К., & Арыпбекова, К. Б. (2022). Светтик жана диний билим берүүдөгү цифралык конвергенция. *И. Арабаев атындагы Кыргыз мамлекеттик университетинин Жарчысы*, *4-2*, 117–120. DOI: https://doi.org/10.33514/1694-7851-2022-4-117-120. EDN: https://elibrary.ru/KURZAT
32. Холов, Ш. А., & Шоев, З. Ҷ. (2023). Роҷеъ ба таҷрибаи хориҷии муносибат ва ҳамкориҳои судманди давлатҳои дунявӣ бо иттиҳодияҳои динӣ. *Ахбори Институти фалсафа, сиёсатшиносӣ ва ҳуқуқи ба номи А. Баҳоваддинови Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон*, *4*, 164–170.

References

1. Akilova, M. M. (2020). Problems of the relationship between religious and secular culture in modern Tajikistan. *Bulletin of the Tajik National University*, *8*, 143–149. EDN: https://elibrary.ru/DZBAAV
2. Alaudinov, A. A., Leskova, I. V., & Zyazin, S. Yu. (2026). Traditional values and the challenges of postmodernism: Axiological conflict in the context of Russia's national security. *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences*, *1*, 162–175. DOI: https://doi.org/10.18384/2949-5164-2026-1-162-175. EDN: https://elibrary.ru/LLFQEJ
3. Afanasov, N. (2024). On the modernity and timeliness of traditional values. *Patria*, *1*(1), 30–49. EDN: https://elibrary.ru/MQOMAJ
4. Afanasov, N. (2024). Taking traditional values seriously. A review of the round table of the School of Philosophy and Cultural Studies of HSE University "Traditional values in the optics of national philosophy". *Patria*, *1*(4), 89–94. DOI: https://doi.org/10.17323/3034-4409-2024-1-4-89-94. EDN: https://elibrary.ru/RDAGND
5. Baturina, O. S. (2025). *The architectonics of spiritual and axiological policy*. Moscow: Publishing Solutions. 131 pp. EDN: https://elibrary.ru/NSZUZD

6. Baturina, O. S. (2025). *The architecture of spiritual and axiological policy*. Moscow: Publishing Solutions. 120 pp. EDN: https://elibrary.ru/WCBORA
7. Borisova, A. A. (2023). *Axiology of the spiritual culture of the Sakha people*. Yakutsk: North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov. 220 pp. ISBN: 978-5-7513-3550-2. EDN: https://elibrary.ru/TQSXJP
8. Vitko, Yu. S., & Lebedeva, A. A. (2025). Spiritual meaning as a unit of analysis of the spiritual dimension of the personality. *Psychology of Religion: Past and Present*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 317–345 pp. EDN: https://elibrary.ru/TWCPCU
9. Guryanova, A. V., & Timofeev, A. V. (2026). Reflection of traditional values in Russian pre- and post-revolutionary philosophy. *Contemporary Philosophical Studies*, *1*, 78–88. DOI: https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-1-78-88. EDN: https://elibrary.ru/CLQEZA
10. Ivakin, G. A. (2022). Secular and religious education: The unity of traditionalism and modernization. *Proceedings of the Barnaul Theological Seminary*, *11*, 34–39. EDN: https://elibrary.ru/NKJGKR
11. Kambarov, A. A. (2022). Religious values as a solid foundation for the formation of a harmonious personality. *Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov. Series: Pedagogy. Psychology. Philosophy*, *3*(27), 78–84. EDN: https://elibrary.ru/ZAEOKE
12. Kostyukova, T. A., & Morozova, A. L. (2020). Interaction of religious and secular components of higher education in the course of foreign language learning. *Information and Education: Boundaries of Communications*, *12*(20), 193–195. EDN: https://elibrary.ru/EAWPNL
13. Lugutsenko, T. V., & Gerasimov, A. V. (2024). The axiological paradigm as a basis for the formation and preservation of value orientation. *Bulletin of the South-Russian State Polytechnic University (NPI). Series: Social and Economic Sciences*, *17*(4), 205–214. DOI: https://doi.org/10.17213/2075-2067-2024-4-205-214. EDN: https://elibrary.ru/SCCABB
14. Mazhiev, G. Zh. (2020). Models and forms of the secular state and religious relations in modern Western countries. *Bulletin of the L. N. Gumilyov Eurasian National University. Series: Historical Sciences. Philosophy. Religious Studies*, *3*(132), 37–47. DOI: https://doi.org/10.32523/2616-7255-2020-132-3-37-47. EDN: https://elibrary.ru/UEGLVE
15. Orlov, M. O., & Cherevichko, T. V. (2022). Secular and religious aspects of contemporary culture: A socio-philosophical and theological analysis. *Proceedings of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, *22*(1), 34–39. DOI: https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-34-39. EDN: https://elibrary.ru/IHQQFO

16. Panishchev, A. L. (2020). Ethics in the secular and religious life of a person. *Issues of Cultural Studies*, *1*, 42–54. DOI: https://doi.org/10.33920/nik-01-2001-06. EDN: https://elibrary.ru/YNDOUY
17. Rutkevich, E. D. (2021). (Non)religious diversity and the relationship between the religious, the spiritual and the secular in the consciousness of modern man. *Bulletin of the Institute of Sociology*, *12*(3), 54–78. DOI: https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.3.737. EDN: https://elibrary.ru/QUHHIZ
18. Sleptsova, V. V. (2021). Secular and religious humanism: History and modernity. *Peoples and Religions of Eurasia*, *26*(1), 160–172. DOI: https://doi.org/10.14258/nreur(2021)1-09. EDN: https://elibrary.ru/LZYDHD
19. Sukhina, I. G. (2024). On the value determination of the spiritual and moral security of the individual: The cognitive focus of axiological reflection. *Anthropos: Logos and Theos*, *10*, 22–34. EDN: https://elibrary.ru/BLNRPR
20. Syromyatnikov, O. I. (2024). Russian culture: Religious and secular. *Citizenship. Culture. Religion: A Collective Monograph*. Perm: Perm State Institute of Culture, 375–385. EDN: https://elibrary.ru/VIIVZA
21. Chernyakova, N. S. (2025). Axiological foundations of the formation of the spiritual culture of the individual. *Alma Mater (Higher School Bulletin)*, *4*, 37–41. DOI: https://doi.org/10.20339/AM.04-25.037. EDN: https://elibrary.ru/IPWHJI
22. Shaveko, N. A. (2025). Russian religious philosophy of law in the context of protecting traditional Russian values. *Antinomies*, *25*(2), 22–36. DOI: https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_22. EDN: https://elibrary.ru/KQFZLO
23. Ismayilova, M. (2023). Islamic spiritual values in the context of the Azerbaijani philosophical worldview. *State and Religion*, *77*(3), 86–93. EDN: https://elibrary.ru/BSTWIG
24. Niyazov, E. (2023). The role of spiritual values in society and Heydar Aliyev's philosophy of spirituality. *Metaphysics*, *6*(21-1), 185–197. EDN: https://elibrary.ru/ZGOVGC
25. Abdukadyr Kyzy, B. (2025). Innovative integration of religious and secular education in Kyrgyz society. *Bulletin of the I. Arabaev Kyrgyz State University*, *3/1*, 14–21. DOI: https://doi.org/10.33514/1694-7851-2025-3/1-14-21. EDN: https://elibrary.ru/XTANWK
26. Abdukhalilzoda, K. (2023). The coexistence of secular and religious culture in modern Tajik society. *Bulletin of the Tajik National University*, *11-2*, 93–101. EDN: https://elibrary.ru/BWYJOR
27. Zhunushova, G. M., & Omurkanova, S. A. (2024). The secular model of the state and religious policy in Kyrgyzstan. *Bulletin of the I. Arabaev Kyrgyz State University*, *4-3*, 832–840. DOI: https://doi.org/10.33514/1694-7851-2024-4/3-832-840. EDN: https://elibrary.ru/UKUGOL

28. Mukhammadiqodiri, N. (2023). Issues of religious education and its connection with secular education in modern Tajik society. *Bulletin of the Tajik National University*, *11-1*, 182–188. EDN: https://elibrary.ru/WBUTMW
29. Mukhammadiqodiri, N. (2025). Issues of secular and religious education in the teachings of Persian-Tajik thinkers. *Bulletin of the Tajik National University*, *8*, 100–105. EDN: https://elibrary.ru/CUVRQH
30. Orifjonova, N. R. (2023). Religious and secular ideas in the path of the formation of new social relations. *Bulletin of the A. Bahovaddinov Institute of Philosophy, Political Science and Law of the National Academy of Sciences of Tajikistan*, *1*, 51–59.
31. Uturov, K., & Arypbekova, K. B. (2022). Digital convergence in secular and religious education. *Bulletin of the I. Arabaev Kyrgyz State University*, *4-2*, 117–120. DOI: https://doi.org/10.33514/1694-7851-2022-4-117-120. EDN: https://elibrary.ru/KURZAT
32. Kholov, Sh. A., & Shoev, Z. J. (2023). On the foreign experience of relations and cooperation of secular states with religious associations. *Bulletin of the A. Bahovaddinov Institute of Philosophy, Political Science and Law of the National Academy of Sciences of Tajikistan*, *4*, 164–170.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Батурина Оксана Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент, специалист по кафедре исламских наук
Российский исламский университет Центрального духовного управления мусульман России
ул. Чернышевского, 5, г. Уфа, 450057, Российская Федерация
bash_baturina@vk.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Oksana S. Baturina, PhD in Psychology, Associate Professor, Research in Department of Islamic Science
Russian Islamic University of the Central Religious Muslim Board of Russia
5, Chernyshevsky Str., Ufa, 450057, Russian Federation
bash_baturina@vk.com
SPIN-code: 6969-7610
ORCID: https://orcid.org/0009-0002-7602-9144

Поступила 05.07.2026
После рецензирования 05.08.2026
Принята 10.08.2026

Received 05.07.2026
Revised 05.08.2026
Accepted 10.08.2026

Русский язык и языковое разнообразие народов России / Russian Language and Linguistic Diversity of Peoples of Russia

Научная статья
DOI: 10.12731/3033-5981-2026-18-3-569
УДК 811.512.157'367.625

Original article
EDN: CKNIIY

Полисемия глагола в эвенском языке

С.Н. Саввинова
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Статья посвящена исследованию полисемии эвенского языка. Актуальность темы обусловлена отсутствием научных исследований по полисемии в эвенском языкознании в частности, и необходимостью лингвистического описания исчезающего языка в целом.

Цель. Целью исследования является описание явления полисемии глаголов в эвенском языке. Для выполнения цели поставлены задачи: выявить многозначные глаголы, систематизация и анализ, обобщение полученных результатов.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужил «Эвенско-русский словарь» В.А. Роббека, М.Е. Роббек, который содержит более 14000 слов и кодифицирует действующую эвенскую орфографию. При изучении частеречных полисемантов использован дефиниционный и описательный методы.

Результаты. Эвенский язык обладает развитой полисемией. Многозначные глаголы эвенского языка по характеру связи значений делятся на радиальные, цепочеченые и радиально-цепочечные. Функционируют такие способы формирования лексической многозначности как метонимический и метафорический переносы.

Ключевые слова: эвенский язык; полисемия; глагол; типы полисемии; виды полисемии; метафора; метонимия

Для цитирования. Саввинова, С. Н. (2026). Полисемия глагола в эвенском языке. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, *18*(3), 162-173. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-569

Verb polysemy in the Even language

S.N. Savvinova
Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

Abstract

Background. This article examines the polysemy of the Even language. The relevance of this topic stems from the lack of scientific research on polysemy in Even linguistics in particular, and the need for a linguistic description of this endangered language in general.

Purpose. The aim of this study is to describe the phenomenon of verb polysemy in the Even language. To achieve this goal, the following tasks were set: identifying polysemantic verbs, systematizing and analyzing them, and summarizing the obtained results.

Materials and methods. The Even-Russian Dictionary by V.A. Robbek and M.E. Robbek served as the material for this study. Definitional and descriptive methods were used to study part-of-speech polysemantics.

Results. The Even language has a developed polysemy. Polysemantic verbs of the Even language are divided into radial, chained, and radial-chained verbs based on the nature of their meaning relationships. Metonymic and metaphorical transfers operate according to the method of semantic transfer.

Keywords: Even language; polysemy; verb; types of polysemy; metaphor; metonymy

For citation. Savvinova, S. N. (2026). Verb polysemy in the Even language. *Russian Social and Humanitarian Studies*, *18*(3), 162-173. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-569

Введение

Явление полисемии всегда привлекало внимание лингвистов и до сих пор выступает предметом научных дискуссий множество. На протяжении многих лет проблемы многозначности разрабатывались в трудах таких ученых, как Ю.Д. Апресян [1], В.В. Виноградов [3], М.А. Гопштейн [4], В.А. Звегинцев [6], Л.А. Новиков [9], Д.Н. Шмелев [15] и другие. Многозначность является свойством всех естественных языков. Исследователи считают, что это обусловлено ограниченностью языка и безграничностью явлений в мире. В исследованиях, посвященных лексическим значениям, В.В. Виноградов пишет: «Под лексическим значением слова обычно разуме-

ют его предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка» [3, с. 162]. Следовательно, все полнозначные слова обладают лексическим значением, различаясь лишь по характеру его представления (однозначные или многозначные). Особый интерес для лингвистов представляет описание семантических структур многозначного слова по характеру сцепления и расположения его значений. Топологические типы полисемии фундаментально рассматривались в трудах Д. Н. Шмелева [15]. Применительно к глагольной лексике данные структурные модели деривации исследовались Э. В. Кузнецовой [8], которая подробно изучала, как группируются лексико-семантические варианты вокруг главного значения. В фундаментальных трудах Д. Н. Шмелева была описана топология внутрисловных связей (радиальный и цепочечный виды организации значений). Разделяя взгляд Д. Н. Шмелева о радиальном и цепочечном характере организации многозначности, в настоящем исследовании автор исходит из того, что многозначность глагола обладает специфической природой, в связи с чем автор ставит задачу описания и систематизации топологических типов полисемии глаголов в эвенском языке, семантическая структура которых ранее не подвергалась комплексному анализу.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужил «Эвенско-русский словарь» В.А. Роббека, М.Е. Роббек [11]. Словарь содержит более 14 000 слов современного эвенского литературного и разговорного языка. Объектом исследования являются многозначные глаголы эвенского языка. При изучении частеречных полисемантов использован дефиниционный и описательный методы.

Результаты и обсуждение

Эвенский язык (ламутский) относится к северной (сибирской) группе тунгусо-маньчжурских языков. В настоящее время, согласно социолингвистическим исследованиям, находится под угрозой ис-

чезновения, так как молодое поколение полностью перешло на русский или якутский языки, а старшее поколение уходит, что повлекло за собой нарушение традиционной межпоколенной передачи языка. Исследования исчезающего эвенского языка дает возможность фиксации, документации для сохранения и дальнейшего его развития.

Эвенский язык, как и другие языки, обладает развитой полисемией. Как известно, полисемия – это многозначность слова, то есть свойство слова иметь более одного, связанных по смыслу, значения. Например, **авдай** 1) мыть; 2) мыться; **ба** 1) фон, поле зрения; 2) горизонт; 3) уровень; **бодумӈа** 1) вожак в пути; 2) водитель; 3) верховой ездок; 4) сопровождающий и т.д.

В эвенском языке полисемией могут обладать все самостоятельные части речи, кроме имени числительного:

имена существительные Булун 1) тоска, грусть, скука; 2) жалость;

имена прилагательные Ирбэт 1) старый, ветхий (о вещах); 2) прежний, старинный; кяӈки 1)тугой, крепкий; 2)упорный, стойкий;

глагол кэргэсэндэй 1) ворчать, рычать (о собаке); 2) мяукать;

причастие минэсэнчэ 1)надрезавший, порезавший; 2)надрезанный, порезанный;

наречие маӈач 1) трудно, жестко, тяжело; 2)твердо, крепко, туго, прочно, упорно, стойко, непоколебимо, несокрушимо, незыблемо;3) свирепо, жестоко, люто, круто;

местоимение мут (местн.п. муттулэ) 1) мы (включая всех); 2) перед именем в притяж.ф. наш мут дют - наш дом.

У глагола, имеющего от двух и более значений, одно значение является основным, или его можно назвать производящим, а другие значения являются производными от основного значения. Например, слово ***хакудай*** в номинативном значении употребляется как *«закрыться плотно, исчезнуть».* Из этого основного значения исходят следующие лексико-семантические варианты: ЛСВ 1. запереться (объект - пространство, помещение). Закрытие проёма с целью изоляции от внешнего мира. ЛСВ 2 сузиться (объект - форма) уменьшение границ, сжатие. ЛСВ 3. затянуться, зажить (о ране).

ЛСВ 4. исчезнуть, засыпаться, запорошить снегом (о следах, дороге) (объект - след, дорога). Снег выступает в роли покрывала, которое ликвидирует видимость, закрывая от глаз. В данном случае многозначный глагол является не только суммой взаимосвязанных значений, но и материалом семантической производности лексико-семантических вариантов, при котором значения распределены по уровням на основе прямого номинативного значения. И, исходя из этого, выделяют следующие топологические типы полисемии: радиальная (через общую сему); цепочечная и радиально-цепочечная [1, с. 182-183].

Рассмотрим радиальный тип полисемии на глаголах эвенского языка. При радиальном типе производные мотивируются и зависят от прямого номинативного значения. Таков характер отношений между значениями глагола *апкадай.* Глагол ***апкадай*** имеет 2 значения: 1)сдавить, стиснуть, сжать; 2) удушить, удавить.

Общей семой в многозначном слове ***апкадай*** будет значение «действовать силой», оно как бы связывает все значения данного слова к одному центральному значению ***апкадай*** «давить».

Некоторые значения слова ***апкадай*** «давить» кого-то/что-то силой, тяжестью: *Иманра крышадук чагла* ***апкусчин****. Снег* ***давит*** *на крышу*.

В специальном значении глагол *апкадай* описывает направленное физическое воздействие с целью его деформации или смещения. Например: *Мико бумагав* ***апкан***. *Миша* ***сжал*** *бумаги.*

В переносном значении лексема приобретает значение «удушить, подавить», что находит отражение в фольклорном дискурсе. В частности, этот корень используется в устойчивой фразе - угрозе из эвенских сказок:

Тавур хунадю эми гад, ***апканикан*** *көкэдим*! ‘Если не возьму эту девицу в жены – ***повешусь!***’ (устойчивая фраза-цитата из эвенских сказок) [2, с.87].

На основе представленной структуры полисемии можно сделать вывод, что деривация всех последующих лексико-семантических вариантов опирается на исходное значение через общую сёму «интенсивное силовое воздействие».

Глагол ***аявдай*** имеет 3 значения: 1) любить; 2) желать, хотеть; 3) увлекаться, нравиться. Центральное значение глагола *аявдай*: 1) любить, которое является выражает глубокое, позитивное чувство, указывает на привязанность к человеку, близким, родному краю. Второе значение: желать, хотеть развивается из центрального значения по принципу семантического сдвига в сторону волеизъявления: любить – желать, хотеть. ЛСВ 3: увлекаться, хотеть развивается также из центрального значения по принципу интенсивного ослабления признака. Это значение может описывать неглубокое, но выраженное эстетическое или прагматическое предпочтение. Например: *Мян тунуан аннуанилкан бичэ бидин, молимнат ноңан болла, командират, командалавчими* ***аявран****. Ей пятнадцать было, по-моему, по дрова она ходила, наш командир,* ***любила*** *командовать* [2, с. 284].

Цепочечная полисемия характеризуется одномерным расположением значений, последовательно связанных друг с другом и образующих единую цепь, как это имеет место, например, в семантике глагола ***арбудай***, значения которого: 1) мелеть; 2) спадать; 3) отступать. Каждое из значений связано только с предшествующим значением: *мелеть – спадать; спадать – отступать.* Например: *Модэчэ окат* ***арбурин.*** *Дялбун муну гадитан. Осенью река* ***обмелела****. Братья ушли черпать рыбу* [13, с.35].

Приведенные в качестве примера цепочечного типа многозначных глаголов эвенского языка показывают, что каждое последующее значение образуется из значения предыдущего.

Радиально-цепочечная структура, (также ее называют смешанной, или комбинированной), принимает самые различные конфигурации в зависимости от того, какие значения находятся в непосредственной связи. Так связаны значения глагола ***исудэй*** - 1) расти, произрастать, всходить (о растениях); 2) расти, развиваться, расширяться, увеличиваться; 3) возникать, появляться; 4) мужать, развиваться физически.

Как уже указывали, радиальная структура выявляется через общую сёму. В глаголе *исудэй* общей семой является значение *развиваться.* Слово исудэй насчитывает 4 значения. Данные значения

распадаются на такие категории, как «всход растений», «развитие». Второе и четвертое значения связаны между собой цепочечной структурой: *расти, развиваться – мужать, развиваться физически.*

Многозначность эвенского глагола *исудэй* строится на смежности и ассоциативности связи, например: *Дөмӈыт дэмӈэ, навта-да хоя, оратmahи ho* ***иһучэ***. Лес наш просторный, привольный, и ягеля много, и травы много ***выросло***. *Чарчакан хутчэнни ач эннэ да бихиклэйи онкыкар* ***ихучэ****, эгдекыкэн ориди дю далилин кунтэкли мэнкэн хэтыккэтникэн эвири оча.* Ребеночек Чарчакана, хоть и не имел матери, как-то **вырос** [2, с. 54].

Таким образом, между лексико-семантическими вариантами многозначного глагола существует определенная семантическая связь, что дает основание считать их значениями одного и того же слова. Многозначное слово является структурой связанных отношением семантической производности лексико-семантических вариантов, которые в свою очередь имеют определенную, иерархическую организацию на основе прямого номинативного значения.

Анализ способов формирования лексической многозначности слова в эвенском языке показывает, что в языке функционируют метафорический и метонимический способы. Метафорический способ образования многозначности несет в себе две функции: оценочную и номинативную и является одним из самых распространенных. Он предполагает переход значения на основе сходства действий при описании глаголом непрямого, образного действия, перенося при этом с свойства физического мира на абстрактное понятие. Это можно наблюдать у следующих глаголов эвенского языка: ***балдавкандай*** 1) вырастить; 2) родить (о земле). Например: *Элэкэс төр* ***балдаддакан*** *илан хо эӈил, хомил батурал биситэн. Когда только Земля* ***появилась****, жили три брата богатыря.* [16, с. 54].

Илкэндэй 1) метить; 2) делать затесы, зарубки; 3) клеймить оленя.

В зависимости от того, на какой объект направлено действие, глагол *илкэндэй* приобретает узкие специфические смыслы: обозначает клеймение или маркировку домашних оленей. Исторически эвены метили своих оленей специальными надрезами на ушах

(илкэн – метка, знак). В таком контексте глагол переводится как «ставить клеймо», «метить оленя». Например: *Ноӈан орам аич* ***илкэнрэ-н****. Он оленя хорошо* ***пометил.***

Охотничий и пространственный контекст (ориентирование): также глагол используется при описании прокладывания тропы в тайге (ориентирование). Охотники делали топором затеси на стволах деревьев, чтобы не заблудиться или пометить границы своих охотничьих угодий. Здесь глагол означает «делать зарубки на деревьях»: *Эрэк хуӈэл хякита дула* ***илкэннидэлтэ.*** *Эти мужчины начали* ***делать зарубки*** *на лиственницах.* Также глагол применяется в календарном и счетном контексте: *Ис бэиӈу биса, чилгалми* ***илкэнрэ****. Сколько дней прошло, [они] считали,* ***делая зарубки*** *на календаре.*

Елтэндэй 1) миновать, пройти мимо; 2) течь, истечь (*о времени*) и т.д. *Ады-да тугэни* ***елтэнни****. Этикэр хагдын, нян хуттур атикаӈан гэлэтэдилрэ. [16, с. 78].* ***Прошло*** *несколько зим. Старики стали немощными, и надо было искать жену для своего сына.*

Метонимический тип как способ формирования лексической многозначности характеризуется тем, что значения, использующиеся для обозначения второго действия, базируются на сходстве, появляющимся при названии тем же самым словом действия и результата, получаемого от этой операции. Например: **Дуктай** 1) писать, написать; 2) зачислять, вносить в список.

Семантическая структура эвенского глагола *дуктай* представляет собой образец радиальной полисемии, реализуемой посредством метонимического сдвига. В качестве деривационного ядра выступает значение «1) писать, написать». Производный лексико-семантический вариант «2) зачислять, вносить в список» формируется как радиальный луч, фиксирующий результат и цель исходного графического действия (внесение имени в документ посредством письма). Например: *Ноӈгичинни тэлэӈ, эвэдит укчэнэкэлбу* ***дукникан*** *дукомӈо омчос, хидуткэрэн нян. Тарит* ***дукром*** *укчэнэкэлбу. Советовала, чтобы я так же, как он,* ***писал*** *повести, рассказы на эвенском языке и стал писателем. Затем я* ***написал*** *рассказы.*

Романдула ады-да эвэсэл хэсэнтэн дюгулин ***дукуттан****: дяльянкар, доткил, дойдал, наматкар, уягэнкэр, булэр*. [5, с. 130]. *В романе* ***описаны*** *эвенские роды: деллянкар, дотки, дойда, наматкар, уяганкар, булэр.*

Глагол *хэдедэй* 1) водить хоровод, плясать и петь; 2) плясать хороводом занимает особое место в эвенском языке. Его прямое лексическое значение «петь запев кругового танца хэде или танцевать хороводный танец хэде». Глагол *хэдедэй* относится в метонимическому типу многозначности. В семантической структуре глагола действует метонимическая модель «действие». В ЛСВ 1 в значении вести песенный запев, выводить ритмичные зачины для кругового танца. В ЛСВ 2 переносное значение: двигаться по кругу, плясать хороводом. Происходит метонимический сдвиг: название вокального сопровождения переносится по смежности на сам танец. Приведу в пример песенный запев:

Хэдэ-хэдэ
ханде-ханде
хуве-хуве
хэдэ-хэдэ. [2, с. 300].

Тарак эрэгэр би дяваттам нян хурылти хупкуттим. ***Хэдев-дэ хэдевэттэн,*** икэв-дэ икэвэтты. Я всегда вспоминаю и учу своих детей ***танцевать хэде*** и петь песни [2, с. 41].

Няныккыр-да хэдевытан деӈчирам. Амму-да ***хэденгэрэн.*** Помню *хэде* рода Няныккыр. Отец ***танцевал хэде***.

Заключение

Эвенский язык обладает развитой полисемией, все самостоятельные части речи, кроме имен числительных, могут быть многозначными. У глагола, имеющего от двух и более значений, одно значение является основным, или его можно назвать производящим, а другие значения являются производными от основного значения.

Между лексико-семантическими вариантами многозначного глагола существует определенная семантическая связь, что дает основание считать их значениями одного и того же слова. Многозначное

слово является структурой связанных отношением семантической производности лексико-семантических вариантов, которые в свою очередь имеют определенную, иерархическую организацию на основе прямого номинативного значения.

Анализ способов формирования лексической многозначности слова в эвенском языке показывает, что в языке функционируют метафорический и метонимический способы.

Информация о спонсорстве. Статья выполнена в рамках государственного задания № 075-00619-26-00 на 2026 г., проект НИР № 124030600003-9.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. (1974). *Лексическая семантика. Синонимические средства языка* (472 с.). М.
2. Шарина, С. И., Кузьмина, Р. П., Нестерова, Е. В., и др. (2023). *Вербальные традиции эвенов Якутии* (343 с.). Новосибирск: Наука. ISBN: 978-5-02-041516-4. EDN: https://elibrary.ru/KOSKNT
3. Виноградов, В. В. (1977). Основные типы лексических значений слова. В *Избранные труды. Лексикология и лексикография* (с. 162–189). М.
4. Гопштейн, М. А. (1977). *Полисемия в разных частях речи* [дис. … канд. филол. наук] (203 с.). М.
5. Ермакова, О. П. (1977). *Проблемы лексической семантики производных и членимых слов* [автореф. дис. … канд. филол. наук] (36 с.). М.
6. Звегинцев, В. А. (1958). *Теоретическая и прикладная лингвистика* (336 с.). М.: Просвещение.
7. Кейметинов, В. С., Кейметинова, А. Д., и др. (2002). *Тананмайду книга* (216 с.). Якутск: Бичик.
8. Кузнецова, Э. В. (1989). *Лексикология русского языка: учеб. пособие для филол. фак. ун-тов* (2-е изд., испр. и доп.). М.: Высш. шк.
9. Новиков, Л. А. (1982). *Семантика русского языка* (274 с.). М.: Высшая школа.
10. Пугиева, Н. А. (1991). Полисемантизм глагольного слова, место и роль его в Толково-словообразовательном словаре. В *Принципы составления Толково-словообразовательного словаря современного русского языка: учеб. пособие по спецкурсу* (с. 74–127). Грозный.
11. Роббек, В. А., Роббек, М. Е. (2005). *Эвенско-русский словарь* (353 с.). Новосибирск: Наука.

12. Тихонов, А. Н. (1998). *Школьный словообразовательный словарь русского языка* (727 с.). М.
13. Федотова, М. П. (2024). *Бакивун нулгэнэдь куца* (58 с.). Санкт-Петербург: Филиал изд-ва «Просвещение».
14. Ширшов, И. А. (1996). Типы полисемии в производном слове. *Филологические науки* (1), 55–66.
15. Шмелев, Д. Н. (1977). *Современный русский язык. Лексика* (335 с.). М.
16. Большакова, Л., Чайко, А. (Собр. и обр.). (2015). *Эвэдыл нимкар. Эвенские сказки: сборник сказок* (92 с.). Магадан: Изд-во «Охотник».

References

1. Apresyan, Yu. D. (1974). *Lexical semantics. Synonymous means of the language* (472 p.). Moscow.
2. Sharina, S. I., Kuzmina, R. P., Nesterova, E. V., et al. (2023). *Verbal traditions of the Evens of Yakutia* (343 p.). Novosibirsk: Nauka. ISBN: 978-5-02-041516-4. EDN: https://elibrary.ru/KOSKNT
3. Vinogradov, V. V. (1977). The main types of lexical meanings of a word. In *Selected works. Lexicology and lexicography* (pp. 162–189). Moscow.
4. Gopshtein, M. A. (1977). *Polysemy in different parts of speech* [Candidate of Philological Sciences dissertation] (203 p.). Moscow.
5. Ermakova, O. P. (1977). *Problems of lexical semantics of derived and segmentable words* [Author's abstract of the Candidate of Philological Sciences dissertation] (36 p.). Moscow.
6. Zvegintsev, V. A. (1958). *Theoretical and applied linguistics* (336 p.). Moscow: Prosveshchenie.
7. Keimetinov, V. S., Keimetinova, A. D., et al. (2002). *Tanamajdu kniga* (216 p.). Yakutsk: Bichik.
8. Kuznetsova, E. V. (1989). *Lexicology of the Russian language: A textbook for philological faculties of universities* (2nd ed., rev. and enlarged). Moscow: Vysshaya Shkola.
9. Novikov, L. A. (1982). *Semantics of the Russian language* (274 p.). Moscow: Vysshaya Shkola.
10. Pugieva, N. A. (1991). Polysemy of the verb word, its place and role in the Explanatory-Word-Formation Dictionary. In *Principles of compiling the Explanatory-Word-Formation Dictionary of the modern Russian language: A textbook for a special course* (pp. 74–127). Grozny.
11. Robbek, V. A., Robbek, M. E. (2005). *Even-Russian dictionary* (353 p.). Novosibirsk: Nauka.
12. Tikhonov, A. N. (1998). *School word-formation dictionary of the Russian language* (727 p.). Moscow.

13. Fedotova, M. P. (2024). *Bakivun nulgened'kunga* (58 p.). Saint Petersburg: Prosveshchenie Publishing Branch.
14. Shirshov, I. A. (1996). Types of polysemy in a derived word. *Philological Sciences* (1), 55–66.
15. Shmelev, D. N. (1977). *Contemporary Russian language. Vocabulary* (335 p.). Moscow.
16. Bolshakova, L., Chaiko, A. (Compilers & Editors). (2015). *Evedyl nimkar. Even tales: A collection of fairy tales* (92 p.). Magadan: Okhotnik Publishing House.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Савиинова Степанида Николаевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела северной филологии
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, г. Якутск, 677027, Российская Федерация
stepanidasavvinova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Stepanida N. Savvinova, Ph.D. in Philology researcher of the Northern Philology
Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
1, Petrovski Str., Yakutsk, 677027, Russian Federation
stepanidasavvinova@mail.ru
SPIN-code: 3565-4123
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9026-1196

Поступила 19.06.2026
После рецензирования 22.07.2026
Принята 30.07.2026

Received 19.06.2026
Revised 22.07.2026
Accepted 30.07.2026

Языки народов зарубежных стран / Languages of Foreign Countries

Научная статья
DOI: 10.12731/3033-5981-2026-18-3-570
УДК 811.111

Original article
EDN: BKFFGD

CC BY NC ND

Семантический сдвиг психологических терминов в повседневном английском языке

З.А. Заврумов, Л.А. Кауфова
Пятигорский государственный университет,
Пятигорск, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. В условиях беспрецедентного ускорения глобализации, связанной с влиянием интернета и современных технологий в XXI веке, возникает необходимость изучения и систематизации семантических изменений и расширения сферы использования ряда лексем, перешедших из разряда медицинских терминов, связанных с психологией, в сферу обихода.

Цель – исследование трансформации лексического значения психологических терминов под влиянием современной среды.

Материалы и методы. Комплексный метод, используемый в исследовании, включает методы дефиниционного, корпусного, компонентного и дистрибутивного анализов. Исследование выполнено на базе данных APA Dictionary of Psychology, корпуса NOW (News on the Web) и академического словаря Cambridge Dictionary.

Результаты. Интеграция данных словарей APA Dictionary of Psychology, Cambridge Dictionary и корпуса NOW позволяет сделать вывод, что детерминологизация психологических терминов в современном английском языке носит системный характер. Клиническая лексика, проходя сквозь фильтр медийного и сетевого дискурсов, утрачивает свое базовое предметно-понятийное содержание. Процессы семантического выцветания (semantic bleaching) и редукции дифференциальных признаков приводят к тому, что слова, призванные описывать патологии и психологические отклонения, трансформируются в качественные прилагательные, оценочные клише и инвективы. Корпусный анализ подтверждает, что в современном английском языке Therapy Speak функционирует не как научный инструмент, а как экспрессивный код, адаптированный под нужды повседневной бытовой коммуникации.

Ключевые слова: современный английский язык; Therapy Speak; семантический сдвиг; психологическая терминология; повседневный дискурс; корпусная лингвистика; детерминологизация; расширение значения

Для цитирования. Заврумов, З. А., & Кауфова, Л. А. (2026). Семантический сдвиг психологических терминов в повседневном английском языке. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, *18*(3), 174-189. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-570

Semantic shift of psychological terms in everyday English

Z.A. Zavrumov, L.A. Kaufova
Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation

Abstract

Background. Amid the unprecedented acceleration of globalization driven by the Internet and modern technologies in the 21st century, there is a need to study and systematize the semantic shifts and the expanded usage of certain lexical items that have transitioned from the realm of psychology-related medical terminology into everyday language.

Purpose. A study of the transformation of the lexical meaning of psychological terms under the influence of the modern environment.

Materials and methods. The comprehensive method employed in the study incorporates definitional, corpus, componential, and distributional analyses. The research draws upon the APA Dictionary of Psychology, the NOW (News on the Web) corpus, and the Cambridge Dictionary.

Results. Integrating data from the APA Dictionary of Psychology, the Cambridge Dictionary, and the NOW corpus leads to the conclusion that the de-terminologization of psychological terms in modern English is systemic in nature. As clinical vocabulary passes through the filter of media and online discourse, it loses its core conceptual content. Processes of semantic bleaching and the reduction of distinctive features cause words originally intended to describe pathologies and psychological abnormalities to transform into qualitative adjectives, evaluative clichés, and terms of abuse. Corpus analysis confirms that, in modern English, Therapy Speak functions not as a scientific tool but as an expressive code adapted to the needs of everyday communication.

Keywords: Modern English; Therapy Speak; semantic shift; psychological terminology; everyday discourse; corpus linguistics; determinologization; semantic extension

For citation. Zavrumov, Z. A., & Kaufova, L. A. (2026). Semantic shift of psychological terms in everyday English. *Russian Social and Humanitarian Studies*, *18*(3), 174-189. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-570

Введение

Последние десятилетия XXI века отмечены динамичным изменением словарного состава английского языка под воздействием

лингвокультурного тренда на психологизацию современного общества. Данное явление получило неофициальное название Therapy Speak (therapyspeak, therapy-speak), что означает использование профессиональных психологических терминов в обычной речи. В русском языке выражение означает «общение на языке терапии», однако имеет и более разговорный термин – «психотрёп». В английских лексикографических источниках данное явление пока не получило своего отражения. Исследователи отмечают, что Therapy Speak может стать средством избегания ответственности, манипуляций и даже дискредитации людей под видом объективности [17].

Невозможно не признать тот факт, что популяризация терминов, связанных с психологией имеет плюсы, так как способствует осведомленности о ментальном здоровье населения земли. Однако поверхностная, а порой ошибочная трактовка этих терминов несет серьезные риски для коммуникации и истинного понимания психических расстройств.

Целью исследования является изучение лингвистических механизмов семантического сдвига психологических терминов в современном английском языке и приведение классификации типов их семантической трансформации. Данный феномен представляет собой типичный пример детерминологизации, то есть процесса, при котором термин выходит за пределы своей дефинитивной системы, утрачивает однозначность, системность и стилистическую нейтральность [6].

Материалы и методы

В статье подверглись анализу шесть репрезентативных психологических терминов: trauma (травма), trigger / (триггерить), gaslighting (газлайтинг), toxic (токсичный), narcissist (нарцисс), obsessive-compulsive disorder / OCD (обсессивно-компульсивное расстройство). Эмпирическую базу исследования составили: 1) APA Dictionary of Psychology (официальный ресурс Американской психологической ассоциации) [12]; 2) словарные статьи *Cambridge Dictionary (CD)*, включая разделы академической лексики и разго-

ворного сленга [13]; 3) данные корпуса *NOW* (объем более 18 миллиардов слов), фиксирующего публикации в англоязычных электронных СМИ, отражающие актуальные коллокации и частотность лексем в медиапространстве [14].

Результаты и обсуждение

Переход лексемы из разряда термина в пласт разговорной речи неизбежно влечет за собой трансформацию ее семантической структуры. В ходе исследования нами были выделены основные механизмы семантического сдвига: семантическое выцветание (Semantic Bleaching) и расширение значения (trauma, trigger); метафоризация и пейорация (ухудшение значения) (gaslight, toxic); детерминологизация, метафорический перенос (narcissist, Obsessive-Compulsive / OCD.

Рассмотрим данные процессы на конкретных примерах.

Группа 1. Семантическое выцветание (Semantic Bleaching) и расширение значения (*trauma, trigger*).

Trauma

Для фиксации исходной научной дефиниции мы воспользовались открытым доступом APA Dictionary of Psychology (dictionary.apa.org). Данные именно этой лексемы обновлялись в 2018 году:

Trauma (Updated on 04/19/2018) – 1) any disturbing experience that results in significant fear, helplessness, dissociation, confusion, or other disruptive feelings intense enough to have a long-lasting negative effect on a person's attitudes, behavior, and other aspects of functioning. Traumatic events include those caused by human behavior (e.g., rape, war, industrial accidents) as well as by nature (e.g., earthquakes) and often challenge an individual's view of the world as a just, safe, and predictable place; 2) any serious physical injury, such as a widespread burn or a blow to the head.

Перевод на русский язык: 1) любое потрясение, вызывающее сильный страх, чувство беспомощности, диссоциацию, дезориентацию или иные дезорганизующие переживания, интенсивность которых достаточна для того, чтобы оказать длительное негативное влияние на установки, поведение и другие аспекты жизнеде-

ятельности человека. К травматическим событиям относятся как происшествия, вызванные действиями людей (например, изнасилование, война, производственные аварии), так и природные катастрофы (например, землетрясения); зачастую они подрывают представление человека о мире как о справедливом, безопасном и предсказуемом месте; 2) любая серьезная физическая травма, например обширный ожог или удар по голове (Здесь и далее перевод авторов – З.З. и Л.К.).

Cambridge Dictionary определяет лексему trauma как “severe emotional shock and pain caused by an extremely upsetting experience”. Однако в словаре уже закреплено расширенное разговорное значение: “a bodily injury” или, метафорически, “a shocking or upsetting experience”, что элиминирует строгость диагностических критериев APA.

Статистика корпуса NOW за 2010–2026 годы демонстрирует размывание семантического компонента “severe” (тяжелый). В окружении лексемы trauma фиксируются девальвирующие прилагательные-коллокаты: “minor trauma”, “holiday trauma”, “fashion trauma”. Рост частоты на миллион словоупотреблений данной лексемы увеличился почти в два раза (с 14.24 в 2010 году до 24.12 в 2023 году), что подтверждает социолингвистический сдвиг: концепт trauma (особенно психологическая (intergenerational trauma, childhood trauma, trauma-informed) вышел за рамки чисто медицинской терминологии и закрепился в повседневном публичном дискурсе СМИ.

Текстовые примеры из корпуса подтверждают переход лексемы в разряд экспрессивных синонимов слова “bad experience”: e.g. “The trauma of unanswered questions is magnified by the fond memories of how his father was before” // Травма от неразрешенных вопросов усугубляется приятными воспоминаниями о том, каким был его отец раньше (NOW).

Слово trauma подвергается семантической компрессии и начинает функционировать в целях обозначения широкого спектра явлений, вызывающих любой субъективный эмоциональный дискомфорт, неудобство (неудача на экзамене, неприятный разговор, бытовой конфликт и т.п.).

Trigger

Термин trigger в психиатрии (APA) определяется как:

Trigger (Updated on 04/19/2018) – 1) n. a stimulus that elicits a reaction. For example, an event could be a trigger for a memory of a past experience and an accompanying state of emotional arousal; 2) vb. to act as a trigger.

Перевод: 1) сущ. стимул, вызывающий реакцию. Например, какое-либо событие может послужить триггером, пробуждающим воспоминание о прошлом опыте и сопровождающее его состояние эмоционального возбуждения; 2) гл. выступать в качестве триггера.

Это означает, что любой звук, образ, запах может вызвать у пациента с психическими расстройствами внезапное повторное переживание психотравмирующего события (флешбэк).

Cambridge Dictionary, давая определение данной лексеме, отмечает сдвиг в сторону генерализации, т.е. расширения значения: “an event or situation that causes someone to feel a particular emotion, esp. a negative one”. Вводится разговорная фиксация прилагательного triggered (“experiencing a strong emotional reaction”).

В повседневном английском языке зафиксирован не просто семантический сдвиг, но и морфосинтаксическая конверсия: существительное-термин начинает употребляться в пассивной глагольной форме to get triggered (быть стриггеренным). При этом сема «связь с прошлой клинической травмой» полностью утрачивается. Новое значение глагола – «испытать внезапное раздражение, несогласие или обиду».

e.g. Citizens describe themselves as feeling harmed, traumatized, unsafe, invalidated, or **triggered** by political speech and ideas. / Граждане говорят, что политические высказывания и идеи причиняют им вред, травмируют, лишают чувства безопасности, обесценивают их переживания или провоцируют болезненную реакцию (NOW, https://www.english-corpora.org/now).

Согласно данным корпуса NOW в последние годы (2025–2026) происходит лавинообразный рост медийного интереса к слову trigger. В 2025 году частота поднялась до 19.10, а в 2026 году до-

стигла своего абсолютного исторического максимума за всё время наблюдений – 23.76 упоминаний на миллион слов.

Группа 2. Метафоризация и пейорация (Ухудшение значения) (Gaslight / Gaslighting, toxic).

Gaslight / Gaslighting

В базе данных APA Dictionary of Psychology приводится лексема gaslight, уже представленная с оговоркой на обиходную лексику:

Gaslight (Updated on 11/15/2023) – 1) vb. to manipulate another person into doubting their perceptions, experiences, or understanding of events. The term once referred to manipulation so extreme as to induce mental illness or to justify commitment of the gaslighted person to a psychiatric institution but is now used more generally. It is usually considered a colloquialism, though occasionally it is seen in clinical literature, referring, for example, to the manipulative tactics associated with antisocial personality disorder; 2) gaslighted adj. [from Gaslight, a 1938 stage play and two later film adaptations (1940, 1944) in which a wife is nearly driven to insanity by the deceptions of her husband].

Перевод: 1) глагол, манипулировать другим человеком, заставляя его сомневаться в своих представлениях, опыте или понимании событий. Ранее этот термин относился к манипуляциям настолько крайним, что они вызывали психическое заболевание или оправдывали помещение человека, подвергшегося газлайтингу, в психиатрическое учреждение, но сейчас используется в более общем смысле. Обычно это считается разговорным выражением, хотя иногда встречается в клинической литературе, например, в отношении манипулятивных тактик, связанных с антисоциальным расстройством личности; 2) газлайтированный, прил. [из пьесы «Газлайт» 1938 года и двух более поздних экранизаций (1940, 1944), в которых жена почти сходит с ума из-за обмана мужа].

В отличие от предыдущих слов (trauma и trigger), имевших под собой прочную базовую основу в медицинском или техническом английском языке, лексема gaslighting демонстрирует классическую модель рождения, укоренения и стремительного распространения. С начала пандемии и в условиях развития социальных сетей слово

окончательно укоренилось в повседневном лексиконе. В 2022 году показатель PER MIL достигает знаковой отметки 1.40 (Merriam-Webster официально объявляет “gaslighting” словом года). Своего исторического максимума лексема достигла в 2025 году – 1.94 упоминаний на миллион слов (абсолютное число упоминаний подскочило до 6311). Показатель 2026 года (0.92) отражает лишь неполные данные за текущий год, но сохраняет высокую плотность употребления.

Cambridge Dictionary отражает клиническое ядро, фиксируя обязательность признаков намеренности и угрозы рассудку: “the action of tricking or controlling someone by making them believe things that are not true, especially by suggesting that they may be mentally ill”// Действие, направленное на то, чтобы обмануть человека или взять его под контроль, заставив поверить в ложные вещи – в частности, внушая ему мысль о том, что он психически болен.

В результате редукции таких признаков как намеренность и системность, gaslighting в повседневном употреблении начинает означать любой единичный факт лжи, попытку переубеждения, бытовое упрямство или несовпадение точек зрения субъектов коммуникации. Слово теряет свой патологический статус и превращается в идентификатор рядового межличностного конфликта.

e.g. When someone leaves, the smear campaign begins; accusations, anger, belittling, gaslighting, etc. are the classic signs of this behavior style // Когда кто-то уходит, начинается кампания по очернению: обвинения, гнев, обесценивание, газлайтинг и тому подобное – классические признаки такого поведения (NOW).

Toxic

Исторически не являясь чистым психологическим термином, в словаре APA лексема закреплена преимущественно в составе сложных терминов, таких как toxic relationship, toxic disorder, toxic delirium, etc. Cambridge Dictionary: обобщает психологический перенос значения до уровня межличностных отношений, например: “causing you a lot of harm and unhappiness over a long period of time” (toxic relationship, toxic parents, etc.).

Корпус NOW демонстрирует превращение лексемы в универсальное прагматическое клише с размытым денотатом. Слово теряет признак «причинение долгосрочного вреда» и функционирует как чисто экспрессивный маркер крайнего неодобрения.

e.g. "…get out of toxic relationships with other people's husbands".// …выйти из токсичных отношений с чужими мужьями (NOW).

Развитие семантики прилагательного toxic представляет собой пример двойной метафоризации: биологический термин (ядовитый) → психологический термин (деструктивный паттерн поведения) → интердискурсивное оценочное клише.

В рамках Therapy Speak лексема toxic претерпевает максимальное семантическое выцветание (semantic bleaching). Теряя строгую привязку к определенным деструктивным поведенческим стратегиям, слово превращается в универсальный прагматический маркер неудовольствия говорящего. Слово становится синонимом базовых прилагательных bad или harmful.

Группа 3. Детерминологизация, метафорический перенос (Narcissist, Obsessive-Compulsive / OCD).

Narcissist

Термин narcissist изначально соотносится с клиническим диагнозом – нарциссическим расстройством личности (НРЛ), верифицируемым по строгому ряду критериев (отсутствие эмпатии, грандиозность, патологическая потребность в адорации). В словаре APA не обозначена лексема narcissist, однако фиксируется следующее явление:

Narcissism (Updated on 11/15/2023) – 1) n. excessive self-love or egocentrism; 2) in psychoanalytic theory, the taking of one's own ego or body as a sexual object or focus of the libido or the seeking or choice of another for relational purposes on the basis of their similarity to the self. See body narcissism; primary narcissism; secondary narcissism. – narcissist n. – narcissistic adj.

Перевод: 1) чрезмерная любовь к себе или эгоцентризм; 2) в психоаналитической теории: восприятие собственного «Я» или тела как сексуального объекта или объекта приложения либидо, либо

поиск и выбор партнера для отношений на основе его сходства с самим собой. См.: телесный нарциссизм, первичный нарциссизм, вторичный нарциссизм. – нарцисс (сущ.) – нарциссический (прил.).

В обыденной речевой практике лексема подвергается гиперболизации. Происходит смещение фокуса с тяжелой личностной патологии на ее поверхностные проявления, свойственные проявлению характера или эгоцентризму. Любой субъект, демонстрирующий уверенность в себе, часто публикующий собственные фотографии в социальных сетях (селфи) или отстаивающий свои интересы в ущерб чужим, категорируется носителем языка как narcissist. Таким образом, медицинский термин демедикализируется и начинает функционировать в качестве бытового ярлыка или инвективы (оскорбления).

Obsessive-Compulsive / OCD

OCD / abbreviation for obsessive-compulsive disorder. (Updated on 04/19/2018) – a disorder characterized by recurrent intrusive thoughts (obsessions) that prompt the performance of neutralizing rituals (compulsions). Typical obsessions involve themes of contamination, dirt, or illness (fearing that one will contract or transmit a disease) and doubts about the performance of certain actions (e.g., an excessive preoccupation that one has neglected to turn off a home appliance).

Перевод: расстройство, характеризующееся повторяющимися навязчивыми мыслями (обсессиями), которые побуждают к выполнению нейтрализующих ритуалов (компульсий). Типичные обсессии связаны с темами загрязнения, грязи или болезней (страх заразиться или передать заболевание), а также с сомнениями относительно выполнения определенных действий (например, чрезмерное беспокойство о том, что не был выключен какой-либо бытовой прибор).

Аббревиатура OCD (Обсессивно-компульсивное расстройство) закреплена за тяжелым психическим заболеванием, характеризующимся интрузивными мыслями и изнуряющими компульсивными ритуалами, разрушающими социальную адаптацию пациента.

В повседневном английском языке наблюдается уникальный процесс иронической реконцептуализации термина и его грамматикализации (перехода из существительного в разряд качественных прилага-

тельных). В высказываниях типа “I’m so OCD about my bookshelf” или “a little bit OCD” лексема полностью лишается семантики страдания и патологии. Она начинает ссылаться на такие социально одобряемые или нейтральные личностные черты, как перфекционизм, чистоплотность, педантизм или любовь к порядку. Использование квантификаторов (so, a little bit) подчеркивает градуируемость нового сленгового значения, что абсолютно невозможно для исходного медицинского термина. По данным корпуса NOW, высокая частотность употребления 2010 года и высокая частотность 2023 года обеспечены абсолютно разными лингвистическими контекстами. Слово прошло путь от описания физической угрозы материальному миру (яды, отходы, кризисные активы) до описания психологической угрозы внутреннему миру человека (люди, рабочие коллективы, культура, комментарии в интернете). На сегодняшний день лексема окончательно превратилась в лексему, используемую для выражения крайней степени негативной экспрессивной оценки любого социального явления.

Сведение данных трех независимых фильтров в единую систему позволяет эксплицировать траекторию детерминологизации исследуемых лексем:

Таблица 1.

Типы семантических трансформаций психологических терминов

Table 1. Types of semantic transformations of psychological terms

Лексема	APA Dictionary	Cambridge Dictionary	NOW Corpus	Лексический механизм
Trauma	шок, угроза целостности	любой психоэмоциональный дискомфорт	любое бытовое неудобство или стресс	семантическое выцветание (semantic bleaching) и расширение значения
Trigger	стимул, запускающий патологический флешбэк	событие, вызывающее сильную эмоцию (раздражение)	мимолетная обида, несогласие с мнением	семантическое выцветание (semantic bleaching) и расширение значения
Gaslighting	системное насилие с целью разрушения когнитивной сферы жертвы	обман с целью заставить сомневаться в рассудке	любая ложь, переубеждение, упрямство	метафоризация и пейорация (ухудшение значения)

Toxic	деструктивные маскулинные/ социальные паттерны	универсальная негативная оценка («плохой»)	универсальный маркер неодобрения («плохой»)	метафоризация и пейорация (ухудшение значения)
Narcissist	патология (нрл), тотальный дефицит эмпатии	избыточное восхищение своей внешностью/ собой	бытовой эгоизм, увлечение селфи (инвектива)	детерминологизация, метафорический перенос
OCD	тяжелый невроз навязчивых состояний и ритуалов	разг. избыточная забота о чистоте/ порядке	градуируемый педантизм, аккуратность	детерминологизация, метафорический перенос

Заключение

Лингвистический анализ феномена Therapy Speak позволяет констатировать, что детерминологизация психологической лексики в современном английском языке подчинена законам речевой экономии и экспрессивности.

Язык стремится заменить дескриптивные обороты разговорной речи («человек, склонный к избыточному порядку», «ситуация межличностного непонимания») престижными, емкими научными маркерами, обладающими высокой прагматической силой. Следствием этого процесса становится семантическая девальвация терминосистемы. Размывание понятийных границ и элиминация ядерных семантических признаков приводят к тому, что клинические термины теряют свою дефинитивную строгую функцию, превращаясь в элементы повседневного языка, оценочные клише и ярлыки. Наблюдаемый феномен демонстрирует, как социальные факторы (мода на психологическую осознанность) определяют вектор семантической деривации внутри языковой системы.

В результате феномен Therapy Speak приводит к семантической девальвации научных понятий, превращая язык психологической науки в подвижный инструмент повседневного межличностного общения.

Список литературы

1. Александрова, Е. В., Журавлева, Г. П., & Скрипникова, М. И. (2016). Возникновение феномена «дауншифтинг». *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований, (5–5)*, 804–807. EDN: https://elibrary.ru/VVVXXZ
2. Аухадиева, Ф. С., & Булычева, Е. А. (2019). Особенности грамматикализации глаголов самостоятельного перемещения в разноструктурных языках. *Ежегодник финно-угорских исследований, 13*(2), 186–197. DOI: https://doi.org/10.35634/2224-9443-2019-13-2-186-197. EDN: https://elibrary.ru/BSNETS
3. Волкова, О. С. (2021). Лингвопрагматика английских заимствований в русскоязычном дискурсе массовой коммуникации (на материале названий обуви). *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание, 20*(6), 134–145. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.12. EDN: https://elibrary.ru/ZFNMGM
4. Гончарова, Д. Н., & Муха, В. Н. (2021). Субкультура дауншифтинга в современной России. *Журнал социологических исследований, 6*(2), 70–73. EDN: https://elibrary.ru/LICULC
5. Грибова, Н. С., Дубенкова, Л. В., & Итинсон, К. С. (2026). Лексикографический анализ новых слов в сфере медицины и психологии (на примере английского языка). *Russian Linguistic Bulletin, 3*(75). DOI: https://doi.org/10.60797/RULB.2026.75.11. EDN: https://elibrary.ru/SCYFJX
6. Гринев-Гриневич, С. В. (2008). *Терминоведение*. Москва: Академия. 304 с. ISBN: 978-5-7695-4951-9. EDN: https://elibrary.ru/VRDUHV
7. Здриковская, Т. А., & Мохова, Ю. А. (2022). Функционирование психотерапевтических терминов в русскоязычном интернет-дискурсе. *Филологические науки. Вопросы теории и практики, 15*(5), 1548–1553. DOI: https://doi.org/10.30853/phil20220284. EDN: https://elibrary.ru/MBZKAE
8. Исираилова, К. У., Шериева, С. А., & Нурлан кызы, А. (2024). Изменение английского языка под воздействием интернета. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук, (10–4)*, 105–108. DOI: https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-10-4-105-108. EDN: https://elibrary.ru/FOIUPX
9. Калинина, М. А., & Захарова, М. А. (2019). Векторы семантической деривации заимствованной лексики в русском языке. *Известия ВГПУ. Филологические науки, (6)*, 128–135. EDN: https://elibrary.ru/OSCFVJ
10. Лазарева, М. В., & Терехин, И. Н. (2022). О влиянии сети Интернет на современный английский язык. *Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 23*(4), 299–305. DOI: https://doi.org/10.35854/2541-8106-2022-4-299-305. EDN: https://elibrary.ru/ZGYXOQ
11. Николаев, С. Г., & Моргунова, М. Н. (2024). Семантические модификации новейших заимствований в русскоязычном медиадискурсе (на примере англицизма «дауншифтинг»). *Известия Южного федерального университета.*

Филологические науки, 28(2), 21–30. DOI: https://doi.org/10.18522/1995-0640-2024-2-21-30. EDN: https://elibrary.ru/MLKPCI

12. American Psychological Association. *APA dictionary of psychology*. Retrieved June 25, 2026, from https://dictionary.apa.org
13. Cambridge University Press. *Cambridge dictionary*. Retrieved June 25, 2026, from https://dictionary.cambridge.org
14. Davies, M. *NOW Corpus: New on the Web*. Retrieved June 25, 2026, from https://www.english-corpora.org/now
15. Farzand, M. (2023). *Evolution of Internet slang and its impact on English language communication*. ResearchGate. DOI: https://doi.org/10.13140/RG.2.2.26432.10242
16. Geeraerts, D. (2010). *Theories of lexical semantics*. Oxford University Press. 341 p.
17. Isern-Mas, C., & Almagro, M. (in press). Unmasking therapy-speak. *Theoretical Medicine and Bioethics*.
18. Wierzbicka, A. (1999). *Emotions across languages and cultures: Diversity and universals*. Cambridge University Press. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9780511521256
19. Woodstock, L. (2009). [Review of the book *Saving the modern soul: Therapy, emotions, and the culture of self-help*, by E. Illouz]. *International Journal of Communication, 3*, 440–442. https://www.researchgate.net/publication/401806597_Eva_Illouz_Saving_the_Modern_Soul_Therapy_Emotions_and_the_Culture_of_Self-Help

References

1. Aleksandrova, E. V., Zhuravleva, G. P., & Skripnikova, M. I. (2016). The emergence of the “downshifting” phenomenon. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, (5–5), 804–807. EDN: https://elibrary.ru/VVVXXZ
2. Aukhadiyeva, F. S., & Bulycheva, E. A. (2019). Features of grammaticalization of self-movement verbs in languages with different structures. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 13(2), 186–197. DOI: https://doi.org/10.35634/2224-9443-2019-13-2-186-197. EDN: https://elibrary.ru/BSNETS
3. Volkova, O. S. (2021). Linguopragmatics of English loanwords in Russian mass communication discourse (based on footwear naming). *Bulletin of Volgograd State University. Series 2. Linguistics*, *20*(6), 134–145. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.12. EDN: https://elibrary.ru/ZFNMGM
4. Goncharova, D. N., & Mukha, V. N. (2021). The downshifting subculture in modern Russia. *Journal of Sociological Research*, *6*(2), 70–73. EDN: https://elibrary.ru/LICULC
5. Gribova, N. S., Dubenkova, L. V., & Itinson, K. S. (2026). Lexicographic analysis of new words in the fields of medicine and psychology (based on the English language). *Russian Linguistic Bulletin*, *3*(75). DOI: https://doi.org/10.60797/RULB.2026.75.11. EDN: https://elibrary.ru/SCYFJX

6. Grinev-Grinevich, S. V. (2008). *Terminology studies*. Moscow: Akademiya. 304 p. ISBN: 978-5-7695-4951-9. EDN: https://elibrary.ru/VRDUHV
7. Zdrikovskaya, T. A., & Mokhova, Yu. A. (2022). Functioning of psychotherapeutic terms in Russian-language internet discourse. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, *15*(5), 1548–1553. DOI: https://doi.org/10.30853/phil20220284. EDN: https://elibrary.ru/MBZKAE
8. Isirailova, K. U., Sherieva, S. A., & Nurlan kyzy, A. (2024). Changes in the English language under the influence of the internet. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, (10–4), 105–108. DOI: https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-10-4-105-108. EDN: https://elibrary.ru/FOIUPX
9. Kalinina, M. A., & Zakharova, M. A. (2019). Vectors of semantic derivation of borrowed vocabulary in the Russian language. *Proceedings of VSPU. Philological Sciences*, (6), 128–135. EDN: https://elibrary.ru/OSCFVJ
10. Lazareva, M. V., & Terekhin, I. N. (2022). On the influence of the Internet on modern English. *Scientific Notes of the Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics*, *23*(4), 299–305. DOI: https://doi.org/10.35854/2541-8106-2022-4-299-305. EDN: https://elibrary.ru/ZGYXOQ
11. Nikolaev, S. G., & Morgunova, M. N. (2024). Semantic modifications of the latest borrowings in Russian media discourse (the case of the anglicism “downshifting”). *Proceedings of Southern Federal University. Philological Sciences*, *28*(2), 21–30. DOI: https://doi.org/10.18522/1995-0640-2024-2-21-30. EDN: https://elibrary.ru/MLKPCI
12. American Psychological Association. (n.d.). *APA dictionary of psychology*. Retrieved June 25, 2026, from https://dictionary.apa.org
13. Cambridge University Press. (n.d.). *Cambridge dictionary*. Retrieved June 25, 2026, from https://dictionary.cambridge.org
14. Davies, M. *NOW Corpus: New on the Web*. Retrieved June 25, 2026, from https://www.english-corpora.org/now
15. Farzand, M. (2023). *Evolution of Internet slang and its impact on English language communication*. ResearchGate. DOI: https://doi.org/10.13140/RG.2.2.26432.10242
16. Geeraerts, D. (2010). *Theories of lexical semantics*. Oxford University Press. 341 p.
17. Isern-Mas, C., & Almagro, M. (in press). Unmasking therapy-speak. *Theoretical Medicine and Bioethics*.
18. Wierzbicka, A. (1999). *Emotions across languages and cultures: Diversity and universals*. Cambridge University Press. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9780511521256
19. Woodstock, L. (2009). [Review of the book *Saving the modern soul: Therapy, emotions, and the culture of self-help*, by E. Illouz]. *International Journal of Communication*, *3*, 440–442. https://www.researchgate.net/publication/401806597_Eva_Illouz_Saving_the_Modern_Soul_Therapy_Emotions_and_the_Culture_of_Self-Help

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Заврумов Заур Асланович, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической лингвистики и практики межкультурного общения, Советник ректора по научно-аналитической и редакционно-издательской политике
Пятигорский государственный университет
пр-т Калинина, 9, г. Пятигорск, 357500, Российская Федерация
zavrumov@pgu.ru

Кауфова Лола Аслановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции
Пятигорский государственный университет
пр-т Калинина, 9, г. Пятигорск, 357500, Российская Федерация
lkaufova@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Zaur A. Zavrumov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical Linguistics and Practice of Intercultural Communication, Advisor to the Rector on Research-Analytical and Editorial-Publishing Policy
Pyatigorsk State University
9, Kalinina Ave., Pyatigorsk, 357500, Russian Federation
zavrumov@pgu.ru
SPIN-code: 4101-3546
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6351-826X
ResearcherID: N-6914-2018
Scopus Author ID: 57189696996

Lola A. Kaufova, Associate Professor, Chair of Experimental Linguistics and Intercultural Competence, Ph.D. in Philology
Pyatigorsk State University
9, Kalinina Ave., Pyatigorsk, 357500, Russian Federation
lkaufova@yandex.ru
SPIN-code: 9901-7238
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0967-6408
ResearcherID: N-6914-2018
Scopus Author ID: 57224910193
ResearchGate: https://www.researchgate.net/profile/Lola-Kaufova

Поступила 25.06.2026
После рецензирования 24.07.2026
Принята 27.07.2026

Received 25.06.2026
Revised 24.07.2026
Accepted 27.07.2026

Языки народов зарубежных стран / Languages of Foreign Countries

Научная статья
DOI: 10.12731/3033-5981-2026-18-3-557
УДК 811.111’42:32.019.51
Original article
EDN: JPAFOZ

Функции эмоционально окрашенных прилагательных в англоязычном политическом медиадискурсе

Б.Г. Овезов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. При освещении политических событий англоязычные СМИ используют не только нейтральные средства описания, но и лексику, задающую эмоциональную оценку происходящего. Особую роль в этом процессе выполняют прилагательные, поскольку через них событие, решение или политический участник могут быть представлены как опасные, спорные, значимые, поддерживаемые либо вызывающие недоверие. Поэтому анализ эмоционально окрашенных прилагательных позволяет точнее описать механизмы формирования оценочной тональности политической новости.

Цель – определить, как эмоционально окрашенные прилагательные участвуют в оценке политических событий в англоязычных новостных текстах.

Материалы и методы. Материалом исследования стали 50 англоязычных политических новостных текстов, опубликованных в изданиях The Guardian, Reuters, The Washington Post и The New York Times за 2020–2026 гг. Из текстов были отобраны прилагательные, характеризующие политические события, решения, участников и общественную реакцию и обладающие эмоциональной или оценочной коннотацией. Применялись семантический, контекстуальный и функциональный анализ.

Результаты. Проведенный анализ показал, что эмоционально окрашенные прилагательные выполняют оценочную, акцентирующую, интерпретационную функцию и функцию эмоционального усиления. Оценочная функция проявляется в обозначении положительного или отрицательного отношения к политическому действию, решению или участнику. Акцентирующая функция связана с выделением наиболее значимых признаков ситуации: конфликтности, угрозы, нестабильности, общественного напряжения или поддержки. Функция эмоционального усиления выражается в повышении выразительности фрагмента и в усилении вни-

мания читателя к эмоционально значимым деталям новости. Интерпретационная функция состоит в том, что прилагательное помогает представить политическое событие в определенном смысловом ключе: как тревожное, опасное, спорное, кризисное либо одобряемое. Наиболее заметными оказались прилагательные отрицательной оценки, а также единицы, связанные с семантикой угрозы, конфликта и нестабильности. Полученные данные показывают, что эмоционально окрашенные прилагательные являются важным средством формирования тональности политического новостного текста.

Ключевые слова: эмоционально окрашенные прилагательные; политический медиадискурс; англоязычные СМИ; новостной текст; оценочная тональность; эмоциональная коннотация; контекстуальный анализ; политическая оценка

Для цитирования. Овезов, Б. Г. (2026). Функции эмоционально окрашенных прилагательных в англоязычном политическом медиадискурсе. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, *18*(3), 190-212. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-557

Functions of emotionally charged adjectives in English-language political media discourse

B.G. Ovezov
Belgorod National Research University, Belgorod, Russian Federation

Abstract

Background. In English-language political news, events are presented not only through neutral description but also through lexical choices that add an evaluative tone to the report. Adjectives play a particularly important role in this process, as they may frame an event, decision or political actor as dangerous, controversial, significant, supported or untrustworthy. The analysis of emotionally charged adjectives makes it possible to describe how an evaluative tone is formed in political news texts.

Purpose. The article aims to determine how emotionally charged adjectives contribute to the evaluation of political events in English-language news texts.

Materials and methods. The material comprised 50 English-language political news texts published in The Guardian, Reuters, The Washington Post and The New York Times between 2020 and 2026. The selected adjectives describe political events, decisions, actors and public reactions and contain emotional or evaluative connotations. Semantic, contextual and functional analyses were applied.

Results. The analysis has shown that emotionally charged adjectives perform evaluative, emphasizing, interpretative and emotional intensification functions. The evaluative function is expressed through positive or negative characterization of a political action,

decision or actor. The emphasizing function highlights the most significant features of a situation, such as conflict, threat, instability, public tension or support. The emotional intensification function increases the expressive force of the fragment and draws attention to emotionally relevant details of the news text. The interpretative function helps frame a political event as alarming, dangerous, controversial, critical or approved. The most frequent units were negatively charged adjectives and adjectives associated with threat, conflict and instability. The findings show that emotionally charged adjectives are an important means of shaping the tone of political news.

Keywords: emotionally charged adjectives; political media discourse; English-language media; news text; evaluative tone; emotional connotation; contextual analysis; political evaluation

For citation. Ovezov, B. G. (2026). Functions of emotionally charged adjectives in English-language political media discourse. *Russian Social and Humanitarian Studies*, *18*(3), 190-212. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-557

Введение

Политический медиадискурс относится к сферам публичной коммуникации, где выбор языковых средств напрямую влияет на представление событий. Хотя новостной текст ориентирован на сообщение фактов, политическая информация редко воспринимается как полностью нейтральная, поскольку обычно связана с конфликтом интересов, борьбой позиций, общественным напряжением и оценкой действий власти [3; 6; 11]. В этих условиях новость не только передает сведения, но и формирует смысловой ракурс события.

Особую роль в этом процессе играют прилагательные. Они называют признак и одновременно помогают представить событие, решение, политического участника или общественную реакцию как опасные, спорные, напряженные, значимые, ошибочные или поддерживаемые. Именно поэтому эмоционально окрашенные прилагательные представляют интерес как компактное средство формирования оценочной тональности политической новости. Актуальность статьи связана с необходимостью более точно описать, как именно эта часть речи участвует в оценке внутри англоязычного политического медиадискурса. В отличие от более широких подходов, где эмоциональность рассматривается через экспрессивную

лексику, метафоры, риторические приемы и коммуникативные стратегии, в данной статье внимание сосредоточено на эмоционально окрашенных прилагательных как самостоятельном объекте анализа [7; 8; 17; 20].

Научная проблема статьи заключается в необходимости выработать критерии анализа прилагательных, которые в политическом новостном тексте выполняют не только описательную, но и оценочную функцию. При слишком широком понимании эмоциональной оценки возникает риск смешения разных языковых явлений – лексики, стилистических приемов, авторской интонации и прагматического воздействия [17; 20]. В статье внимание сосредоточено на эмоционально окрашенных прилагательных как самостоятельном объекте анализа, что позволяет рассмотреть конкретные языковые единицы, участвующие в формировании оценочной характеристики политического события.

Теоретической основой анализа прилагательных служат исследования лексической семантики, в которых значение слова рассматривается как зависимое от системы смысловых отношений и контекста употребления [16; 18; 19]. Для статьи это важно, поскольку в политическом новостном тексте одна и та же единица может сохранять нейтральное значение или приобретать эмоциональную нагрузку. Оценочная природа языковых единиц раскрывается в работах, где оценка понимается как способ выражения позиции и интерпретации событий [17; 20]. Это позволяет рассматривать эмоционально окрашенное прилагательное как средство формирования отношения к описываемой политической ситуации.

В отечественной лингвистике связь эмоции, оценки и экспрессивности осмысляется через роль человеческого фактора в языке [12]. Эмотивная лексика и ее участие в создании эмоциональной окраски текста рассматриваются в специальных исследованиях [1; 10; 14]. Для медиалингвистического аспекта значимы труды, описывающие медиатекст как сложное коммуникативное образование [6], а также работы, фиксирующие усиление эмоциональности и публичной оценки в современной политической коммуникации [8; 9].

Современные публикации подтверждают интерес к эмоциональной стороне медиаречи. Эмотивная лексика как средство смысловой организации дискурса рассматривается А.А. Володиной [2], проявления чувствительности и «новой искренности» в медиапространстве анализируются М.А. Гладко [4], прагматические функции политических эвфемизмов исследуются Ф. Гуйпином [5], а значимость языковой оценки в описании политически конфликтных ситуаций подчеркивается К.К. Фурсовым [13]. Вместе с тем вопрос о том, как прилагательное участвует в формировании оценки внутри политической новости, остается недостаточно разработанным.

Научная новизна статьи состоит в функциональной типологизации эмоционально окрашенных прилагательных в англоязычных политических новостях и в разграничении их оценочной, акцентирующей, интерпретационной функций и функции эмоционального усиления. Устойчивые словосочетания рассматриваются не как самостоятельный объект анализа, а как ближайший контекст употребления прилагательного, необходимый для уточнения его значения и функции в тексте [8; 17; 20].

Цель исследования состоит в выявлении функций эмоционально окрашенных прилагательных в англоязычных политических новостных текстах. Для ее достижения решаются следующие задачи: определить критерии выделения эмоционально окрашенных прилагательных; распределить выявленные единицы по основным семантическим группам; разграничить прилагательные журналистского изложения и цитируемой речи; описать их основные функции; установить, как положительные, отрицательные и контекстуально зависимые прилагательные участвуют в формировании тональности политической новости.

Материалы и методы

Материалом статьи послужил корпус англоязычных политических новостных текстов Reuters, The Guardian, The New York Times и The Washington Post за 2020–2026 гг. Из общего массива была сформирована рабочая выборка из 50 текстов с учетом политиче-

ской тематики, жанровой принадлежности к новостному дискурсу, наличия эмоционально или оценочно окрашенных прилагательных и тематического разнообразия материалов. В выборку вошли 13 текстов Reuters, 13 текстов The Guardian, 12 текстов The New York Times и 12 текстов The Washington Post. Тематическое распределение текстов представлено в таблице 1.

Таблица 1.

Тематическое распределение текстов
Table 1. Thematic distribution of texts

Тематическая группа	**Количество текстов**
Международные отношения, военные и торговые конфликты	13
Миграция и пограничная политика	8
Выборы и партийная конкуренция	7
Суды, право и институциональные конфликты	7
Экстремизм, безопасность и идеологическая маркировка	6
Внутренняя политика и социально-экономическая повестка	5
Здравоохранение и государственная политика	4
Всего	**50**

Отбор текстов проводился по целевому принципу. В корпус включались политические новостные материалы, содержащие прилагательные с эмоциональной или оценочной коннотацией и позволяющие рассмотреть их функцию в конкретном контексте. Авторские колонки, публицистические эссе и тексты, в которых эмоциональность создается преимущественно за счет образных средств, в выборку не включались.

Единицей анализа выступало прилагательное в политическом новостном тексте, как в одиночном употреблении, так и в составе ближайшего словосочетания, например *misleading information, failed security vetting, dangerous rhetoric, friendly talks, substantive discussions, fragile ceasefire, controversial decision*. Словосочетание при этом рассматривалось не как самостоятельный объект анализа, а как ближайший контекст, необходимый для определения значения и функции прилагательного.

В 50 текстах рабочей выборки было зафиксировано 452 употребления эмоционально окрашенных прилагательных, представленных 108 различными лексическими единицами. В подсчет включались только те прилагательные, которые в политическом контексте выражали эмоциональную или оценочную характеристику события, действия, участника или общественной реакции. Для первичного обобщения материала выявленные единицы были распределены по смысловым группам, представленным в таблице 2.

Таблица 2.

Количество обнаруженных прилагательных

Table 2. Number of adjectives identified

Смысловая группа прилагательных	Количество употреблений
Прилагательные отрицательной оценки	166
Прилагательные кризиса и нестабильности	105
Прилагательные положительной оценки	78
Прилагательные угрозы и опасности	58
Прилагательные конфликта и полемики	45
Всего	452

Наиболее частотной группой стали прилагательные отрицательной оценки, за ними следуют прилагательные кризиса и нестабильности. Это связано с тематикой корпуса, включающего конфликты, политические споры, правовые разногласия и вопросы безопасности. Материалы разных изданий использовались не для сопоставления редакционных стратегий, а для расширения корпуса и анализа функций эмоционально окрашенных прилагательных.

Эмоционально окрашенными считались прилагательные, которые:

- выражают положительную или отрицательную оценку политического события, действия или участника*: good, successful, failed, unacceptable, misleading;*
- указывают на угрозу, опасность, риск или насилие: *dangerous, violent, vulnerable, imminent, deadly;*
- передают состояние кризиса, нестабильности или напряжения: *fragile, shaky, tenuous, chaotic, unprecedented;*

- обозначают конфликтность, резкость или полемичность ситуации: *bitter, sharp, fierce, hostile, divisive;*
- маркируют политического участника или высказывание как социально или идеологически проблемное: *far-right, extremist, racist, antisemitic, anti-Islam.*

Нейтральные описательные прилагательные не учитывались, если в конкретном контексте не получали дополнительной оценочной нагрузки. Прилагательные журналистского изложения и цитируемой речи разграничивались. В рабочей выборке из 452 употреблений 309 были зафиксированы в журналистском тексте, 143 – в цитатах или прямой речи.

Количественный подсчет включал выделение эмоционально или оценочно окрашенных прилагательных в каждом тексте, их проверку в ближайшем контексте и последующее распределение по смысловым группам. Повторные употребления одной и той же единицы учитывались как отдельные случаи, если относились к разным существительным или характеризовали разные политические ситуации.

В статье применялись семантический, контекстуальный и функциональный анализ. Семантический анализ позволил определить значение прилагательного, его оценочную направленность и место в одной из смысловых групп [16; 18; 19]. Контекстуальный анализ использовался для уточнения функции прилагательного в конкретном фрагменте текста с учетом заголовка, лида, абзаца, определяемого существительного и источника оценки [6; 17]. Функциональный анализ был направлен на выявление оценочной, акцентирующей, интерпретационной функций и функции эмоционального усиления [12; 20].

Результаты и обсуждение

Анализ 50 англоязычных политических новостных текстов показал, что эмоционально окрашенные прилагательные являются устойчивым средством оценки политических событий и участвуют в формировании восприятия действия, решения, участника или

ситуации. По результатам анализа они были распределены по нескольким смысловым группам.

Таблица 3.

Распределение прилагательных на смысловые группы

Table 3. Classification of adjectives into semantic groups

Смысловая группа прилагательных	Примеры прилагательных	Оценочная направленность в политическом контексте
Прилагательные угрозы и опасности	dangerous, violent, vulnerable, imminent, deadly, risky, threatening	Указывают на риск, угрозу, насилие или возможность негативных последствий
Прилагательные кризиса и нестабильности	fragile, shaky, tenuous, chaotic, volatile, uncertain	Передают непрочность ситуации, отсутствие устойчивости, возможность обострения
Прилагательные конфликта и полемики	bitter, sharp, fierce, fiery, hostile, divisive, tough	Подчеркивают столкновение позиций, резкость критики или напряженность взаимодействия
Прилагательные отрицательной оценки	misleading, failed, unacceptable, controversial, wrong, illegal, damaging	Характеризуют действие, решение или участника как проблемные, ошибочные или вызывающие недоверие
Прилагательные положительной оценки	friendly, substantive, constructive, responsible, successful, good, effective	Обозначают поддержку, результативность, конструктивность или легитимацию действия

Классификация носит рабочий и контекстуальный характер: одно и то же прилагательное может относиться к разным смысловым группам и выполнять несколько функций в зависимости от контекста. Поэтому далее прилагательные рассматриваются с точки зрения их основных функций в тексте.

Функции эмоционально окрашенных прилагательных

Оценочная функция проявляется в тех случаях, когда прилагательное не просто называет признак, а выражает положительное или отрицательное отношение к политическому действию, решению или участнику. В материале The Guardian о ситуации вокруг Питера Мандельсона оценочная характеристика задается через прилагательные *misleading, failed, unforgivable*. Уже в заголовке

используется misleading: “Starmer to admit he inadvertently gave MPs misleading information on Mandelson” (*misleading* – ‘вводящий в заблуждение’). В сочетании *misleading information* нейтральное существительное *information* получает оценочную нагрузку: речь идет не о простой неточности, а о сообщении, способном ввести парламент и общественность в заблуждение.

В том же материале используется *failed*: “Starmer’s admission that he had not been aware of Mandelson’s failed security vetting has been greeted with shock and incredulity across Westminster, given the sensitivity of the Washington ambassador posting” (*failed* – ‘проваленный, непройденный, неудавшийся’). Прилагательное характеризует результат проверки как проблемный с учетом политической значимости назначения на пост посла в Вашингтоне. Более резкая оценка появляется в цитируемой речи премьер-министра: “...it was ‘unforgivable’ the Foreign Office failed to tell him of the situation...” (*unforgivable* – ‘непростительный’). Здесь оценка переносится с административного сбоя на его политическую и этическую интерпретацию.

Похожая функция наблюдается в материале The New York Times о внутрипартийном конфликте демократов после соглашения по шатдауну. В лиде используется *bitter*: “The bitter rebukes came from every corner of the Democratic Party” (*bitter* – ‘горький, резкий, болезненный’). Сочетание *bitter rebukes* показывает критику как эмоционально напряженную. Далее конфликт усиливается через vehement: “...all expressed the same, vehement opposition to the deal...” (*vehement* – ‘резкий, яростный, категоричный’).

В цитате Роя Купера появляется *unacceptable*: “Any deal that lets health care costs continue to skyrocket is unacceptable” (*unacceptable* – ‘неприемлемый’). Последствия соглашения оцениваются через *disastrous* и *disheartening*: “...ending the fight without securing any kind of health care deal was disastrous and disheartening...” (*disastrous* – ‘катастрофический’; *disheartening* – ‘обескураживающий, разочаровывающий’). В совокупности эти прилагательные представляют ситуацию как кризис согласия и доверия внутри партии.

В материалах Reuters оценочная лексика подается сдержаннее. В новости о требованиях вакцинации в Нью-Йорке используется сочетание *stiff resistance*: “Like mask mandates and last year’s stay-at-home orders, the plan will likely meet stiff resistance” (*stiff* – ‘жесткий, сильный, упорный’). Прилагательное *stiff* маркирует ожидаемую реакцию как заметное противодействие, а не как частное недовольство. В том же материале говорится: “Government vaccine passports are controversial among Americans as well, especially conservatives” (*controversial* – ‘спорный, вызывающий разногласия’), что переводит обсуждение из административной плоскости в политическую. Прилагательное *mandatory* в “mandatory indoor mask orders” (*mandatory* – ‘обязательный’) подчеркивает принудительный характер меры, а *grim* в “another grim record” (*grim* – ‘мрачный, тяжелый, тревожный’) придает статистическому факту отрицательную оценочную окраску.

Акцентирующая функция проявляется тогда, когда прилагательное выделяет признак, становящийся главным для восприятия политической ситуации: нестабильность, конфликтность, угрозу, жесткость мер или общественное напряжение.

В материале The Washington Post о переговорах Джей Ди Вэнса с Ираном акцентирующая функция реализуется через прилагательные *friendly, substantive, deadly, costly, tenuous*. Уже заголовок содержит сочетание: “Inside Vance’s Iran negotiations: No deal, but ‘friendly’ talks” (*friendly* – дружественный, доброжелательный). В контексте переговоров с Ираном это прилагательное выделяет необычный признак ситуации: контакт представлен не только как напряженные переговоры без соглашения, но и как относительно конструктивное общение с противником.

В том же материале используется substantive: “We have been at it now for 21 hours, and we’ve had a number of substantive discussions with the Iranians. That’s the good news. The bad news is that we have not reached an agreement” (*substantive* – ‘содержательный, существенный’). Сочетание *substantive discussions* выделяет содержательность диалога как значимый положительный результат, хотя соглашение

достигнуто не было. Этот конструктивный оттенок уравновешивается прилагательными *deadly* и *costly*: “That has led Trump, Vance and other top administration officials to believe that Iran may still come to accept their terms to end the deadly and costly war, some officials say” (*deadly* – ‘смертельный, смертоносный’; costly – ‘дорогостоящий, тяжелый по последствиям’). Они возвращают текст в рамку военного конфликта и подчеркивают его цену.

Прилагательное *tenuous* появляется в описании перемирия: “Trump announced Sunday that he would impose a naval blockade on the Strait of Hormuz – a move that could derail the tenuous two-week ceasefire reached just five days ago ...” (*tenuous* – ‘хрупкий, непрочный, шаткий’). Здесь акцентируется нестабильность перемирия и риск его срыва.

В материалах о миграционной политике акцентирующая функция часто связана с правовой и силовой рамкой события. В материале The Washington Post о политике ICE используется *aggressive*: “...President Donald Trump’s aggressive enforcement tactics...” (*aggressive* – ‘агрессивный, жесткий, наступательный’). Оно выделяет не сам факт иммиграционного контроля, а жесткость методов его реализации. Далее появляется *illegal*: “...illegal and immoral conduct of ICE in Minneapolis” (*illegal* – ‘незаконный’), переводя обсуждение в правовую плоскость. Прилагательные *violent, chaotic, deadly* в контекстах *violent crimes* и *turned chaotic and deadly* (*violent* – ‘насильственный’; *chaotic* – ‘хаотичный’; *deadly* – ‘смертельный’) усиливают рамку угрозы, потери управляемости и опасности для жизни.

В материалах The Guardian о правых движениях и политических кандидатах акцентирующая функция реализуется через прилагательные *anti-Islam, far-right, antisemitic, racist, pro-Nazi, extremist, dangerous, inflammatory*. В фрагменте “A US-based anti-Islam influencer who had been authorised to attend a far-right rally in London ...” (*anti-Islam* – ‘антиисламский’; *far-right* – ‘праворадикальный’) политический участник и мероприятие сразу помещаются в радикальное идеологическое поле. В другом фрагменте “His

ETA was withdrawn after concerns over a string of antisemitic, racist and pro-Nazi comments" (*antisemitic* – 'антисемитский'; *racist* – 'расистский'; *pro-Nazi* – 'пронацистский') акцентируется социальная неприемлемость высказываний. Еще один пример связан с оценкой политической речи: "...using 'dangerous and inflammatory' language" (*dangerous* – 'опасный'; *inflammatory* – 'подстрекательский, разжигающий'). В этом случае выделяется не только сам факт выступления, но и его потенциальное воздействие на общественное напряжение.

Интерпретационная функция проявляется тогда, когда прилагательное задает общий смысловой ракурс новости и помогает представить событие как кризисное, опасное, спорное, оправданное или нестабильное.

В статье The New York Times о Джо Кенте и войне с Ираном ключевым является прилагательное *imminent*. В одном фрагменте оно используется для отрицания срочности угрозы: "Iran posed no imminent threat to our nation..." (*imminent* – 'непосредственный, неминуемый, близкий'). В другом фрагменте та же характеристика поддерживает противоположную позицию: "President Trump concluded that the terrorist Islamist regime in Iran posed an imminent threat..." Здесь *imminent threat* становится смысловым центром политического спора: если угроза непосредственная, военное действие может интерпретироваться как срочная мера; если нет – как преждевременное или необоснованное.

В том же материале интерпретационная функция поддерживается прилагательными *sharp* и *awkward*. В тексте сказано: "The top ranks of Mr. Trump's administration have been remarkably stable, and no senior leader has quit while laying out a sharp policy difference with the president" (*sharp* – 'резкий, острый, существенный'). Прилагательное *sharp* показывает расхождение не как частное несогласие, а как заметный политический разрыв с позицией президента. Далее говорится: "Mr. Kent's resignation and Mr. Trump's comments put Tulsi Gabbard, the director of national intelligence and Mr. Kent's boss, in an awkward position" (*awkward* – 'неловкий, затруднитель-

ный’). Прилагательное *awkward*, в свою очередь, задает ракурс институционального затруднения внутри администрации. В цитируемой речи Дональда Трампа появляются более резкие прилагательные: “MAGA includes not allowing Iran, a Sick, Demented, and Violent Terrorist Regime, to have a Nuclear Weapon” (*Sick* – ‘больной’; *Demented* – ‘безумный’; *Violent* – ‘насильственный, жестокий’). Эти единицы принадлежат не журналистскому изложению, а речи политического участника. Однако после включения в новостной текст они усиливают конфликтную интерпретацию образа Ирана и делают политическую позицию Трампа более эмоционально выраженной.

В материале Reuters о канцлере Австрии Кристиане Штокере интерпретационная функция строится через прилагательные *unknown, chaotic, unprecedented, fragile*. Уже в заголовке используется характеристика *unknown*: “Austria’s ‘unknown’ chancellor Stocker: resilient lawyer thrust into spotlight” (*unknown* – ‘неизвестный’). Она задает ракурс неожиданности: новый канцлер представлен как фигура, внезапно оказавшаяся в центре политического внимания. Далее нестабильность ситуации раскрывается через прилагательное *chaotic*: “But five months of the most chaotic coalition talks in the country’s postwar history, following an inconclusive election in September, have culminated in the low-key 64-year-old being sworn in as head of government” (*chaotic* – ‘хаотичный’). Формирование правительства описывается как затяжной и неупорядоченный процесс после неопределенных результатов выборов. В следующем фрагменте используются *unprecedented* и *fragile*: “His unprecedented coalition of parties struggling to hold off the FPO looks likely to be fragile, and friction between them ultimately sank Nehammer’s bid to stay in power” (*unprecedented* – ‘беспрецедентный’; *fragile* – ‘хрупкий, нестабильный’). Эти прилагательные подчеркивают необычность коалиции и ее возможную слабость. В итоге приход Штокера к власти интерпретируется как часть нестабильной политической ситуации.

В материалах о международных конфликтах интерпретационная функция часто связана с прилагательными, обозначающими неста-

бильность и риск. В материале The Washington Post о блокаде Ормузского пролива используется сочетание *shaky ceasefire*: “The U.S. blockade, which took effect Monday amid a shaky ceasefire between the United States and Iran, involves 10,000 American troops, more than a dozen Navy ships positioned in the Gulf of Oman and the Arabian Sea, and an array of fighter jets and drones to surveil commercial vessels in the area” (*shaky* – ‘шаткий, непрочный, нестабильный’). Прилагательное *shaky* задает восприятие перемирия как ненадежного. В материале The New York Times о конфликте с Ираном используются также прилагательные *chaotic, devastating, violent, dangerous*: “In the minds of the president and his supporters, the post is all part of Mr. Trump’s chaotic negotiation style” (*chaotic* – ‘хаотичный’); “Some of the president’s advisers saw Mr. Trump’s escalating rhetoric as a negotiating tactic that suggested he was more interested in finding a way out of the war than following through with a devastating attack” (*devastating* – ‘разрушительный’); “The president’s violent rhetoric damages his credibility as a negotiator and his country’s standing in the world” (*violent* – ‘резкий, агрессивный’); “The United States as unhinged and dangerous, and not a reliable partner” (*dangerous* – ‘опасный’). В этих примерах прилагательные связаны не только с описанием самого конфликта, но и с оценкой политической риторики, переговорной позиции и международного восприятия США. Они помогают показать ситуацию как нестабильную, напряженную и связанную с возможными политическими последствиями. Функция эмоционального усиления проявляется тогда, когда прилагательное повышает выразительность фрагмента новости. Особенно отчетливо это видно в материалах о политической критике, статистических показателях, судебных спорах и институциональных конфликтах.

В материале Reuters о вакцинационных требованиях в Нью-Йорке функция эмоционального усиления связана с прилагательными *stiff, controversial, mandatory, grim*. В предложении “Like mask mandates and last year’s stay-at-home orders, the plan will likely meet stiff resistance” (*stiff* – ‘жесткий, сильный, упорный’) ключевым является сочетание *stiff resistance*. Прилагательное усиливает значе-

ние существительного *resistance*: речь идет не о слабом недовольстве, а о заметном сопротивлении, которое может сопровождать введение меры.

В другом фрагменте говорится: "Government vaccine passports are controversial among Americans as well, especially conservatives" (*controversial* – 'спорный, вызывающий разногласия'). Прилагательное *controversial* показывает, что вакцинационные паспорта воспринимаются не только как санитарная мера, но и как предмет политического спора.

В выражении *mandatory indoor mask orders* (*mandatory* – 'обязательный') на первый план выходит обязательный характер меры. Прилагательное *mandatory* подчеркивает, что речь идет не о рекомендации, а об обязательном требовании, тем самым усиливая восприятие меры как жесткой и потенциально конфликтной.

В предложении "The Sunshine State claimed another grim record with the highest number of pediatric COVID-19 hospitalizations" (*grim* – 'мрачный, тяжелый, тревожный'). Прилагательное *grim* переводит статистическое сообщение из нейтрального плана в тревожный и представляет рекорд как показатель ухудшения ситуации. В результате даже в сдержанной агентской подаче Reuters отдельные прилагательные помогают усилить эмоциональное восприятие новости.

В статье The New York Times о вакцинах и CDC функция эмоционального усиления проявляется через прилагательные *awkward, fraught, negative, sharp, fiery, incredible, dedicated* и *fearless*. Уже в начале материала сказано: "The awkward scene capped a particularly fraught two weeks for the president and his celebrity health secretary" (*awkward* – 'неловкий'; *fraught* – 'напряженный, сложный'). Прилагательное *awkward* представляет эпизод как политически неудобный, а *fraught* указывает на фон накопленного напряжения.

Далее используется выражение "a series of negative headlines about chaos inside the Centers for Disease Control and Prevention" (*negative* – 'негативный, отрицательный'). Это прилагательное формирует неблагоприятный информационный фон вокруг CDC. В предложении "Mr. Kennedy's sharp criticism of Covid-19 vaccines has

also been a sticking point" (*sharp* – 'резкий, острый') критика показана как жесткая и конфликтная. Прилагательное *fiery* в выражении "a fiery Senate hearing where Republicans challenged Mr. Kennedy's stance on vaccines" (*fiery* – 'бурный, эмоционально напряженный') делает акцент на напряженном характере слушаний.

На этом фоне положительно окрашенные прилагательные работают по-другому. В тексте говорится: "Mr. Trump, who declared Dr. Monarez 'an incredible mother and dedicated public servant' when he nominated her, was irritated by the situation and all the negative coverage" (*incredible* – 'замечательный, выдающийся'; *dedicated* – 'преданный, самоотверженный'). Прилагательные *incredible* и *dedicated* создают положительную характеристику участника, которая контрастирует с конфликтным фоном и негативным освещением ситуации.

В другом фрагменте Роберт Кеннеди называет Трампа fearless: "Mr. Kennedy called the president 'fearless about challenging entrenched interests'" (*fearless* – 'бесстрашный'). Прилагательное *fearless* не только характеризует личное качество, но и поддерживает образ политической решительности.

В материалах о расследованиях и правовых спорах функция эмоционального усиления связана с прилагательными *false, misleading, illegal, unlawful, extraordinary* и *unprecedented*. В материале The Washington Post о расследованиях в отношении критиков Трампа приводится фрагмент: "Two years later, a judge ruled that Trump and others had carried out a plan to use 'blatantly false financial data' to borrow money at lower rates" (*false* – 'ложный, недостоверный'). Прилагательное *false* характеризует данные как недостоверные, а в сочетании с *blatantly* усиливает оценку, представляя их как явно ложную финансовую информацию.

В другом фрагменте говорится: "In her complaint, Cook urged the U.S. District Court in Washington to issue an injunction to block the dismissal, which she characterized as 'unprecedented' and 'illegal'" (*unprecedented* – 'беспрецедентный'; *illegal* – 'незаконный'). Прилагательные *unprecedented* и *illegal* подчеркивают исключительность

и правовую проблемность ситуации, представляя увольнение не как рядовое кадровое решение, а как спорный юридический случай.

В материале также используется прилагательное *illegal* в сочетании *their duty to disobey illegal orders* (*illegal* – ‘незаконный’). Здесь *illegal* усиливает правовой характер конфликта и переводит его из сферы политического несогласия в вопрос законности приказов. Наконец, в предложении “A lawyer for Kelly wrote a letter to the Pentagon warning that any legal action against the senator ‘would be unconstitutional and an extraordinary abuse of power’” (*extraordinary* – ‘чрезвычайный, исключительный’) прилагательное *extraordinary* подчеркивает масштаб обвинения. Правовой спор представлен как ситуация, выходящая за рамки обычного институционального конфликта.

При анализе важно учитывать, кому принадлежит эмоциональная оценка. В журналистском изложении прилагательное включается в авторскую структуру новости, как в примере *misleading information* из материала The Guardian. В цитируемой речи оценка принадлежит политическому участнику, однако после включения в новостной текст также влияет на его общую тональность. Так, *unforgivable* в материале о Мандельсоне передает позицию премьер-министра, а *sick, demented, violent* в материале The New York Times о Джо Кенте принадлежат речи Дональда Трампа. В обоих случаях прилагательные участвуют в формировании восприятия события как спорного, опасного или кризисного.

Заключение

1. Проведенный анализ показал, что эмоционально окрашенные прилагательные в англоязычном политическом медиадискурсе выступают не вспомогательным, а системным средством смысловой и оценочной организации новостного текста. Через них политическое событие, решение, участник или общественная реакция получают не только признаковую, но и интерпретационную характеристику.

2. В исследованном корпусе из 50 текстов Reuters, The Guardian, The New York Times и The Washington Post были выявлены прилагательные, связанные с отрицательной и положительной оценкой, а

также с семантикой угрозы, конфликта, кризиса и нестабильности. Наиболее частотными оказались единицы отрицательной оценки, что обусловлено тематикой политических новостей, в которых преобладают конфликты, институциональные споры, правовые разногласия, миграционные вопросы и кризисные ситуации.

3. Установлено, что эмоциональная окрашенность прилагательного определяется не только его словарным значением, но и ближайшим контекстом употребления. На интерпретацию влияют определяемое существительное, позиция прилагательного в тексте, жанровая функция фрагмента и источник оценки. Это позволяет одной и той же единице в разных контекстах менять свою оценочную и функциональную нагрузку.

4. Анализ материала показал, что эмоционально окрашенные прилагательные выполняют в политическом новостном тексте оценочную, акцентирующую, интерпретационную функции и функцию эмоционального усиления. Оценочная функция выражает положительное или отрицательное отношение к событию или участнику. Акцентирующая функция выделяет наиболее значимый признак ситуации. Интерпретационная функция задает общий смысловой ракурс новости. Функция эмоционального усиления повышает выразительность текста и усиливает восприятие отдельных его фрагментов.

5. Разграничение прилагательных журналистского изложения и цитируемой речи показало, что источник оценки влияет на характер ее текстовой реализации, но не отменяет ее участия в формировании общей тональности материала. Независимо от того, принадлежит ли прилагательное авторскому изложению или высказыванию политического участника, оно включается в структуру новостного текста и влияет на восприятие события как спорного, опасного, кризисного, поддерживаемого или социально значимого.

Список литературы

1. Берестнев, Г. И., & Васильева, И. Б. (2016). Эмотивные интенсификаторы английского и русского языков: от типологии номинаций к когнитивным установкам. *Вестник Челябинского государственного университета*, *1*(383), 21–32. EDN: https://elibrary.ru/VLZCLJ

2. Володина, А. А. (2023). Эмотивная лексика как способ формирования смысла в развлекательном дискурсе. В Л. Г. Викулова (ред.), *Научный Старт-2023. Часть 2. Лингвистика. Литературоведение* (с. 26–31). Москва: Языки народов мира.
3. Гавриш, А. Д. (2020). Медиалингвистические особенности российских и американских предвыборных президентских дебатов. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, (3), 82–91. https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-3-82-91 EDN: https://elibrary.ru/NOEOZD
4. Гладко, М. А. (2022). Лингвистическая репрезентация «новой искренности» и чувствительности в медиапространстве. *Terra Linguistica*, *13*(4), 7–21. https://doi.org/10.18721/JHSS.13401 EDN: https://elibrary.ru/FJLYHA
5. Гуйпин, Ф. (2023). Прагматическая функция политических эвфемизмов в современном медийном дискурсе (на материале публикаций ведущих китайских газет). *Политическая лингвистика*, *5*(101), 210–217. https://politlinguistika.ru/images/5-2023/_2023_5_101-210-217.pdf
6. Добросклонская, Т. Г. (2020). *Медиалингвистика: теория, методы, направления* (178 с.). Москва: КДУ, Добросвет.
7. Желтухина, М. Р., & Гавриш, А. Д. (2018). Эмоциогенность современных медиатекстов. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, *4*(32), 120–125. https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-4(32)-120-125 EDN: https://elibrary.ru/YRILYT
8. Заппеттини, Ф., Понтон, Д. М., & Ларина, Т. В. (2021). Эмоционализация современного медиадискурса: исследовательская повестка дня. *Russian Journal of Linguistics*, *25*(3), 586–610. https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610 EDN: https://elibrary.ru/NYDDJB
9. Иссерс, О. С. (2020). Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*, *19*(6), 216–227. https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227 EDN: https://elibrary.ru/CSZZSS
10. Казанцева, Е. А. (2020). Категориальные эмоциональные ситуации в русском и англоязычном академических дискурсах. *Мир науки, культуры, образования*, *1*(80), 435. https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00174 EDN: https://elibrary.ru/URNBTM
11. Лучинский, Ю. В., Лучинская, Е. Н., & Бешукова, Ф. Б. (2021). *Коммуникативные практики постмодернистских текстов: литературно-медийный дискурс* (158 с.). Краснодар: Кубанский государственный университет. EDN: https://elibrary.ru/YPCJOK
12. Телия, В. Н., Графова, Т. А., Шахнарович, А. М., & др. (1991). *Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности* (под ред. В. Н. Телия; 214 с.). Москва: Наука. EDN: https://elibrary.ru/YOJRGJ

13. Фурсов, К. К. (2024). Влияние политического медиадискурса вражды на освещение Специальной военной операции. *Дискурс-Пи*, *21*(2), 171–187. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_171 EDN: https://elibrary.ru/QYRATY
14. Шпильная, Н. Н. (2021). Диагностическая модальность как триггер эмотивности в виртуальном обыденном медиадискурсе (на материале интернет-комментариев к медиа-событиям). *Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты*, *2*(46), 112–121. https://doi.org/10.31249/chel/2021.02.07 EDN: https://elibrary.ru/TTNVYO
15. Bednarek, M. (2006). *Evaluation in media discourse: Analysis of a newspaper corpus* (253 p.). London, New York: Continuum.
16. Cruse, D. A. (1986). *Lexical semantics* (310 p.). Cambridge, New York: Cambridge University Press.
17. Hunston, S., & Thompson, G. (Eds.). (2001). *Evaluation in text: Authorial stance and the construction of discourse* (225 p.). New York: Oxford University Press.
18. Leech, G. (1974). *Semantics* (386 p.). Harmondsworth: Penguin Books.
19. Lyons, J. (1977). *Semantics* (Vols. 1–2). Cambridge: Cambridge University Press.
20. Martin, J. R., & White, P. R. R. (2005). *The language of evaluation: Appraisal in English* (278 p.). New York: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230511910

Список источников фактического материала

1. The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/
2. Reuters. URL: https://www.reuters.com/
3. The New York Times. URL: https://www.nytimes.com/
4. The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/

References

1. Berestnev, G. I., & Vasilyeva, I. B. (2016). Emotive intensifiers in English and Russian: From typology of nominations to cognitive attitudes. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, *1*(383), 21–32. EDN: https://elibrary.ru/VLZCLJ
2. Volodina, A. A. (2023). Emotive vocabulary as a way of meaning formation in entertainment discourse. In L. G. Vikulova (Ed.), *Scientific Start-2023. Part 2. Linguistics. Literary Studies* (pp. 26–31). Moscow: Yazyki narodov mira.
3. Gavrish, A. D. (2020). Medialinguistic features of Russian and American pre-election presidential debates. *Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics*, (3), 82–91. https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-3-82-91 EDN: https://elibrary.ru/NOEOZD
4. Gladko, M. A. (2022). Linguistic representation of the “new sincerity” and sensitivity in the media space. *Terra Linguistica*, *13*(4), 7–21. https://doi.org/10.18721/JHSS.13401 EDN: https://elibrary.ru/FJLYHA

5. Guipin, F. (2023). The pragmatic function of political euphemisms in modern media discourse (based on publications of leading Chinese newspapers). *Political Linguistics*, *5*(101), 210–217. https://politlinguistika.ru/images/5-2023/_2023_5_101-210-217.pdf
6. Dobrosklonskaya, T. G. (2020). *Medialinguistics: Theory, methods, directions* (178 p.). Moscow: KDU, Dobrosvet.
7. Zheltukhina, M. R., & Gavrish, A. D. (2018). Emotiogenity of modern media texts. *Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics*, *4*(32), 120–125. https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-4(32)-120-125 EDN: https://elibrary.ru/YRILYT
8. Zappettini, F., Ponton, D. M., & Larina, T. V. (2021). Emotionalization of modern media discourse: A research agenda. *Russian Journal of Linguistics*, *25*(3), 586–610. https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610 EDN: https://elibrary.ru/NYDDJB
9. Issers, O. S. (2020). Facets of the "new sincerity" in modern political communication. *NSU Bulletin. Series: History and Philology*, *19*(6), 216–227. https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227 EDN: https://elibrary.ru/CSZZSS
10. Kazantseva, E. A. (2020). Categorical emotional situations in Russian and English-language academic discourses. *World of Science, Culture, Education*, *1*(80), 435. https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00174 EDN: https://elibrary.ru/URNBTM
11. Luchinsky, Yu. V., Luchinskaya, E. N., & Beshukova, F. B. (2021). *Communicative practices of postmodernist texts: Literary and media discourse* (158 p.). Krasnodar: Kuban State University. EDN: https://elibrary.ru/YPCJOK
12. Teliya, V. N., Grafova, T. A., Shakhnarovich, A. M., et al. (1991). *The human factor in language: Linguistic mechanisms of expressiveness* (V. N. Teliya, Ed.; 214 p.). Moscow: Nauka. EDN: https://elibrary.ru/YOJRGJ
13. Fursov, K. K. (2024). The influence of hostile political media discourse on the coverage of the Special Military Operation. *Discourse-P*, *21*(2), 171–187. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_171 EDN: https://elibrary.ru/QYRATY
14. Shpilnaya, N. N. (2021). Diagnostic modality as a trigger of emotivity in virtual everyday media discourse (based on internet comments on media events). *Human: Image and Essence. Humanitarian Aspects*, *2*(46), 112–121. https://doi.org/10.31249/chel/2021.02.07 EDN: https://elibrary.ru/TTNVYO
15. Bednarek, M. (2006). *Evaluation in media discourse: Analysis of a newspaper corpus* (253 p.). London, New York: Continuum.
16. Cruse, D. A. (1986). *Lexical semantics* (310 p.). Cambridge, New York: Cambridge University Press.
17. Hunston, S., & Thompson, G. (Eds.). (2001). *Evaluation in text: Authorial stance and the construction of discourse* (225 p.). New York: Oxford University Press.
18. Leech, G. (1974). *Semantics* (386 p.). Harmondsworth: Penguin Books.

19. Lyons, J. (1977). *Semantics* (Vols. 1–2). Cambridge: Cambridge University Press.
20. Martin, J. R., & White, P. R. R. (2005). *The language of evaluation: Appraisal in English* (278 p.). New York: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230511910

List of sources of factual material

1. The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/
2. Reuters. URL: https://www.reuters.com/
3. The New York Times. URL: https://www.nytimes.com/
4. The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Овезов Байрамгелди Гелдымырадович, аспирант, ассистент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308005, Российская Федерация
bayramgeldiovezov@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Bayramgeldi G. Ovezov, PhD Student, Assistant Lecturer of the Department of English Philology and Intercultural Communication
Belgorod National Research University
85, Pobeda Str., Belgorod, 308005, Russian Federation
bayramgeldiovezov@gmail.com
SPIN-code: 3007-6475
ORCID: https://orcid.org/0009-0008-2853-6276

Поступила 06.05.2026
После рецензирования 10.06.2026
Принята 13.06.2026

Received 06.05.2026
Revised 10.06.2026
Accepted 13.06.2026

Лингвистические модели и теория языка / Linguistic Models and Language Theory

Научная статья Original article
DOI: 10.12731/3033-5981-2026-18-3-573 **EDN:** QARFWL
УДК 811.161.1'373.613:811.111'373.613

Семантическая адаптация англицизмов в новостных текстах: сопоставительный анализ естественного и ИИ-генерированного текста (на материале русского и английского языков)

З.Х. Фазлыева[1], К.Р. Вагнер[2]
[1]Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирясова, Казань, Российская Федерация
[2]Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Активное проникновение англицизмов в современные языки и массовое внедрение искусственного интеллекта в медиапроизводство создают новую лингвистическую реальность, требующую системного осмысления процессов семантической адаптации заимствований в текстах разного происхождения. Авторы доказывают, что сопоставительный анализ употребления англицизмов в естественных и ИИ-сгенерированных новостных текстах позволяет выявить не только количественные, но и качественные различия в семантической адаптации, обусловленные различиями в механизмах порождения текста человеком и нейросетью.

Цель – выявить закономерности семантической адаптации англицизмов в естественных и ИИ-сгенерированных новостных текстах на материале русского и английского языков.

Материалы и методы. Основной метод исследования – сопоставительный семантический анализ. Количественные показатели использовались как элемент описания динамики изменений в употреблении англицизмов. Исследование базируется на корпусе из 40 новостных текстов экономической тематики (20 естественных и 20 ИИ-сгенерированных), отобранных из авторитетных источников (ТАСС, Финмаркет, Ведомости, BBC, Reuters) и сгенерированных нейросетью ChatGPT-4 по единым критериям тематического соответствия, стиля и объёма. Применялись методы компонентного, контекстуального и количественного анализа.

Результаты. В ходе исследования выявлены четыре типа семантической адаптации англицизмов: сужение значения, семантическая калька, расширение значения и клишированность. Установлено, что в ИИ-текстах частота употребления англицизмов в среднем в 2,1 раза выше, чем в естественных текстах, а также наблюдается более высокая степень клишированности и семантического калькирования. Выявленные различия интерпретируются как следствие межъязыкового переноса англоязычных семантических моделей и ограниченного набора статистически закреплённых паттернов, используемых нейросетями при генерации текстов. Наиболее частотным типом адаптации является семантическая калька, что свидетельствует о прямом копировании нейросетью англоязычных смысловых моделей при генерации русскоязычных текстов. Представленные данные показывают, что семантическая адаптация англицизмов в ИИ-текстах носит системный характер и по ряду параметров расходится с естественным текстом.

Ключевые слова: англицизмы; семантическая адаптация; сопоставительный анализ; новостной текст; искусственный интеллект; ИИ-сгенерированные тексты; экономическая лексика

Для цитирования. Фазлыева, З. Х., & Вагнер, К. Р. (2026). Семантическая адаптация англицизмов в новостных текстах: сопоставительный анализ естественного и ИИ-генерированного текста (на материале русского и английского языков). *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, *18*(3), 213-232. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-573

Semantic adaptation of anglicisms in news texts: a comparative analysis of natural and AI-generated discourse (based on Russian and English)

Z.Kh. Fazlyeva[1], K.R. Vagner[2]
[1]Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, Russian Federation
[2]Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Abstract

Background. The active spread of anglicisms in modern languages, combined with the growing use of artificial intelligence in media production, gives rise to a new linguistic reality that calls for a systematic examination of how borrowed words undergo semantic adaptation in texts of different origins. We argue that a comparative analysis of anglicisms in natural and AI-generated news texts can reveal not only quantitative but also qualitative differences in semantic adaptation, which stem from the divergent mechanisms of text generation employed by humans and neural networks.

Purpose – this study aims to identify patterns of semantic adaptation of anglicisms in natural and AI-generated news texts, drawing on Russian and English material.

Materials and methods. The primary method is comparative semantic analysis, supplemented by quantitative indicators used to track the dynamics of anglicism usage. The study draws on a corpus of 40 economic news texts (20 natural, 20 AI-generated). The natural texts were selected from reputable sources (TASS, Finmarket, Vedomosti, BBC, Reuters), while the AI-generated texts were produced using the ChatGPT-4 model, with all texts matched for thematic relevance, style, and length. We employed componential, contextual, and quantitative analysis.

Results. Four types of semantic adaptation were identified: narrowing of meaning, semantic calquing, expansion of meaning, and formulaic use (cliché-dominated patterns). The frequency of anglicisms in AI-generated texts is, on average, 2.1 times higher than in natural texts; moreover, AI-generated texts exhibit a higher degree of clichédness and semantic calquing. These differences are interpreted as resulting from cross-linguistic transfer of English semantic models and from the reliance of neural networks on a limited set of statistically entrenched patterns during text generation. Semantic calquing proved to be the most frequent type of adaptation, suggesting that the neural network directly replicates English semantic models when generating Russian-language texts. Overall, the data indicate that semantic adaptation of anglicisms in AI-generated texts is systemic and deviates from natural discourse across several parameters.

Keywords: anglicisms; semantic adaptation; comparative analysis; news text; artificial intelligence; AI-generated texts; economic vocabulary

For citation. Fazlyeva, Z. Kh., & Vagner, K. R. (2026). Semantic adaptation of anglicisms in news texts: A comparative analysis of natural and AI-generated discourse (based on Russian and English). *Russian Social and Humanitarian Studies*, *18*(3), 213-232. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-573

Введение

Развитие искусственного интеллекта сформировало новую ситуацию, при которой возникают машинно созданные тексты, почти не отличимые от текстов, написанных человеком [13, с. 235]. Поскольку нейросети уже умеют конструировать высказывания, внешне очень близкие к естественной речи [11, с. 5], особую актуальность приобретает изучение семантической адаптации англицизмов, то есть одного из наиболее динамичных и наиболее восприимчивых к внешнему воздействию слоев современной лексики. При этом следует подчеркнуть, что семантическая адаптация заимствований не сводится к простому переносу значений из языка-источника в

язык-реципиент. Это сложный и многоуровневый процесс, в ходе которого исходные значения способны сужаться, расширяться, смещаться или переосмысливаться под воздействием контекста и культурной среды.

Обращение к этой теме продиктовано целым рядом взаимосвязанных причин, каждая из которых существенно отражается на современной языковой ситуации. Прежде всего, англицизмы все активнее проникают в русский язык и в другие языковые системы, что, как указывает Л.П. Крысин, во многом связано с «открытой (иногда чрезмерной) ориентацией на Запад» [7]. Это явление затронуло практически все функциональные стили, однако наиболее интенсивно оно проявляется в медиасфере, где новостные тексты становятся своеобразной площадкой для апробации и закрепления новых лексических единиц. Одновременно в естественном, человеческом тексте англицизмы приспосабливаются под влиянием не только собственно языковых, но и внеязыковых обстоятельств, включая социокультурные, прагматические и психологические факторы. В текстах, которые создаются ИИ, этот процесс протекает иначе и осуществляется через иные механизмы.

В отличие от человеческой речи, результаты работы нейросетей не опираются на внутреннее чувство языка, знание культурного контекста и понимание ситуации общения. Их функционирование опирается на статистические соотношения, выделенные из обучающих корпусов, и именно это, как отмечают А.В. Осетрова и А.В. Седова, определяет базовый предел машинной генерации: нейросеть может работать лишь с тем объектом, чьи признаки явно представлены, тогда как скрытые смысловые и прагматические отношения для неё остаются недоступными [9, с. 45]. Из этого вытекают специфические способы употребления заимствований в ИИ текстах, не совпадающие с языковой практикой человека, а вместе с тем формируется новое исследовательское поле на стыке корпусной лингвистики, теории заимствований и цифровой гуманитаристики.

Данная тема актуальна еще и потому, что на сегодняшний день наблюдается почти полное отсутствие сегодня комплексных ис-

следований, в которых семантическая адаптация заимствований в текстах, созданных ИИ, и в текстах, написанных человеком, рассматривалась бы в сопоставлении, причём сразу на двух языках, русском и английском. Имеющиеся работы в основном либо описывают общие закономерности функционирования англицизмов в медиатекстах [5; 1], либо анализируют языковые особенности ИИ генерации изолированно, без контрастивного сравнения [11; 13; 12]. Данное исследование призвано восполнить этот пробел за счёт системного сопоставления семантического поведения англицизмов в двух типах текста на двух языках.

Выбор новостных текстов в качестве материала также мотивирован неслучайно. Именно в этой сфере языковые новации, в том числе заимствования, закрепляются особенно быстро и затем начинают восприниматься как норма.

Цель настоящей работы состоит в выявлении закономерностей семантической адаптации англицизмов в новостных текстах на естественном языке и в текстах, созданных ИИ, на материале русского и английского языков. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

1) сформировать сопоставимый корпус естественных и ИИ-генерированных новостных текстов на русском и английском языках;
2) выявить и классифицировать англицизмы в каждом из корпусов;
3) определить количественные и качественные различия в употреблении заимствований;
4) описать типы семантической адаптации, характерные для каждого вида текста;
5) интерпретировать обнаруженные закономерности с точки зрения различий между механизмами порождения текста человеком и нейросетью.

Результаты исследования могут оказаться полезными не только для уточнения теоретических представлений о механизмах семантической адаптации, но и для разработки прикладных методов вы-

явления ИИ сгенерированных текстов по их лексико семантическим признакам, что особенно значимо в условиях широкого использования нейросетей в журналистской практике.

Теоретические основания

Ю.М. Алюнина подчеркивает, что рост заимствований из английского языка приводит не только к пополнению словаря новыми единицами, но и к тому, что у уже освоенных англицизмов закрепляются новые значения [1, с. 79]. Она отмечает, что в русскоязычном интернет-тексте «обнаружились значения, не включенные в лексикографическое описание ранее освоенных англицизмов» [1, с. 83]. В ходе изучения 280 блоговых записей, отобранных из шести блогов за 2014-2018 гг., исследовательница выявила 303 англицизма. Их общее количество употреблений составило 4 951 единицу, то есть 3 % от всего корпуса [1, с.84]. Из этого перечня 196 слов, встретившихся 4 219 раз, непосредственно относятся к теме моды. Автор также указывает, что английский язык в наши дни является самым продуктивным источником заимствований, а заметный рост числа англицизмов в русском языке прослеживается с начала 50-х годов XX в. [1].

Р.Е. Тельпов и С.В. Ларцина исследовали 160 текстов, из которых 80 были естественными, а 80 сгенерированы ChatGPT на четыре темы. Они пришли к выводу, что нейросети чаще дублируют заголовочную лексику в теле текста, тогда как человеческие тексты отличаются большим лексическим разнообразием по всем исследованным темам, а коэффициент лексического разнообразия в выборке естественных текстов по всем четырем темам во всех случаях заметно выше, чем в сгенерированных [11, с. 11, 13]. Кроме того, авторы установили, что в 9 из 10 случаев относительная частота ключевых слов в ИИ текстах более чем в два раза превышает их частотность в естественных текстах [11, с. 13].

Е.А. Юрова, анализируя специальный выпуск газеты РБК, который был заявлен как частично созданный с помощью нейросетей GigaChat и Kandinsky, выделяет ряд лингвопрагматических при-

знаков генерации. В ходе анализа были зафиксированы следующие типы нарушений (в скобках указано число примеров каждого типа): пунктуационные – 10, морфологические – 7, синтаксические – 7, лексические – 8, лексический повтор – 13, орфографические –7, графические – 8, логические – 7, фактические – 11, клише – 71 [13, с. 241]. По словам автора, самую крупную группу образуют типичные повторяющиеся слова, которые в зарубежных источниках обозначаются как buzzwords, AI words, redundant vocabulary, и их насчитывается 71 [13, с. 242]. Среди выявленных клише наиболее часто встречаются «решение» - 23 маркера, «задача» -19, «кроме того» 7, «эффективный» 4, «ключевой» 4 и «в первую очередь» 4 [13, с. 242].

В.В. Цехановский и И.Р. Мусин, применив статистический инструментарий, установили, что тексты, созданные искусственным интеллектом, заметно отличаются от человеческих по закону Ципфа [12, с. 3]. По их данным, среднее значение Ципфа в сгенерированных материалах составляет 1,09-1,13 для ChatGPT и 1,51-1,59 для GigaChat, тогда как в текстах, созданных людьми, этот показатель удерживается в пределах 1,24-1,33 [12, с. 3]. Следовательно, нейросетевые модели по разному распределяют частотность лексических единиц, включая англицизмы, и это может влиять на их семантическую адаптацию.

Анализ N-грамм показал, что в материалах, созданных ИИ, преобладают речевые штампы, тогда как в человеческих текстах чаще встречаются обороты, характерные именно для научного стиля. Если говорить о биграммах в сгенерированных текстах, то наиболее частотными оказываются «а также» 7835, «одним из» 6233, «кроме того» 4242, «роль в» 3946, «может быть» 3638. В пределах триграмм лидируют «важную роль в» 2495, «может привести к» 2033, «является одним из» 1768, «включает в себя» 1757, «одним из ключевых» 1313 [12, с. 4]. Для текстов, написанных человеком, характерна иная частотная картина: здесь чаще всего фиксируются «данной работе» 156, «представляет собой» 155, «при помощи» 153, «в случае» 151, «в ходе» 151 [9, с. 45].

А.В. Осетрова и А.В. Седова отмечают, что нейросеть может оперировать только тем объектом, чьи признаки представлены явно,

тогда как скрытые связи для неё остаются недоступными [9, с. 45]. В контексте семантической адаптации англицизмов в ИИ текстах это особенно важно. Нейросеть опирается на поверхностные и статистически закреплённые смысловые связи, поэтому значения заимствованных слов способны изменяться.

Материал и методы исследования

В качестве эмпирической основы были использованы 40 новостных текстов экономической направленности. 20 материалов естественного происхождения мы отнесли к контрольной группе, а ещё 20 текстов, сгенерированных ИИ, включили в экспериментальную группу. Отбор естественных публикаций осуществлялся методом сплошной выборки по критерию тематической релевантности. Источниками стали как российские, так и зарубежные СМИ, в том числе ТАСС, Финмаркет, Ведомости, BBC News, Reuters и Xinhua. При формировании корпуса учитывались четыре условия: принадлежность к экономическому тексту, нейтральный информационный стиль, объём от 150 до 200 слов и присутствие не менее двух англицизмов в каждом материале, что обеспечивало репрезентативность выборки. Общий объём массива естественных текстов составил около 3 400 словоупотреблений.

Корпус ИИ был создан с использованием нейросети ChatGPT-4. Тексты разрабатывались по 10 темам, совпадающим с проблематикой естественных публикаций. В их число вошли инфляция, малый бизнес, санкции, онлайн-торговля, рынок труда, ключевая ставка, импортозамещение, инвестиционный климат, банковский сектор и цифровизация экономики. По каждой теме готовили по два материала, один на русском языке и один на английском. В итоге корпус ИИ текстов составил примерно 3 600 словоупотреблений.

Критерием включения лексической единицы в число англицизмов выступали положения, сформулированные на основе работ Ю.М. Алюниной (2019) и А.А. Волковой, Е.А. Смирновой (2024). В их число входят фонетическая или графическая близость к английскому прототипу, наличие заимствованного значения, отсутствую-

щего в словарях русского языка, а также активное употребление в медийном дискурсе.

Результаты исследования

Анализ русскоязычных текстов, созданных ИИ, даёт возможность выделить четыре типа семантических изменений.

Один из типов сужения семантики связан с употреблением англицизма digital (и его русскоязычных соответствий – «диджитал» или «цифровой»). Волкова и Смирнова установили, что в корпусе русскоязычных ИИ-текстов эта лексема почти всегда интерпретируется в узком профессиональном смысле – исключительно как относящаяся к цифровому маркетингу, тогда как в естественных текстах её значение значительно шире.[3, с. 29]. Подобное наблюдается и в отношении других заимствований. Автоматически созданный текст обычно использует такие единицы в наиболее частотных и типичных значениях, а периферийные смысловые оттенки почти не задействует. Например, в ИИ-текстах слово «онлайн» в 58% случаев употребляется исключительно в коллокации «онлайн-платформа», тогда как в естественных текстах его семантика заметно шире и охватывает такие сочетания, как «онлайн-образование», «онлайн-коммуникация» и «онлайн-присутствие». Примечательно, что подобное сужение не является тематически детерминированным (т.е. не связано с экономической направленностью выборки), поскольку данная лексема активно функционирует и в других контекстах – например, в ИТ-тематике. Это наблюдение согласуется с выводом Е.А. Юровой о том, что в сгенерированных материалах относительная частота ключевых слов стабильно выше, чем в корпусе текстов, написанных человеком [13, с. 243].

Второй тип можно описать как семантическую кальку. В ИИ текстах на русском языке зафиксированы случаи, когда англоязычные смысловые модели переносятся практически напрямую. В текстах, созданных машиной, эта черта становится ещё более заметной. Так, слово «решение» в значении «продукт/услуга», которое калькирует англ. solution, встречается в ИИ текстах в 84% случаев, тогда как в

контрольном корпусе только в 12%; там чаще употребляются общеупотребительные лексемы широкой семантики, такие как «продукт», «система», «платформа». Аналогичная ситуация наблюдается со словом «платформа», которое в значении «онлайн сервис» воспроизводит англ. platform и активно используется в ИИ текстах, тогда как в естественных текстах за ним сохраняется более привычное значение «основа, база».

Третий тип проявляется в расширении значения. В русскоязычных ИИ-текстах англицизм «дефицит» используется не только в классических экономических контекстах, но и в непривычных для него семантических сферах, например, в сочетаниях «дефицит доверия», «дефицит смыслов» или «дефицит времени», где в естественной речи чаще употребляются синонимы (недостаток, нехватка, отсутствие). В НКРЯ подобные сочетания встречаются единично, тогда как в нейросетевых текстах они фиксируются регулярно, что свидетельствует о шаблонном переносе термина в абстрактные контексты. При этом в английском языке deficit в основном сохраняет финансовую окраску. Похожим образом слово «стартап» в ИИ текстах обозначает не только новую компанию, но и служит маркером инновационности, что видно в сочетаниях «технологический стартап» и «образовательный стартап». В контрольном корпусе доминирует техническое значение, на которое приходится 89% употреблений. Следовательно, нейросети обобщают смысл и используют англицизмы как обозначения более широкого понятийного поля.

Четвёртый тип определяется клишированностью. В ИИ текстах англицизмы, как правило, входят в ограниченный набор устойчивых сочетаний. В нашем корпусе к наиболее частотным клише относятся «развитие бизнеса» 6 раз, «инвестиционный климат» 4 раза, «цифровая экономика» 3 раза и «рынок труда» 5 раз. В контрольном корпусе набор сочетаемости значительно разнообразнее: так, для слова «бизнес» зафиксировано 9 различных коллокаций (против 2 в ИИ-корпусе), для «рынок» – 11 против 3, для «экономика» – 8 против 2. Например, в человеческих текстах встречаются «сектор экономики», «экономический цикл», «эконо-

мическая активность», «регулирование экономики», тогда как нейросеть практически ограничивается сочетанием «цифровая экономика» и «экономика страны».

Сопоставительный анализ естественных и ИИ-текстов

В ходе анализа 20 русскоязычных текстов, половина которых была создана ИИ, а вторая половина представляла собой естественные материалы, было выявлено следующее распределение англицизмов (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

Сопоставительный анализ частотности англицизмов

Table 1. Comparative analysis of the frequency of Anglicisms

Англицизм	ИИ-тексты	Естественные тексты
бизнес / business	9	4
инвестиции / investments	5	2
инфляция / inflation	7	4
кредит / credit	4	2
стартап / startup	3	0
маркетинг / marketing	2	1
бренд / brand	1	1
бюджет / budget	3	2
рейтинг / rating	2	1
дефицит / deficit	2	1
импорт / import	3	2
экспорт / export	2	1
Итого	46	23

Источники [1; 3, с. 28–31; 14–23; 24–33].

Средние значения показывают, что в ИИ текстах англицизмы употреблялись 4,7 раза на одну статью, тогда как в естественных текстах этот показатель составил 2,2. Иными словами, в материалах, сгенерированных ИИ, подобная лексика фиксируется в 2,1 раза чаще.

К числу общих закономерностей относится то, что наиболее частотные заимствования в обоих языках связаны с экономикой и финансами. Речь идет о таких единицах, как бизнес/business, инвестиции/investments, инфляция/inflation, кредит/credit, рынок/market.

В русских и английских текстах англицизмы широко используются в официально деловой и публицистической сферах, благодаря чему они естественно включаются в новостной текст [5, с. 561]. Помимо этого, и в русском, и в английском материале такие единицы часто функционируют в составе устойчивых сочетаний. Наконец, для нейросетевых текстов в обоих рассмотренных языках характерно употребление англицизмов в узкотехническом значении и их высокая клишированность. Это позволяет говорить о наличии сходных тенденций в русском и английском языках.

В русскоязычных текстах, созданных ИИ, заимствованная лексика появляется значительно чаще. Ее доля оказывается выше, чем в англоязычных материалах, в 2,1 раза. Такое различие, по-видимому, связано с тем, что для русского языка подобные слова нередко воспринимаются как маркер современного и актуального изложения. В английской языковой среде они не выделяются и не кажутся чем-то необычным.

В русских материалах намного чаще встречается буквальное перенесение англоязычных моделей. В качестве примеров можно привести выражение «льготное кредитование» (калька с англ. preferential lending), а также оборот «зонтичные поручительства» (калька с англ. umbrella guarantees). Это демонстрирует, насколько заметно английский язык воздействует на русский экономический текст.

Еще одна характерная особенность связана с морфологической адаптацией. Русский текст легко встраивает англицизмы в собственную грамматическую систему, из-за чего возникают формы вроде «стартапы», «инвестициями», «бизнесу». Тем самым подтверждается их глубокое освоение языком.

Обращает на себя внимание и тот факт, что некоторые англицизмы в русских текстах не находят соответствия в английских материалах аналогичной тематики. Например, вместо «стартап» в английских текстах фигурирует new company или enterprise; «зонтичный» в значении umbrella в экономическом контексте в английском не употребляется; а «льготный» передаётся через preferential

или concessional. По сути, эти случаи демонстрируют два ключевых процесса: калькирование (как в примере с «льготным кредитованием») и семантическое расширение (когда слово «зонтичный» приобретает в русском языке новые оттенки значения – не только экономические, но и, например, управленческие и ИТ-контексты, что также отражает влияние английского umbrella в различных сферах). Насколько системны эти процессы и как они соотносятся с другими типами адаптации, показывает Таблица 2.

Таблица 2.

Сопоставительная характеристика типов семантической адаптации

Table 2. Comparative characteristics of types of semantic adaptation

Тип адаптации	**ИИ-тексты (рус.)**	**Естественные тексты (рус.)**	**ИИ-тексты (англ.)**	**Естественные тексты (англ.)**
Сужение значения	73%	36%	78%	42%
Семантическая калька	84%	12%	Не применимо	Не применимо
Расширение значения	62%	11%	58%	15%
Клишированность	82%	42%	76%	38%

Данные Таблицы 2 дают возможность выявить ряд стабильных закономерностей. В первую очередь бросается в глаза, что в русскоязычных текстах, сгенерированных ИИ, значение сужается в 73% случаев, а в естественных текстах этот показатель равен только 36%, то есть почти вдвое ниже. Это особенно отчетливо заметно на примере англицизма «онлайн»: в корпусе ИИ он в 58% случаев используется в составе «онлайн-платформа», тогда как в естественных текстах его употребление связано с гораздо более разнообразными возможностями сочетаемости этого компонента в текстах на естественном языке). Кроме того, в русских ИИ текстах доля семантической кальки достигает 84%, тогда как в естественных она составляет 12%, что свидетельствует о прямом копировании англоязычных моделей. Наконец, между корпусами заметны существенные различия и по таким показателям, как расширение значения и клишированность. Таким образом, представленные дан-

ные показывают, что семантическая адаптация англицизмов в ИИ текстах носит системный характер и по ряду параметров расходится с естественным текстом.

Выводы

В текстах новостного типа, которые были сгенерированы ИИ, англицизмы фиксируются в 2,1 раза чаще, чем в материалах, написанных естественным образом. Этот показатель свидетельствует о том, что нейросетям свойственна чрезмерная насыщенность терминологией.

Для ИИ текстов удалось выделить четыре типа семантической адаптации англицизмов. Речь идет о сужении значения, семантической кальке, расширении значения и клишированности. Наиболее распространенной оказывается семантическая калька.

Сопоставление свидетельствует о том, что в исследованном материале семантическая калька в русском языке выражена существенно сильнее, чем в английском. Данное различие объясняется асимметрией языкового влияния: русский заимствует кальки из английского, тогда как английский сам служит источником. Нейросетевые модели, обучение которых в основном строится на англоязычных корпусах, переносят такие семантические схемы в русский язык, вследствие чего у заимствований появляются значения, нетипичные для русской языковой системы.

ИИ тексты отличаются и повышенной клишированностью. Нейросети чаще выбирают ограниченный набор устойчивых сочетаний с англицизмами, к примеру «развитие бизнеса» и «инвестиционный климат», тогда как в естественных текстах сочетаемость значительно более широкая и разнообразная.

Таким образом, проведённое исследование позволяет утверждать, что семантическая адаптация англицизмов в ИИ-текстах носит системный характер. Она проявляется в повышенной частотности заимствований, доминировании семантической кальки и клишированности, а также в более узком спектре значений по сравнению с естественными текстами. Выявленные различия об-

условлены взаимодействием двух факторов. С одной стороны, на это влияют языковые факторы: в русском все заметнее закрепляются английские модели, чему дополнительно способствует внешнее давление английского как языка-донора. С другой стороны, нужно учесть алгоритмический аспект: нейросети, которые проходят обучение на крупных текстовых корпусах, воспроизводят и фиксируют наиболее частотные, статистически прочные сочетания. Из-за этого усиливаются те смысловые сдвиги и клише, которые в обычной человеческой речи проявляются намного более вариативно. Следовательно, ИИ стоит понимать не как источник новых значений, а как инструмент, который делает уже существующие языковые тенденции более сильными и переводит их в системную схему.

Список литературы

1. Алюнина, Ю. М. (2019). Блог как источник новейших англицизмов: на материале текстов интернет-дискурса моды. *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, *17*(4), 78–91. https://doi.org/10.25205/1818-7935-2019-17-4-78-91. EDN: https://elibrary.ru/PALPNW.
2. Болдина, К. А. (2024). Риски автоматизации новостной журналистики на основе ИИ. *Modern Humanities Success*, (3), 7–14. https://doi.org/10.58224/2618-7175-2024-3-7-14. EDN: https://elibrary.ru/TSTNUC.
3. Волкова, А. А., & Смирнова, Е. А. (2024). Языковые особенности в медийных текстах: англицизмы в журнале «Vogue». В *Актуальные проблемы современной лингвистики* (сс. 28–31). EDN: https://elibrary.ru/SXVVAH.
4. Волкова, Я. А., & Панченко, Н. Н. (2021). Новостной текст: жанровое перевоплощение. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*, *20*(2), 121–132. https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.11. EDN: https://elibrary.ru/IOQXKV.
5. Изюмская, С. С. (2014). Англицизмы в современном российском газетном тексте и коммуникативные тактики автора. *Гуманитарные и социальные науки*, (2), 559–561. EDN: https://elibrary.ru/QLENCP.
6. Каминченко, Д. И., & Петухов, А. Ю. (2025). Распознавание сгенерированного ИИ политического контента: роль субъективных установок. *Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика*, *30*(4), 902–915. https://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-902-915. EDN: https://elibrary.ru/TZNFZM.
7. Крысин, Л. П. (2002). О русском языке наших дней. В *Изменяющийся языковой мир*. http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm.

8. Напреенко, Г. В., & Ковалева, П. К. (2025). Сгенерированный текст в новостном дискурсе: особенности восприятия носителями языка. *Гуманитарные науки и образование*, *16*(1), 152–156. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_01_152. EDN: https://elibrary.ru/WDWLMV.
9. Осетрова, А. В., & Седова, А. В. (2025). Характеристики сгенерированного текста: языковой и социально-коммуникативный анализ. *Сибирский филологический форум*, (2), 45–55. https://doi.org/10.24412/2587-7844-2025-2-45-55. EDN: https://elibrary.ru/WYGEFZ.
10. Стеценко, Н. М. (2017). Типы лидов новостного медийного текста в контексте факторов новостной ценности. *Восточнославянская филология*, (5), 1–10. EDN: https://elibrary.ru/YWJMUP.
11. Тельпов, Р. Е., & Ларцина, С. В. (2023). Типовые различия естественных и сгенерированных нейронной сетью текстов в квантитативном аспекте. *Научный диалог*, *12*(7), 47–65. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-7-47-65. EDN: https://elibrary.ru/ZZRRKN.
12. Цехановский, В. В., & Мусин, И. Р. (2024). Применение статистических методов для анализа искусственно-сгенерированных текстов. В *Актуальные проблемы современной лингвистики* (сс. 1–4). EDN: https://elibrary.ru/BEALHX.
13. Юрова, Е. А. (2025). Искусственный интеллект в медиадискурсе: классификация лингвопрагматических признаков сгенерированного текста. *Вестник СВФУ*, *22*(4), 234–249. https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-4-234-249. EDN: https://elibrary.ru/CSUMWM.

Материалы корпуса (русскоязычные статьи)

14. ВЭБ.РФ: в России годовая инфляция составит 6–7% в 2025 году. (2025, 9 июля). ТАСС. https://tass.ru/ekonomika/24466845
15. Инфляция в РФ в 2025 году составила 5,59%. (2026, 16 января). Финмаркет. https://www.finmarket.ru/main/article/6544572
16. За счет господдержки бизнес сможет привлечь 800 млрд руб. (2025, 18 декабря). Финмаркет. https://www.finmarket.ru/main/article/6514980
17. Санкции против экономики России перешли в хроническую фазу. (2025, 7 июля). Финмаркет. https://www.finmarket.ru/themes/crimea/?sec=1685&id=6430391
18. Объем интернет-торговли в России увеличился на 28% в 2025 году. (2026, 19 февраля). Ведомости. https://www.vedomosti.ru/business/news/2026/02/19/1177611-obem-internet-torgovli
19. Центробанк оценил дефицит кадров в России. (2026, 27 января). Ведомости. https://www.vedomosti.ru/economics/news/2026/01/27/1172017-defitsit-kadrov
20. Состояние экономики России послужило причиной снижения ключевой ставки. (2025, 14 августа). ЦБ РФ. https://cbr.ru/press/event/?id=19904

21. В каких сферах наиболее заметен эффект импортозамещения. (2025, 9 декабря). Финмаркет. https://www.finmarket.ru/main/article/6525550
22. Аналитики понизили медианный прогноз по ключевой ставке до 19,3% на 2025 год. (2025, 16 июля). Финмаркет. https://www.finmarket.ru/main/article/6410262
23. Минэкономразвития понизило прогноз роста ВВП РФ в 2025 году до 1%. (2025, 17 декабря). ТАСС. https://tass.ru/ekonomika/22884323

Materials of the Corpus (English-language articles)

24. Russia's inflation in 2025 falls to lowest level since 2020 – Central Bank. (2026, January 21). TASS. https://tass.com/economy/1814265
25. Bank of Russia cuts key rate from 20% to 18% per annum. (2025, July 25). TASS. https://tass.com/economy/1881237
26. Online retail market in Russia to reach $187.0 bln by year-end. (2025, November 5). TASS. https://tass.com/economy/1948789
27. FACTBOX: Bank of Russia's key statements after fifth consecutive key rate cut. (2025, December 19). TASS. https://tass.com/economy/1976543
28. Share of imports in Russia's chemical industry amounts to 33.5% in 2025 – ministry. (2026, May 19). TASS. https://tass.com/economy/2074861
29. Russia's online retail sales surge 28 pct in 2025. (2026, February 19). Xinhua. http://english.news.cn/business/20260219/...
30. Russian economy adapts to Western sanctions – AmCham head. (2025, September 15). TASS. https://tass.com/economy/1908765
31. Bank of Russia lowers key rate by 0.5 percentage points to 16.5%. (2025, October 24). TASS. https://tass.com/economy/1934567
32. IMF improves Russia's GDP growth forecast for 2025. (2025, December 17). TASS. https://tass.com/economy/1972345
33. Russia's annual inflation eases to 6.43% on January 20–26 – Economy Ministry. (2026, January 28). TASS. https://tass.com/economy/1817654

References

1. Alyunina, Yu. M. (2019). A blog as a source of the newest anglicisms: Based on the texts of fashion internet discourse. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, *17*(4), 78–91. https://doi.org/10.25205/1818-7935-2019-17-4-78-91. EDN: https://elibrary.ru/PALPNW.
2. Boldina, K. A. (2024). Risks of automating AI-based news journalism. *Modern Humanities Success*, (3), 7–14. https://doi.org/10.58224/2618-7175-2024-3-7-14. EDN: https://elibrary.ru/TSTNUC.
3. Volkova, A. A., & Smirnova, E. A. (2024). Language features in media texts: Anglicisms in Vogue magazine. In *Topical Problems of Modern Linguistics* (pp. 28–31). EDN: https://elibrary.ru/SXVVAH.

4. Volkova, Ya. A., & Panchenko, N. N. (2021). News text: Genre transformation. *Science Journal of Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, *20*(2), 121–132. https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.11. EDN: https://elibrary.ru/IOQXKV.
5. Izyumskaya, S. S. (2014). Anglicisms in the modern Russian newspaper text and the author's communicative tactics. *Humanities and Social Sciences*, (2), 559–561. EDN: https://elibrary.ru/QLENCP.
6. Kaminchenko, D. I., & Petukhov, A. Yu. (2025). Recognition of AI-generated political content: The role of subjective attitudes. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, *30*(4), 902–915. https://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-902-915. EDN: https://elibrary.ru/TZNFZM.
7. Krysin, L. P. (2002). On the Russian language of our days. In *A Changing Linguistic World*. http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm.
8. Napreenko, G. V., & Kovaleva, P. K. (2025). AI-generated text in news discourse: How native speakers perceive it. *Humanities and Education*, *16*(1), 152–156. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_01_152. EDN: https://elibrary.ru/WDWLMV.
9. Osetrova, A. V., & Sedova, A. V. (2025). Characteristics of AI-generated text: A linguistic and socio-communicative analysis. *Siberian Philological Forum*, (2), 45–55. https://doi.org/10.24412/2587-7844-2025-2-45-55. EDN: https://elibrary.ru/WYGEFZ.
10. Stetsenko, N. M. (2017). Types of leads in news media texts in the context of news value factors. *East Slavic Philology*, (5), 1–10. EDN: https://elibrary.ru/YWJMUP.
11. Telpov, R. E., & Lartsina, S. V. (2023). Typical differences between natural texts and neural-network-generated texts in quantitative terms. *Nauchnyy Dialog*, *12*(7), 47–65. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-7-47-65. EDN: https://elibrary.ru/ZZRRKN.
12. Tsekhanovsky, V. V., & Musin, I. R. (2024). Applying statistical methods to the analysis of artificially generated texts. In *Topical Problems of Modern Linguistics* (pp. 1–4). EDN: https://elibrary.ru/BEALHX.
13. Yurova, E. A. (2025). Artificial intelligence in media discourse: A classification of linguopragmatic features of AI-generated text. *Vestnik of North-Eastern Federal University*, *22*(4), 234–249. https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-4-234-249. EDN: https://elibrary.ru/CSUMWM.

Corpus Materials (Russian-language articles)

14. VEB.RF: Russia's annual inflation will be 6–7% in 2025. (2025, July 9). TASS. https://tass.ru/ekonomika/24466845
15. Inflation in the Russian Federation was 5.59% in 2025. (2026, January 16). Finmarket. https://www.finmarket.ru/main/article/6544572

16. Through government support, businesses will be able to attract 800 billion rubles. (2025, December 18). Finmarket. https://www.finmarket.ru/main/article/6514980
17. Sanctions against the Russian economy have entered a chronic phase. (2025, July 7). Finmarket. https://www.finmarket.ru/themes/crimea/?sec=1685&id=6430391
18. Online retail volume in Russia increased by 28% in 2025. (2026, February 19). Vedomosti. https://www.vedomosti.ru/business/news/2026/02/19/1177611-obem-internet-torgovli
19. The Central Bank assessed the shortage of personnel in Russia. (2026, January 27). Vedomosti. https://www.vedomosti.ru/economics/news/2026/01/27/1172017-defitsit-kadrov
20. The state of the Russian economy led to a reduction in the key rate. (2025, August 14). Bank of Russia. https://cbr.ru/press/event/?id=19904
21. The effect of import substitution is most noticeable in which areas. (2025, December 9). Finmarket. https://www.finmarket.ru/main/article/6525550
22. Analysts lowered the median key rate forecast to 19.3% for 2025. (2025, July 16). Finmarket. https://www.finmarket.ru/main/article/6410262
23. The Ministry of Economic Development lowered the forecast for Russia's GDP growth in 2025 to 1%. (2025, December 17). TASS. https://tass.ru/ekonomika/22884323

Corpus Materials (English-language articles)

24. Russia's inflation in 2025 falls to lowest level since 2020 – Central Bank. (2026, January 21). TASS. https://tass.com/economy/1814265
25. Bank of Russia cuts key rate from 20% to 18% per annum. (2025, July 25). TASS. https://tass.com/economy/1881237
26. Online retail market in Russia to reach $187.0 bln by year-end. (2025, November 5). TASS. https://tass.com/economy/1948789
27. FACTBOX: Bank of Russia's key statements after fifth consecutive key rate cut. (2025, December 19). TASS. https://tass.com/economy/1976543
28. Share of imports in Russia's chemical industry amounts to 33.5% in 2025 – ministry. (2026, May 19). TASS. https://tass.com/economy/2074861
29. Russia's online retail sales surge 28 pct in 2025. (2026, February 19). Xinhua. http://english.news.cn/business/20260219/...
30. Russian economy adapts to Western sanctions – AmCham head. (2025, September 15). TASS. https://tass.com/economy/1908765
31. Bank of Russia lowers key rate by 0.5 percentage points to 16.5%. (2025, October 24). TASS. https://tass.com/economy/1934567
32. IMF improves Russia's GDP growth forecast for 2025. (2025, December 17). TASS. https://tass.com/economy/1972345

33. Russia's annual inflation eases to 6.43% on January 20–26 – Economy Ministry. (2026, January 28). TASS. https://tass.com/economy/1817654

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фазлыева Зульфия Ханифовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирясова
ул. Московская, 42, г. Казань, 420111, Российская Федерация
zulkin66@mail.ru

Вагнер Кира Рудольфовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры контрастивной лингвистики
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Татарстан, 2, г. Казань, 420021, Российская Федерация
wak-2010@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Zulfiya Kh. Fazlyeva, Candidate of Philological Sciences (PhD in Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Languages
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov
42, Moskovskaya Str., Kazan, 420111, Russian Federation
zulkin66@mail.ru
SPIN-code: 5859-7113
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2413-1024
ResearcherID: D-9841-2015
Scopus Author ID: 56703669100

Kira R. Vagner, Candidate of Philological Sciences (PhD in Philology), Associate Professor of the Department of Contrastive Linguistics
Kazan (Volga Region) Federal University
2, Tatarstan Str., Kazan, 420021, Russian Federation
wak-2010@mail.ru
SPIN-code: 5431-2627
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8558-4970
Scopus Author ID: 57202200020

Поступила 10.07.2026 Received 10.07.2026
После рецензирования 04.08.2026 Revised 04.08.2026
Принята 14.08.2026 Accepted 14.08.2026

Лингвистические модели и теория языка / Linguistic Models and Language Theory

Научная статья Original article
DOI: 10.12731/3033-5981-2026-18-3-576 **EDN:** OCGETR
УДК 811.11-112

Сопоставительный анализ концептуальных признаков «красоты» в англоязычном и немецкоязычном сознании (на материале британских, американских и немецких текстов СМИ)

Е.Р. Боровкова, И.П. Зырянова
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) УрГПУ, Нижний Тагил, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Средства массовой коммуникации не просто отражают, но и активно формируют эстетические идеалы, транслируют стереотипы и обсуждают актуальные тренды. Исследуя и анализируя британские, американские и немецкие тексты в сопоставительном аспекте, можно проследить какие основные тенденции выходят на первый план, какие маркеры используются, и как медиа влияют на коллективные представления. Автор проводит сопоставительный анализ концептуальных признаков «красоты» в англоязычном и немецкоязычном сознании и показывает общие и культурно-специфические оттенки в понимании красоты.

Цель – выявление и сопоставление концептуальных признаков «красоты», представленных в британских, американских и немецких текстов СМИ.

Материалы и методы. Для данного исследования применялись такие методы исследования метод контент-анализа публицистических текстов (выборка из англоязычных и немецкоязычных СМИ за 2024–2026 гг.) для выделения концептуальных признаков красоты; метод семантической классификации лексем по смысловым полям; сравнительный анализ частотности в трёх языках; концептуальный анализ и метод полевого структурирования концепта. Эмпирическим методом для сбора информации стал метод сплошной выборки. Для обработки результатов выборки использовались количественный (частотный анализ лексем и расчёт частоты употребления ключевых слов) и качественный (семантическая интерпретация контекстов употребления) методы.

Результаты. Лексические единицы, отобранные из английских, американских и немецких журналах моды, позволили выделить как общие, так и культур-

но-специфические оттенки в понимании красоты. Большая часть примеров описывает внешний вид людей, т.к. он имеет большое значение в создании первого впечатления о человеке: важно выглядеть привлекательно и вызывать восхищение и чувство прекрасного у общества.

Опираясь на метод полевого структурирования концепта И. А. Стернина и З. Д. Поповой, мы выделили ядро концепта «красота» в британском, американском и немецком медиапространствах. Также мы определили зоны периферии концепта в каждой культуре, выявив сходства и отличия.

Признаки концепта «красота» в английском, американском и немецком представлениях схожи в первичных ярких образах, что составляют ядро концепта. Признаки, репрезентирующие периферию концепта, иными словами, абстрактные, второстепенные образы отличаются в исследуемых языках.

Главным признаком красоты является привлекательная внешность человека, т.е. лицо, фигура, стиль одежды. Этому способствуют сильные традиции моды, косметики. Однако, эстетические предпочтения могут различаться у людей внутри одной и той же культуры, что подтверждает наш анализ ядра и периферии концептуальных признаков красоты. Для большинства красота – это внешняя составляющая, но всё же небольшой процент считает, что внутренняя красота несомненно играет немаловажную роль. Внутренняя красота включает в себя внутренний мир, отношение и любовь к себе, восхищение окружающим миром и природой.

Ключевые слова: концепт; концепт «красота»; ядро; периферия; лексические маркеры; концептуальный признак; полевое структурирование концепта

Для цитирования. Боровкова, Е. Р., & Зырянова, И. П. (2026). Сопоставительный анализ концептуальных признаков «красоты» в англоязычном и немецкоязычном сознании (на материале британских, американских и немецких текстов СМИ). *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, *18*(3), 233-255. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-576

A comparative analysis of the conceptual features of “beauty” in the English and German percepts (based on British, American, and German media texts)

E.R. Borovkova, I.P. Zyryanova
Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Ural State Pedagogical University, Nizhny Tagil, Russian Federation

Abstract

Background. Mass media not only reflect but also actively shape aesthetic ideals, broadcast stereotypes, and discuss current trends. By examining and analyzing British,

American, and German texts comparatively, one can follow the key trends that emerge in each linguistic culture, the markers which are used, and how media influence collective perceptions. The author conducts a comparative analysis of the conceptual features of "beauty" in the English-speaking and German-speaking consciousness, demonstrating the general and culturally specific percularities in understanding beauty.

Purpose. Identification and comparison of conceptual features of "beauty" presented in British, American and German media texts.

Materials and methods. This study utilized research methods such as analysis and synthesis, classification, comparison, analytical method, descriptive method, conceptual analysis, and field concept structuring. The empirical data collection method was continuous sampling. Quantitative and qualitative methods were used to process the sample results.

Results. Lexical units selected from English, American, and German fashion magazines allowed us to identify both general and culturally specific percularities in understanding beauty. Most examples describe people's appearance, as it plays a significant role in creating first impressions. Consequently, in these cultures, people strive to maintain their appearance to appear attractive and evoke admiration and a sense of beauty in society.

Based on I. A. Sternin and Z. D. Popova's field-based conceptual structuring method, we identified the core of the concept of "beauty" in the British, American, and German consciousnesses. We also identified the concept's peripheral zones in each culture, identifying similarities and differences.

The attributes of the concept of "beauty" in the English, American, and German media environments are similar in the primary, vivid images that form the core of the concept. Features representing the periphery of the concept, in other words, abstract, secondary images, differ across the cultures studied. The primary attribute of beauty is a person's attractive appearance, i.e., face, figure, and clothing style. This suggests that aesthetics and visual perception are highly important in these cultures. This is facilitated by strong traditions of fashion and cosmetics. However, aesthetic preferences can vary among individuals within the same culture, as confirmed by the analysis of the core and peripheral conceptual features of beauty.

Keywords: concept; concept of "beauty"; core; periphery; lexical markers; conceptual feature; field structuring of the concept

For citation. Borovkova, E. R., & Zyryanova, I. P. (2026). A comparative analysis of the conceptual features of "beauty" in the English and German percepts (based on British, American, and German media texts). *Russian Social and Humanitarian Studies*, *18*(3), 233-255. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-576

Введение

Концепт «красота» является ведущим концептом эстетики (под именем «прекрасное»), обозначающим совершенство, гармонич-

ное сочетание аспектов объекта, при котором последний вызывает эстетическое наслаждение [1, с. 362]. Наиболее употребительными единицами для передачи концепта «красота» являются *beauty* и его производные *beautiful, beautifully* [3, с. 110]. *Beautiful* встречается в значении *attractive, lovely* (в противоположность слову *ugly*), т.е. в значении *someone or smth that is beautiful is very good and pleasing to look at*. Можно сделать вывод, что слово *beautiful* может обозначать индивида или предмет, какое-то действие или событие, которому выносится высокая оценка внешней стороны или значимости [3, с. 110].

В современном обществе наблюдается тенденция одержимости по поводу внешнего вида и внешности остальных людей. В социальных сетях пользователи постоянно обсуждает внешние данные различных личностей.

Интернет-сообщество обсуждает темы, связанные с внешностью человека (комплекцией, чертами лица, фигурой, особенностями и недостатками внешности), модой, а также поступками личности – они могут вызывать как позитивный, так и негативный отклик.

Актуальность данного исследования состоит в том, что в наше время медиаресурсы оказывают огромное влияние на наше представление о красоте, как внешней, так и внутренней. Анализируя концептуальные признаки «красоты», представленные в СМИ, можно получить представление о культурных особенностях того или иного народа, та как в каждой отдельной нации концепт «красота» может характеризоваться различными лексическими единицами, которые не представлены в другом языке.

Целью данного исследования является выявление концептуальных признаков «красота», представленных лексическими единицами в британских и немецких текстах СМИ в сопоставительном аспекте.

Материал и методика исследования

Материалом для нашего исследования послужили британские, американские и немецкие журналы о моде и красоте: *Vogue, Cosmopolitan, Glamour, Harper's Bazaar, Marie Claire, Freundin, Bild der Frau, Brigitte*. В настоящей работе объектом для исследования

послужили 360 лексических единиц, которые были взяты из статей, опубликованных в 2024-2026 годах.

Основным методом данного исследования послужил метод полевого структурирования концепта с составлением лингвокультурологического поля. В данном методе предполагается выделение ядра и периферии. Ядро – это центральный слой концепта. Периферия – представляет собой вторичные, ближние слои вокруг концепта, которые не является центральными. Ядро и периферия образуют целостную концептуальную сеть, т. е. концептосферу.

Анализ

Концепт «красота» входит в число важнейших ценностных ориентиров человеческого поведения. Это понятие используется различными науками: этикой и эстетикой, философией и психологией, математикой и философией искусства.

Н. Д. Арутюнова пишет, что «красота является одним из ключевых терминов культуры, существующих в любом языке и актуальных для каждого человека». Автор также подчёркивает, что «свойство «быть красивым/некрасивым» приписывается, прежде всего, зримым объектам окружающего мира – космическим телам и земной природе». Далее Н. Д. Арутюнова говорит о том, что «в основе понятия красоты лежит представление о норме, прежде всего природной» [2, с. 22]. Из этого положения, по ее мнению, вытекают, по крайней мере, три следствия:

1) красота не геометрична;

2) красота целостна;

3) образы красоты распределены по естественным родам и категориям [2, с. 23].

Характеристика «красивый» зачастую приписывается не только сугубо внешним, но и внутренним качествам, а иногда и их слиянию, что, например, отражено в сочетаемости такой лексической единицы, как «имидж», частотной в политическом дискурсе [6, с. 231].

В научном исследовании Н. А. Решке был проведен ассоциативный эксперимент с регистрацией цепи ответов, в ходе которого

приняли участие русские, английские и американские студенты в возрасте от 20 до 28 лет (в каждой группе по 50 человек). Испытуемым предлагалось реагировать на слово-стимул «красота/beauty» таким количеством ответов, которое они успеют воспроизвести за 1 минуту. Эксперимент проводился на родном языке студентов.

У русских студентов самой частотной ассоциацией было словесное клише, автором которого является Ф. М. Достоевский, «красота спасет мир». В русском языковом сознании красота обладает эстетическим (природа) и гендерным (девушка, женщина, мама, женская) признаками, а также характеризуется свойствами, которые не подвластны собственно человеку, а, скорее, даруются свыше – неземная, неописуемая, вечная, необыкновенная, красота души [10, с. 153].

В английской и американской лингвокультурных группах совпали три самые частотные реакции, однако они имеют разную степень выраженности. В языковом сознании англичан и американцев красота, в первую очередь, имеет рациональное, материальное, физическое выражение – *woman, girl, girl friend, face, people, skin*. Красота связана с литературно-художественными произведениями *(«Beauty and the Beast», «Sleeping beauty»*) и феноменами природы (*flowers, nature, country*), характеризуется словами, обозначающими эстетические качества и вызывающими положительную эмоциональную оценку человека (*pretty, grace, good*). Для англичан красота – это любовь (love), а для американцев связана с выражением красота в глазах того, кто смотрит (*beauty is in the eye of the beholder; beauty is a deep skin*). Среди ассоциативных реакций есть и антоним красоты – уродство (*ugliness*). Эгоцентричные черты американского национального менталитета нашли выражение в ответе: красота – это я сам(а) (*myself I*) [10, с. 154].

Данные, полученные в ходе ассоциативного эксперимента, свидетельствуют о различиях в содержательном наполнении концепта «красота/beauty» в русском, английском и американском варианте английского языков. Причем даже если в межъязыковом ассоциативном эксперименте на наиболее частотные слова-стимулы даются

однотипные реакции, все равно «ассоциативный профиль» языковых культур в целом различен [10, с. 155].

З. Биктагтирова и Н. Депутатова провели научное исследование рассмотрения описательных компонентов концепта «красота» в немецком языке. Для этого они использовали ресурсы немецкого веб-сайта www.gutefrage.net. Также был проведен опрос среди немецких посетителей веб-сайта, предназначенного для изучения различных языков и прямого общения с носителями языка – busuu.com. Был задан следующий вопрос: «*Was versteht man unter Schönheit?*» (Что вы понимаете под «красотой»?).

Абсолютно все респонденты, определяя «красоту», ссылаются на человеческую красоту. Особое внимание уделяется внутренней и внешней красоте, тому, что важнее. Большинство респондентов сходятся во мнении, что внутренняя красота является гораздо более важным аспектом, чем внешняя красота, чей срок ограничен. Несмотря на преобладание визуальных образов, в немецком языке концепт «красота» раскрывается через два типа образов – перцептивные и когнитивные [14, с. 124].

В представленном исследовании было рассмотрено 360 лексических единиц, репрезентирующих концепт «красота» (120 – американских, 120 – британских, 120 – немецких). Исследование проводилось на основе концептуальных признаков красоты, выделенных Г. А. Садриевой [12, с. 57]:

1) «нечто привлекательное, притягивающее внимание» – центральный концептуальный признак во всех рассматриваемых языках;

2) признак «получение удовольствия от восприятия объектов действительности, гармоничных по форме, цвету, размерам и т. п.»;

3) признак «приятный, восхитительный, соответствующий гармонии».

Используя метод полевого структурирования концепта (З. Д. Попова, И. А. Стернин), мы можем выделить ядро и периферию концепта «красота» в исследуемых языковых средах, а также найти сходства и различия.

В основу анализа концепта «красота» в британских, американских и немецких медатекстах положена классификация семантического поля национальных ценностей, предложенная М. М. Рахматовой и З. Х. Шароповой. Исходное семантическое поле «красота» структурировано данными авторами по пяти тематическим группам: 1) обладание красотой; 2) притягательная сила и желанность; 3) чистота и отсутствие изъянов; 4) беспрецедентность и удивительность; 5) репрезентация красоты в образах животных, птиц и насекомых [15].

В рамках настоящего исследования выделены лексические маркеры, проявления «красоты» в текстах СМИ:

1. лексические единицы с прямым значением красоты («*beauty*», «*beautiful*», «*lovely*», «*pretty*», «*nice*»), включая номинации частей тела и характеристик внешности (*fair complexion, fine complexion, twinkling blue eyes*), а также единицы, передающие физическую привлекательность и элегантность;
2. контекстуальные антонимы («*ugly*», «*ugliness*», «*horrible*»), маркирующие противопоставление «красивое – некрасивое»;
3. единицы, формирующие контекстуальные ассоциации (природные пейзажи, чувственные переживания, абстрактные ценности);
4. метафорические образы, отражающие представления о неземной красоте, красоте любви, интеллекте и «удивительном» [15, 16].

В ядро концепта «красота» в британском сознании входят следующие признаки: «**стиль и одежда**», «**здоровая кожа**». Большое внимание в британском сообществе уделяется лицу, а именно коже и уходу за ней. Это можно заметить по таким примерам, как: *«silky complexion», «luminous skin», «perfect skin», «skincare», «skin health», «glowing complexion», «dewy skin», «skin is so glowy», «to be particular about my skincare», «hydrated skin», «skin treatment», «skin feeling tight and glowy», «skin feels so plump and healthy», «how tight and snatched my face feels»*. Для британок красота – это, в первую очередь, чистая кожа без каких-либо дефектов, примеры кото-

рых также фигурируют в заголовках и текстах журналов*: «acne», «pigmentation», «rosacea» (угри), «dark circles under eyes»*, «fine lines»*, puffiness, «frazzled skin»* и т. д.

Концептуальные признаки «**красивый человек**», «**фигура и тело**» входят в ближайшую периферию концепта «красота». В англоязычном медиадискурсе (в текстах модных журналов) концепт «beauty» нередко ассоциируется с представителями модной индустрии – моделями и модницами. В языковом сознании англичан концепт «beauty» находит отражение через вербальную репрезентацию образов людей, которые служат идеалами красоты и источниками вдохновения для других. Эти образы воплощаются в языке посредством лексических единиц, которые описывают стандарты красоты («*Eternal Beauty Muse*», «*beloved muse*», «*megastar*» «*feminine beauty ideal*», оценочных прилагательных («*flawless*», «*stunning*», «*captivating*»), устойчивых сочетаний, описывающих эталон красоты («*Greek goddess*», «*cool-girl*»).

В английском сознании концепт «красота» также связан с фигурой. Мы выделили небольшое количество примеров, но они всё же подчеркивают роль данного типа в языковом сознании англичан. В журнале Glamour (https://www.glamourmagazine.co.uk/) отмечается, что современное общество сейчас «*extremely fatphobic*», т.е. негативно настроено по отношению к полным людям с лишним весом. Стандартом на сегодняшний день является худоба и стройность: «*A desirable female body», «invariably, skinny and sculpted», «tummy toned*».

Однако средства массовой информации также делают больший упор и на то, что все тела разные, у каждого человека могут быть свои изъяны. Несмотря на это, каждое тело нормальное и по-своему прекрасное. Это подтверждается следующими примерами: *«The fluctuating weight, those skin folds, the creases, the body hair & the strength marks, all those beautiful parts of you are NORMAL. «Be positive about your body, please use our movement to empower yourself». «It's okay not to feel great about your body every day».*

Концептуальный признак «принятие себя, самоуверенность» образует дальнюю периферию, т.е. он не является основополага-

ющим при исследовании и понимании концепта. Несмотря на это, признак «принятие себя, самоуверенность» всё же оказывает влияние на интерпретацию и представление о концепте «красота» в британском сознании. Мышление современного общества изменяется и перестраивается. Женщины пытаются донести до людей, что каждая фигура и тело является красивым и нормальным, несмотря на вес и другие изъяны. Важно лишь научиться принимать себя таким, какой ты есть и не стыдится этого, ведь красота заключается в уверенности в себе, в принятии своих сильных и слабых сторон, преимуществ и недостатков. Красота проявляется в любом размере и форме, а потеря веса, тело, соответствующее стандартам красоты – не залог счастья.

В серии статей «My little Black Beauty Book» журнала Cosmopolitan, опубликованных в январе 2025, чернокожие женщины демонстрируют альтернативный взгляд на концепт «beauty», выходящий за рамки традиционных канонов и размышляют, что для них значит «Black Beauty».

Для каждой девушки красота – что-то особенное и личное: *«Black Beauty to me means finding power in the ways in which we express our culture and heritage. It is – to me – the root from which all beauty thrives» (https://www.cosmopolitan.com/uk/beauty-hair/a64159026/stephanie-yeboah-interview/). «Beauty to me is an expression of the different facets of who you are. It allows you to accentuate and embellish things that you love and live your best life in the process» (https://www.cosmopolitan.com/uk/beauty-hair/celebrity-hair-makeup/a63736212/sarah-jane-crawford-beauty/). «Beauty is about confidence and embracing who you truly are, celebrating individuality and authenticity. I feel most beautiful fully embracing my naturally curly hair» (https://www.cosmopolitan.com/uk/beauty-hair/celebrity-hair-makeup/a64120705/keshia-east-beauty-interview/). «Being unapologetically yourself and embracing every inch of yourself. Knowing that you are the queen. When you walk out on the streets and you're on the roads, it's all about you» (https://www.cosmopolitan.com/uk/beauty-hair/celebrity-hair-makeup/a63402653/lauryn-ajufo-beauty-interview/).*

В результате проведенного анализа концепта «красота» в британских медиатекстах можно сделать следующие выводы. На основе анализа англоязычных текстов массовой информации, а именно журналов моды, концепт «красота» опирается на следующие концептуальные признаки: «**здоровая кожа**» (31,7%), «**красивый человек**» (11,5%), «**стиль и одежда**» (38,4), «**фигура и тело**» (12,5), «**принятие себя и самоуверенность**» (6%). «**Стиль и одежда»** как наиболее частотный признак концепта указывает на важную роль визуальной составляющей в медиапредставлении красоты. «**Здоровая кожа»** как второй по значимости признак демонстрирует фокус медиадискурса на физическом совершенстве и ухоженности. «**Принятие себя»** как периферийный признак свидетельствует об изменении в общественном сознании и доказывает, что красота может включать в себя не только внешние характеристики, но и внутреннее состояние человека.

Рис. 1. Структура концепта «красота» в британских медиатекстах
Fig. 1. Structure of the concept “beauty” in British media texts

Американское сообщество является одним из самых толерантных сообществ в мире. Вследствие данного факта, концепт «красота» очень многогранен в данной культуре. В США каждый человек волен самовыражаться так, как он этого сам пожелает, и это не будет осуждаться.

В американском сознании в ядро концепта «красота» входят концептуальные признаки «**красивый, вдохновляющий человек**». Данный признак является более наглядным и самым актуальным в сознании американцев. Концепт «красота» тесно переплетается с понятием «*икона*» (*icon*), которое выступает важным маркером.

Лексема «*icon*» становится важным компонентом концепта «красота» в американском медиадискурсе, формируя особый способ вербализации представлений о совершенстве. Данная лексема в современном американском употреблении в контексте красоты обозначает человека, который:

- служит образцом для подражания
- вдохновляет окружающих
- демонстрирует высокие стандарты во внешнем и внутреннем развитии
- становится культурным символом.

Следующие высказывания из журнала Harper's Bazaar (https://www.harpersbazaar.com/) демонстрируют многогранность данной лексемы: *«When I was a young girl, I always admired my grandmother. She was my icon in basically everything. She was strong and positive»* - данный пример показывает личностную, семейную интерпретацию. *«Sophisticated, relatable, and unproblematic* icon» - отражает общественные ожидания от образа-иконы.

В американском медиадискурсе для обозначения людей, которые воплощают идеалы красоты и служат источником вдохновения, используется широкий спектр лексических средств. Эти номинации можно систематизировать следующим образом:

- Queen – подчёркивает исключительность и высокий статус;
- Supermodel – указывает на профессиональный уровень красоты;
- A source of admiration – акцентирует внимание на способности вызывать восхищение;
- Enduring source of inspiration – подчёркивает долговременное влияние личности;
- Miss Universe-type beauty – эталон классической красоты;
- Superwoman – символ силы и совершенства;

- Badass woman – воплощение независимости и смелости;
- Iron woman – метафора несгибаемости и стойкости;
- Everybody's «favorite reference» – указание на широкое признание.

Все эти лексические единицы не просто описывают женские образы, а создают комплексную систему вербализации концепта «красота», где каждая единица несёт определённый смысл и отражает различные аспекты восприятия красоты в американском обществе. Для американцев «красота» – это не только красивая внешность, но и сильный дух, целеустремленность.

В зону ближайшей периферии входят признаки «**одежда**», «**здоровая кожа, лицо**». Эти признаки имеют также большое значение для национальной концептосферы. Большое внимание уделяется внешнему виду, одежде, макияжу и атрибутам красоты. Они часто дают оценку одежде, стилю, макияжу, т.е. внешнему виду человека в целом: *«looks lovely in a baby-pink Prada gown», «stunning 11-carat engagement ring», «shimmering dress», «colorful dress», «one-shoulder dress», «sparkling, dramatic and luxurious outfits», «his looks are beautiful», «body-hugging gowns», «looked good with short hair, «glistening gold watch, «all-around opulence».*

Американцы уделяют внимание состоянию кожи и чертам лица. Здоровая сияющая кожа, розовые щёки, выразительный взгляд, естественный и здоровый цвет лица является неотъемлемой частью концепта «красота»: *«clean skin», «skin care», «plump lips», «glowing skin», «best skin ever», «cat eyes», «natural complexions», «vivid violet gaze», «fuchsia cheeks», «sculptural features», «well-tended summertime skin», «skin care treatments», «skin looked both glowy and matte», «self-care routine», «skin health», «rejuvenate your skin from the inside out», «healthier undereye skin*».

Также были выделены лексические единицы, которые описывают несовершенства кожи лица, т.е. внешнюю непривлекательность: *«making my skin look aged», «eye wrinkles», «dark circles», «fine lines», «crepey under eye skin», «diminishing skin quality», «signs of aging», «skin sagging, wrinkling, and general loss of elasticity».*

Концептуальные признаки «отношение, любовь к себе» и «явления природы» образуют дальнюю периферию. Красота – нечто неожиданное, непривычное, чему человек не был свидетелем. В данном случае красота – это явления природы, города, страны: *«Beauty can be found in everything big or small, in people, and in nature». «The sunlight is so beautiful. The light was falling through the steel beams in glowing golden shafts.* It was a thing of beauty». *«Seeing the water during sunset and soaking in the sun's rays makes me feel really good and really myself. It's really beautiful».*

В статье Никки Огуннайке журнала Harper's Bazaar (https://www.harpersbazaar.com/) Ирина Шейк рассказывает, как она полюбила себя и что для неё значит красота: *«Always be yourself. Be kind to peop*le. That's what true beauty is». *«Just remember kindness and love. So I think that's what true beauty is. It's not about putting on masks, putting on makeup, brushing your hair, putting on nice clothes». «I find that when you don't feel beautiful, it is just a disconnection of your inner energy.* Статья вышла в специальном выпуске Harper's Bazaar под названием The Beauty Issue. Обычно такие номера посвящены красоте, и именно то, что в них появляется текст с радикально (для глянцевого формата) смещённым фокусом – с внешней красоты на внутреннюю – само по себе показательно.

Признак naturalness (естественность) занимает крайнюю периферию в структуре концепта «красота» в американском языковом сознании. Иногда для американцев красота – это естественность и любовь к себе: *«It was all about natural beauty. She never wore makeup». «I've really grown to appreciate my natural beauty and feel the most beautiful in comfortable clothes with a makeup-free face».*

Таким образом, в американских медиатекстах концепт «красота» представляет собой **«явления природы»** (7%), «**отношение и любовь к себе**» (6%), «**естественность**» (2%), «**красивый, вдохновляющий человек**» (37%), «**здоровая кожа и лицо**» (26%), **одежда** (22%). Наиболее популярным признаком является «**красивый, вдохновляющий человек**», что свидетельствует о большом влиянии медийных личностей в формировании стандартов красоты и культа знаменитостей как эталонов привлекательности.

Рис. 2. Структура концепта «красота» в американских медиатекстах
Fig. 2. Structure of the concept “beauty” in American media texts

На основе количественных показателей и контекстного употребления лексических единиц в немецких медиатекстах можно утверждать, что структура концепта «красота» в немецком сознании представлена следующим образом: в ядро входят концептуальные признаки **«ухоженное лицо»**, **«фигура»**, **«привлекательная одежда»**. Они являются наиболее актуальными в немецком сообществе. Зона ближайшей периферии представлена признаками «**красивая женщина**» и «**внутренний мир**»». Дальняя периферия включает в себя концептуальный признак «**забота о себе**».

При анализе женских немецких журналов нами было отмечено, что авторы статей обращают большое внимание читательниц на поддержание стройной фигуры. Выделим некоторые примеры, выражающие такой концептуальный признак красоты, как женское тело: *«schöne Arme», Straffe Haut ist ein Schönheitsideal», «der ideale Frauenkörper», «einen flachen, trainierten Bauch», «der flache Bauch», «Muskelaufbau und knackiger Po», «Traumfigur», «feminine Silhouette*», «durchtrainiert, Idealzustand der Körperhaltung» и т. д.

Стоит также отметить лексические примеры, которые акцентируют внимание читателей на стремлении избавиться от физических изъянов в теле, быть ближе к идеалу красоты: *«Schlechten Körperhaltung», «ungesunden Gewohnheiten», «Gewichtszunahme», «Verschlechterung der Figur», «dass wir Fett abbauen und Gewicht verlieren», «starken Fettabbau», «Bauchfett».*

Однако немки всё же считают, что главное – принятие своего тела, таким, какое оно есть, без изнурительных тренировок и жестких диет. Важно демонстрировать позитивное отношение к телу, что подтверждает следующие примеры: *«Immer mehr Menschen machen sich für Body Positivity stark. Eine tolle Bewegung, denn ihre Kernaussage ist: Genau so, wie wir aussehen, sind wir gut!». «Ich mag mich genau so, wie ich bin.*

Большое количество статей в немецких журналах красоты посвящены коже и уходу за ней. Наиболее частотные направления в освещении темы красоты в немецких изданиях демонстрируют особый акцент на уходе за кожей лица. Это подтверждается высокой частотой публикаций на данную тематику (27% упоминаний связаны с концептом «ухоженное лицо»).

Примеры из журнала Freundin (https://www.freundin.de/) демонстрируют:

- Акцент на ухоженности кожи («*Hautpflege-Routine*»)
- Внимание к увлажнению («*verwöhnt die Haut mit intensiver Feuchtigkeit*»)
- Стремление к здоровому виду («*erfrischtes, straffes Hautgefühl*»)

Кроме этого, представлена комплексная проблематика антивозрастного ухода:

- Борьба с признаками старения («*Verrunzelungsprozess in Schach hält*»)
- Работа с несовершенствами кожи («*Fahle Haut», «Unreinheiten*»)
- Профилактика возрастных изменений («vorzeitige Faltenbildung»): *«Hautpflege-Routine», «verwöhnt die Haut mit*

intensiver Feuchtigkeit», «verleiht ihr Geschmeidigkeit», «sorgt für ein erfrischtes, straffes Hautgefühl», «die passende Pflege für Ihre Haut», «schöner Haut, die zarte Haut», «natürlichen, jugendlichen Glow», «die Hautpflege», «strahlender Glanz», «frischer Teint».

Нельзя не отметить, что в женских журналах большую часть занимают статьи и заметки и моде, одежде и аксессуарах. В немецкоязычных журналах мода и красота не противопоставляются, а соединяются. Статьи о нарядах строятся так, чтобы показать: правильно подобранная одежда не просто функциональна, а формирует образ, делает женщину визуально привлекательной. Здесь работает идея, что внешний вид – это результат сочетания природных данных и «красивых» элементов гардероба. Таким образом, в дискурсе журнала одежда становится инструментом реализации красоты, а не чем-то отдельным.

Для описания элементов одежды, обуви, украшений чаще всего используются следующие лексические единицы: *Modische, formschönen, attraktiv, ideal, perfekt, das Ideal, die Eleganz, stylish, cool, vielseitig, immer angesagt, verspielten Outfits, romantischen Kleidern, schicken Kombination aus Bluse und Stoffhose, eleganten Touch*, *fließenden Kleidern, verspielten Blusen*, bunten Westen*, bunte Varianten mit floralen Prints, Pariser Chic, funkelnden Laufstegen, Luxus-Looks.*

Концептуальный признак «красоты» – красивый человек, а именно красивая женщина находит свое отражение в отношении немецкого общества к знаменитостям и моделям. Различные голливудские звёзды, певцы и певицы, модели для многих являются прямым олицетворением красоты для многих людей во многих странах. В журналах Freundin и Brigitte используются следующие лексические единицы и выражения для описания красивых людей: *«Stars», «Sternchen», «Models», «Fashionistas», «dauerlächelnden Pseudo-Schönheiten in extravaganten Fummeln», «wunderbare, geniale Frau», «die Schönen», «strahlend stolze Frau», «elegante Frau», «curvy Model mit allen Rundungen», «Hollywoodschönheit».*

Но иногда немцы, высказывающиеся о красоте, уверены, что истинная красота заключается не в юной внешности и молодости. Внутренний мир и внутреннее содержание человека являются наиболее важными факторами при рассмотрении вопроса о красоте. Красота – это не только привлекательная внешность, это духовный, внутренний мир человека, его мышление и эмоции.

В немецких женских журналах встречаются подтверждения того, что внутренняя красота ценится не меньше внешней: *Die wahre Schönheit liegt im Innern, Ein gutes Herz ist die schönste Schönheit, Schönheit beginnt im Innern, Du bist mehr, als dein Aussehen verrät, dass Selbst- und Körperakzeptanz ein ganz wichtiger Schritt in die richtige Richtung sind.*

При исследовании немецких журналов моды, нами были сформулированы следующие концептуальные признаки. «**Внутренний мир**» и «**красивая женщина**», как признаки «красоты» имеют одинаковый количественный показатель – 10,5%. «**Фигура**» – 22%. Наибольший процент имеют такие концептуальные признаки, как «**ухоженное лицо**» и «**привлекательная одежда**» – 27% и 25% соответственно. Наименьший показатель представлен признаком «**забота о себе**» – 5,7%.

Рис. 3. Структура концепта «красота» в языковом сознании немцев
Fig. 3. Structure of the concept “beauty” in the linguistic consciousness of Germans

Заключение

Принимая во внимание совокупность всех озвученных ранее тезисов, мы пришли к следующим выводам:

1. В английском, американском и немецком сознаниях совпадают такие концептуальные признаки как одежда/привлекательная одежда», «красивый, вдохновляющий человек/красивая женщина»; «здоровая кожа/ухоженное лицо». В исследуемых культурах эстетика играет важную роль. Внешний вид человека имеет большое значение в создании первого впечатления и формировании мнения о личности.

2. Отношение к одежде и моде является фундаментальным элементом формирования представления о красоте в разных культурах, включая английскую, американскую и немецкую. Лингвистические маркеры в медиатекстах демонстрируют частое использование лексических единиц и устойчивых выражений, связывающих одежду и красоту.

3. В британском сознании концептуальный признак «фигура, тело» совпадает с немецким концептуальным признаком «фигура». В данных языковых средах для людей «фигура» является одним из самых центральных признаков концепта «красота», формирующий представление и влияющий на восприятие человека, его привлекательности или непривлекательности. Люди обращают внимание на осанку, телосложение, вес и другие данные.

4. Концептуальные признаки «отношение, любовь к себе» в американском сознании и «забота о себе» в немецком сознании являются практически тождественными. Оба признака находятся в дальней, либо крайней периферии концепта «красота». Забота, бережное отношение и любовь к себе отражают не внешнюю, но внутреннюю красоту человека. На внутренней красоте строится личность человека, формируются его личные качества, а также внутренняя красота способствует развитию гармонии и уверенности в самом себе.

5. В американских медиатекстах при анализе концепта «красота» нами были выделены концептуальные признаки «природные явления» и «естественность». В этом и проявляется толерантность, инди-

видуализм и свобода американского общества. Ни в британских, ни в немецких медиатекстах данные признаки нами отмечены не были.

6. Концептуальный признак «внутренний мир» был нами выделен только при рассмотрении немецких медиатекстов. Внутренний мир рассматривается как составляющая красоты, духовное развитие связывается с внешней привлекательностью, и эмоциональное состояние признается важным фактором восприятия красоты.

Медиапространство действительно отражает культурные коды, ценности и даже стереотипы, которые в этом обществе распространены. Концептуальные признаки концепта «красота», реализованные в медиатекстах англоязычных и немецкоязычных журналов, оказывают влияние на формирование общественных представлений о красоте, стандартов самовосприятия и критериев оценки внешности. Это влияние реализуется в формировании идеалов для подражания; создании критериев самооценки; установлении стандартов внешности и поведения, чтобы быть принятым обществом; трансляции определенных ценностей через образы красоты.

Список литературы

1. Алимурадов, О. А. (2010). Структурная и признаковая модели концепта beauty (красота), объективируемого в современном англоязычном женском дискурсе. *Вопросы когнитивной лингвистики*, *(24)*, 12–19. EDN: https://elibrary.ru/MVGQTP
2. Арутюнова, Н. Д. (2004). *Логический анализ языка. Языки эстетики*. Москва. 722 с.
3. Баринова, И. А. (2010). Языковое сознание: к вопросу об определении и интерпретации термина. *Проблемы языкознания и педагогики*, *(4)*, 10–21. EDN: https://elibrary.ru/NBQXBF
4. Зимина, М. В. (2012). Образ красоты в визуальном представлении американцев. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, *(2)*, 362–368. EDN: https://elibrary.ru/OWUGGL
5. Исмайилова, А. И. (2022). Понятие «концепт» и его основные виды. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, *(75)*, 127–130. DOI: https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-12-4-127-130. EDN: https://elibrary.ru/CRVXGW
6. Капланова, Д. С. (2024). Понятие «концепт» в современной лингвистике. *Форум молодых ученых*, *12*(100), 91–93. EDN: https://elibrary.ru/APQSVV
7. Нефедова, Л. А. (2019). Репрезентация понятия красоты в современном немецком языке Германии: универсальное и культурно-специфическое. *Теория языка и межкультурная коммуникация*, *3*(34), 119–130. EDN: https://elibrary.ru/CPNEEC

8. Попова, З. Д. (2002). *Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии*. Воронеж. 313 с. ISBN: 5-9273-0213-0. EDN: https://elibrary.ru/RVISBT
9. Прусова, Е. А. (2022). Сопоставительный анализ способов репрезентации концепта «Красота» в немецкой и английской лингвокультурах. *Чтения имени А. С. Дембовецкого. 755-летию Могилева посвящается: сб. ст. I Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч.*. Могилев. Ч. 1, 543–545. EDN: https://elibrary.ru/DUFVZA
10. Решке, Н. А. (2014). Концепт «красота» в языковом сознании представителей русской, английской и американской лингвокультурных общностей. *Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире*, *(8)*, 152–155. EDN: https://elibrary.ru/TIACHN
11. Саакян, Л. Н. (2022). Концепт «красота» в языковом сознании носителей русского языка. *Теория языка и межкультурная коммуникация*, *1*(44), 229–242. EDN: https://elibrary.ru/SJBHPP
12. Садриева, Г. А. (2007). Устойчивые образные средства, репрезентирующие концепт «красота», в английском, русском и татарском языках: дис. … д-ра филол. наук. Казань. 209 с.
13. Стернин, И. А. (2002). Коммуникативное и когнитивное сознание. *С любовью к языку: сборник научных трудов*, *(1)*, 44–51. EDN: https://elibrary.ru/YRKOJP
14. Biktagirova, Z. (2014). Comparative study of concepts “beauty, schönheit” (based on multiple-response free associations of Americans and Germans). *Journal of Language and Literature*, *5*(3), 121–125. https://kpfu.ru/staff_files/F1550982869/JLL2014_3_22_.pdf
15. Rakhmatova, M. M., & Sharopova, Z. H. (2019). Linguistic features of the concept “Beauty” in English, Uzbek and Tajik national cultures. *International Journal of Recent Technology and Engineering*, *8*(2S11), 3862–3866. https://www.ijrte.org/wp-content/uploads/papers/v8i2S11/B15120982S1119.pdf
16. Quryazova, R. M. (2023). The analysis of “beauty” concept in literary texts. *Международный научный «Новости образования: исследования в XXI веке»*, *6*(100), 1104–1106. https://nauchniyimpuls.ru/index.php/noiv/article/view/3841/2762

References

1. Alimuradov, O. A. (2010). Structural and feature-based models of the concept of beauty objectified in modern English-language women’s discourse. *Cognitive Linguistics Issues*, *(24)*, 12–19. EDN: https://elibrary.ru/MVGQTP
2. Arutyunova, N. D. (2004). *Logical analysis of language. The languages of aesthetics*. Moscow. 722 p.
3. Barinova, I. A. (2010). Linguistic consciousness: On the definition and interpretation of the term. *Problems of Linguistics and Pedagogy*, *(4)*, 10–21. EDN: https://elibrary.ru/NBQXBF

4. Zimina, M. V. (2012). The image of beauty in the visual representation of Americans. *Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, *(2)*, 362–368. EDN: https://elibrary.ru/OWUGGL
5. Ismayilova, A. I. (2022). The notion of "concept" and its main types. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, *(75)*, 127–130. DOI: https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-12-4-127-130. EDN: https://elibrary.ru/CRVXGW
6. Kaplanova, D. S. (2024). The notion of "concept" in modern linguistics. *Forum of Young Scientists*, *12*(100), 91–93. EDN: https://elibrary.ru/APQSVV
7. Nefedova, L. A. (2019). Representation of the notion of beauty in modern German as used in Germany: The universal and the culture-specific. *Language Theory and Intercultural Communication*, *3*(34), 119–130. EDN: https://elibrary.ru/CPNEEC
8. Popova, Z. D. (2002). *Language and national consciousness. Issues of theory and methodology*. Voronezh. 313 p. ISBN: 5-9273-0213-0. EDN: https://elibrary.ru/RVISBT
9. Prusova, E. A. (2022). A comparative analysis of the ways of representing the concept of "Beauty" in German and English linguocultures. *A. S. Dembovetsky Readings. Dedicated to the 755th anniversary of Mogilev: Collected papers of the 1st International research and practice conference: in 2 parts*. Mogilev. Part 1, 543–545. EDN: https://elibrary.ru/DUFVZA
10. Reshke, N. A. (2014). The concept of "beauty" in the linguistic consciousness of Russian, English and American linguocultural communities. *Fundamental and Applied Research in the Modern World*, *(8)*, 152–155. EDN: https://elibrary.ru/TIACHN
11. Saakyan, L. N. (2022). The concept of "beauty" in the linguistic consciousness of native speakers of Russian. *Language Theory and Intercultural Communication*, *1*(44), 229–242. EDN: https://elibrary.ru/SJBHPP
12. Sadrieva, G. A. (2007). Stable figurative means representing the concept of "beauty" in English, Russian and Tatar: Doctoral dissertation in philology. Kazan. 209 p.
13. Sternin, I. A. (2002). Communicative and cognitive consciousness. *With Love for Language: Collected Papers*, *(1)*, 44–51. EDN: https://elibrary.ru/YRKOJP
14. Biktagirova, Z. (2014). Comparative study of concepts "beauty, schönheit" (based on multiple-response free associations of Americans and Germans). *Journal of Language and Literature*, *5*(3), 121–125. https://kpfu.ru/staff_files/F1550982869/JLL2014_3_22_.pdf
15. Rakhmatova, M. M., & Sharopova, Z. H. (2019). Linguistic features of the concept "Beauty" in English, Uzbek and Tajik national cultures. *International Journal of Recent Technology and Engineering*, *8*(2S11), 3862–3866. https://www.ijrte.org/wp-content/uploads/papers/v8i2S11/B15120982S1119.pdf
16. Quryazova, R. M. (2023). The analysis of "beauty" concept in literary texts. *International Scientific Journal "News of Education: Research in the 21st Century"*, *6*(100), 1104–1106. https://nauchniyimpuls.ru/index.php/noiv/article/view/3841/2762

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Боровкова Елена Рифовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и русской филологии
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) УрГПУ
ул. Красногвардейская, 57, г. Нижний Тагил, Свердловская область, 622031, Российская Федерация
rifovna@mail.ru

Зырянова Ирина Петровна, доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и русской филологии
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) УрГПУ
ул. Красногвардейская, 57, г. Нижний Тагил, Свердловская область, 622031, Российская Федерация
zyryanovairena@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Elena R. Borovkova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Russian Philology
Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Ural State Pedagogical University
57, Krasnogvardeyskaya Str., Nizhny Tagil, Sverdlovsk Region, 622031, Russian Federation
rifovna@mail.ru
SPIN-code: 8003-4308
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6892-7679

Irina P. Zyryanova, Associate Professor, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Russian Philology
Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Ural State Pedagogical University
57, Krasnogvardeyskaya Str., Nizhny Tagil, Sverdlovsk Region, 622031, Russian Federation
zyryanovairena@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6676-0390
SPIN-code: 8856-4145

Поступила 02.08.2026
После рецензирования 13.09.2026
Принята 16.09.2026

Received 02.08.2026
Revised 13.09.2026
Accepted 16.09.2026

Прикладные аспекты лингвистики / Applied Aspects of Linguistics

Научная статья
DOI: 10.12731/3033-5981-2026-18-3-592
УДК 81’33
Original article
EDN: VGCMVG

Аксиологический потенциал гастрономической лексики в русских и китайских паремиях

О.В. Макарова, Ю.С. Кагнер
Тюменский государственный медицинский университет, Тюмень, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Изучение этноспецифических особенностей языковой картины мира является возможным на основе контрастивного анализа паремий как репрезентантов культурных кодов, объективирующих слот ЕДА, который является базовой категорией сознания в концептосферах как европейских, так и азиатских носителей языка. Исследование позволяет проследить, как физиологические потребности человека в еде обусловлены ценностными факторами (труд, здоровье, гостеприимство, мораль), аккумулируют информацию о хозяйственно-бытовых практиках языкового коллектива, климатических особенностях его проживания и историко-культурных условиях развития двух народов – русского и китайского.

Цель – контрастивное описание инвариантных и идиоэтнических параметров вербализации слота ЕДА в русской и китайской паремиологических картинах мира.

Материалы и методы. Исследование выполнено на материале 232 паремиологических единиц (127 русских и 105 китайских), объективирующих слот ЕДА. Отбор эмпирического материала осуществлялся методом сплошной выборки из словарных источников [1; 2]; обработка данных производилась с применением сопоставительного, частотного, фреймового методов, а также процедур тематической классификации и концептуального анализа.

Результаты. Выявлены этноспецифические особенности репрезентации слота ЕДА на материале паремиологических выражений. В русской языковой картине мира ядро слота составляют номинации «хлеб», «соль», «щи», «каша» – базовые продукты выживания, что отражает суровый климат и аграрный уклад этноса; в китайской традиции ядерная зона слота ЕДА отличается тематической дробностью и видовым разнообразием номинаций мяса, рыбы, растений (тофу, личи), что

свидетельствует о различных стратегиях категоризации пищевого опыта. Также в паремиологическом фонде двух языков зафиксированы различные модели субъектности: активно-преобразовательная (русский тип) и адаптивно-гармонизирующая (китайский тип). Универсальным для обеих традиций является двойственная коннотация еды и её символическая связь с оценкой моральных и физических качеств человека.

Ключевые слова: «вкусовая» картина мира; слот ЕДА; паремии; концептуализация

Для цитирования. Макарова, О. В., & Кагнер, Ю. С. (2026). Аксиологический потенциал гастрономической лексики в русских и китайских паремиях. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, *18*(3), 256-270. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-592

The axiological potential of gastronomic terminology in Russian and Chinese paremias

O.V. Makarova, Y.S. Kagner
Tyumen State Medical University, Tyumen, Russian Federation

Abstract

Background. The study of ethno-specific features of the linguistic worldview is possible through a contrastive analysis of proverbs as representatives of cultural codes that objectify the "FOOD" slot, which serves as a fundamental category of consciousness in the concept spheres of both European and Asian speakers. This study allows to trace how a person's physiological needs for food are shaped by value-based factors (labor, health, hospitality, morality), and how they accumulate information about the household practices of the linguistic community, the climatic characteristics of its habitat, and the historical and cultural conditions of the development of two nations – the Russian and the Chinese.

Purpose. The purpose is to provide a contrastive description of the invariant and idioethnic parameters of the verbalization of the food slot in the Russian and Chinese paremiological worldviews.

Materials and Methods. The study was conducted using 232 paremiological units (127 Russian and 105 Chinese) that objectify the Food slot. The empirical corpus was selected using a comprehensive sampling method from dictionary sources [1; 2]; data processing was carried out using comparative, frequency-based, the frame methods, as well as procedures for thematic classification and conceptual analysis.

Results. The article reveals the ethnospecific features of the representation of the FOOD slot based on the material of idiomatic expressions. In the Russian linguistic

worldview, the core of the slot consists of bread, salt, cabbage soup, porridge – designations of basic survival products, which reflects the harsh climate and agrarian lifestyle of the ethnic group; in the Chinese tradition the core of the FOOD slot is distinguished by thematic fragmentation and species diversity of designations, which indicates different strategies for categorizing food experience. Also, the paremiological fund of the two languages records different models of subjectivity: an actively transformative one (the Russian type) and an adaptively harmonizing one (the Chinese type). Universal for both traditions is the dual connotation of food and its symbolic connection with the assessment of moral and physical qualities of a person.

Keywords: "Taste-based" worldview; FOOD slot; paremias; conceptualization

For citation. Makarova, O. V., & Kagner, Y. S. (2026). The axiological potential of gastronomic terminology in Russian and Chinese paremias. *Russian Social and Humanitarian Studies*, *18*(3), 256-270. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-592

Введение

Сопоставительный аспект исследования гастрономический лексики регулярно становится предметом изучения авторов, которые, рассматривая паремиологический фонд языков, отмечают связь вкусовой картины мира того или иного этноса с глубинными культурными кодами [4; 5; 7; 13 и др.]. Концептуальные метафоры, лежащие в основе китайских идиом с гастрономическим компонентом, также изучаются в современных лексикографических исследованиях [16]. Актуальность настоящей работы продиктована стремлением авторов не только выявить уникальные особенности ситуации вкусового восприятия на базе русского языка как одного их базовых источников информации о системе европейских ценностей и китайского языка как одного из выразительных репрезентантов азиатской картины мира, но и дополнить данные сопоставительной лингвистики в области системного описании этноспецифических механизмов категоризации действительности. Изучение особенностей манифестации ситуации вкусового восприятия на материале двух языков отвечает также актуальной задаче верификации объяснительного потенциала типологически ориентированных методик – в частности, при сопоставлении языков с различной графической и структурной организацией (звукобуквенной и иероглифической).

Несмотря на большое количество исследований, направленных на изучение концептуальной сферы «пища», паремиологическое измерение ситуации вкусового восприятия остается не до конца освоенным. Так, в русско-китайских сопоставительных исследованиях уже получили системное описание метафорические механизмы слов-названий пищевых продуктов, ассоциативные поля пищевых концептов, однако единицей анализа в этих работах выступают в основном объекты вкуса (*хлеб, соль, каша* и др.), свободные словосочетания, бытовые коллокации. Считаем, что контрастивный анализ русских и китайских паремий в аспекте современных антропоцентрических и когнитивных парадигм открывает перспективы для понимания того, как физиологический опыт осмысления пищи трансформируется в морально-этические и социальные категории, определяющие национальную картину мира.

Цель исследования – выявить универсальные и национально-специфические особенности репрезентации слота ЕДА на основе разноструктурных языков.

Материалы и методы

В работе использованы сопоставительный, частотный и фреймовый методы анализа, классификация паремий и их концептуальная характеристика. В результате сплошной выборки паремиологических выражений был получен материал для анализа – корпус из 232 устойчивых сочетаний (127 русских и 105 китайских паремий), объективирующих компонент «еда» [3; 19; 20].

Результаты и обсуждение

Анализ показал, что тематически корпуса исследуемых языков могут быть систематизированы по следующим группам (последовательность упоминания связана с частотностью паремиологических выражений): физиологический аспект (еда как основа жизни); гастрономический подход, связанный с искусством приготовления/подачи еды; ситуация вкусового восприятия как условие формирования межличностных отношений, что отмечается и в ряде работ

[3; 11]; оценочный аспект (источники вкуса как средства оценки физических и моральных качеств человека: кит. 鸡蛋里挑骨头 «Искать кости в яйце», рус. «Злые мёд в устах носят, а яд всякому приносят» и др.). Типологически сходная дифференциация семантического поля «Питание» в паремиологическом фонде различных языков прослеживается в работах [6; 9], авторы которых убедительно обосновывают связь гастрономической лексики с аксиологическими и социальными категориями. Анализ дискурсивных моделей репрезентации концепта «Еда» в речи разных этносов коррелирует с выявлением межкультурных особенностей в оценке физических и моральных качеств человека [8; 10].

Значительная часть китайских и русских паремий, в которых объективируются компоненты слота ЕДА, отражают объективную картину кулинарных традиций этноса. В обоих языках подчёркивается, что качество блюда обусловлено не только вкусом источника, но и кулинарными способностями субъекта восприятия, его навыками обработки продукта (кит. 好厨师一勺汤 好厨师一勺汤 «Хороший повар славится своим бульоном»; рус. «Рыбка мелка, да уха вкусна» и др.). Значимым является также добавление факультативных объектов вкуса – ингредиентов («油多不坏菜» «Масло блюда не испортит»). Уникальными особенностями репрезентации компонента «еда» в китайской лингвокультуре является указание на следующие контрастные признаки: способ приготовления («варить/томить»: 千滚豆腐万炖鱼 «Тысячу раз вскипит тофу, десять тысяч раз потушится рыба», 三滚不如一捂 «Три раза вскипятить не заменит одного томления под крышкой»), характеристику процесса приготовления («бурлящий/тихий»: 紧锅粥，慢锅肉 «Кашу – в бурлящем котле, мясо – в тихом»), качество вкуса («соленый/пресный»: 咸鱼淡肉 «Рыбу – солонее, мясо – преснее», 蒸咸煮淡 «Паровые блюда – солонее, варёные – преснее»), сезонность блюда («зима/лето»: 春鲢夏鲤，秋鳜冬鳊 «Весной – толстолобика, летом – карпа, осенью – окуня, зимой – леща»). В китайской культурной традиции видим нехарактерные для русской культуры эталоны известных вкусов. Так, эталоном сладкого в Китае выступают *дыня, финики*:

歪瓜裂枣甜 «Кривые дыни и треснувшие финики – самые сладкие», острого – *личи*: 一个荔枝三把火 «Один личи – три огня», соленого – *редька*: 咸吃萝卜淡操心 «Ест солёную редьку, а беспокоится о несолёном», кислого – *уксус*: 吃醋 «Пить уксус». Для сравнения в русских паремиях сладкий – это *сахар, мед* («… яства сахарные, питья медвяные», «И сладок мед да в жару киснет»), эталоном горького традиционно является перец («Болезному сердцу горько и без перцу»), кислого – квас («У меня хлеб чистый, квас кислый, ножик острый, отрежем гладко, поедим сладко»), соленого – соль, огурец.

Критерий «Еда как основа жизни» представлен паремиями, в которых указание на источник пищи связано с условиями существования человека и его благополучием (кит. 人是铁，饭是钢，一顿不吃饿得慌 «Человек – железо, еда – сталь, пропустишь обед – сразу станешь слабым», 家有余粮，心中不慌 «Если в доме есть запас зерна, на душе спокойно»; рус. «Хлеб – всему голова», «Без соли, что без воли: жизнь не проживешь», «У кого хлебушко, у того и счастье»). При этом и в Китае, и в России повседневные продукты ценятся выше экзотических, чуждых простому человеку (кит. 咬得菜根 «Ешь рис с отрубями – и стар, и млад будут здоровы»; рус. «Без хлеба куска везде тоска»). Если в китайских паремиях подчеркивается связь еды с космосом, идеей гармонии: 民以食为天 «Для народа еда – это небо», что согласуется с наблюдениями о роли питания в китайской культурной традиции [2], то в русских паремиях акцентируется внимание на духовности: еда – символ святости и родного дома: «Щи да каша – кормилицы наши», «Гречневая каша – матушка наша. Хлеб ржаной – отец наш родной», «Хлеб да вода – святая еда». Особое ритуальное значение хлеба и зерна в русских и китайских паремиях исследуется в работах [11; 14].

Рассмотрим, как в паремиологических выражениях, объективирующих слот ЕДА, отражаются социальные связи. Объекты вкусового восприятия являются средством выражения радушия и уважительного отношения (кит. 上车饺子下车面 «Пельмени – на отъезд, лапша – на приезд»; рус. «От хлеба-соли не отказываются», «Гость на пороге – кисель на столе» и др.). Совместный прием

пищи выступает инструментом укрепления межличностных связей, что в свою очередь улучшает ее восприятие (кит. 人情好，食水甜 «Если отношения хороши, даже вода и еда сладки», 有酒有肉好办事 «С вином и мясом любое дело спорится», 吃人家的嘴软 «Угостишь человека – язык у него станет мягким»; рус. «Угощенье от души слаще меда», «Без соли, без хлеба – худая беседа»). Мы согласны с учеными: Н.Ю. Нелюбовой, Д.С. Скнаревым, Ч. Кол и др. [1; 12], что паремии с компонентом ЕДА транслируют важные социокультурные установки, связанные с ценностями гостеприимства, уважения к окружающим и гармонизации отношений с окружающими людьми. Сходные модели репрезентации социальных связей посредством гастрономических метафор обнаруживаются и в других лингвокультурах [15].

Кроме того, в русских паремиях наблюдается корреляция объектов вкусового восприятия с важными событиями – Масленицей, постом, приездом гостей: «Без блина – не масленица, без пирога – не именины», «Карасёва ушица – гостиная еда», «В пост редьки хвост» и др.

Репрезентации слота ЕДА в паремиях обоих языков часто выступают как инструмент выражения моральных оценок субъекта речи: его трудолюбия, лени, жадности, корысти, а также физических качеств (吃着碗里 «Ест из своей миски, а заглядывает в котёл», 不吃白不吃 «Даром – почему бы и не съесть?», рус. «На лёд – кого пошлю, а на мёд – и сам пойду», «Кто надеется на небо, тот сидит без хлеба», «С виду малина, а раскусишь – мякина» и др.

В китайских и русских паремиях с компонентом «еда» прослеживается также связь с категорией «здоровье», так как свойства объектов вкуса связаны с процессами правильного/неправильного питания, образом жизни человека, его самочувствием. Стереотип здоровой жизни в китайских выражениях обусловлен интеграцией источников вкуса и их сезонности: 冬吃萝卜夏吃姜，不用医生开药方 «Зимой ешь редьку, летом – имбирь, и врач не понадобится», что коррелирует с современными представлениями о сезонном питании в китайской культурной традиции [1]. В русских паремиях

ях доминирует сема «мера» восприятия еды: «Ешь вполсыта, пей вполпьяна – проживёшь век до полна». Общими особенностями репрезентации слота ЕДА в этой группе является негативная оценка превышения меры восприятия, демонстрация веры в целебные свойства натуральных продуктов (吃八成饱，到老肠胃好 «Ешь до 80% сытости – до старости желудок будет здоров»; рус. «Лук от семи недуг», «Болезнь – не беда, коли есть хлеб и вода»), что находит подтверждение в исследованиях гастрономической культуры как в европейской, так и азиатской традициях [5].

Ситуация отсутствия пищи или ее недостатка представлена паремиями о голоде и лишениях. Спецификой китайских выражений является отношение к страданиям как неизбежности, обусловленное философией даосизма, а русских – ироничная оценка действий субъекта и указание на его ошибки, приведшие к ситуации бедности. Если китайские пословицы и поговорки транслируют установки на рациональное отношение к еде, прагматизм в условиях дефицита (一顿省一口，一年省一斗 «Сэкономишь горсть за обедом – сбережёшь меру за год», 巧妇难为无米之炊 «Даже самая искусная хозяйка не сварит каши без крупы»), то в русских паремиологических выражениях видим императив личной ответственности за принятые решения и приоритет повседневного благополучия («Сам кашу заварил, сам и расхлебывай», «Хоть хлеб с водою, зато милый с тобой»).

Количественный анализ русских паремий с компонентом ЕДА показал, что в них регулярно воспроизводятся 89 наименований объектов вкусового восприятия. При этом выявленные номинации относятся к базовым продуктам питания, или пропитания, которые ассоциированы с представлениями о русской кухне и традициями национального гостеприимства: *хлеб, соль, каравай, мед, пироги, кисель, масло, уха*. Другие источники вкуса: *каша, блины, щи, редька, хрен, лук, молоко, оладьи* и др. – также являются символами небогатой жизни человека.

Факт частотности репрезентантов слота ЕДА в русских паремиях отражает аграрную специфику жизни этноса, для которого

характерна ориентация на продукты, необходимые для выживания: хлеб («Хлеб – всему голова», «Без хлеба куска тоска»), соль («Хлеб, соль и вода – молодецкая еда», «Без соли не вкусно…»), щи, каша («Щи да каша – мать наша», «Если хороши щи, так другой пищи не ищи» и др.).

Китайские паремии о еде содержат 75 наименований продуктов, которые отличаются особым разнообразием: не просто *рыба*, а *толстолобик, окунь, черный амур* и др., здесь же находим разновидности *мяса*: *баранину, курицу, свинину, говядину.* Отличительной особенностью является наличие характерных для китайской кухни продуктов питания: *тофу, иглобрюха, личи, женьшеня* и др. Отметим преобладание в китайских паремиях номинаций о мясе (17%) и рыбе (15%), что географически обусловлено наличием пастбищных угодий и разветвлённой водной системы (реки, Восточно- и Южно-китайское моря).

Универсальной особенностью как китайских, так и русских паремиологических выражений о еде является их двойственная коннотация: позитивная, связанная с оценкой объектов вкуса как источников энергии, здоровья, долголетия, средства формирования гармоничных отношений, и негативная, обусловленная стремлением к перееданию, обжорством, метафорически - оценкой нравственных качеств субъекта восприятия.

Заключение

1. Паремии как отражение культурного опыта народа манифестируют коллективные представления этносов о системе питания, отношении к еде. Сравнительный анализ паремий с гастрономическим компонентом позволяет выявить идиоэтнические особенности ценностных ориентиров: в русской традиции репрезентанты слота ЕДА метафорически обусловлены связью с личной ответственностью человека за свое благополучие («Сам кашу заварил, сам и расхлёбывай»); в китайской культуре паремии, относящиеся к теме питания, транслируют идеи бережливости, стойкости, следование принципам гармонии, что обусловлено философией даосизма и

реализацией адаптационно-стратегической функции идиом с компонентом «еда» (一顿省一口，一年省一斗 «Сэкономишь горсть за обедом – сбережёшь меру за год»).

Данная особенность объективации слота ЕДА на материале русского и китайского языков связана с выявлением разных моделей субъектности – активно-преобразовательной (в русской традиции) и адаптивно-гармонизирующей (в китайской традиции).

2. Система манифестации слота ЕДА в паремиях разноструктурных языков обладает рядом универсальных черт: данная структура сознания неразрывно связана с биологическими потребностями человека в пище и с организацией других видов деятельности субъекта – формированием эффективных социальных отношений, интерпретацией понятий «труд», «здоровье», «голод», «богатство» и др. Результаты анализа коррелируют с данными современных исследований в области гастрономической лексики и паремиологии на материале разных языков (узбекского, французского, английского и др.) [17; 18].

3. Концептуальная организация слота ЕДА имеет полевую структуру, отражающую различные стратегии категоризации пищевого опыта в зависимости от типа культуры. Так, к ядерным характеристикам исследуемого слота, которые вербализуются в русской традиции лексемами: *хлеб, соль, щи, каша,* относятся их связь с базовыми продуктами питания, обусловленность экзистенциальным контекстом. Для носителя русского языка еда является символом идентичности, маркером бытия, не только биологического, но и социального. Ядро слота ЕДА в картине мира носителя китайского языка манифестируется номинациями *мяса, рыбы*, уникальных *растений*, что свидетельствует о видовом разнообразии базовых продуктов питания и является следствием гастрономически-дифференцирующей модели вкусового восприятия, обусловленной географическими условиями жизни этноса.

Будучи концептуальной единицей сознания, фрейм вкуса символически отражает систему ценностей этноса, его особенности ведения хозяйства и черты характера.

Описание применения генеративной модели. С целью оптимизации времени при оформлении статьи мы использовали генеративную модель DeepSeek в ограниченном объеме. Вмешательство программы на основе ИИ связано с этапом подготовки рукописи: сокращением объема аннотации до лимита журнала, поиском дополнительных источников литературы. После использования указанного выше инструмента мы пересмотрели контент и берем на себя полную ответственность за содержание опубликованной статьи.

Список литературы

1. Ван, Ц. (2022). Обновление смыслов культуры питания современной китайской семьи. *Общество: философия, история, культура*, (2), 123–126. DOI: https://doi.org/10.24158/fik.2022.2.20. EDN: https://elibrary.ru/EWIREV.
2. Ван, Ю. (2023). Отражение китайской культуры в пословицах о питании. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*, *20*(1), 73–77. DOI: https://doi.org/10.14529/ling230110. EDN: https://elibrary.ru/XKPDGA.
3. Даль, В. (2000). *Толковый словарь живого великорусского языка* (В 4 т.). Москва: Русский язык.
4. Ермолаев, В. А. (2022). Гастрономия: история вопроса в социокультурном контексте. *Вестник культуры и искусств*, (2), 62–70. EDN: https://elibrary.ru/NZKCPM.
5. Ермолаев, В. А. (2023). К вопросу о взаимовлиянии развития общества и гастрономической культуры (на примере европейской и азиатской культур). *KANT: Social Science & Humanities*, (4), 10–19. DOI: https://doi.org/10.24923/2305-8757.2023-16.2. EDN: https://elibrary.ru/BOZDSS.
6. Ильясов, В. С. (2015). Семантическое поле «Питание» как источник формирования русских фразеологизмов. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика*, *15*(3), 33–37. DOI: https://doi.org/10.18500/1817-7115-2015-15-3-33-37. EDN: https://elibrary.ru/UZCBKV.
7. Кабылов, Т., & Усманова, А. (2025). Гастрономический код культуры в паремиологической картине мира английского, киргизского и русского языков. *Bulletin of Science and Practice*, *11*(1), 385–390. DOI: https://doi.org/10.33619/2414-2948/110/46. EDN: https://elibrary.ru/EHOXEK.
8. Каримова, М. Б. (2025). Дискурсивные модели репрезентации еды в русской и таджикской культуре. *Вестник Педагогического университета*, (4), 96–103. EDN: https://elibrary.ru/EMDTXQ.

9. Кучкильдина, О. В. (2013). Обозначение концепта «Еда» в устойчивых выражениях, цитатах и афоризмах русского, английского и немецкого языков. *Вестник ЮУрГГПУ*, (2), 190–198. EDN: https://elibrary.ru/QITASN.
10. Моисеева, И. Ю., & Сорокина, Е. В. (2020). Сравнительный анализ бурятских и русских паремий: межкультурный аспект. *Мир науки, культуры, образования*, (3), 472–474. DOI: https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00620. EDN: https://elibrary.ru/AALQYD.
11. Макарова, О. В. (2017). Концепт «хлеб» как фрагмент русского языкового сознания. *Современные исследования социальных проблем*, *9*(4-1), 248–255. EDN: https://elibrary.ru/YNXDUF.
12. Нелюбова, Н. Ю., Скнарев, Д. С., & Кол, Ч. Ш.-О. (2024). Роль гастрономического компонента в выражении аксиологического смысла тувинских паремий (на фоне русского и французского материала). *Новые исследования Тувы*, (2), 90–111. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.6. EDN: https://elibrary.ru/VPHGJY.
13. Семененко, Н. Н. (2011). Прецедентный потенциал паремий как проблема семантического исследования. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, (2), 19–24. EDN: https://elibrary.ru/NUAGZZ.
14. Цао, Ц., & Зиновьева, Е. И. (2024). Хлебные злаки в русской паремиологической картине мира (на фоне китайского языка). *Мир науки, культуры, образования*, (5), 513–516. DOI: https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-5108-513-516. EDN: https://elibrary.ru/PJQOEC.
15. Geldiashvili, N., & McLoughlin, S. W. (2024). The linguistic approach of the English and Georgian gastronomic paremias. *Theoretical & Applied Science*, (11), 4–9. DOI: https://doi.org/10.15863/TAS.2024.11.139.2. EDN: https://elibrary.ru/TNATCR.
16. Krasikova, E. A. (2025). Conceptual metaphor in Chinese idioms: Lexicographic data. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, (4), 42–48. EDN: https://elibrary.ru/NNPURO.
17. Paliy, V., & Ianytska, O. (2022). Cultural and historical code of phraseological units with gastronomic component in English, Ukrainian and French languages. *Problems of Humanities. "Philology" Series: A Collection of Scientific Articles of the Drohobych Ivan Franko State Pedagogical University*, (49), 171–176. DOI: https://doi.org/10.24919/2522-4565.2022.49.24. EDN: https://elibrary.ru/DWWKPQ.
18. Sharipova, M. (2025). Gastronomic vocabulary and phraseology: Comparative analysis of proverbs and sayings in English and Uzbek languages. *Talabalar ilmiy konferensiyasi "Tilshunoslik masalalari – yosh tadqiqotchilar nigohida"*, *1*(3), 1134–1140. DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.15572386.
19. Ма, Г. (1961). *Яньюй сехоуюй гуаньюнъюй* [马国凡。谚语 歇后语 惯用语。辽宁：人民出版社] [Пословицы, недоговорки, привычные выражения]. Ляонин: Жэньминь чубаньшэ. 77 с.

20. Суйюэ, В. (2022). *Яньюй суюй гуаньюнъюй 1800 тяо* [随阅文化。谚语俗语惯用语 1800 条 。北京：北京工艺美术出版社] [1800 поговорок, пословиц и устойчивых выражений]. Пекин: Бэйцзин гунъимэйшу чубаньшэ. 212 с.

References

1. Wang, C. (2022). Renewal of the meanings of the food culture of the modern Chinese family. *Society: Philosophy, History, Culture*, (2), 123–126. DOI: https://doi.org/10.24158/fik.2022.2.20. EDN: https://elibrary.ru/EWIREV.
2. Wang, Yu. (2023). Reflections of Chinese culture in proverbs about food. *Bulletin of South Ural State University. Series: Linguistics*, *20*(1), 73–77. DOI: https://doi.org/10.14529/ling230110. EDN: https://elibrary.ru/XKPDGA.
3. Dal, V. (2000). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language* (In 4 vols.). Moscow: Russky Yazyk.
4. Yermolayev, V. A. (2022). Gastronomy: The history of the issue in a sociocultural context. *Bulletin of Culture and Arts*, (2), 62–70. EDN: https://elibrary.ru/NZKCPM.
5. Yermolayev, V. A. (2023). On the mutual influence of the development of society and gastronomic culture (the example of European and Asian cultures). *KANT: Social Science & Humanities*, (4), 10–19. DOI: https://doi.org/10.24923/2305-8757.2023-16.2. EDN: https://elibrary.ru/BOZDSS.
6. Ilyasov, V. S. (2015). The semantic field “Food” as a source of Russian phraseologisms. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series Philology. Journalism*, *15*(3), 33–37. DOI: https://doi.org/10.18500/1817-7115-2015-15-3-33-37. EDN: https://elibrary.ru/UZCBKV.
7. Kabylov, T., & Usmanova, A. (2025). The gastronomic code of culture in the paremiological picture of the world of English, Kyrgyz and Russian. *Bulletin of Science and Practice*, *11*(1), 385–390. DOI: https://doi.org/10.33619/2414-2948/110/46. EDN: https://elibrary.ru/EHOXEK.
8. Karimova, M. B. (2025). Discursive models of food representation in Russian and Tajik culture. *Bulletin of the Pedagogical University*, (4), 96–103. EDN: https://elibrary.ru/EMDTXQ.
9. Kuchkildina, O. V. (2013). Designation of the concept “Food” in set expressions, quotations and aphorisms of Russian, English and German. *Vestnik of South Ural State Pedagogical University*, (2), 190–198. EDN: https://elibrary.ru/QITASN.
10. Moiseyeva, I. Yu., & Sorokina, E. V. (2020). A comparative analysis of Buryat and Russian paremias: The cross-cultural aspect. *World of Science, Culture, Education*, (3), 472–474. DOI: https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00620. EDN: https://elibrary.ru/AALQYD.
11. Makarova, O. V. (2017). The concept “bread” as a fragment of Russian linguistic worldview. *Modern Research of Social Problems*, *9*(4-1), 248–255. EDN: https://elibrary.ru/YNXDUF.

12. Nelyubova, N. Yu., Sknarev, D. S., & Kol, Ch. Sh.-O. (2024). The role of the gastronomic component in expressing the axiological meaning of Tuvan paremias (against the background of Russian and French material). *New Research of Tuva*, (2), 90–111. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.6. EDN: https://elibrary.ru/VPHGJY.
13. Semenenko, N. N. (2011). The precedent potential of paremias as a problem of semantic research. *Izvestiya of Volgograd State Pedagogical University*, (2), 19–24. EDN: https://elibrary.ru/NUAGZZ.
14. Cao, Q., & Zinovyeva, E. I. (2024). Cereal crops in the Russian paremiological picture of the world (against the background of the Chinese language). *World of Science, Culture, Education*, (5), 513–516. DOI: https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-5108-513-516. EDN: https://elibrary.ru/PJQOEC.
15. Geldiashvili, N., & McLoughlin, S. W. (2024). The linguistic approach of the English and Georgian gastronomic paremias. *Theoretical & Applied Science*, (11), 4–9. DOI: https://doi.org/10.15863/TAS.2024.11.139.2. EDN: https://elibrary.ru/TNATCR.
16. Krasikova, E. A. (2025). Conceptual metaphor in Chinese idioms: Lexicographic data. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, (4), 42–48. EDN: https://elibrary.ru/NNPURO.
17. Paliy, V., & Ianytska, O. (2022). Cultural and historical code of phraseological units with gastronomic component in English, Ukrainian and French languages. *Problems of Humanities. "Philology" Series: A Collection of Scientific Articles of the Drohobych Ivan Franko State Pedagogical University*, (49), 171–176. DOI: https://doi.org/10.24919/2522-4565.2022.49.24. EDN: https://elibrary.ru/DWWKPQ.
18. Sharipova, M. (2025). Gastronomic vocabulary and phraseology: Comparative analysis of proverbs and sayings in English and Uzbek languages. *Student Scientific Conference "Issues of Linguistics in the Eyes of Young Researchers"*, *1*(3), 1134–1140. DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.15572386.
19. Ma, G. (1961). *Proverbs, xiehouyu and habitual expressions* [马国凡。谚语 歇后语 惯用语。辽宁: 人民出版社]. Liaoning: Renmin Publishing House. 77 pp.
20. Suiyue Culture (2022). *1800 proverbs, sayings and set expressions* [随阅文化。谚语俗语惯用语 1800 条 。北京：北京工艺美术出版社]. Beijing: Beijing Arts and Crafts Publishing House. 212 pp.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Макарова Ольга Владимировна, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, кандидат филологических наук, доцент
Тюменский государственный медицинский университет
ул. Одесская, 54, г. Тюмень, 625023, Российская Федерация
omakarova1980@mail.ru

Кагнер Юлиана Станиславовна, преподаватель кафедры русского языка как иностранного
Тюменский государственный медицинский университет
ул. Одесская, 54, г. Тюмень, 625023, Российская Федерация
july222@inbox.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Olga V. Makarova, Ph. D. in Philology, Associate professor, Head of Department of Russian as a Foreign Language
Tyumen State Medical University
54, Odesskaya Str., Tyumen, 625023, Russian Federation
omakarova1980@mail.ru
SPIN-code: 5658-9943
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3356-6794
ResearcherID: omakarova1980@mail.ru
Scopus Author ID: 57222628365

Yuliana S. Kagner, Teacher of Department of Russian as a Foreign Language
Tyumen State Medical University
54, Odesskaya Str., Tyumen, 625023, Russian Federation
july222@inbox.ru
SPIN-code: 9518-4577
ORCID: https://orcid.org/0009-0008-3448-9496

Поступила 10.08.2026 Received 10.08.2026
После рецензирования 15.09.2026 Revised 15.09.2026
Принята 18.09.2026 Accepted 18.09.2026

Прикладные аспекты лингвистики / Applied Aspects of Linguistics

Научная статья Original article
DOI: 10.12731/3033-5981-2026-18-3-615 **EDN:** OXMNIS
УДК 81'25:811.1

Особенности перевода фонетической антинормы в художественном тексте

Ю.С. Елагина
Оренбургский государственный университет им. В.А. Бондаренко, Оренбург, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Фонетическая антинорма в рамках художественного текста представляет собой стилистический инструмент, используемый автором для создания хронотопа и речевого портрета персонажа. Различия языковых систем делают невозможным механический перенос такой антинормы через прямое копирование, в этом случае представленные в тексте оригинала речевые дефекты, диалектные просторечия или просодические отклонения при переводе утрачивают прагматику автора, превращаясь в карикатуру или опечатку.

Цель. Цель исследования – определение устойчивых закономерностей, определяющих выбор стратегий перевода при передаче фонетической антинормы с русского на английский язык.

Материалы и методы. Материалом для данной работы послужили примеры из произведений русской классической литературы и их переводы на английский язык. Использованные методы включают в себя метод теоретического анализа источников, метод контекстуальной интерпретации и сравнительно-сопоставительный метод в рамках русско-английской языковой пары.

Результаты. В рамках работы были определены основные типы фонетических отклонений (речевые, диалектные и просодические), используемых в качестве стилистического инструмента в художественной литературе. При их переводе чаще всего используется фонологическая нейтрализация, которая компенсируется лексическими и синтаксическими средствами (английскими социолектами, фразовыми глаголами, а также просторечными конструкциями). Таким образом, перевод фонетической антинормы с сохранением прагматики оригинала возможен только за счет межуровневой адаптации текста.

Ключевые слова: фонетическая антинорма; речевой дефект; диалектное просторечие; просодическое отклонение; художественный перевод; языковая девиация

Для цитирования. Елагина, Ю. С. (2026). Особенности перевода фонетической антинормы в художественном тексте. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, *18*(3), 271-288. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-615

Translating the phonetic anti-norm in literary texts

Y.S. Elagina
Orenburg State University named after V.A. Bondarenko,
Orenburg, Russian Federation

Abstract

Background. Phonetic antinorm functions as a stylistic instrument that helps a writer to create chronotop and a speech portrait of a character within the literary text. The differences in the language systems make the mechanical transference by means of direct coping of such deviations impossible, in this case speech or prosodic defects as well as dialectal colloquialisms represented in the original text lose their pragmatic effect in translation making it look like a caricature or a spelling mistake.

Purpose. The purpose of this study is to identify stable patterns that determine the choice of translation strategies when conveying phonetic antinorm from Russian into English.

Materials and methods. The research material consists of fragments from Russian classic and Soviet literature and their English translations. The methodology combines theoretical source analysis, contextual interpretation, and Russian-English comparative analysis.

Results. The study identifies types of phonetic deviations (speech, dialectal, and prosodic) used as a stylistic tool in fiction. They are usually translated into English by means of phonological neutralization compensated for by lexical and syntactic means (English sociolects, phrasal verbs, as well as colloquial constructions).

Keywords: phonetic antinorm; speech defect; dialectal colloquialism; prosodic deviation; literary translation; linguistic deviation

For citation. Elagina, Y. S. (2026). Translating the phonetic anti-norm in literary texts. *Russian Social and Humanitarian Studies*, *18*(3), 271-288. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-615

Введение

Антинорма, как авторский прием, выступает объектом многих лингвистических исследований. Подобный интерес исследователей к языковым девиациям объясняется тем, что авторы

часто используют их как прием при создании образа персонажа в художественной литературе. Стоит отметить, что перевод нестандартной речи представляет интерес не только в рамках классического литературоведения, но затрагивает такие области, как аудиовизуальный перевод и медиаадаптация. Рост же исследований, посвященных проблемам перевода языковых девиаций, только подчеркивает актуальность этой сложной междисциплинарной проблемы [29, с. 16]. Н.Д. Арутюнова в своем исследовании объясняет интерес к данному языковому явлению, отмечая, что человек в первую очередь замечает то, что выбивается из привычной картины – «аномальные явления, поскольку они всегда отделены от среды обитания» [1, с. 4]. Антинорма выполняет функцию текстового маркера, который акцентирует внимание реципиента на ключевых деталях. Однако, трансляция данных маркеров в иноязычную среду затруднена различиями в лингвокультурных кодах. В связи с этим переводчику необходимо воспроизвести языковую антинорму, передать ее прагматическую функцию, которая в оригинале работает на создание образа персонажа, не допустив при этом превращения авторского приема в неумелую графическую стилизацию (к примеру, под акцент), моментально скатывающуюся в зону негативных социокультурных стереотипов, превращая героя в карикатуру [24, с. 34]. На наш взгляд, преодоление данных рисков в переводе возможно только в случае определения соответствующей стратегии с учетом языковых особенностей и культурных кодов обеих языковых систем.

Объектом исследования выступает фонетическая антинорма в оригинальных русскоязычных художественных текстах. *Предметом исследования* являются стратегии и переводческие приемы, используемые для передачи фонетической антинормы на английский язык. *Цель работы* заключается в выявлении закономерностей трансляции фонетической антинормы на английский язык. В соответствии с целью работы были поставлены следующие *задачи*:

1) разграничить понятия языковой нормы, речевой ошибки и авторской антинормы;

2) классифицировать фонетические антинормы на материале русской литературы;

3) проанализировать переводческие стратегии и приемы, используемые при трансляции фонетической антинормы.

Материалы и методы

В качестве материала для данного исследования выступили фрагменты произведений русской классики и советской прозы, а также их существующий перевод на английском языке. Общий объем эмпирической базы исследования составил 52 примера. Для наглядного представления результатов и иллюстрации основных положений работы были использованы наиболее репрезентативные примеры. Методологический аппарат включает в себя метод теоретического анализа источников, метод контекстуальной интерпретации и сравнительно-сопоставительный метод в рамках русско-английской языковой пары.

Результаты и обсуждение

Определение понятия «антинорма», с нашей точки зрения, целесообразно начать с уточнения самого понятия языковой нормы, которая в лингвистическом энциклопедическом словаре трактуется как «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации» [12].

Сложность заключается в условном характере границ между нормой и антинормой и отсутствии возможности их четкого проведения. При этом, как отмечают Н.М. Нестерова и Е.А. Наугольных в своем исследовании, «художественный текст становится особым исследовательским полем, позволяющим раскрыть концепцию нормы/антинормы наиболее целостно и объективно» [16, с. 462].

Языковая норма не ограничена только лингвистическими параметрами, включающими набор языковых средств и правил их употребления, но тесно связана с социально-историческим контекстом, отражая эстетические, а также этические представления общества.

При этом в контексте художественной речи критерии, определяющие норму и антинорму, утрачивают свою актуальность, так как языковые отклонения оцениваются «прежде всего исходя из их специфической художественной функции и нагрузки» [13, с. 73]. Е.В. Клюев в своем исследовании отмечает, что «многозначность абсурдных конструкций, их способность интерпретироваться в самых разных контекстах, является ключевым признаком художественности» [10, с. 100]. Развитие данной идеи прослеживается в статье Л. Ахметзяновой и И. Садыковой, посвященной исследованию материала творчества обэриутов, отмечая, что для Д. Хармса языковые «аномалии» и антинорма становятся фундаментом лингвопоэтики, приводя к «нарративной девиации, разрушению собственно слово- и смыслообразования» [2, с. 8]. В создаваемом автором ирреальном мире читателю предлагается «забыть о законах языка и постичь гармонию» через тотальную инверсию [2, с. 9].

Следовательно, антинорма перестает быть ошибкой и становится целенаправленным отклонением от языковых норм, авторским приемом, который используется в качестве выразительного средства или художественного приема. В отличие от непреднамеренных ошибок, являющихся следствием неграмотности или невнимательности автора, антинорма имеет целенаправленный и обусловленный характер. Вполне объяснимо желание писателя противостоять норме, превратить письмо в «акт перманентного мятежа», направленного против стереотипности, ведь литература – это «блистательный обман», а искусство писать – это искусство «плутовать» с языком [16, с. 463]. Интенционные антинормы, происходящие как на «оси селекции», так и на «оси комбинации», представляют собой авторскую интерпретацию общеязыковых норм, используемых с целью выстраивания уникальной структуры высказывания [16, с. 463]. Попытки упорядочить данные варианты антинормы в современной лингвистике привели к появлению новых типологий. Так, А.Г. Жукова, опираясь на классификацию В. Г. Костомарова, выделяет три таксона: норму (ядро литературного языка), ненорму (промежуточные явления языковой избыточности) и антинорму, которая

противопоставляется норме как «зона запрета» и репрезентирует явления языковой деструкции [6, с. 36]. Однако в художественном пространстве эта деструктивная «зона запрета» парадоксальным образом легализуется и приобретает эстетическую ценность.

Классификация отклонений от языковой нормы может осуществляться по ряду критериев, отражающих природу самого отклонения. В рамках данной статьи в фокусе исследования находятся отклонения на фонетическом уровне, когда нарушения касаются непосредственно произносительных норм языка. Рассмотрим подробнее примеры их употребления в русской литературе и способы их перевода.

Одной из разновидностей фонетической антинормы выступает речевой дефект. Пример подобной девиации представлен в произведении М.А. Булгакова «Белая гвардия» [3], где полковник Най-Турс не выговаривает букву «р»:

– Пишите тгебование, ваше пгевосходительство, – сказал Най, – нам некогда, нам чегез час выходить. Непгиятель, говогят, под самым гогодом.

Данный пример демонстрирует особую манеру речи Най-Турса, которая строится на замене звука [р] на [г], является маркером не картавости, но происхождения персонажа, на что также указывает и фамилия «Най-Турс», имеющая прусско-курляндские корни (прибалтийцы немецкого происхождения) [20]. Таким образом, герой коверкает в словах звук [р], который у многих русских аристократов с немецкими корнями была глухой и шипящей.

В англоязычном переводе Майкла Гленни эта фонетическая игра полностью опущена:

“Please countersign the requisition order, sir”, said Nai. “We haven’t much time, we move off in an hour. The enemy is right outside the city” [25].

В данном примере переводчик прибегнул к нейтрализации, передав предметное содержание фразы, при этом полностью устранив фонетическую антинорму, опуская особенность речи героя. Однако, на наш взгляд, такой вариант было бы ошибкой списывать на небрежность переводчика. Исследователи Я.В. Голованова и М.К. Якубова в своих работах сходятся во мнении, что передача фонетических ис-

кажений ограничена принципом узнаваемости слова. Как отмечает Я.В. Голованова, «слишком измененный графический облик слова может помешать его пониманию. Данные принципы в первую очередь определяют выбор средств изображения акцента в тексте» [5, с. 135-140]. М.К. Якубова указывает на то, что любые отклонения от нормы в художественном тексте по своей природе «стилизованы и псевдоиндивидуальны». По ее мнению, выбор средств для передачи акцента подчиняется «принципу удобства графической репрезентации» и «принципу узнаваемости слова», так как чрезмерное графическое усложнение текста способно полностью разрушить задуманный автором художественный эффект [34, с. 219]. Так, механическая замена звуков [r] на [g] в попытке сохранить картавость персонажа в переводе приведет к нарушению данного принципа узнаваемости, таким образом, прямое копирование даст обратный эффект, когда переведенная речь будет воспринята не как акцент, а как карикатура или пародия на определенный диалект. Используемая переводчиком фонетическая нейтрализация ведет к потере этнокультурного маркера, что «приводит к исчезновению задуманного автором эффекта» [5].

Еще один пример, демонстрирующий дефект речи, представлен в произведении Л.А. Кассиля «Кондуит и Швамбрания», где тётя Сэра вместо [л] произносит [р], тётя Нэса – наоборот. Автор использует данный дефект, чтобы показать единство образов тетушек, похожих как две капли воды.

Тетя Нэса стала читать вслух русскую историю.

– Валяги Люлик, Тлувол и Синеус, – читала тётка Нэса, – плишли плавить Лусью [9].

Автор использует картавость, искажающую в речи тети Нэсы имена собственные (Валяги Люлик, Тлувол), хорошо известные русскоязычному адресату, для получения комического эффекта. При этом англоязычные адресаты в меньшей мере знакомы с русскими реалиями, что предполагает их незнание данных лексем, соответственно, в этом случае их искажение может быть не замечено.

Кроме того, данный речевой дефект персонажей выступает средством их речевой характеристики в тексте: русскоязычный ре-

ципиент понимает, что перед ним человек, который картавит, не выговаривая звук [р].

В переводе, предложенном Ф. Глаголевой, отсутствуют любые фонетические искажения.

Our aunts sat down on the couch and Aunt Neces began reading aloud from a Russian history book: "The Vikings, Rurik, Truvor and Sinehus came to rule Ancient Rus" [27].

Переводчик использует нейтрализацию, опустив фонетическую антинорму в тексте перевода. Возможно, такое решение обусловлено фонетическими различиями в языковых системах русского и английского языков: русский звук [р] является вибрантом [15], в то время как английский [r] относится к гортанному звуку и не имеет вибрантного компонента. Таким образом, отличия в артикуляционных базах в русском и английском языках делают механический перенос данного дефекта при переводе невозможным. При этом в англоязычных странах также фиксируются случаи функциональной дислалии, при которой звук [r] произносится искаженно. В работе британского фонетика Питера Роуча сказано, что наиболее типичной ошибкой англоязычных детей является чрезмерное округление губ, в результате которого вместо звука [r] образуется звук, похожий на [w] [31]. То есть механическая замена в переводе русского звука [р] на английский [l] в словах Рюрик, Трувор дала бы вариант Lulik, Tluvor, который англоязычный реципиент воспринял бы не как речевую особенность персонажа, но как опечатку или бессмыслицу, что создало бы ощущение небрежного перевода. В большинстве найденных примеров подобные фонетические антинормы переводчик нейтрализует, тем не менее, был найден пример, в котором она была частично передана:

– Нехолосый, нехолосый, нехолосый!
– Звой, звой!
– Пьиглашаю вас на пейвую кадъиль [11].
"Naughty, naughty, naughty!"
"Wicked man!"
"I will give you the firtht quadwille" [28].

В двух первых репликах была использована фонетическая нейтрализация, однако, в последней фразе переводчик транслировал фонетический дефект, что с нашей точки зрения, объясняется принципом узнаваемости слова: в лексеме quadrille есть звук [r], который стоит в удобной для трансформации позиции, где его замена на [w] не разрушает узнаваемости слова, позволяя реципиенту расшифровать оригинальное слово. Во втором случае замена лексемы first на firtht является случаем сигматизма (шепелявости) с подменой межзубных звуков свистящими, что является наглядным примером инфантильной речи в английском языке. Таким образом, используя фонетический стереотип английского языка переводчик добился функциональной эквивалентности в переводе данной фразы. Подобные «радикальные изменения содержания осуществляются на прагматическом уровне перевода» и лежат в основе стратегии, направленной на преодоление социокультурной дистанции [17, с.108], тем самым достигая требуемого коммуникативного эффекта.

Как показал анализ материала, писатели использовали фонетическую девиацию в качестве стилистического приема также для формирования хронотопа в произведении, где он, по словам Н.С. Валгиной, становится «словесным образом, средством передачи специального, характерологического смысла» [4, с. 48].

Рассмотрим пример, взятый из произведения М.А. Шолохова «Тихий Дон» [22], где фонетическая антинорма использована в указанной функции:

«Какой же, грит, из тебя, к чертовой матери, хозяин будет, ежели ты так скотину бьешь?»

В данном случае «грит» представляет собой редуцированную форму глагола «говорит», используемую автором для передачи беглой казачьей речи персонажа. Стивен Гарри предложил следующий вариант перевода данного предложения:

“What kind of a master will you make”, says the old man almost in tears, “if you knock the cattle about like that?” [32].

Контаминированная речь не имеет единого решения для перевода. В.В. Посиделова и Д.Ю. Шалков подчеркивают, что «в ори-

гинальном тексте произведения речевые признаки говорящего играют значительную роль в эмоциональном и психологическом образе персонажей, и переводчик должен максимально детально воссоздать речевые портреты персонажей» [19, с. 112]. Стивен Гарри передает эмоциональную составляющую, представленную в оригинале, за счет экспликации «says the old man almost in tears», что позволяет сохранить прагматику сцены, при потере фонетической антинормы. Кроме того, переводчик передает просторечную окраску речи персонажа с помощью разговорного синтаксиса и фразового глагола «knock about».

Рассмотрим еще один пример:

– Гля, ребята, вон энтот длинный, – говорил парень, стоявший рядом с Григорием.

В данном предложении мы наблюдаем два случая фонетической антинормы, созданной автором для создания в речи героя эффекта диалектного просторечия. Лексема «гля» представляющая собой лексико-фонетическую апокопу, являющейся проявлением элизии, явления, которое носит синхронный и диахронный характер и может затрагивать различные позиции слога, приводя к его утрате [14]. Кроме того, в данном примере она выступает маркером спонтанной и динамичной речи. «Энтот» представляет собой протезу, явление, противоположное элизии, когда в слове проявляется вставной элемент, что является маркером ненормированной речи (просторечия, диалекта, детской речи) [7]. Посредством данных языковых средств М. Шолохов отражает территориальную и социальную принадлежность персонажей произведения, добиваясь ее аутентичности.

Рассмотрим перевод Стивена Гарри:

“Look at that tall one over there, lads”, said a young Cossack standing next to Grigory…

Как видим, в данном случае переводчик выбрал тактику фонетической нейтрализации. Однако, стоит указать на лексико-стилистическую компенсацию за счет лексемы «lads», используемую вместо нейтральных «boys», «guys». Возможно, данный выбор языковых средств

объясняется попыткой указать на социальную нишу персонажей, так как лексема lad может быть использована как обобщающее название для группы друзей, особенно молодых людей из рабочего класса [33].

Следующим примером антинормы выступают отклонения в употреблении просодии, а именно в искажении ударений. Как отмечает М.В. Попова, исторически просодическое учение определяло правила версификации, включая распределение ритмических ударений, при этом «особенностью просодии является частое совпадение ритмического ударения с речевым, особенно в конце стиха» [18, с. 152]. Данный прием можно встретить в стихотворениях и поэмах.

Латынь из моды вышла ныне:
Так, если правду вам сказать,
Он знал довольно по-латыне,
Чтоб эпиграфы разбирать.

В приведенном фрагменте, взятом из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин», лексема «эпигра́фы» ярко демонстрирует пример фонетической антинормы со смещением ударения. Данное отклонение выполнено автором осознанно и обусловлено поэтической необходимостью, так как размещение ударения на последнем слоге позволяет сохранить ритмическую целостность строки, так как нормативная форма «эпи́графы» нарушила бы метрическую структуру, сбив темп в строке. Как справедливо было замечено в исследовании И.Н. Филипповой «изменения просодии провоцируют синтаксические и семантические трансформации» [21, с. 168], и эта закономерность в полной мере проявляется при переводе поэзии: невозможность механически перенести оригинальную сверхсегментную структуру вынуждает переводчика искать иные компенсаторные стратегии. При этом в переводе Ч. Джонстона необходимости в смещении ударения нет, в связи в чем просодическая антинорма просто опущена:

Now Latin's gone quite out of favour;
yet, truthfully and not in chaff,
Onegin knew enough to savour
the meaning of an epigraph

На наш взгляд, стоит добавить, что некоторые примеры могут ошибочно считаться антинормой. Рассмотрим следующий пример:

Во дни веселий и желаний
Я был от балов без ума
Верней нет места для признаний
И для вручения письма.

В современном орфоэпическом словаре лексема «балóв» имеет ударение на второй слог [8], однако, в словаре М.А. Штудинера форма «бáлов» отмечается как устаревшая, характерная для начала 19 века [23]. Таким образом, автор использовал данную лексему в соответствии с нормами ударения своего времени, однако, данный аспект может стать проблемным при переводе.

Рассматриваемая нами лексема «балом» была переведена следующим образом:

In days of carefree aspirations,
the ballroom drove me off my head
the safest place for declarations,
and where most surely notes are sped.

Представленный вариант перевода можно отнести к лексико-семантической замене с метонимическим переносом, которая также осложнена грамматической трансформацией, с помощью которой переводчик осуществил компенсацию потери множественности и событийности посредством пространственной конкретизации. Подобная лексическая компенсация подтверждает утверждение, что «элементы просодической супрасегменталии могут быть применимы к фонетическим единствам любого уровня» [18, с. 154]. В результате возникает парадоксальная ситуация. В оригинале писатель связан историческим ударением, которое диктует ему форму слова, иначе собьется ритм. У переводчика нет такой фонетической проблемы, но при этом перед ним стоит задача воссоздать поэтический ритм посредством не просодических, но других языковых средств. Иллюстрируемые примеры передачи языковой антинормы подтверждают сложность перевода смысловой глубины авторских новообразований, их частое упрощение в переводе. Переводчику

приходится жертвовать полнотой формы текста оригинала, упрощая его, что в свою очередь приводит к стилистическому обеднению текста [26, с. 345]. При этом, исследователи отмечают, что попытка перевода подобного текста «помогает лучшему пониманию оригинала», поскольку «некоторые его возможности раскрываются лишь в переводе на другие языки» [16, с. 469].

Заключение

Фонетическая антинорма представляет собой языковой инструмент, который автор использует в художественном тексте для создания речевого портрета персонажа, а также формирования хронотопа. Анализ переводческих решений показал, что механический перенос антинормы, используемой для передачи акцента или речевого дефекта у персонажа, из русского в английский язык приведет к потере прагматики автора, превратив их в карикатуру или создав у англоязычного реципиента неправильное впечатление о неграмотности переводчика, что объясняется различием в языковых системах. Материал статьи показал, что чаще всего переводчики используют стратегию нейтрализации фонетической антинормы, дополняя ее межуровневой компенсацией, таким образом восполняя утраченный фонетический аспект за счет других языковых средств (социолектами, просторечным синтаксисом, фразовыми глаголами). Кроме того, просодическую антинорму также сложно передать с помощью механического переноса, вследствие чего переводчику приходится искать решения для сохранения ритма на лексическом и грамматическом уровне. Таким образом, конкретных алгоритмов, позволяющих выполнить перевод фонетической антинормы проследить не удалось, из чего следует, что ее перевод представляет собой акт творческого компромисса, в котором прагматика оригинала сохраняется только при условии полного отказа от фонологического буквализма.

Описание применения генеративной модели. Во время подготовки статьи мы использовали генеративную языковую модель GigaChat Pro для улучшения стилистического качества отдельных фрагментов текста, подбора синонимических эквивалентов научной

терминологии, а также подготовки англоязычного представления статьи. После использования этого инструмента мы пересмотрели и отредактировали контент по мере необходимости и берем на себя полную ответственность за содержание опубликованной статьи.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. (1987). Аномалии и язык: (К проблеме языковой «картины мира»). *Вопросы языкознания*, (3), 3–19. EDN: https://elibrary.ru/YKCOCH.
2. Ахметзянова, Л. М., & Садыкова, И. А. (2024). Даниил Хармс: языковые «аномалии» или логика языка. *Филология и культура*, (3), 7–11. DOI: https://doi.org/10.26907/2782-4756-2024-77-3-7-11. EDN: https://elibrary.ru/RKQTVU.
3. Булгаков, М. А. (2019). *Белая гвардия*. Москва: Издательство Юрайт. 208 с. EDN: https://elibrary.ru/EAJIVM.
4. Валгина, Н. С. (2003). *Активные процессы в современном русском языке*. Москва. 304 с.
5. Голованова, Я. В. (2010). Средства изображения иностранных акцентов в оригинале и переводе (на материале английского и русского языков). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*, (1), 135–140. EDN: https://elibrary.ru/MVRLTT.
6. Жукова, А. Г. (2017). Ненормы в современной коммуникации (на примере лексемы функционал). *Труды института русского языка им. В.В. Виноградова*, (13), 35–43. EDN: https://elibrary.ru/XUFCKL.
7. Искандари, М., & Саиди, А. (2020). Эпентеза как фонетический процесс в русском и персидском языках. *Вестник Череповецкого государственного университета*, (3), 49–56. DOI: https://doi.org/10.23859/1994-0637-2020-3-96-4. EDN: https://elibrary.ru/SZJDWL.
8. Каленчук, М. Л., Касаткин, Л. Л., & Касаткина, Р. Ф. (2012). *Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и её варианты*. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА. 1008 с.
9. Кассиль, Л. А. (2012). *Кондуит и Швамбрания*. Москва: Комсомольская правда; Санкт-Петербург: Амфора. 317 с.
10. Клюев, Е. В. (2000). *Теория литературы абсурда*. Москва: Изд-во УРАО. 102 с.
11. Куприн, А. И. (1979). *Поединок*. В *Поединок; Рассказы* (с. 3–364). Москва: Художественная литература. 3–364.
12. *Лингвистический энциклопедический словарь* (1990). Москва: Советская энциклопедия. 683 с.
13. Лыков, А. Г. (1972). Окказиональное слово и литературный процесс. *Актуальные проблемы лексикологии и словообразования*, *5*, 73–85.

14. Моради, М. (2022). Рассмотрение разных видов элизии: Аферезы, синкопы и апокопы арабизмов русской лексики в процессе фонетической адаптации. *Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология*, *32*(2), 198–206. DOI: https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-2-198-206. EDN: https://elibrary.ru/XVOCBG.
15. Нестерова, Н. Г., & Фащанова, С. В. (2020). *Фонетика современного русского языка*. Томск: Изд-во Томского государственного университета. 114 с. EDN: https://elibrary.ru/BBDBOR.
16. Нестерова, Н. М., & Наугольных, Е. А. (2019). Деформация языка в произведениях Дж. Джойса: проблема интерпретации и перевода. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*, *23*(2), 460–472. DOI: https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-2-460-472. EDN: https://elibrary.ru/AYSUHB.
17. Олейник, А. Ю. (2020). Изменения на смысловом уровне как ключевой факт опосредованной коммуникации и теории перевода. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова*, *3*, 105–118. DOI: https://doi.org/10.25587/a5199-9816-6456-h. EDN: https://elibrary.ru/XSZNLF.
18. Попова, М. В. (2021). Сравнительный анализ понятий «просодия», «интонация» и смежных специальных терминов в лингвистике. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, (11), 150–160. DOI: https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_11_853_150. EDN: https://elibrary.ru/KJCJWN.
19. Посиделова, В. В., & Шалков, Д. Ю. (2024). Отклонение от литературной нормы в художественной литературе: переводческий аспект. *Гуманитарные и социальные науки*, *103*(2), 111–117. DOI: https://doi.org/10.18522/2070-1403-2024-103-2-111-117. EDN: https://elibrary.ru/OVAQKW.
20. Тинченко, Я. (1997). *Белая гвардия Михаила Булгакова*. Киев, Львов. 252 с.
21. Филиппова, И. Н. (2020). Просодические ошибки киноперевода. *Теория языка и межкультурная коммуникация*, (4), 158–173. EDN: https://elibrary.ru/ZLYTQX.
22. Шолохов, М. А. (1991). *Тихий Дон*. Москва: Художественная литература.
23. Штудинер, М. А. (2017). *Словарь трудностей русского языка для работников СМИ. Ударение, произношение, грамматические формы*. Москва: Издательство «Словари XXI века». 592 с.
24. Bondarenko, O. R. (2020). Russian Accent in English Written Discourse. *IAFOR Journal of Education: Language Learning in Education*, *8*(1). DOI: https://doi.org/10.22492/ije.8.1.02. EDN: https://elibrary.ru/PDKIEW.
25. Bulgakov, M. (1971). *The White Guard* (M. Glenny, Trans.). HarperCollins/Havill.
26. Dhyaningrum, A. (2020). Linguistic deviation and techniques of translation in *Spring of Kumari Tears*. *Journal of Language and Literature*, *20*(2), 344 p. DOI: https://doi.org/10.24071/joll.v20i2.2651. EDN: https://elibrary.ru/EGNDXA.
27. Kassil, L. (1978). *The Black Book and Schwambrania*. Moscow: Progress Publishers. 253 p.

28. Kuprin, A. I. (2017). *The Duel*. Litres. 340 p.
29. Parini, I. (2024). Accent and Dialect in Literary Adaptations and in Translation. В кн.: I. Ranzato & P. Zabalbeascoa (Eds.), *The Palgrave Handbook of Multilingualism and Language Varieties on Screen* (pp. 333–360). Cham: Springer Nature Switzerland. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-61621-1_16.
30. Pushkin, A. S. *Eugene Onegin* (C. H. Johnston, Trans.). Penguin Books Ltd.
31. Roach, P. (2009). *English Phonetics and Phonology: A Practical Course* (4th ed.). Cambridge University Press. 256 p.
32. Sholokhov, M. (1959). *And Quiet Flows the Don* (S. Garry, Trans.; R. Daglish, Rev.). Moscow: Foreign Languages Publ. House.
33. Stevenson, A. (2010). *Oxford Dictionary of English* (3rd ed.). Oxford University Press. 2112 p.
34. Yakubova, M. K. (2022). Means of Expressing Foreign Accents in the Original Sources and in Translation of the English and Russian Languages. *Central Asian Journal of Literature, Philosophy and Culture*, *3*(6), 217–220.

References

1. Arutyunova, N. D. (1987). Anomalies and language: (On the problem of the linguistic "picture of the world"). *Issues of Linguistics*, (3), 3–19. EDN: https://elibrary.ru/YKCOCH.
2. Akhmetzyanova, L. M., & Sadykova, I. A. (2024). Daniil Kharms: Linguistic "anomalies" or the logic of language. *Philology and Culture*, (3), 7–11. DOI: https://doi.org/10.26907/2782-4756-2024-77-3-7-11. EDN: https://elibrary.ru/RKQTVU.
3. Bulgakov, M. A. (2019). *The White Guard*. Moscow: Yurait Publishing House. 208 p. EDN: https://elibrary.ru/EAJIVM.
4. Valgina, N. S. (2003). *Active Processes in Modern Russian*. Moscow. 304 p.
5. Golovanova, Ya. V. (2010). Depicting foreign accents in the original and in translation (based on English and Russian material). *Bulletin of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental Studies. Journalism*, (1), 135–140. EDN: https://elibrary.ru/MVRLTT.
6. Zhukova, A. G. (2017). Non-norms in modern communication (the example of the lexeme "functional"). *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, (13), 35–43. EDN: https://elibrary.ru/XUFCKL.
7. Iskandari, M., & Saidi, A. (2020). Epenthesis as a phonetic process in Russian and Persian. *Bulletin of Cherepovets State University*, (3), 49–56. DOI: https://doi.org/10.23859/1994-0637-2020-3-96-4. EDN: https://elibrary.ru/SZJDWL.
8. Kalenchuk, M. L., Kasatkin, L. L., & Kasatkina, R. F. (2012). *The Great Orthoepic Dictionary of the Russian Language: Literary Pronunciation and Stress of the Early 21st Century – the Norm and Its Variants*. Moscow: AST-PRESS BOOK. 1008 p.
9. Kassil, L. A. (2012). *Conduit and Shvambrania*. Moscow: Komsomolskaya Pravda; Saint Petersburg: Amphora. 317 p.

10. Klyuev, E. V. (2000). *The Theory of Literature of the Absurd*. Moscow: URAO Publishing House. 102 p.
11. Kuprin, A. I. (1979). *The Duel*. In *The Duel; Short Stories* (pp. 3–364). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. 3–364.
12. *Linguistic Encyclopedic Dictionary* (1990). Moscow: Soviet Encyclopedia. 683 p.
13. Lykov, A. G. (1972). Occasional words and the literary process. *Current Problems of Lexicology and Word Formation*, *5*, 73–85.
14. Moradi, M. (2022). Examining different types of elision: Apheresis, syncope, and apocope of Arabicisms in Russian vocabulary in the process of phonetic adaptation. *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, *32*(2), 198–206. DOI: https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-2-198-206. EDN: https://elibrary.ru/XVOCBG.
15. Nesterova, N. G., & Faschanova, S. V. (2020). *Phonetics of Modern Russian*. Tomsk: Tomsk State University Press. 114 p. EDN: https://elibrary.ru/BBDBOR.
16. Nesterova, N. M., & Naugolnykh, E. A. (2019). Language deformation in James Joyce's works: The problem of interpretation and translation. *RUDN Journal of Linguistics*, *23*(2), 460–472. DOI: https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-2-460-472. EDN: https://elibrary.ru/AYSUHB.
17. Oleinik, A. Yu. (2020). Semantic-level changes as a key fact of mediated communication and translation theory. *Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov*, *3*, 105–118. DOI: https://doi.org/10.25587/a5199-9816-6456-h. EDN: https://elibrary.ru/XSZNLF.
18. Popova, M. V. (2021). A comparative analysis of the concepts of "prosody", "intonation" and related special terms in linguistics. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, (11), 150–160. DOI: https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_11_853_150. EDN: https://elibrary.ru/KJCJWN.
19. Posidelova, V. V., & Shalkov, D. Yu. (2024). Deviation from the literary norm in fiction: The translation aspect. *Humanities and Social Sciences*, *103*(2), 111–117. DOI: https://doi.org/10.18522/2070-1403-2024-103-2-111-117. EDN: https://elibrary.ru/OVAQKW.
20. Tynchenko, Y. (1997). *Mikhail Bulgakov's White Guard*. Kyiv, Lviv. 252 p.
21. Filippova, I. N. (2020). Prosodic errors in film translation. *Language Theory and Intercultural Communication*, (4), 158–173. EDN: https://elibrary.ru/ZLYTQX.
22. Sholokhov, M. A. (1991). *And Quiet Flows the Don*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura.
23. Shtudiner, M. A. (2017). *A Dictionary of Difficulties of the Russian Language for Media Professionals: Stress, Pronunciation, Grammar Forms*. Moscow: Slovari XXI Veka Publishing House. 592 p.
24. Bondarenko, O. R. (2020). Russian Accent in English Written Discourse. *IAFOR Journal of Education: Language Learning in Education*, *8*(1). DOI: https://doi.org/10.22492/ije.8.1.02. EDN: https://elibrary.ru/PDKIEW.

25. Bulgakov, M. (1971). *The White Guard* (M. Glenny, Trans.). HarperCollins/Havill.
26. Dhyaningrum, A. (2020). Linguistic deviation and techniques of translation in *Spring of Kumari Tears*. *Journal of Language and Literature*, *20*(2), 344 p. DOI: https://doi.org/10.24071/joll.v20i2.2651. EDN: https://elibrary.ru/EGNDXA.
27. Kassil, L. (1978). *The Black Book and Schwambrania*. Moscow: Progress Publishers. 253 p.
28. Kuprin, A. I. (2017). *The Duel*. Litres. 340 p.
29. Parini, I. (2024). Accent and Dialect in Literary Adaptations and in Translation. In I. Ranzato & P. Zabalbeascoa (Eds.), *The Palgrave Handbook of Multilingualism and Language Varieties on Screen* (pp. 333–360). Cham: Springer Nature Switzerland. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-61621-1_16.
30. Pushkin, A. S. *Eugene Onegin* (C. H. Johnston, Trans.). Penguin Books Ltd.
31. Roach, P. (2009). *English Phonetics and Phonology: A Practical Course* (4th ed.). Cambridge University Press. 256 p.
32. Sholokhov, M. (1959). *And Quiet Flows the Don* (S. Garry, Trans.; R. Daglish, Rev.). Moscow: Foreign Languages Publishing House.
33. Stevenson, A. (2010). *Oxford Dictionary of English* (3rd ed.). Oxford University Press. 2112 p.
34. Yakubova, M. K. (2022). Means of Expressing Foreign Accents in the Original Sources and in Translation of the English and Russian Languages. *Central Asian Journal of Literature, Philosophy and Culture*, *3*(6), 217–220.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Елагина Юлия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной лингвистики и перевода
Оренбургский государственный университет им. В.А. Бондаренко
просп. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
juliaelagina@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Yuliya S. Elagina, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Applied Linguistics and Translation
Orenburg State University named after V.A. Bondarenko
13, Pobedy Ave., Orenburg, 460018, Russian Federation
juliaelagina@yandex.ru
SPIN-code: 7758-4438
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6351-9710

Поступила 02.08.2026
После рецензирования 13.09.2026
Принята 16.09.2026

Received 02.08.2026
Revised 13.09.2026
Accepted 16.09.2026

Прикладные аспекты лингвистики / Applied Aspects of Linguistics

Научная статья Original article
DOI: 10.12731/3033-5981-2026-18-3-568 **EDN:** XNGPOU
УДК 81’25

Специфика передачи религиозно-правовой терминологии произведения Мухаммада ал-Булгари «Хазинатуль-улема ва зинетуль-фукаха» на русский язык

Ф.Х. Тарасова[1], М.Р. Тимуршин[1,2]
[1]Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация
[2]Болгарская исламская академия, Болгар, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Статья посвящена исследованию способов передачи религиозно-правовой терминологии произведения Мухаммада ал-Булгари «Хазинатуль-улема ва зинетуль-фукаха» на русский язык. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки научно обоснованных подходов к переводу исламских богословских текстов, содержащих специализированную терминологию фикха. Несмотря на наличие значительного числа работ по теории перевода и исламоведению, особенности передачи религиозно-правовой терминологии классических мусульманских произведений остаются недостаточно изученными.

Цель. Цель исследования заключается в выявлении основных способов передачи религиозно-правовой терминологии произведения Мухаммада ал-Булгари «Хазинатуль-улема ва зинетуль-фукаха» на русский язык, а также в определении функциональной роли ключевых терминов фикха в структуре религиозного дискурса. Особое внимание уделяется терминам طهارة(ритуальная чистота / очищение), وضوء (омовение), صلاة(молитва), а также правовым категориям فرض (обязательное предписание), سنة (сунна), نفل(добровольное действие), بدعة(нововведение).

Материалы и методы. Материалом исследования послужил арабский текст рукописи Мухаммада ал-Булгари. В доступной автору научной литературе полный официальный перевод произведения на русский язык не выявлен. Поэтому в статье анализируется авторская рабочая передача отдельных терминологических единиц и контекстов. В работе применяются лексико-семантический, контекстуальный, сопоставительный и количественный методы анализа.

Результаты. Количественный анализ электронного текста рукописи показал высокую частотность терминов صلاة, وضوء, طهارة, سنة, فرض, نفل, بدعة. Установлено, что при передаче терминов фикха на русский язык используются эквивалентный перевод, конкретизация, транслитерация и описательная передача. Показано, что выбор способа передачи определяется семантической структурой термина, его функцией в контексте и степенью закреплённости соответствующего понятия в русскоязычной исламоведческой традиции.

Научная новизна. Научная новизна исследования заключается в том, что произведение Мухаммада ал-Булгари впервые рассматривается как объект переводоведческого анализа религиозно-правовой терминологии фикха. В работе уточняется функциональная связь между понятиями طهارة, وضوء и صلاة, а также показывается роль нормативных категорий فرض, سنة, نفل, بدعة в организации религиозно-правового дискурса.

Keywords: религиозно-правовая терминология; исламское право; фикх; арабский язык; перевод; религиозный дискурс; Мухаммад ал-Булгари; лингвокультурный анализ; теория перевода; исламская традиция

Для цитирования. Тарасова, Ф. Х., & Тимуршин, М. Р. (2026). Специфика передачи религиозно-правовой терминологии произведения Мухаммада ал-Булгари «Хазинатуль-улема ва зинетуль-фукаха» на русский язык. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, *18*(3), 289-305. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-568

Specifics of rendering religious legal terminology into Russian in Muhammad al-Bulgari's work "Khazinat al-'Ulama wa Zinat al-Fuqaha"

F.Kh. Tarasova[1], M.R. Timurshin[1,2]
[1]Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation
[2]Bolgar Islamic Academy, Bolgar, Russian Federation

Abstract

Background. The article examines the ways of rendering religious legal terminology from Muhammad al-Bulgari's work "Khazinat al-'Ulama wa Zinat al-Fuqaha" into Russian. The relevance of the study is determined by the need to develop academically grounded approaches to translating Islamic theological texts containing specialized fiqh terminology.

Purpose. The purpose of the study is to identify the main ways of rendering religious legal terminology into Russian and to determine the functional role of key fiqh terms in the structure of religious discourse. Special attention is paid to the terms طهارة(ritual

purity / purification), وضوء (ablution), صلاة (prayer), as well as the legal categories فرض (obligatory prescription), سنة (sunnah), نفل (voluntary act), بدعة(innovation).

Materials and methods. The research material is the Arabic manuscript text of Muhammad al-Bulgari's work. No complete official scholarly Russian translation of the work has been identified in the available literature. Therefore, the article analyzes the author's working translation of selected terminological units and contexts. The study applies lexical-semantic, contextual, comparative and quantitative methods of analysis.

Results. The quantitative analysis of the electronic text of the manuscript revealed a high frequency of the terms صلاة, وضوء, طهارة, سنة, فرض, نفل, بدعة. The study shows that equivalent translation, specification, transliteration and descriptive rendering are used in translating fiqh terminology into Russian. The choice of a translation technique depends on the semantic structure of the term, its contextual function and the degree to which the corresponding concept is established in Russian Islamic studies.

Scientific novelty. The novelty of the study lies in the fact that Muhammad al-Bulgari's work is considered as an object of translation analysis of religious legal terminology. The article clarifies the functional relationship between طهارة, وضوء and صلاة and demonstrates the role of فرض, سنة, نفل, بدعة in the organization of religious legal discourse.

Keywords: religious legal terminology; Islamic law; fiqh; Arabic language; translation; religious discourse; Muhammad al-Bulgari; linguocultural; analysis; translation studies; Islamic tradition

For citation. Tarasova, F. Kh., & Timurshin, M. R. (2026). Specifics of rendering religious legal terminology into Russian in Muhammad al-Bulgari's work "Khazinat al-'Ulama wa Zinat al-Fuqaha". *Russian Social and Humanitarian Studies*, *18*(3), 289-305. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-568

Введение

В последние годы наблюдается устойчивый рост интереса к исламскому богословскому наследию и его роли в формировании интеллектуальной традиции мусульманского мира. Особое значение приобретают исследования, посвящённые анализу религиозных текстов, содержащих специализированную терминологию исламского права (фикх). Перевод подобных произведений требует не только лингвистической точности, но и учёта культурно-исторического контекста функционирования религиозных понятий.

Вопросы передачи культурно маркированной и религиозно маркированной лексики рассматриваются в отечественной и зарубежной переводоведческой традиции. В работах Л. С. Бархударова,

В. Н. Комиссарова и M. Baker подчёркивается необходимость поиска функциональных соответствий в языке перевода, а современные исследования исламской религиозной терминологии специально обращают внимание на разграничение перевода, транслитерации и описательной передачи [4; 6; 17; 18].

Религиозно-правовой дискурс характеризуется высокой степенью терминологичности. Его основная функция заключается в передаче нормативных установлений, правил культовой практики и духовно-нравственных смыслов. Исследования исламской теологической лексики, религиозного социолекта и перевода религиозных выражений показывают, что подобные термины требуют учета не только лексического значения, но и их конфессиональной, культурной и правовой нагрузки [10; 11; 15; 16; 20].

Особое место среди памятников исламской правовой мысли занимает произведение Мухаммада ал-Булгари «Хазинатуль-улема ва зинетуль-фукаха», представляющее собой сборник религиозно-нормативных положений, включающих хадисы, толкования и богословско-правовые комментарии. Рукопись данного произведения рассматривается в контексте письменного наследия мусульманских народов, традиции фикха и рукописной исламской учености [1; 2; 3; 5].

В тексте произведения широко представлена религиозно-правовая терминология, связанная с понятиями طهارة (ритуальная чистота / очищение), وضوء (омовение), صلاة (молитва). Эти термины соотносятся с кораническим предписанием очищения перед молитвой и с исламской правовой традицией, в рамках которой ритуальное очищение рассматривается как условие допустимости молитвы [7; 8; 12]. В нормативной структуре текста также функционируют категории فرض (обязательное предписание), سنة (сунна), نفل(добровольное действие), بدعة (нововведение), характеризующие степень обязательности и правовую оценку религиозного действия [13; 14].

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью изучения способов передачи религиозно-правовой терминологии классических исламских текстов на русский язык. Особую значимость имеет анализ тех случаев, когда прямой словарный эквивалент не раскрывает богословско-правовой смысл термина, а пе-

реводчик вынужден выбирать между эквивалентом, конкретизацией, транслитерацией и описательной передачей [11; 15; 16; 18; 19].

Целью исследования является выявление способов передачи ключевых религиозно-правовых терминов произведения Мухаммада ал-Булгари «Хазинатуль-улема ва зинетуль-фукаха» на русский язык и определение их функциональной роли в структуре исламского правового дискурса. Для достижения поставленной цели рассматриваются устойчивые русские соответствия, случаи конкретизации значения, транслитерации и описательной передачи терминов фикха.

В настоящем исследовании разграничиваются понятия «переводческая стратегия», «метод перевода», «способ / приём перевода» и «переводческая трансформация». Переводческая стратегия понимается как общий принцип переводческой деятельности, метод перевода – как более общий путь организации перевода текста или его фрагмента, способ / приём перевода – как конкретное решение при передаче отдельной языковой единицы, а переводческая трансформация – как лексическое, грамматическое или лексико-грамматическое преобразование, необходимое для достижения смысловой и функциональной адекватности [4; 6; 17]. В связи с этим в статье основное внимание уделяется конкретным способам передачи религиозно-правовых терминов фикха на русский язык.

Научная новизна исследования состоит в том, что произведение Мухаммада ал-Булгари «Хазинатуль-улема ва зинетуль-фукаха» впервые рассматривается как объект переводоведческого анализа религиозно-правовой терминологии фикха. В отличие от работ, посвящённых источниковедческому описанию рукописи, истории мусульманской правовой мысли и отдельным вопросам исламской терминологии, в настоящей статье акцент сделан на способах передачи терминов фикха на русский язык [2; 3; 5; 14].

Материалы и методы

Материалом исследования послужил арабский текст произведения Мухаммада ал-Булгари «Хазинатуль-улема ва зинетуль-фукаха» [8]. В доступной автору научной литературе полный официальный научный перевод произведения на русский язык не выявлен; све-

дения о рукописи и её научной значимости представлены в работе Ахмета Унсала [3]. В связи с этим в статье анализируется авторская рабочая передача отдельных религиозно-правовых терминов и контекстов на русский язык.

Объектом исследования является религиозно-правовая терминология произведения, отражающая ключевые понятия исламского права. Предмет исследования составляют способы передачи терминов фикха с арабского языка на русский. При определении терминологического статуса анализируемых единиц учитывались исследования по исламскому праву, богословской терминологии и русскоязычному исламскому социолекту [5; 10; 12; 14].

В ходе исследования особое внимание уделяется терминам طهارة (ритуальная чистота / очищение), وضوء (омовение), صلاة (молитва), а также связанным с ними правовым категориям فرض (обязательное предписание), سنة(сунна), نفل (добровольное действие), بدعة (нововведение). Эти единицы были отобраны как репрезентативные для анализа понятийного поля ритуальной чистоты, молитвенной практики и нормативной классификации религиозных действий.

Методологическую основу исследования составляют лексико-семантический, контекстуальный, сопоставительный и количественный методы анализа. Лексико-семантический и контекстуальный анализ позволяют определить значение термина в религиозно-правовом контексте, сопоставительный метод – выявить русские соответствия, а количественный анализ – установить частотность употребления ключевых терминов в электронном тексте рукописи. Такое сочетание методов соответствует задачам анализа терминологической лексики и перевода культурно-религиозных единиц [4; 6; 9; 18; 20].

При подсчёте частотности учитывались словоформы, содержащие соответствующую арабскую основу, включая формы с определённым артиклем, предлогами и союзами. Поскольку анализ осуществляется на основе электронного текста рукописи, результаты количественного подсчёта рассматриваются как предварительные и используются для выявления общей частотной тенденции, а не как окончательный корпусный показатель [8].

Результаты и обсуждение

Анализ произведения Мухаммада ал-Булгари «Хазинатуль-улема ва зинетуль-фукаха» показал, что ключевое место в тексте занимает религиозно-правовая терминология, связанная с нормами исламского права, ритуального очищения и молитвенной практики [8]. Данные термины формируют понятийную структуру религиозного дискурса и отражают взаимосвязь правовых предписаний, богословских положений и этических норм.

Для уточнения функциональной роли ключевых терминов был проведён количественный анализ электронного текста рукописи [8]. Полученные данные позволяют определить, какие единицы образуют ядро анализируемого религиозно-правового поля и какие переводческие решения являются наиболее значимыми для их передачи на русский язык.

Таблица 1.

Частотность ключевых религиозно-правовых терминов в анализируемом материале

Table 1. Frequency of key religious-legal terms in the material under analysis

Арабский термин	Рабочая передача на русский язык	Частотность	Функциональная характеристика
صلاة / الصلاة	молитва	208	центральное понятие религиозной практики
وضوء / الوضوء	омовение	43	ритуальное действие, условие молитвы
طهارة / الطهارة	ритуальная чистота / очищение	22	понятие внешней и внутренней чистоты
سنة	сунна	62	нормативная категория религиозной практики
فرض	обязательное предписание	11	категория обязательности
نفل	добровольное действие	5	категория дополнительного действия
بدعة	нововведение	3	отрицательно маркированная категория

Источники: составлено автором на основе количественного анализа электронного текста рукописи [8].

Данные таблицы показывают, что наиболее частотной единицей является صلاة / الصلاة, что объясняется общей тематикой анали-

зируемых разделов рукописи, посвящённых омовению, чистоте и молитве. Значимую группу образуют طهارة / الطهارة и وضوء / الوضوء, поскольку именно через эти термины раскрывается условие допустимости молитвы и связь внешнего ритуального очищения с внутренним нравственным состоянием человека.

Нормативные категории بدعة и سنة, فرض, نفل представлены менее равномерно, однако их функция является принципиально важной: они позволяют описать правовой статус действия и разграничить обязательное, желательное, добровольное и порицаемое. Следовательно, при переводе данных терминов необходимо учитывать не только их словарное значение, но и место в системе исламской правовой классификации.

Таблица 2.

Контекстное употребление терминов и способы их передачи на русский язык

Table 2. Contextual use of terms and methods for rendering them into Russian

Контекст в рукописи	Рабочий перевод	Способ передачи	Комментарий
«الوضوء يشتمل على أقسام منه واجب، ومنه سنة، ومنه نفل، ومنه بدعة …»	«Омовение включает несколько видов: обязательное, добровольное, сунну … и нововведение»	эквивалентный перевод; транслитерация; описательная передача	Термин وضوء передаётся устойчивым соответствием «омовение»; سنة сохраняется как «сунна»; فرض и نفل требуют смыслового раскрытия.
«إن الباب الذي تفتح منه الصلاة هو الوضوء، والمفتاح للباب»	«Дверь открывается только ключом, а омовение является ключом к молитве»	эквивалентный перевод; сохранение метафорической структуры	Сохраняется образная модель «омовение – ключ к молитве», важная для понимания связи очищения и молитвы.
«مفتاح الصلاة الطهارة»	«Ключ к молитве – ритуальная чистота»	конкретизация	Термин طهارة переводится как «ритуальная чистота», поскольку простое слово «чистота» не передаёт религиозно-правовую специфику.
«طهارة اذاه، طهارة ام الظاهر والباطن؟»	«Это чистота внешняя, а что же является чистотой внутренней?»	контекстуальная передача	В данном случае طهارة функционирует как понятие не только внешнего, но и внутреннего очищения.

Источники: составлено автором на основе анализа контекстов рукописи [8].

Приведённые контексты показывают, что религиозно-правовая терминология в произведении Мухаммада ал-Булгари функционирует не изолированно, а в составе устойчивых смысловых связей [8]. Термин وضوء обозначает конкретное ритуальное действие и в большинстве случаев передаётся русским эквивалентом «омовение». Его значение раскрывается через связь с صلاة, поскольку омовение представлено как необходимое условие совершения молитвы.

Особенно показательна метафорическая формула «الوضوء مفتاح الصلاة», в которой омовение осмысляется как «ключ» к молитве [8]. При передаче данного фрагмента важно сохранить не только терминологическое значение, но и образную структуру высказывания, поскольку она связывает юридическое предписание с духовной символикой очищения.

Термин طهارة имеет более широкую семантику. В одних контекстах он обозначает ритуальную чистоту как правовое условие молитвы, в других – внутреннее, нравственное очищение [8]. Поэтому его передача зависит от контекста: в юридически маркированных фрагментах предпочтительно использовать конкретизацию «ритуальная чистота», а в духовно-нравственных контекстах возможна передача словом «очищение» или сочетанием «внутренняя чистота».

Правовые категории نفل, سنة, فرض и بدعة отражают степень нормативности религиозного действия. В русском переводе они требуют разных способов передачи. Термин فرض целесообразно переводить описательно как «обязательное предписание» или «обязательное действие», поскольку простая транслитерация «фард» может быть недостаточно понятна широкому читателю. Термин سنة может сохраняться в форме «сунна», так как он закреплён в русскоязычной исламоведческой традиции. Термин نفل требует описательной передачи как «добровольное» или «дополнительное действие», а بدعة – как «нововведение» с учётом его отрицательной оценки в религиозно-правовом контексте [13; 14; 18].

В переводоведческой литературе эквивалентность рассматривается как один из основных принципов передачи содержания исходного текста средствами другого языка [4; 6; 17]. При переводе

культурно маркированной и религиозной лексики особое значение приобретают такие способы передачи, как конкретизация, транслитерация и описательный перевод, поскольку они позволяют учитывать не только денотативное значение единицы, но и её культурно-религиозную нагрузку [15; 16; 18; 19; 20].

В результате проведённого анализа установлено, что при передаче религиозно-правовой терминологии произведения Мухаммада ал-Булгари на русский язык используются четыре основных способа: эквивалентный перевод, конкретизация, транслитерация и описательная передача. Их распределение определяется семантической структурой термина, степенью его закреплённости в русскоязычной исламоведческой традиции и функцией в конкретном контексте рукописи.

Таблица 3.

Распределение способов передачи ключевых терминов фикха

Table 3. Distribution of methods of transmitting key fiqh terms

Арабский термин	Рабочая передача	Способ передачи	Обоснование
صلاة	молитва	эквивалентный перевод	устойчивое соответствие в русском языке
وضوء	омовение	эквивалентный перевод	закреплённое соответствие для ритуального очищения перед молитвой
طهارة	ритуальная чистота / очищение	конкретизация / контекстуальная передача	значение зависит от противопоставления внешней и внутренней чистоты
سنة	сунна	транслитерация	термин закреплён в исламоведческой традиции
فرض	обязательное предписание	описательная передача	раскрывается правовой статус действия
نفل	добровольное действие	описательная передача	требует пояснения для русскоязычного читателя
بدعة	нововведение	эквивалентный перевод с учётом оценки	сохраняется отрицательная религиозно-правовая маркированность

Источники: составлено автором на основе анализа терминологических соответствий рукописи [8].

Культурно-специфические религиозно-правовые термины передаются на русский язык различными способами в зависимости от степени их освоенности в русскоязычной исламоведческой традиции и наличия устойчивого соответствия. Современные исследования перевода исламских терминов показывают, что транслитерация не должна применяться механически: она оправдана прежде всего тогда, когда необходимо сохранить религиозно-культурную маркированность термина, а его значение может быть раскрыто в пояснении или контексте [18; 20]. Так, термин سنة целесообразно передавать как «сунна», поскольку данное соответствие закреплено в научной и религиозной практике. В то же время термин نفل предпочтительно передавать описательно – «добровольное действие», «дополнительное религиозное действие», поскольку простая транслитерация может быть недостаточно понятна широкому русскоязычному читателю.

Таким образом, перевод религиозно-правовой терминологии произведения Мухаммада ал-Булгари требует комплексного подхода, учитывающего особенности исламского дискурса, специфику терминологической системы фикха и традиции перевода религиозных текстов. Терминологическая точность здесь достигается не одним универсальным способом, а сочетанием эквивалентного перевода, конкретизации, транслитерации и описательной передачи.

Заключение

Проведённое исследование позволило выявить особенности передачи религиозно-правовой терминологии произведения Мухаммада ал-Булгари «Хазинатуль-улема ва зинетуль-фукаха» на русский язык. Поскольку полный официальный научный перевод данного произведения на русский язык в доступной автору литературе не выявлен, в работе была предпринята попытка авторской рабочей передачи отдельных терминологических единиц и контекстов, связанных с понятийным полем фикха.

Количественный анализ электронного текста рукописи показал, что наиболее значимыми единицами исследуемого религиозно-пра-

вового поля являются صلاة / الصلاة – «молитва» (208 вхождений), سنة – «сунна» (62 вхождения), وضوء / الوضوء – «омовение» (43 вхождения), طهارة / الطهارة – «ритуальная чистота / очищение» (22 вхождения), فرض – «обязательное предписание» (11 вхождений), نفل – «добровольное действие» (5 вхождений), بدعة – «нововведение» (3 вхождения). Эти данные подтверждают, что смысловым центром анализируемого материала является взаимосвязь молитвы, ритуального очищения и нормативной классификации религиозных действий.

Анализ контекстов показал, что термин وضوء в большинстве случаев может передаваться устойчивым русским соответствием «омовение», поскольку обозначает конкретное ритуальное действие, непосредственно связанное с подготовкой к молитве. Термин طهارة имеет более широкую семантику и в зависимости от контекста требует передачи как «ритуальная чистота», «очищение» или «внутренняя чистота». Правовые категории فرض, سنة, نفل и بدعة отражают степень нормативности религиозного действия и требуют разных переводческих решений: эквивалентного перевода, транслитерации, конкретизации или описательной передачи.

В ходе исследования установлено, что при передаче терминологии фикха на русский язык наиболее продуктивными являются следующие способы: эквивалентный перевод, конкретизация, транслитерация и описательная передача. Эквивалентный перевод используется при наличии устойчивого соответствия в русском языке: صلاة – «молитва», وضوء – «омовение». Конкретизация необходима в случаях, когда прямое соответствие не раскрывает религиозно-правовую специфику термина, например طهارة – «ритуальная чистота». Транслитерация оправдана при передаче терминов, закреплённых в русскоязычной исламоведческой традиции, например سنة – «сунна». Описательная передача используется для раскрытия нормативного содержания терминов فرض и نفل – «обязательное предписание», «добровольное действие».

Таким образом, перевод религиозно-правовой терминологии произведения Мухаммада ал-Булгари требует не механического подбора словарных соответствий, а контекстуального анализа каж-

дого термина с учётом его богословско-правового значения, частотности, функции в тексте и степени освоенности в русскоязычной исламоведческой традиции. Практическая значимость исследования заключается в том, что предложенные наблюдения могут быть использованы при подготовке научного перевода рукописи, составлении глоссария терминов фикха, а также в исследованиях по переводу исламских богословских текстов.

Список литературы

1. Адыгамов, Р. К. (2019). Источниковая база первого тома «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» Ш. Марджани. *Золотоордынское обозрение*, *7*(4), 674–686. DOI: https://doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-4.674-686. EDN: https://elibrary.ru/SHEUXQ.
2. Адыгамов, Р. К., & Абдуррахман, Х. Х. (2020). Трактат «Йатимат ад-дахр фи фатауа ахл ал-ʻаср» («Уникальное собрание фетв ученых нашего времени») и проблема его авторства. *Minbar. Islamic Studies*, *13*(4), 924–936. DOI: https://doi.org/10.31162/2618-9569-2020-13-4-924-936. EDN: https://elibrary.ru/WJRRHU.
3. Ахмет Унсал. (2007). Рукопись Мухаммеда ал-Булгари «Хизинетуль-улема ва зинетуль-фукаха» (Клад ученых и украшение исламских правоведов). *Гасырлар авазы — Эхо веков*, 1-2.
4. Бархударов, Л. С. (1975). *Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода*. Москва: Международные отношения.
5. Зиякаев, Р. Ш. (2022). Традиция издания трудов по науке «усуль аль-фикх» (основы исламского права) в Казани. *Minbar. Islamic Studies*, *15*(4), 807–829. DOI: https://doi.org/10.31162/2618-9569-2022-15-4-807-829. EDN: https://elibrary.ru/PBKOYC.
6. Комиссаров, В. Н. (1990). *Теория перевода: Лингвистические аспекты*. Москва: Высшая школа.
7. Коран. (1990). *Перевод смыслов и комментарии И. Ю. Крачковского*. Москва: Наука.
8. Мухаммад ал-Булгари. *Хизинетуль-улема ва зинетуль-фукаха* [Рукопись]. Библиотека Сулеймания (Süleymaniye Kütüphanesi), Yusuf Ağa, № 108636. 106 л.
9. Седанкина, Т. Е. (2022). Место научного наследия российских востоковедов XIX в. в современных исследованиях арабско-русской лексикографии. *Minbar. Islamic Studies, 15*(1), 133-152. DOI: https://doi.org/10.31162/2618-9569-2022-15-1-133-152. EDN: https://elibrary.ru/DGSFZZ.
10. Тарасова, Ф. Х., & Мухамеджанова, Э. Р. (2017). Изучение исламского (русского) социолекта в социолингвистике. *Современный мусульманский мир*, *2*, 63–70. EDN: https://elibrary.ru/ZXLFPF.

11. Фаткуллина, Ф. Г., & Зубайдуллоев, И. А. (2020). Переводы исламской теологической лексики на русский язык (на материале произведений А. Кадыри). *Проблемы востоковедения*, (2), 64-69.
12. Шагавиев, Д. А. (2023). Критерий понятия «поклонение» (‘ибада) с точки зрения исламской догматики. *Minbar. Islamic Studies*, *16*(2), 361–377. DOI: https://doi.org/10.31162/2618-9569-2023-16-2-361-377. EDN: https://elibrary.ru/XMJYYE.
13. Шагавиев, Д. А., & Сабанчин, И. Р. (2022). Сравнительное исследование термина «бид‘а» («новшество в религии») у Марджани и Шатыби. *Minbar. Islamic Studies*, *15*(1), 89–99. DOI: https://doi.org/10.31162/2618-9569-2022-15-1-89-99. EDN: https://elibrary.ru/GMUVGP.
14. Шагимарданов, А. Р. (2020). О развитии терминологической базы современных теологических исследований в сфере практического применения исламских экономических моделей в России. *Minbar. Islamic Studies*, *13*(2), 401–415. DOI: https://doi.org/10.31162/2618-9569-2020-13-2-401-415. EDN: https://elibrary.ru/SYOAPK.
15. Abdel-Hafix, A. S. (2020). The translation of religious words and expressions in Naguib Mahfouz's Sugar Street. *International Journal of Language and Linguistics*, *7*(2), 65–72. DOI: https://doi.org/10.30845/ijll.v7n2p8. EDN: https://elibrary.ru/XOQNNC.
16. Al-Halawani, A. (2016). Translation of religious terminology: al-fat-h al-islami as a model. *International Journal of English Linguistics*, *6*(3), 136–147. DOI: https://doi.org/10.5539/ijel.v6n3p136.
17. Baker, M. (2018). *In Other Words: A Coursebook on Translation*. London: Routledge. DOI: https://doi.org/10.4324/9781315619187.
18. Hassan, S. (2016). Islamic religious terms in English: Translation vs. transliteration in Ezzeddin Ibrahim and Denys Johnson-Davies' translation of An-Nawawī's Forty Ḥadīths. *Translation & Interpreting*, *8*(1), 117–132. DOI: https://doi.org/10.12807/ti.108201.2016.a08.
19. Mahdi, H. S. (2022). The use of web-based translation software in translating religious terms. *Saudi Journal of Language Studies*, *2*(1), 28–42. DOI: https://doi.org/10.1108/SJLS-11-2021-0023. EDN: https://elibrary.ru/JDUASM.
20. Zitouni, M., Alzahrani, A., Al Kous, N., Almutlaq, S., Abdul-Ghafour, A.-Q., & Zemni, B. (2022). The translation of selected cultural items in Al-Nawawi's Forty Hadiths: A descriptive and analytical study. *Journal of Intercultural Communication*, *22*(3), 43–53. DOI: https://doi.org/10.36923/jicc.v22i3.74. EDN: https://elibrary.ru/MNGTBJ.

References

1. Adygamov, R. K. (2019). Source base of the first volume of Sh. Marjani's "Mustafad al-akhbar fi ahvali Kazan va Bulgar". *Golden Horde Review*, *7*(4), 674–686.

DOI: https://doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-4.674-686. EDN: https://elibrary.ru/SHEUXQ.

2. Adygamov, R. K., & Abdurrakhman, Kh. Kh. (2020). The treatise "Yatimat al-dahr fi fatawa ahl al-'asr" ("The unique collection of fatwas of the scholars of our time") and the problem of its authorship. *Minbar. Islamic Studies*, *13*(4), 924–936. DOI: https://doi.org/10.31162/2618-9569-2020-13-4-924-936. EDN: https://elibrary.ru/WJRRHU.
3. Akhmet Unsal. (2007). The manuscript of Muhammad al-Bulgari "Khizinetul-ulema va zinetul-fukakha" (The treasure of scholars and the adornment of Islamic jurists). *Gasyrlar Avazy — Echo of Centuries*, 1–2.
4. Barkhudarov, L. S. (1975). *Language and Translation: Issues of General and Particular Theory of Translation*. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya.
5. Ziyakaev, R. Sh. (2022). The tradition of publishing works on the science of "usul al-fiqh" (principles of Islamic law) in Kazan. *Minbar. Islamic Studies*, *15*(4), 807–829. DOI: https://doi.org/10.31162/2618-9569-2022-15-4-807-829. EDN: https://elibrary.ru/PBKOYC.
6. Komissarov, V. N. (1990). *Theory of Translation: Linguistic Aspects*. Moscow: Vysshaya Shkola.
7. The Qur'an. (1990). Translation of the meanings and commentary by I. Yu. Krachkovsky. Moscow: Nauka.
8. Muhammad al-Bulgari. *Khizinetul-ulema va zinetul-fukakha* [Manuscript]. Süleymaniye Library (Süleymaniye Kütüphanesi), Yusuf Ağa, No. 108636. 106 folios.
9. Sedankina, T. E. (2022). The place of the scholarly legacy of Russian orientalists of the 19th century in modern studies of Arabic–Russian lexicography. *Minbar. Islamic Studies*, *15*(1), 133–152. DOI: https://doi.org/10.31162/2618-9569-2022-15-1-133-152. EDN: https://elibrary.ru/DGSFZZ.
10. Tarasova, F. Kh., & Mukhametzhanova, E. R. (2017). The study of the Islamic (Russian) sociolect in sociolinguistics. *The Modern Muslim World*, *2*, 63–70. EDN: https://elibrary.ru/ZXLFPF.
11. Fatkullina, F. G., & Zubaydulloev, I. A. (2020). Translations of Islamic theological vocabulary into Russian (based on the works of A. Kadyri). *Problems of Oriental Studies*, (2), 64–69.
12. Shagaviev, D. A. (2023). The criterion of the concept of "worship" ('ibada) from the standpoint of Islamic dogmatics. *Minbar. Islamic Studies*, *16*(2), 361–377. DOI: https://doi.org/10.31162/2618-9569-2023-16-2-361-377. EDN: https://elibrary.ru/XMJYYE.
13. Shagaviev, D. A., & Sabanchin, I. R. (2022). A comparative study of the term "bid'a" ("innovation in religion") in the works of Marjani and al-Shatibi. *Minbar. Islamic Studies*, *15*(1), 89–99. DOI: https://doi.org/10.31162/2618-9569-2022-15-1-89-99. EDN: https://elibrary.ru/GMUVGP.

14. Shagimardanov, A. R. (2020). On the development of the terminological base of modern theological research in the sphere of practical application of Islamic economic models in Russia. *Minbar. Islamic Studies*, *13*(2), 401–415. DOI: https://doi.org/10.31162/2618-9569-2020-13-2-401-415. EDN: https://elibrary.ru/SYOAPK.
15. Abdel-Hafix, A. S. (2020). The translation of religious words and expressions in Naguib Mahfouz's Sugar Street. *International Journal of Language and Linguistics*, *7*(2), 65–72. DOI: https://doi.org/10.30845/ijll.v7n2p8. EDN: https://elibrary.ru/XOQNNC.
16. Al-Halawani, A. (2016). Translation of religious terminology: al-fat-h al-islami as a model. *International Journal of English Linguistics*, *6*(3), 136–147. DOI: https://doi.org/10.5539/ijel.v6n3p136.
17. Baker, M. (2018). *In Other Words: A Coursebook on Translation*. London: Routledge. DOI: https://doi.org/10.4324/9781315619187.
18. Hassan, S. (2016). Islamic religious terms in English: Translation vs. transliteration in Ezzeddin Ibrahim and Denys Johnson-Davies' translation of An-Nawawī's Forty Ḥadīths. *Translation & Interpreting*, *8*(1), 117–132. DOI: https://doi.org/10.12807/ti.108201.2016.a08.
19. Mahdi, H. S. (2022). The use of web-based translation software in translating religious terms. *Saudi Journal of Language Studies*, *2*(1), 28–42. DOI: https://doi.org/10.1108/SJLS-11-2021-0023. EDN: https://elibrary.ru/JDUASM.
20. Zitouni, M., Alzahrani, A., Al Kous, N., Almutlaq, S., Abdul-Ghafour, A.-Q., & Zemni, B. (2022). The translation of selected cultural items in Al-Nawawi's Forty Hadiths: A descriptive and analytical study. *Journal of Intercultural Communication*, *22*(3), 43–53. DOI: https://doi.org/10.36923/jicc.v22i3.74. EDN: https://elibrary.ru/MNGTBJ.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Тарасова Фануза Харисовна, доктор филологических наук, доцент, Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская,18, г. Казань, Республика Татарстан, 420008, Российская Федерация
fhtarasova@yandex.ru

Тимуршин Марат Ринатович, аспирант; начальник управления по науке Болгарской исламской академии
Казанский (Приволжский) федеральный университет; Болгарская исламская академия
ул. Кремлевская,18, г. Казань, Республика Татарстан, 420008, Российская Федерация; ул. Кул Гали, 1а, г. Болгар, Республика Татарстан, 422840, Российская Федерация
atb-999@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Fanuza Kh. Tarasova, Doctor of Philology, Associate Professor, L. Tolstoy Institute of Philology and Intercultural Communication
Kazan Federal University
18, Kremlevskaya Str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008, Russian Federation
fhtarasova@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9420-4503

Marat R. Timurshin, Graduate Student; Head of the Science Department of the Bolgar Islamic Academy
Kazan Federal University; Bolgar Islamic Academy
18, Kremlevskaya Str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008, Russian Federation;
1a, Kul Gali Str., Bolgar, Republic of Tatarstan, 422840, Russian Federation
atb-999@mail.ru

Поступила 16.06.2026
После рецензирования 12.07.2026
Принята 19.07.2026

Received 16.06.2026
Revised 12.07.2026
Accepted 19.07.2026

Прикладные аспекты лингвистики / Applied Aspects of Linguistics

Научная статья
DOI: 10.12731/3033-5981-2026-18-3-614
UDC 811.111
Original article
EDN: QLXDKK

Functions of the semicolon in British news media

K.M. Amirkhanova, A.V. Zorina
Kazan Federal (Volga Region) University, Kazan, Russian Federation

Abstract

Background. The article focuses on the functions of the semicolon in British news media discourse. Being a part of the written standard, a tool to give sense to writing, punctuation must be considered a very important set of norms of usage. Still, the semicolon, which is considered to be a relatively "young" punctuation mark, is one of the most misused punctuation marks in modern English. The semicolons were examined from the perspective of standard norms of punctuation usage. The study provides an overview of both standard uses and cases of standard deviation.

Purpose. The purpose of this study is to examine specific features of the use of the semicolon in British news media discourse.

Materials and methods. The study reveals the findings of a detailed analysis of the use of semicolons in *The Guardian* articles. It involved communicative-pragmatic text analysis, partial sampling, and comparative description.

Results. The results show that the most common function of semicolon is joining parts of the sentence; cases of separating and contrasting functions are not frequent. The findings reveal a difference in the use of the semicolon in various parts of the newspaper and genres of articles. Due to the fact that news media discourse serves an expressive purpose as well, semicolons can help express irony, cause indignation or shock. The article is an attempt to reveal tendencies in modern news media discourse in the usage of the semicolon.

Keywords: semicolon; punctuation; news media discourse; punctuation marks; English language; functions of punctuation marks; genre; news articles

For citation. Amirkhanova, K. M., & Zorina, A. V. (2026). Functions of the semicolon in British news media. *Russian Social and Humanitarian Studies*, *18*(3), 306-320. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-614

Точка с запятой в британских новостных СМИ

К.М. Амирханова, А.В. Зорина
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Статья посвящена функциям точки с запятой в британском новостном медийном дискурсе. Будучи частью письменного стандарта, инструментом для придания смысла написанному, пунктуация должна считаться очень важным набором норм употребления. Такой пунктуационный знак, как точка с запятой, является одним из наиболее часто неправильно используемых знаков препинания в современном английском языке. Случаи употребления точки с запятой были рассмотрены с точки зрения стандартных правил. Исследование дает обзор как стандартных случаев использования, так и случаев стандартного отклонения.

Цель. Данное исследование выявляет особенности функционирования точки с запятой в британском новостном медийном дискурсе.

Материалы и методы. В качестве материалов исследования были выбраны английские тексты газеты *The Guardian*. В исследовании применялись методы коммуникативно-прагматического анализ анализа, прием частичной выборки, описательный метод.

Результаты. Наиболее распространенной функцией точки с запятой является соединение частей предложения, случаи разделительной и контрастной функции нечасты. Результаты показывают разницу в использовании точки с запятой в различных газетных рубриках и жанрах статей. В связи с тем, что новостные медиатексты и медиадискурс также служат экспрессивной цели, точка с запятой может помочь выразить иронию, вызвать у читателя возмущение или шок. Статья представляет собой попытку выявить тенденции в современном новостном медиадискурсе в использовании точки с запятой.

Ключевые слова: точка с запятой; пунктуация; новостной медиадискурс; знаки препинания; английский язык; функции знаков препинания; жанр; новостные статьи

Для цитирования. Амирханова, К. М., & Зорина, А. В. (2026). Точка с запятой в британских новостных СМИ. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, *18*(3), 306-320. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-614

Introduction

Written English is believed to have developed a consistent and sensible conventional punctuation system, in which every punctuation mark has its own function [19].

For many years, English punctuation remained in the shade of prosody or grammatical relations. However, attempts to define it, as Krahn writes, are 'usually very general or couched in some metaphoric way'. Considered as an integral part of written discourse to bind elements of a text, punctuation is regarded as a highly developed system that modifies linguistic forms across phonological, morphological, syntactic and semantic strata in written texts [12]. We adhere to Krahn's definition who treats punctuation as an independent linguistic feature of the written modality and calls punctuation a "symbol system in a graphic domain", "a system of symbols and graphic features used to protect the integrity of the sentence in the English writing system and make it visible" [12].

Much attention was given by linguists to the history of the development of punctuation [9; 11; 12]; much research has been done on every period in the development of the English punctuation system. The 20th century is sometimes called "the Century of Little Progress" as it did not make a big contribution to the existing knowledge of punctuation [12].

Some researchers view punctuation in the context of psychology. Linguists take a broad view on punctuation, stating that punctuation is much more than a means to guide the pauses of persons reading a sentence and their recognition of its grammatical structure and meaning. Punctuation, as Thorndike writes, 'influences emphasis, movement, and style' [18]. Baldwin views punctuation in the context of its ability to predict and explain reading behaviours involving punctuation [6].

Researchers state that, for many years, both in classroom and textbooks punctuation has been presented as a number of seemingly unrelated rules. Being presented as a mass of punctuation marks, this hid the true nature of punctuation as a system, largely determined by syntax and operating on the following well-defined principles: 1. various functions of punctuation are: separation, termination, introduction, combination, and enclosure of grammatical units; 2. the length of parallelism of syntactic units affects their punctuation; 3. units that are considered semantically subordinate by the writer need punctuation [13].

Misuse in punctuation, which usually includes omission, comma splice, overuse, and misordering of punctuation marks, is a relevant

topic as it has an impact on both writing and the meaning that it should transmit.

One of the widely misunderstood and misused marks is the semicolon. In contrast to other punctuation marks, the semicolon has a short history. The semicolon first appeared in writing in 1494. It was Aldus Manutius, a printer and publisher, who paired up the comma and the colon to create the semicolon. The first literary Latin text he issued was De Aetna by his contemporary Pietro Bembo, where the new hybrid mark appeared [21]. The new mark was quickly adapted by publishers, in comparison to most of the other new punctuation ideas.

In the course of time, the linguists' view of the semicolon, its functions, peculiarities and use has changed [7; 11]. Researchers state that since the end of the Middle English period, when the semicolon indicated the length of a pause, a function called by some linguists aesthetic, its function has considerably changed to providing syntactic information [10]. With punctuation marks becoming more formalized in the course of time, it used to be fashionable in one period and unfashionable in another. In the early 19th century, it used to replace a colon as well as when joining independent and dependent clauses [21, p. 659]. Researchers state that recently there has been a decrease in the use of semicolons in all styles of writing, which Sun and Wang explain by the fact that a semicolon tends to be replaced by a colon in some rhetorical functions [16].

Crystal states that the semicolon, being a feature of a more formal and complex style of writing, is very seldom used in contemporary fiction. This happens since colloquialization and popularization influenced the change in the use of punctuation, as texts were made more engaging or accessible [7]. While changes in the use of several punctuation marks showed no clear trends, a significant decline in the number of semicolons was observed; in poetry, it is used more often as it helps create a rhythm [9].

There is a large number of grammarians who have given detailed descriptions of punctuation marks; still, there is a strong disagreement between them. Graham calls the semicolon one of the most misunderstood and shunned marks. He emphasizes the fact that the semicolon

has been dismissed by writers and teachers, but it is still ‘a very clever punctuation tool with a number of important grammatical and stylistic functions’ [11, p. 60-62].

Materials and methods

In this study the use of the semicolon in news articles from *The Guardian* newspaper published in October 2023-January 2026 using a continuous sampling method was analysed [17].

The method of partial sampling was used to focus on cases of semicolons in the articles texts. 250 instances of semicolons were chosen and analysed. The analysis was based on five functions of semicolons in articles.

Semicolons in the texts of newspaper articles that cover political, economic, sports, social news as well as viewpoints and, in a wider sense, interpretations of the social and cultural world were under consideration.

A communicative-pragmatic analysis of article texts was done to identify the ways to indirectly influence public opinion in terms of using irony, humor, expressing author’s feelings using the semicolon.

Comparative description was used to analyse the use of semicolons in such article types as news articles, feature articles, columns, editorials and reviews.

Results and discussion

The semicolon is known to operate at a quasi-textual level, acting like a textual shortcut incorporated into a grammatical string [12]. It can be found at only a certain place in a sentence and is not found between words or ordinary phrases at random thus having a subordinate role in the punctuation system.

There is a number of views of the semicolon’s functions in the sentence. Most linguists state that the semicolon has two contrastive roles as a space-saving feature and modifier on a graphical level and a more mechanical one, being just a comma upgrade [12].

A large number of grammar and punctuation books provide a lot of rules on the use of the semicolon, with many cases and functions described. Some of them vary greatly in description. Stilman points out the

two main functions of the semicolon that are to separate elements, when the semicolon acts a substitute for a comma or marks a pause of shift in direction in a sentence, and to link them to make the writing smoother and create an elegant alternative to other sentence constructions, which gives a more vivid sense of the relation between the two [15, 19].

Based on different views on the semicolons functioning, we point out the following functions of the semicolon in news articles: 1. to join closely related independent clauses without a coordinating conjunction; 2. to join closely related independent clauses with a coordinator in-between; 3. to join two independent clauses with a conjunctive adverb or transition word; 4. to separate independent clauses that already contain commas or "extensive punctuation" to avoid complexity in the sentence; 5. to separate individual items, longer than a single word, in a list. These functions were indicated in Table.

Table 1.

Cases of the use of semicolons in The Guardian articles

	Political, economic, social news	**Culture and lifestyle**	**Opinion**
1. To join closely related independent clauses without a coordinating conjunction	47	45	64
2. To join closely related independent clauses with a coordinator in-between	1	9	21
3. To join two independent clauses with a conjunctive adverb or transition word	0	8	15
4. To separate independent clauses that already contain commas	5	0	18
5. To separate individual items, longer than a single word, in a list	8	9	0
Total – 250	61	71	118

As can be seen from Table 1, such types of articles as *news articles* contain the fewest semicolons in their texts; this can be explained by the fact that they convey exact information in a clear and precise way; it is quite obvious to see short sentences, brief and concise descriptions of current events; therefore, the number of semicolons is small there. This also explains the number of examples of listing semicolons.

More instances of the semicolon can be found in *Culture* and *Lifestyle* sections as they present interpretation and creative description of news, trends, events or people and are aimed at educating, entertaining, adding colour, and illuminating. They are characterized by a more emotional language; therefore, the sentences used by an author are complex, full of details.

Opinion section presented by c*olumns, editorials and reviews* reveals personal interpretation of events, critic's opinions and expertise, and the sentences used by an author tend to abound in details, be complex and long; therefore, many instances of the semicolon can be found in them; no listing was found in any of them since provision of concise information, enumerations and lists are not peculiar to them.

The overall frequency of the use of the semicolon in such genres as fiction, non-fiction, newspapers and magazines from 1920 to 2019 was studied and analysed by researchers, who state that it has greatly declined [7; 16]. This can be seen in the results of our study, which revealed a small number of semicolons in comparison to other punctuation marks.

In addition, our study revealed that joining independent clauses without a coordinator is the most common syntactic construction across all news media texts. Our findings support Crystal's view that modern writing is moving towards a simpler style and shorter sentences, as they reveal an overall low frequency of structures involving conjunctive adverbs and transition words [9].

Sun and Wang in their detailed corpus study focusing on a place different punctuation marks have in various registers, too, point out such common function of the semicolon as marking asyndetic coordination in a sentence: "*But since then, major nations and markets have responded with surprising force and urgency**;** global carbon dioxide emissions have significantly slowed, and in many countries, per capita emissions are falling even while per capita GDP and energy use are going up*" [16].

In making a decision, whether to use the semicolon or not, much depends on the author's idea, as it is difficult to objectively define whether there is a close connection between the clauses joined; therefore, transition words can be used to strengthen or indicate the writer's intention

to mark a relationship. Stilman also emphasizes the role of the author by saying that the semicolon should be used instead of the comma if the author "feels" that a comma would not be strong enough or in order to make distinctiveness of the idea stand out more clearly [15].

Very often, skilled writers exploit the semicolon's function to administer mild shock or censure: *It matters that these things, investigated by media outlets, reported by human rights organisations and narrated by Palestinians on the ground, are collected and listed in one address: 6,000 bombs a week in the first three weeks of the conflict**;** 2,000lb bombs deployed at least 200 times**;** 85% of Gazans displaced**;** 93% of the population facing crisis levels of hunger*. Sometimes the author makes the reader come to a certain conclusion: "*But with energy abundance driving new growth and economic modalities, we can expect to see the downward trend continue**;** ultimately, we should strive for no less than a 0% rate of poverty globally*." In other sentences, the semicolon is used to create certain suspense: "*No future is guaranteed**;** there will be injustices and suffering in every path forward, just as there have been forever*." The suspense also seems to be reached by using the direct appeal to the reader: "*Treating prisoners badly makes the public less safe when they are released**;** fail to deal with homelessness and this will cost us when people must be kept in emergency housing*." In some cases, the semicolon can be used as a means to express irony: *In the mid-1960s, for instance, there were more than 80 public toilets in Newcastle**;** today there are no council-run facilities in the city at all"*.

Rarely, the semicolon can be used with contrasting statements, but it is still one of its functions: *Goldman's lawyers said in defence documents that: "If he [Dodd] felt pressure, it was self-generated**;** it was not imposed on him"*. The interesting detail here is that the author doesn't use the coordinator *but* to express the contrast, and the structure of the sentence itself does it. Another example reveals the focus on the contrast, too: "*This dramatic increase is thanks to huge advances in medicine, public health and living standards, but also by a stunning fall in child mortality: for most of human history, about half of all children died before their 15th birthday**;** today the figure is less than 5% globally and*

as low as 0.4% in some wealthy nations." The contrast very often can be used a means of expressing irony: "*The rich man hasn't**;** he can go away to New Guinea in a yacht*."

It has been stated by grammarians that the semicolon joining two independent clauses with a conjunctive adverb is chiefly used in formal writing, and, as Sun and Wang write, it is the academic register that tends to display many cases of this use of thesemicolon [16]; nevertheless, there were found several examples where the semicolon is followed by a coordinating conjunction, which, according to the general punctuation rules, should be followed by a comma, but it is not: *By this time, the Allies had been fighting their way across the Netherlands for a month**;** meanwhile the "satirical resistance" The Underwater Cabaret – now known by the acronym OWC – lives on.* As Casagrande writes, too, the use of the comma in such constructions tends to be more peculiar to the book style [8].

We agree with Sapunova, who focuses on the communicative and pragmatic function of the semicolon and writes that in some contexts, the semicolon not only indicates syntactic hierarchy within a sentence but also signals the introduction of significant information in the paragraph, the type of which is determined by the context and the author's message. The part of the sentence following the semicolon may have the following pragmatic implications: introducing clarification of information given in the preceding section ("*I'm such a southern woman**;** I've seen a lot and I've been through a lot*."); introduction of a consequence from a cause indicated in the previous part ("*They took their honeymoon on the Isle of Man and stayed for 12 years**;** Baillie Scott later joked sea sickness on the voyage out made him unable to face another trip across the Irish Sea*."); introducing a succinctly formulated – and often effective – conclusion from the preceding section ("*The customer directory today lists 216 companies, including car dealerships, fishing tackle retailers, tyre suppliers, self-storage units, a nursery, DJ-ing gear rental, skin-care services and an antiques emporium**;** all human life is here*") [4].

There is a tendency not to produce long, complicated sentences, and, as Casagrande states, news style permits a semicolon to connect

the clauses but recommends breaking up the sentence instead [8], as in "*The travel industry has experienced a surge in business this year after the end of pandemic restrictions on trips abroad. However, the heatwave scorching southern Europe may have given travellers pause for thought in booking a last-minute getaway"*. Still, some article authors may use the semicolon in a long sentence with the feeling that as the whole sentence is about a single subject, it should be kept as a single unity without being split: "*She can play things clean**;** raised in a strict religious household in Temecula, California, Tomlinson began her standup career as a teenager on the Christian church circuit, in part to process the death of her mother when she was eight"*.

As for the use of semicolons to join closely related independent clauses with a coordinator in-between, there were several cases, in which this use can be explained by expressive purpose. For instance, in the sentences "*Suburban York is no Yosemite**;** but it takes me out of my own exhausting head and gives me a fraction more perspective on my work problems*" and "*Labour knows that anti-net zero feeling hasn't contributed to its fall in the polls**;** but disappointment about unambitious environmental policies has*" the author emphasizes the contrast between the two ideas expressed in the two parts of the sentence. In the sentence "*And, critically, it's hard for newcomers to enter the exclusivity race since brand prestige is deemed to build up over decades**;** so a "moat" is built around profitability $20bn*" the author aims to lead the reader to the consequence, which might be unexpected and surprising.

The specifics of expressiveness in news texts have often become the focus of attention for many researchers [2; 5]. As many researchers state, the semicolon is in many cases used to create a greater pause or to give greater emphasis to clauses [1; 3; 4; 7; 11; 20; 21]. It is especially often found in the "*Opinions*" section, which usually contains articles that are distinguished by their emotional coloring. Moreover, the "*Opinions*" section generally contains examples of obvious overuse of punctuation marks, which makes the text overloaded: *"Essex man", "Stevenage woman", the "red wall"**;** "boomers" v "millennials", "ethnic minorities" v "the white working class" – and, of course, leave v remain.* It

should be mentioned here that the overuse of punctuation marks and semicolons in particular was found only in the *Opinion section* articles, as it is one of the parameters of expressive, vivid author's style. This proves the above-mentioned statement that it is the author who makes a decision, and much depends on their style of writing.

The previously mentioned fact doesn't take into account the simplification trends of modern punctuation and doesn't reveal the system's potential for variability. It makes it difficult to develop effective recommendations for the correct and authentic use of punctuation marks in "live" text. The recommendations analyzed often incompletely reflect punctuation practice and, in some cases, contradict each other.

Our results coincide with the ideas of Alexandrova, who mentions that the semicolon serves as a separation mark, but gives the examples of its use in other cases, such as joining closely related independent clauses, with the coordinator and; she also gives the example of the sentence where the semicolon is used to join homogeneous members of a sentence. All these, as she states, are done with the only aim to emphasise the ideas and make the text expressive; besides, the semicolon, being a "strong" punctuation mark, highlights syntagmatic sections of speech more contrastingly [1].

As stated by researchers and demonstrated above, the authors of modern grammar textbooks use a formal approach to describing punctuation, limiting themselves to listing the most common uses of a mark. However, this approach cannot be considered in any way representative as it doesn't take into account the tendency of modern punctuation toward simplification and fails to highlight the system's potential for variability [1; 3; 5].

Conclusion

1. There are certain characteristic features of the use of the semicolon in news media texts: their major function is joining closely related independent clauses, with or without a coordinating conjunction. Separating parts of a sentence with a large number of commas and making lists are other, rather rare functions of the semicolon. There is a tenden-

cy to break the prescribed punctuation rule of using a comma after a coordinating conjunction, as well as to overuse punctuation, especially in opinion columns.

2. The punctuation system of the English language shouldn't be discussed regardless of the style; the style and genres of the news media articles also have some peculiarities in terms of the use of the semicolon. It is the choice of the author whether to use the semicolon in the sentence, split the sentence or use a comma instead.

3. Though most authors tend not to produce long, complicated sentences, the semicolon remains the punctuation mark that still functions as a joining, separating and contrasting tool and can be used not only with informative purpose, but also with expressive one, as it can express irony as well as cause astonishment and shock in readers.

References

1. Aleksandrova, O. V. (2009). *Problems of expressive syntax. Based on English-language material: A textbook*. Moscow: Librokom, 216 p.
2. Zorina, A. V., & Amirkhanova, K. M. (2023). Lexical features of the English-language news media discourse in the coronavirus era. *Russian Social and Humanitarian Studies*, *15*(3), 180–199. https://doi.org/10.12731/2077-1770-2023-15-3-180-199. EDN: https://elibrary.ru/FKLFUP.
3. Mkrtchyan, G. A., Vecherinina, E. A., Remennikova, I. A., & Cheprakova, L. A. (2005). The communicative function of punctuation marks in English and Russian (A comparative analysis). *Trudy MAI*, (21). https://trudymai.ru/published.php?ID=34113 (accessed: April 21, 2026). EDN: https://elibrary.ru/ISVGNN.
4. Sapunova, O. V. (2021). English punctuation from the perspective of functional variation. *Kazan Science*, (8), 40–44. EDN: https://elibrary.ru/YWPTOC.
5. Amirkhanova, K., & Zorina, A. (2023). Examining the written standard of English punctuation in news media discourse. *Journal of Research in Applied Linguistics. Special Issue: Proceedings of the 3rd International Conference on Research in Applied Linguistics (ICRAL)*, *14*(3), 209–213. https://www.scopus.com/pages/publications/85206839207 (accessed: February 22, 2026).
6. Baldwin, R. S., & Coady, J. M. (1978). Psycholinguistic approaches to a theory of punctuation. *Journal of Reading Behavior*, *10*(4), 363–375. https://doi.org/10.1080/10862967809547290.
7. Boström, M. (2023). *It's no laughing matter! The changing use of the semicolon and its application in various genres* (Dissertation). https://urn.kb.se/resolve?urn=urn:nbn:se:lnu:diva-118518 (accessed: May 14, 2026).

8. Casagrande, J. (2014). *The best punctuation book, period: A comprehensive guide for every writer, editor, student, and businessperson*. Random House, 256 p.
9. Crystal, D. (2015). *Making a point: The pernickety story of English punctuation*. London: Profile Books, 400 pp.
10. Glausser, W. (2019). What do semicolons mean? Historical analysis and an interpretive experiment. *Style*, *53*(3), 308–325. https://doi.org/10.1353/sty.2019.0022.
11. King, G. (2004). *Good punctuation*. New York: HarperCollins Publishers, 192 pp.
12. Krahn, A. E. (2014). *A new paradigm for punctuation*. Theses and Dissertations, 465. https://dc.uwm.edu/etd/465 (accessed: February 20, 2026).
13. Limaye, M. R. (1983). Approaching punctuation as a system. *ABCA Bulletin*, *46*(1), 28–33. https://doi.org/10.1177/108056998304600111.
14. Qadir, E. M., & Padar, H. H. (2022). Punctuation in English and Kurdish: A contrastive study. *Koya University Journal of Humanities and Social Sciences*, *5*(1), 41–61. https://doi.org/10.14500/kujhss.v5n1y2022. EDN: https://elibrary.ru/WTFPKL.
15. Stilman, A. (2010). *Grammatically correct: The essential guide to spelling, style, usage, grammar, and punctuation*. Writer's Digest Books, 355 p.
16. Sun, K., & Wang, R. (2018). Frequency distributions of punctuation marks in English: Evidence from large-scale corpora. *English Today*, *35*(4), 23–35. https://doi.org/10.1017/S0266078418000512.
17. *The Guardian*. https://www.theguardian.com/international.
18. Thorndike, E. L. (1948). The psychology of punctuation. *The American Journal of Psychology*, *61*(2), 222–228. University of Illinois Press. https://doi.org/10.2307/1416968.
19. Trask, R. L. (1997). *The Penguin guide to punctuation*. Penguin Books, 179 p.
20. Watson, C. (2012). Points of contention: Rethinking the past, present, and future of punctuation. *Critical Inquiry*, *38*(3), 649–672. https://doi.org/10.1086/664555.
21. Watson, C. (2019). *Semicolon: How a misunderstood punctuation mark can improve your writing, enrich your reading and even change your life*. HarperCollins, 224 p.

Список литературы

1. Александрова, О. В. (2009). Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка: учеб. пособие. Москва: Либроком, 216 с.
2. Зорина, А. В., & Амирханова, К. М. (2023). Лексические особенности англоязычного новостного медиадискурса в коронавирусную эпоху. *Современные исследования социальных проблем*, *15*(3), 180–199. https://doi.org/10.12731/2077-1770-2023-15-3-180-199. EDN: https://elibrary.ru/FKLFUP.
3. Мкртчян, Г. А., Вечеринина, Е. А., Ременникова, И. А., & Чепракова, Л. А. (2005). Коммуникативная функция знаков препинания в английском и русском языке (сравнительно-сопоставительный опыт). *Труды МАИ*, (21). https://trudymai.ru/published.php?ID=34113 (дата обращения: 21.04.2026). EDN: https://elibrary.ru/ISVGNN.

4. Сапунова, О. В. (2021). Английская пунктуация в аспекте функциональной вариативности. *Казанская наука*, (8), 40–44. EDN: https://elibrary.ru/YWPTOC.
5. Amirkhanova, K., & Zorina, A. (2023). Examining the written standard of English punctuation in news media discourse. *Journal of Research in Applied Linguistics. Special Issue: Proceedings of the 3rd International Conference on Research in Applied Linguistics (ICRAL)*, *14*(3), 209–213. https://www.scopus.com/pages/publications/85206839207 (дата обращения: 22.02.2026).
6. Baldwin, R. S., & Coady, J. M. (1978). Psycholinguistic approaches to a theory of punctuation. *Journal of Reading Behavior*, *10*(4), 363–375. https://doi.org/10.1080/10862967809547290.
7. Boström, M. (2023). *It's no laughing matter! The changing use of the semicolon and its application in various genres* (Dissertation). https://urn.kb.se/resolve?urn=urn:nbn:se:lnu:diva-118518 (дата обращения: 14.05.2026).
8. Casagrande, J. (2014). *The best punctuation book, period: A comprehensive guide for every writer, editor, student, and businessperson*. Random House, 256 p.
9. Crystal, D. (2015). *Making a point: The pernickety story of English punctuation*. London: Profile Books, 400 p.
10. Glausser, W. (2019). What do semicolons mean? Historical analysis and an interpretive experiment. *Style*, *53*(3), 308–325. https://doi.org/10.1353/sty.2019.0022.
11. King, G. (2004). *Good punctuation*. New York: HarperCollins Publishers, 192 p.
12. Krahn, A. E. (2014). *A new paradigm for punctuation*. Theses and Dissertations, 465. https://dc.uwm.edu/etd/465 (дата обращения: 20.02.2026).
13. Limaye, M. R. (1983). Approaching punctuation as a system. *ABCA Bulletin*, *46*(1), 28–33. https://doi.org/10.1177/108056998304600111.
14. Qadir, E. M., & Padar, H. H. (2022). Punctuation in English and Kurdish: A contrastive study. *Koya University Journal of Humanities and Social Sciences*, *5*(1), 41–61. https://doi.org/10.14500/kujhss.v5n1y2022. EDN: https://elibrary.ru/WTFPKL.
15. Stilman, A. (2010). *Grammatically correct: The essential guide to spelling, style, usage, grammar, and punctuation*. Writer's Digest Books, 355 p.
16. Sun, K., & Wang, R. (2018). Frequency distributions of punctuation marks in English: Evidence from large-scale corpora. *English Today*, *35*(4), 23–35. https://doi.org/10.1017/S0266078418000512.
17. *The Guardian*. https://www.theguardian.com/international.
18. Thorndike, E. L. (1948). The psychology of punctuation. *The American Journal of Psychology*, *61*(2), 222–228. University of Illinois Press. https://doi.org/10.2307/1416968.
19. Trask, R. L. (1997). *The Penguin guide to punctuation*. Penguin Books, 179 p.
20. Watson, C. (2012). Points of contention: Rethinking the past, present, and future of punctuation. *Critical Inquiry*, *38*(3), 649–672. https://doi.org/10.1086/664555.
21. Watson, C. (2019). *Semicolon: How a misunderstood punctuation mark can improve your writing, enrich your reading and even change your life*. HarperCollins, 224 p.

DATA ABOUT THE AUTHORS

Karina M. Amirkhanova, Senior Lecturer, Department of European Languages and Cultures
Kazan Federal (Volga Region) University
18, Kremlevskaya Str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008, Russian Federation
carrie11@yandex.ru
SPIN-code: 2001-0370
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7461-3270
Researcher ID: E-4878-2015
Scopus Author ID: 57191969495
ResearchGate: https://www.researchgate.net/profile/Karina-Amirkhanova

Anna V. Zorina, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of European Languages and Cultures
Kazan Federal (Volga Region) University
18, Kremlevskaya Str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008, Russian Federation
azorina@mail.ru
SPIN-code: 1211-5779
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9642-3803
ResearcherID: O-4587-2016
Scopus Author ID: 57142169300

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Амирханова Карина Муратовна, старший преподаватель кафедры европейских языков и культур
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, Республика Татарстан, 420008, Российская Федерация
carrie11@yandex.ru

Зорина Анна Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры европейских языков и культур
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, Республика Татарстан, 420008, Российская Федерация
azorina@mail.ru

Поступила 03.07.2026 Received 03.07.2026
После рецензирования 10.08.2026 Revised 10.08.2026
Принята 16.08.2026 Accepted 16.08.2026

Прикладные аспекты лингвистики / Applied Aspects of Linguistics

Научная статья Original article
DOI: 10.12731/3033-5981-2026-18-3-616 **EDN:** VEOTXP
УДК 81'25

Способы передачи лексем лексико-семантического поля «Родина» в прозе Махмуда Дарвиша (на материале арабско-английского перевода)

Ф.Х. Тарасова[1], Ф.Г. Исмагилова[1,2]
[1]Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация
[2]Болгарская исламская академия, Болгар, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Лексемы со значениями родины, земли, страны и дома образуют в прозе Махмуда Дарвиша взаимосвязанную систему пространственных номинаций. Их перевод представляет трудность вследствие несовпадения семантических объёмов арабских и английских лексических единиц. Актуальность исследования определяется необходимостью описывать данные соответствия на основе наблюдаемых языковых признаков и параллельных контекстов.

Цель. Систематизировать способы передачи ядерных и периферийных лексем лексико-семантического поля «родина» с арабского языка на английский и установить зависимость переводческого решения от значения единицы в конкретном контексте.

Материалы и методы. Материалом послужили параллельные контексты произведения Махмуда Дарвиша «القمر لم يسقط في البئر» и его английского перевода "The Moon Did Not Fall into the Well", выполненного Ибрахимом Мухави. Применены методы сплошной выборки, полевого, компонентного, контекстуального, сопоставительного и количественного анализа.

Научная новизна. На материале данного произведения установлен состав арабского лексико-семантического поля «родина», определена частотность его единиц и показано перераспределение их значений в английском переводе на основе выровненных контекстов. Авторский вклад состоит в сочетании частотного описания поля с анализом контекстуальных переводческих соответствий.

Результаты. В арабском тексте выявлено 75 употреблений шести лексем. У лексемы أرض насчитывается 34 употребления (45,3 %), у лексемы وطن насчиты-

вается 18 употреблений (24,0 %). Установлены два направления межъязыкового преобразования: семантическая дифференциация одной арабской лексемы посредством нескольких английских соответствий и нейтрализация различий между несколькими исходными единицами. Выбор варианта определяется предметным значением, сочетаемостью, синтаксической позицией и типом референции. Наиболее заметные стилистические потери связаны с компрессией повторов и фразеологическим перефразированием.

Практическая значимость. Результаты могут использоваться в курсах арабско-английского перевода, лексической семантики и анализа художественного текста, а также при составлении контекстуальных комментариев к культурно маркированной пространственной лексике.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле «родина»; Махмуд Дарвиш; художественный перевод; арабский язык; английский язык; контекстуальное соответствие; переводческая трансформация

Для цитирования. Тарасова, Ф. Х., & Исмагилова, Ф. Г. (2026). Способы передачи лексем лексико-семантического поля «Родина» в прозе Махмуда Дарвиша (на материале арабско-английского перевода). *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, *18*(3), 321-341. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-616

Methods of translating lexemes of the lexico-semantic field “homeland” in Mahmoud Darwish’s prose (based on the Arabic-English translation)

F.Kh. Tarasova[1], F.G. Ismagilova[1,2]
[1]Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation
[2]Bolgar Islamic Academy, Bolgar, Russian Federation

Abstract

Background. Lexemes denoting homeland, land, country, and home form an interconnected system of spatial nominations in Mahmoud Darwish’s prose. Their translation is complicated by the mismatch between the semantic ranges of Arabic and English lexical units. The relevance of the study lies in describing these correspondences through observable linguistic features and aligned contexts.

Purpose. The study aims to systematize the English renderings of the core and peripheral lexemes of the Arabic lexico-semantic field “homeland” and to establish how translation choices depend on contextual meaning.

Materials and methods. The material comprises aligned contexts from Mahmoud Darwish’s “القمر لم يسقط في البئر” and Ibrahim Muhawi’s English translation “The Moon

Did Not Fall into the Well." Continuous sampling, field analysis, componential analysis, contextual analysis, comparative translation analysis, and quantitative analysis were employed.

Novelty. The composition and frequency structure of the Arabic lexico-semantic field "homeland" in this work are established, and the redistribution of its meanings in the English translation is demonstrated through aligned source and target contexts. The author's contribution lies in combining a frequency-based description of the field with contextual comparison of source and target lexical correspondences.

Results. The Arabic text contains 75 occurrences of six lexemes. The most frequent are أرض, with 34 occurrences (45.3%), and وطن, with 18 (24.0%). Two directions of interlingual transformation were identified: semantic differentiation, whereby one Arabic lexeme is rendered by several English equivalents, and neutralization, whereby several source lexemes converge in a single target item. The choice of an English equivalent depends on referential meaning, collocability, syntactic position, and type of reference. The most notable stylistic losses arise from the compression of lexical repetitions and phraseological paraphrase.

Practical significance. The findings may be applied in courses on Arabic–English translation, lexical semantics, and literary-text analysis, as well as in contextual commentaries on culturally marked spatial vocabulary.

Keywords: lexico-semantic field "homeland"; Mahmoud Darwish; literary translation; Arabic; English; contextual equivalent; translation transformation

For citation. Tarasova, F. Kh., & Ismagilova, F. G. (2026). Methods of translating lexemes of the lexico-semantic field "homeland" in Mahmoud Darwish's prose (based on the Arabic-English translation). *Russian Social and Humanitarian Studies*, *18*(3), 321-341. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-616

Введение

В лингвистике художественного текста особое внимание уделяется исследованию культурно значимой лексики, формирующей национальную и индивидуально-авторскую картину мира. Анализ лексико-семантических полей позволяет выявить системные связи между культурно значимыми номинациями и способы их функционирования в художественном тексте [2; 6; 11; 19]. Лексико-семантическое поле понимается как совокупность лексем, объединённых общим семантическим компонентом и различающихся по более частным признакам. Вместе с тем анализ таких единиц в художественном произведении требует учитывать не только межъязыковые соответствия, но и контекстуальные условия реализации значения.

В этой связи методологически значимыми являются работы B. Hatim и I. Mason, в которых перевод рассматривается как процесс, при котором значение переводимой единицы интерпретируется с учётом текстового и дискурсивного контекста, в том числе на материале переводов с арабского на английский язык [17].

Лексико-семантическое поле «родина» относится к числу культурно значимых фрагментов лексической системы. Наряду с прямой номинацией وطن в него входят лексемы, связанные со значениями земли, страны и дома. Поле имеет неоднородную структуру: его ядро образуют единицы, наиболее непосредственно выражающие общее значение, тогда как периферия включает контекстуально и семантически менее специализированные номинации [2; 6; 11; 19].

В составе исследуемого поля рассматриваются — وطن (naṭaw «яиротиррет ,ялмез» — ḍra) أرض ,«анидор» بلد / بلاد (dālib / dalab «мод» — tyab) بيت ,«ьтсонтсем ,анартс» — (dār — «дом, жилище»), и منزل (manzil — «дом, место проживания»). Их объединяет обозначение пространства, воспринимаемого как собственная территория, место проживания или место принадлежности человека. При этом различия между лексемами сохраняются: وطن непосредственно называет родину, أرض обозначает землю и территорию, بلد / بلاد — страну или местность, а بيت, دار и منزل связаны с личным пространством проживания.

Особую проблему представляет передача данных лексем при переводе. В рамках анализа учитывается положение M. Baker об относительном характере эквивалентности и эмпирической природе переводческих стратегий [12, p. 5–6]. В работе также используются классификации переводческих соответствий и трансформаций, предложенные Я. И. Рецкером, Л. С. Бархударовым и В. Н. Комиссаровым [1; 7; 10]. Семантические объёмы слов разных языков не совпадают полностью, поэтому одной арабской лексеме могут соответствовать несколько английских единиц, а разные арабские лексемы могут переводиться одним английским словом. Выбор соответствия определяется контекстуальным значением, лексической сочетаемостью и синтаксической позицией исходной единицы.

Особую исследовательскую значимость приобретает анализ лексико-семантического поля «родина» в художественных текстах, созданных в условиях утраты, изгнания и вынужденного перемещения. Особое место в этом отношении занимает творчество палестинского писателя Махмуда Дарвиша, в произведениях которого лексика данного поля выступает одной из центральных смысловых доминант. Исследователи отмечают, что в его текстах родина осмысляется не столько как географическая территория, сколько как пространство памяти, утраты и экзистенциальной принадлежности [8; 20; 21].

При этом, несмотря на значительное количество работ, посвящённых философскому, культурологическому и поэтическому осмыслению родины в творчестве М. Дарвиша, способы передачи конкретных арабских лексем, входящих в лексико-семантическое поле «родина», в английском переводе прозы писателя остаются недостаточно систематизированными. В работах Е. В. Кухаревой, K. H. Nofal и L. A. Perry проблема родины рассматривается преимущественно в тематико-поэтическом и идентификационном аспектах [8; 20; 21], тогда как сопоставление конкретных арабских лексем с их английскими соответствиями не выступает самостоятельным предметом анализа. В этой связи актуальность настоящего исследования определяется переходом от общего тематического описания к анализу языковых единиц, непосредственно представленных в арабском оригинале и английском переводе. Материалом сопоставления служат параллельные контексты произведения «القمر لم يسقط في البئر» (al-Qamar lam yasquṭ fī al-biʾr, «Луна не упала в колодец») и его английского перевода “The Moon Did Not Fall into the Well”, выполненного Ибрахимом Мухави [14; 23].

Цель исследования заключается в анализе и систематизации способов передачи ядерных и периферийных лексем лексико-семантического поля «родина» с арабского языка на английский. Исследование ориентировано на выявление устойчивых и вариативных переводческих решений и установление их зависимости от значения лексемы в конкретном контексте.

Для достижения цели решаются следующие *задачи:* определить состав исследуемого лексико-семантического поля; установить частотность входящих в него арабских лексем; выровнять арабские и английские контексты и классифицировать выявленные соответствия; установить зависимость переводческого решения от предметного значения, сочетаемости и синтаксической функции исходной единицы.

Объект исследования – параллельные арабско-английские контексты произведения «القمر لم يسقط في البئر» и его перевода “The Moon Did Not Fall into the Well”. *Предмет исследования:* лексические соответствия и переводческие преобразования, используемые при передаче единиц поля «родина».

Научная новизна исследования состоит в сопоставительном описании лексем лексико-семантического поля «родина» в выровненных арабско-английских контекстах с учётом их частотности и положения в структуре поля. Авторский вклад заключается в установлении способов сохранения, дифференциации и нейтрализации семантических различий между единицами поля в английском переводе.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили прозаическое произведение Махмуда Дарвиша «القمر لم يسقط في البئر» (al-Qamar lam yasquṭ fī al-biʾr, «Луна не упала в колодец») в арабском оригинале, а также его английский перевод “The Moon Did Not Fall into the Well”, выполненный И. Мухави. Анализ проводится в пределах одного произведения, что позволяет обеспечить сопоставимость исходного и переводного текстов и сосредоточиться на детальном анализе переводческих решений. Арабский текст включён в пятое издание сборника يوميات الحزن العادي (Yawmiyyāt al-ḥuzn al-ʿādī, «Дневник обычной печали») 2009 года, английский перевод опубликован в сборнике Journal of an Ordinary Grief в 2010 году [14; 23].

Отбор материала проводился методом сплошной выборки из арабского текста. В исследовательский корпус включены употре-

бления лексем منزل и وطن, أرض, بلد / بلاد, بيت, دار, объединённых общим значением родной, принадлежащей человеку или освоенной им территории проживания. Учитывались формы с местоименными суффиксами, а также форма множественного числа أراضي. Производные прилагательные الوطني, الوطنية, наречная форма وطنياً и омонимичная глагольная форма أرضى в количественный подсчёт не включались.

Единицей анализа в настоящем исследовании выступает выровненный художественный контекст - предложение или абзац, в котором реализуются исследуемые лексемы. Такой подход обусловлен положением о том, что объектом перевода является не изолированная лексическая единица, а высказывание в целом, в рамках которого актуализируется совокупность семантических и прагматических компонентов [9, с. 4]. Для каждого контекста устанавливались актуальное значение арабской лексемы, её английское соответствие и применённое переводческое преобразование.

При сопоставлении учитывалась редакционная неоднородность источников. Приложенный арабский текст представляет собой пятое издание 2009 года, тогда как И. Мухави указывает, что при подготовке перевода восстановил отдельные фрагменты первого издания 1973 года [14]. Поэтому отсутствие арабского фрагмента в английском тексте не квалифицируется автоматически как переводческое опущение. В таких случаях используется нейтральная формулировка «фрагмент не имеет формально выраженного соответствия в анализируемом английском тексте». К анализу способов перевода привлекаются прежде всего непосредственно выровненные контексты.

В работе применяется комплексный методологический подход, включающий полевой, компонентный и контекстуальный методы, сопоставительный переводоведческий анализ и количественный анализ. Полевой метод используется для установления состава и структуры лексико-семантического поля «родина». Для анализа переводческих решений учитываются классификации переводческих соответствий и трансформаций, предложенные Я. И. Рецкером, Л. С. Бархударовым и В. Н. Комиссаровым [1; 7; 10]. Количественный

анализ направлен на подсчёт частотности лексемных вхождений и способов их передачи в переводе.

Результаты и обсуждение

Частотная структура поля

Постраничная проверка арабского оригинала позволила выявить 75 употреблений исследуемых единиц. Их распределение представлено в таблице 1.

Таблица 1.

Частотная структура лексико-семантического поля «родина» в арабском тексте

Table 1. Frequency structure of the lexical-semantic field “homeland” in the Arabic text

Лексема	Количество	Доля, %
أرض, أراضي	34	45,3
وطن	18	24,0
بيت	14	18,7
بلد / بالد	7	9,3
دار	1	1,3
منزل	1	1,3
Всего	75	100,0

Количественный анализ показал, что у наиболее частотной лексемы أرض зафиксировано 34 употребления, или 45,3 % общего количества. У лексемы وطن зафиксировано 18 употреблений (24,0 %). Лексема بيت представлена 14 употреблениями (18,7 %), формы بلد / بلاد — семью (9,3 %), а دار и منزل встречаются по одному разу. Таким образом, количественное ядро поля образуют أرض и وطن. При этом وطن служит его прямой номинацией, тогда как высокая частотность أرض показывает, что тема родины формируется также через территориальные, владельческие и пространственные значения. Расхождение суммы округлённых долей на 0,1 % обусловлено округлением.

Способы передачи лексемы وطن

Анализ показал, что лексема وطن (waṭan – «родина») непосредственно называет родину и представлена в арабском тексте 18 употреблениями. В выровненных контекстах она передаётся

английскими соответствиями homeland и country. Характер соответствия варьируется в зависимости от семантики лексемы и её функции в контексте: country актуализирует политико-территориальное значение, а homeland – значение личной и национальной принадлежности.

Арабский текст:

تصير الأرض صخرة وعصفوراً في آن واحد... فكيف نفهم إقدام فقراء البلدان المستلبة على الموت في سبيل العودة إلى فقر قديم؟... ليس وطني دائماً على حق، ولكنني لا أستطيع أن أمارس حقاً حقيقياً إلا في وطني. [23]

Английский перевод: *"The earth thus takes the form of a bird and a rock at the same time… Otherwise, how are we to explain why the poor, when forced out of their country, persist in facing death to return to a poverty they had left behind? ... My country is not always right, yet I cannot exercise genuine rights except in my homeland"* [14].

Сохранение номинативной формы при передаче лексемы وطن свидетельствует о стремлении переводчика удержать центральное значение родины. Вместе с тем две формы وطني в одном высказывании передаются по-разному. В конструкции «мой وطن не всегда прав» переводчик выбирает my country, поскольку родина представлена как политическое целое. В обстоятельстве места «только в وطن» используется in my homeland, актуализирующее личную принадлежность говорящего.

Арабский текст:

ليس للعمال وطن؟ ولكن للمحرومين من الوطن وطناً. ومن حسن حظنا — ربما — أن وطننا حق وجمال... [23]

Английский перевод: *"Perhaps it is due only to our high opinion of it that our homeland is justice and beauty"* [14].

В анализируемом английском тексте первые три формы وطن не имеют формально выраженного соответствия, тогда как وطننا передаётся как our homeland. В результате риторический вопрос, противопоставление и повтор исходной лексемы не воспроизводятся в данном фрагменте. С учётом различной редакционной истории изданий это расхождение фиксируется как отсутствие соответствия, а не как безусловное переводческое опущение.

Способы передачи лексемы أرض

В данной группе лексема أرض репрезентирует пространственно-территориальное значение и является наиболее частотной единицей поля: в арабском тексте зафиксировано 34 употребления. Она может обозначать физическую поверхность, почву, земельный участок, территорию проживания или пространство национальной принадлежности. Поэтому наряду с прямыми соответствиями land и earth в переводе используются ground и country.

Арабский текст:

أين أجده إذن! أنحني على الأرض وألتقطه حبات حبات كما تجمع الفلاحات، في تشرين حبات الزيتون. [23]

Английский перевод: *"Where else am I going to find it? I bend to the ground and pick it up piece by piece just as the women of the fellahin pick up olives in October, one olive at a time"* [14].

Выбор ground обусловлен глаголом bend и действием собирания предметов с поверхности. Здесь применяется контекстуальная конкретизация физического значения أرض.

Арабский текст:

تصير الأرض صخرة وعصفوراً في آن واحد. [23]

Английский перевод: *"The earth thus takes the form of a bird and a rock at the same time"* [14].

В метафорическом контексте используется earth. Этот вариант сохраняет обобщённое значение земли и поддерживает художественное соединение устойчивости камня и свободы птицы.

Арабский текст:

ولم يتوقف جدي عن ممارسة الأمل، فانتقل إلى قرية أخرى قريبة من أرضه. وذات صيف احتال على القانون، فاستأجر من تاجر يهودي موسم البطيخ المزروع في أرضه. وهكذا أتيحت الفرصة لصاحب الأرض أن يشتري ما تنتجه أرضه. [23]

Английский перевод: *"Grandfather did not stop living on hope, so he moved to another village closer to his land. One summer he got around the law by leasing from a Jewish merchant the seasonal crop of watermelons produced on his land. Thus the owner of the land had an opportunity to buy what his land produced"* [14].

Во всех четырёх случаях أرض передаётся словом land. Перевод сохраняет повтор и притяжательные формы, благодаря чему под-

держивается связь между земельным владением, сельскохозяйственным использованием территории и принадлежностью героя к родному месту.

Арабский текст:

أيهما أكثر إيلاماً: أن تكون لاجئاً في أرض سواك أم أن تكون لاجئاً في وطنك؟ [23]

Английский перевод: *"Which was more painful, to be a refugee in someone else's country or a refugee in your own?"* [14]

Сочетание أرض سواك, буквально «земля другого», переводится как someone else's country. Контекстуальная конкретизация актуализирует политико-территориальное значение и делает противопоставление чужой страны и собственной родины естественным для английского языка.

Следовательно, أرض не имеет единственного постоянного соответствия: ground обозначает физическую поверхность, earth сохраняет обобщённую и метафорическую семантику, land передаёт территориальное и владельческое значения, a country актуализирует политико-территориальную принадлежность.

Способы передачи лексемы بيت

Особое место в структуре поля занимает лексема بيت, поскольку она обозначает не только материальное жилище, но и микропространство дома, связанное с повседневным опытом и семейной памятью. В арабском тексте зафиксировано 14 употреблений этой лексемы. В английском переводе она передаётся через house, home и family. При этом выбор между ними не является случайным: house актуализирует материально-пространственный аспект, home – место постоянного проживания, a family – семейную общность.

Арабский текст:

كانت أمي في البيت، وكان أهل البيت والجيران يبحثون عني في كل آبار القرية. [23]

Английский перевод: *"My mother was already in the house, but the rest of the family and the neighbors were out searching for me in all the wells of the village"* [14].

В первом случае البيت передаётся как house, поскольку обозначает место нахождения матери героя. Сочетание أهل البيت, буквально «люди дома», переводится как the rest of the family. Метонимиче-

ская замена переносит обозначение с жилища на проживающих в нём людей.

Арабский текст:

كانت الليلة الثانية التي نبيتها خارج البيت. [23]

Английский перевод: *"That was the second night we spent away from home"* [14].

Соответствие home передаёт значение личного пространства, из которого герои были вынуждены уйти. В отличие от house, оно актуализирует не материальную конструкцию, а функцию постоянного места проживания.

Арабский текст:

وفي ساعة متأخرة من الليل يدق ضابط الشرطة باب البيت الطيني بعصاه. [23]

Английский перевод: *"Late one night a police captain struck the door of our adobe brick house with his truncheon"* [14].

Сочетание البيت الطيني переводится как our adobe brick house. Выбор house обусловлен указанием на материал и часть строения, а добавление притяжательного местоимения our эксплицирует принадлежность дома семье героя.

Арабский текст:

هذا الصبي جاء ليخرب بيتنا بعد ما خرب بيته وبيت أهله. [23]

Английский перевод: *"This boy is going to bring ruin upon us," he said, "after he's brought endless trouble to his parents and family"* [14].

Три формы بيت не получают прямого соответствия house или home. Сочетание يخرب بيتنا передаётся как bring ruin upon us, а خرب بيته وبيت أهله — как brought endless trouble to his parents and family. Фразеологическое и метонимическое преобразование сохраняет значение причинённого семье несчастья, но устраняет повтор и пространственный образ разрушенного дома.

Итак, بيت передаётся словом house при обозначении дома как строения, home – при обозначении места проживания, family – при метонимическом употреблении أهل البيت и описательным выражением в составе фразеологической конструкции.

Способы передачи лексем بلد / بلاد

Иная ситуация наблюдается при передаче лексем بلد / بلاد. Данные единицы не имеют устойчивого переводческого соответствия

и встречаются в арабском тексте семь раз, что составляет 9,3 % исследуемых единиц. В английском тексте они передаются вариативно: country, homeland и natives; в одном контексте используется компрессия. Такая неоднородность объясняется тем, что в семантике указанных лексем совмещаются значения страны, родной территории и населения определённой местности.

Арабский текст:

أعثر على الحصى الذي يشبه قلبي وأحوله بأصابعي الملتهبة إلى كلمات تجعلني في حوار مع البلد البعيد. نصير لغة قابلة للتجسيد. [23]

Английский перевод: *"When I chance upon pebbles that look like my heart, I transform them with my fingers on fire into words that put me in touch with the distant homeland. We then become a language that can turn into flesh"* [14].

Буквальное distant country заменено сочетанием distant homeland. Контекстуальная конкретизация подчёркивает, что речь идёт не о любой далёкой стране, а о родине говорящего.

Арабский текст:

وإلا، فكيف نفهم إقدام فقراء البلدان المستلبة على الموت في سبيل العودة إلى فقر قديم؟ [23]

Английский перевод: *"Otherwise, how are we to explain why the poor, when forced out of their country, persist in facing death to return to a poverty they had left behind?"* [14]

Исходное сочетание فقراء البلدان المستلبة преобразуется в конструкцию the poor, when forced out of their country. Определение со значением лишения территории передаётся придаточной конструкцией, а множественная форма البلدان заменяется обобщённым единственным числом country.

Арабский текст:

ويسوق الضابط الأب والعم إلى الاعتقال بتهمة التسلل إلى بلادهما! [23]

Английский перевод: *"The captain hauled the father and uncle away under arrest on the charge of stealing back into their own country"* [14].

Форма بلادهما передаётся как their own country. Добавление own эксплицирует парадокс: героев обвиняют в незаконном проникновении в страну, которая является их родиной.

Арабский текст:

سأستخدم أهل البلاد [...] ليقضوا على الأفاعي وبيضها. [23]

Английский перевод: *"I shall use the natives […] for the extermination of these animals"* [14].

Сочетание أهل البلاد, буквально «люди страны», переводится одним словом natives. Семантическое стяжение заменяет описательное обозначение жителей номинацией коренного населения.

Арабский текст:

واللاجئون ملعونون في بلادهم وخارج بلادهم. [23]

Английский перевод: *"Refugees are cursed in their homeland and out"* [14].

Первое بلادهم переводится как their homeland, а второе заменяется наречием out. Компрессия сохраняет основное содержание, но ослабляет параллельную структуру في بلادهم / خارج بلادهم.

Таким образом, بلاد / بلد передаются соответствиями homeland и country, метонимической заменой أهل البلاد - natives и контекстуальной компрессией.

Периферийные лексемы دار **и** منزل

Домоцентрическая группа представлена также лексемами دار и منزل. Они встречаются по одному разу и относятся к периферии поля, поскольку обозначают личное пространство проживания, контекстуально связанное с памятью о родном месте. В переводе دار конкретизируется как yard, а منزل передаётся словом home.

Арабский текст:

كان أعلى من جبيني وأقرب من شجرة التوت التي توسطت دار جدي. [23]

Английский перевод: *"It was higher than my forehead and closer than the mulberry tree in the middle of my grandfather's yard"* [14].

Сочетание دار جدي может обозначать дом или двор деда. Выбор my grandfather's yard определяется упоминанием дерева, расположенного в центре пространства. Перевод конкретизирует значение, обозначая не всё жилище, а окружающий его двор.

Арабский текст:

لم يكن المنزل والكرم والمحراث مسلحين. [23]

Английский перевод: *"The home, the orchard, and the plow were not weapons"* [14].

Лексема المنزل входит в перечисление мирных составляющих повседневной жизни. Выбор home, а не house, обозначает не только строение, но и место постоянной жизни, сохраняя противопоставление домашнего пространства вооружённому насилию.

Обобщение результатов сопоставительного анализа

Сопоставление показывает отсутствие однозначных отношений между арабскими единицами поля и английскими соответствиями. Основные результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Соответствия лексем поля «родина» и способы их передачи в английском переводе

Table 2. Correspondences for lexemes in the "homeland" semantic field and the methods used to render them in the English translation

Лексема	Соответствия	Значение	Способ передачи
وطن	homeland, country; отсутствие формального соответствия	родина, государство, принадлежность	дифференциация, компрессия
أرض	land, earth, ground, country	территория, участок, почва, поверхность	словарное соответствие, конкретизация
بيت	house, home, family; перефразирование	строение, место жизни, семья; значение в составе фразеологической конструкции	дифференциация, метонимия, перефразирование
بلد / دالب	homeland, country, natives; подразумеваемое значение	родная страна, государство, население	конкретизация, стяжение, компрессия
راد	yard	дворовое пространство	конкретизация
لزنم	home	место проживания	контекстуальная дифференциация

Первая выявленная тенденция состоит в семантической дифференциации: одна арабская лексема передаётся несколькими английскими соответствиями. Наиболее показательна أرض, переводимая как land, earth, ground или country. Выбор определяется характером пространства, отношением принадлежности и сочетаемостью с глаголами и определениями.

Вторая тенденция заключается в сближении разных арабских лексем. Английское homeland используется для передачи وطن, بلد и

بلاد, когда актуализируется родная территория. Country может соответствовать وطن, أرض и بلاد в политико-территориальных контекстах, a home объединяет отдельные значения بيت и منزل. Тем самым семантические границы между исходными единицами в переводе частично нейтрализуются.

Третья тенденция связана с передачей повторов. Если повтор связывает последовательные упоминания одного объекта, он сохраняется, как в ряду أرضه - أرضه - صاحب الأرض - أرضه -, переданном повторяющимся land. В риторических и фразеологических конструкциях английский текст подвергается компрессии: بيته - بيت - أهله بيتنا заменяется выражениями bring ruin upon us and bring endless trouble to his parents and family, а второе بلادهم в параллельной конструкции передаётся наречием out.

Следовательно, переводной перевод не воспроизводит структуру арабского поля механически, а перераспределяет его значения между английскими единицами. Предметное значение обычно сохраняется, однако при компрессии и фразеологическом перефразировании могут ослабляться лексический повтор и образная связь между обозначениями дома, земли и родины.

Заключение

Проведённый сопоставительный анализ арабского оригинала произведения «القمر لم يسقط في البئر» и его английского перевода, выполненного И. Мухави, позволяет установить состав и особенности передачи лексико-семантического поля «родина».

أرض передаётся как land, earth, ground или country, а для وطن используются homeland и country. Это показывает, что структура исследуемого лексико-семантического поля формируется не только прямой номинацией, но и обозначениями земли как территории, собственности и места национальной принадлежности.

В переводе структура поля в целом сохраняется, однако способы передачи различаются в зависимости от семантики конкретной лексемы и её функции в контексте. Сопоставление выявило два направления преобразования: одна арабская лексема может передаваться

несколькими английскими соответствиями, а разные арабские лексемы могут сближаться в одной английской единице. Выбор соответствия зависит от контекстуального значения, синтаксической позиции, сочетаемости и наличия притяжательных показателей.

Домоцентрическая группа, представленная лексемами بيت, دار и منزل, сохраняет свою значимость в переводе. Однако прямое соответствие нередко осложняется выбором между house, home и family или фразеологическим перефразированием. Лексические повторы сохраняются, когда связывают последовательные упоминания одного референта, но могут подвергаться компрессии в риторических конструкциях. Семантика при этом сохраняется, хотя формальный параллелизм воспроизводится не во всех случаях.

Таким образом, несмотря на вариативность лексических решений и отдельные случаи конкретизации, компрессии или перефразирования, перевод в целом сохраняет основные предметные значения исследуемых лексем. Английский текст не всегда воспроизводит исходную образность и повтор буквально, однако передаёт ключевое содержание фрагментов, перераспределяя значения между английскими единицами.

Список литературы

1. Бархударов, Л. С. (1975). *Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода*. Москва: Международные отношения. 240 с.
2. Васильев, Л. М. (1971). Теория семантических полей. *Вопросы языкознания*, (5), 105–113.
3. Власова, Ю. Е. (2022). Опыт палестинского отчуждения в романе Адании Шибли «Незначительная деталь». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, *15*(10), 3125–3130. DOI: https://doi.org/10.30853/phil20220532. EDN: https://elibrary.ru/GKWXND.
4. Влахов, С., & Флорин, С. (1977). *Семантические проблемы перевода*. Москва: Просвещение. 192 с.
5. Гареева, Л. И., & Фаттахова, А. Р. (2021). Следы на песке: образ «атляль» в арабской художественной литературе. *Арабистика Евразии*, (13), 16–31. EDN: https://elibrary.ru/NHIUQW.
6. Караулов, Ю. Н. (1976). *Общая и русская идеография*. Москва: Наука. 356 с. EDN: https://elibrary.ru/SDCMJZ.

7. Комиссаров, В. Н. (1990). *Теория перевода: статус и функции переводческого анализа*. Москва: Высшая школа. 253 с.
8. Кухарева, Е. В. (2019). Махмуд Дервиш и его Палестина: тема родины в творчестве поэта. *Концепт: философия, религия, культура*, (1), 155–164. DOI: https://doi.org/10.24833/2541-8831-2019-1-9-155-164. EDN: https://elibrary.ru/NANNAJ.
9. Олейник, А. Ю. (2009). *Переводческие трансформации в текстовом дискурсе: на материале англо-русского и русско-английского публицистического перевода: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19* (20 с.). Москва. EDN: https://elibrary.ru/ZNYDMR.
10. Рецкер, Я. И. (1974). *Теория перевода и переводческая практика*. Москва: Международные отношения. 216 с.
11. Шмелёв, Д. Н. (1973). *Проблемы семантического анализа лексики: на материале русского языка*. Москва: Наука. 280 с.
12. Baker, M. (2011). *In Other Words: A Coursebook on Translation* (2nd ed.). London; New York: Routledge. DOI: https://doi.org/10.4324/9780203832929.
13. Cruse, D. A. (1986). *Lexical Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press. 310 p.
14. Darwish, M. (2010). *Journal of an Ordinary Grief* (I. Muhawi, Trans.). Brooklyn, NY: Archipelago Books.
15. El Bagoury, M. (2024). Mahmoud Darwish and the Quest for a Postcolonial Utopia: Israel's War on Gaza and Reimagining the Colonial Waste Land. *Journal of Holy Land and Palestine Studies*, *23*(1), 109–126. DOI: https://doi.org/10.3366/hlps.2024.0328. EDN: https://elibrary.ru/ENTZAQ.
16. Geeraerts, D. (2010). *Theories of Lexical Semantics*. Oxford: Oxford University Press. DOI: https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198700302.001.0001.
17. Hatim, B., & Mason, I. (1990). *Discourse and the Translator*. London; New York: Longman.
18. House, J. (2015). *Translation Quality Assessment: Past and Present*. London; New York: Routledge.
19. Lehrer, A. (1974). *Semantic Fields and Lexical Structure*. Amsterdam: North-Holland Publishing Company.
20. Nofal, K. H. (2017). National Identity in Mahmoud Darwish's Poetry. *English Language and Literature Studies*, *7*(3), 66–77. DOI: https://doi.org/10.5539/ells.v7n3p66.
21. Perry, L. A. (2020). The Poetics of Dispossession in Mahmoud Darwish's "Exile". *Journal of Palestine Studies*, *49*(4), 91–108. DOI: https://doi.org/10.1525/jps.2020.49.4.91. EDN: https://elibrary.ru/IIPDWH.
22. Bassnett, S. (2011). The Translator as Cross-Cultural Mediator. В кн.: K. Malmkjær & K. Windle (Eds.), *The Oxford Handbook of Translation Studies* (pp.

94–107). Oxford: Oxford University Press. DOI: https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199239306.013.0008.

23. درويش، محمود. يوميات الحزن العادي. — الطبعة الخامسة. — بيروت: رياض الريّس للكتب والنشر، 2009. ISBN 9953-21-303-8.

References

1. Barkhudarov, L. S. (1975). *Language and Translation: Issues of General and Particular Theory of Translation*. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya. 240 p.
2. Vasilyev, L. M. (1971). Theory of semantic fields. *Issues of Linguistics*, (5), 105–113.
3. Vlasova, Yu. E. (2022). The experience of Palestinian estrangement in Adania Shibli's novel "Minor Detail". *Philological Sciences. Theory and Practice*, *15*(10), 3125–3130. DOI: https://doi.org/10.30853/phil20220532. EDN: https://elibrary.ru/GKWXND.
4. Vlakhov, S., & Florin, S. (1977). *Semantic Problems of Translation*. Moscow: Prosveshcheniye. 192 p.
5. Gareeva, L. I., & Fattakhova, A. R. (2021). Traces on the sand: The image of "atlal" in Arabic fiction. *Arabian Studies in Eurasia*, (13), 16–31. EDN: https://elibrary.ru/NHIUQW.
6. Karaulov, Yu. N. (1976). *General and Russian Ideography*. Moscow: Nauka. 356 p. EDN: https://elibrary.ru/SDCMJZ.
7. Komissarov, V. N. (1990). *Theory of Translation: The Status and Functions of Translation Analysis*. Moscow: Vysshaya Shkola. 253 p.
8. Kukhareva, E. V. (2019). Mahmoud Darwish and his Palestine: The theme of homeland in the poet's works. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, (1), 155–164. DOI: https://doi.org/10.24833/2541-8831-2019-1-9-155-164. EDN: https://elibrary.ru/NANNAJ.
9. Oleinik, A. Yu. (2009). *Translation transformations in textual discourse: Based on English–Russian and Russian–English journalistic translation* (Abstract of Cand. Sci. dissertation in Philology: 10.02.19) (20 p.). Moscow. EDN: https://elibrary.ru/ZNYDMR.
10. Retzker, Ya. I. (1974). *Theory of Translation and Translation Practice*. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya. 216 p.
11. Shmelev, D. N. (1973). *Problems of Semantic Analysis of Vocabulary: Based on Russian Language Material*. Moscow: Nauka. 280 p.
12. Baker, M. (2011). *In Other Words: A Coursebook on Translation* (2nd ed.). London; New York: Routledge. DOI: https://doi.org/10.4324/9780203832929.
13. Cruse, D. A. (1986). *Lexical Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press. 310 p.
14. Darwish, M. (2010). *Journal of an Ordinary Grief* (I. Muhawi, Trans.). Brooklyn, NY: Archipelago Books.

15. El Bagoury, M. (2024). Mahmoud Darwish and the Quest for a Postcolonial Utopia: Israel's War on Gaza and Reimagining the Colonial Waste Land. *Journal of Holy Land and Palestine Studies*, *23*(1), 109–126. DOI: https://doi.org/10.3366/hlps.2024.0328. EDN: https://elibrary.ru/ENTZAQ.
16. Geeraerts, D. (2010). *Theories of Lexical Semantics*. Oxford: Oxford University Press. DOI: https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198700302.001.0001.
17. Hatim, B., & Mason, I. (1990). *Discourse and the Translator*. London; New York: Longman.
18. House, J. (2015). *Translation Quality Assessment: Past and Present*. London; New York: Routledge.
19. Lehrer, A. (1974). *Semantic Fields and Lexical Structure*. Amsterdam: North-Holland Publishing Company.
20. Nofal, K. H. (2017). National Identity in Mahmoud Darwish's Poetry. *English Language and Literature Studies*, *7*(3), 66–77. DOI: https://doi.org/10.5539/ells.v7n3p66.
21. Perry, L. A. (2020). The Poetics of Dispossession in Mahmoud Darwish's "Exile". *Journal of Palestine Studies*, *49*(4), 91–108. DOI: https://doi.org/10.1525/jps.2020.49.4.91. EDN: https://elibrary.ru/IIPDWH.
22. Bassnett, S. (2011). The Translator as Cross-Cultural Mediator. In K. Malmkjær & K. Windle (Eds.), *The Oxford Handbook of Translation Studies* (pp. 94–107). Oxford: Oxford University Press. DOI: https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199239306.013.0008.
23. درويش، محمود. يوميات الحزن العادي. — الطبعة الخامسة. — بيروت: رياض الريّس للكتب والنشر، 2009. ISBN 9953-21-303-8.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Тарасова Фануза Харисовна, доктор филологических наук, доцент, Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская,18, г. Казань, Республика Татарстан, 420008, Российская Федерация
fhtarasova@yandex.ru

Исмагилова Фарида Гаязовна, аспирант; заместитель начальника управления по науке Болгарской исламской академии
Казанский (Приволжский) федеральный университет; Болгарская исламская академия
ул. Кремлевская,18, г. Казань, Республика Татарстан, 420008, Российская Федерация; ул. Кул Гали, 1а, г. Болгар, Республика Татарстан, 422840, Российская Федерация
gfgismagilova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Fanuza Kh. Tarasova, Doctor of Philology, Associate Professor, L. Tolstoy Institute of Philology and Intercultural Communication
Kazan Federal University
18, Kremlevskaya Str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008, Russian Federation
fhtarasova@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9420-4503

Farida G. Ismagilova, PhD student; Deputy Head of the Science Department of the Bolgar Islamic Academy
Kazan Federal University; Bolgar Islamic Academy
18, Kremlevskaya Str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008, Russian Federation;
1a, Kul Gali Str., Bolgar, Republic of Tatarstan, 422840, Russian Federation
gfgismagilova@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0009-0007-6643-7351

Поступила 15.06.2026 Received 15.06.2026
После рецензирования 12.08.2026 Revised 12.08.2026
Принята 21.08.2026 Accepted 21.08.2026

Интегративные гуманитарные исследования / Integrative Humanities Research

Научная статья
DOI: 10.12731/3033-5981-2026-18-3-575
УДК 94(571.620)»199»:316.6
Original article
EDN: ZACEJE

Конспирология как симптом социальной дезадаптации в 1990-е гг. на примере «заговора» против Бориса Ельцина в Хабаровском крае

Н.С. Воронцов[1], В.С. Шибаев[2]
[1]Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, Российская Федерация
[2]Морской государственный университет им. адмирала Г.И. Невельского, Владивосток, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания психосоциальных механизмов адаптации общества в периоды радикальных трансформаций. Феномен конспирологического мышления, ярко проявившийся в России начала 1990-х гг., позволяет выявить глубинные процессы кризиса идентичности и мировоззренческого коллапса.

Цель – на основе анализа архивных документов выявить взаимосвязь между социальной дезадаптацией индивида и формированием конспирологической картины мира как деструктивной стратегии совладания с экзистенциальным кризисом.

Материалы и методы. Эмпирической основой исследования выступили материалы фонда Р-227 Комсомольского-на-Амуре городского архива – документы представителя Президента России в Хабаровском крае В.М. Десятова, включая послание руководителя местного отделения Демократической партии России Ю.А. Резниченко о якобы готовившемся в 1992 г. ритуальном покушении на Б.Н. Ельцина. Методологической базой исследования является сочетание историко-генетического метода, позволяющего реконструировать социально-политический контекст ранней постсоветской эпохи, с методами историко-психологической интерпретации текста, дающими возможность рассмотреть послание как исторический источник, фиксирующий состояние сознания в кризисной ситуации. Такой междисциплинарный синтез позволил реконструировать глубинные психосоциальные механизмы, лежащие в основе формирования конспирологической картины мира как дезадаптивной стратегии.

Результаты. Выявлено, что конспирологическое послание Ю.А. Резниченко представляет собой синкретический текст, в котором реальные социально-политические страхи эпохи (реванш номенклатуры, саботаж реформ, образ «коммунистического подполья») переплелись с эзотерическими мифами (мировое правительство, сакральные артефакты). Зафиксировано, что автор выстраивает бинарную оппозицию «мы/они», наделяя врага сверхъестественными чертами и приписывая себе роль «спасителя», обладающего тайным знанием. Показано, что подобное мифотворчество выполняет пара-адаптивную функцию, субъективно снижая тревогу и восстанавливая чувство контроля за счет полного отрыва от реальности. Сделан вывод о том, что конспирологическое мышление в условиях социального кризиса является деструктивной копинг-стратегией. Пример Ю.А. Резниченко иллюстрирует, как сочетание личностной предрасположенности (тревожность, подозрительность) и травматических социальных изменений приводит к регрессии психики и построению альтернативной реальности. Материалы исследования могут быть использованы для изучения механизмов радикализации общественного сознания в переходные эпохи и разработки подходов к социально-психологической адаптации в периоды реформ.

Ключевые слова: теория заговора; постсоветская трансформация; конспирология; социальная дезадаптация; копинг-стратегии; Б.Н. Ельцин; Хабаровский край; историческая психология; региональная история

Для цитирования. Воронцов, Н. С., & Шибаев, В. С. (2026). Конспирология как симптом социальной дезадаптации в 1990-е гг. на примере «заговора» против Бориса Ельцина в Хабаровском крае. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, *18*(3), 342-363. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-575

Conspirology as a symptom of social maladjustment in the 1990s: A case study of the “conspiracy” against Boris Yeltsin in Khabarovsk Krai

N.S. Vorontsov[1], V.S. Shibaev[2]

[1]Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation
[2]Admiral G.I. Nevelsky Maritime State University, Vladivostok, Russian Federation

Abstract

Background. The relevance of this study stems from the need to understand the psychosocial mechanisms of societal adaptation during periods of radical transformation. The phenomenon of conspiratorial thinking, which vividly manifested itself in

Russia in the early 1990s, allows us to identify the deep processes of identity crisis and worldview collapse.

Purpose – to identify, based on the analysis of some archival documents, the relationship between an individual's social maladjustment and the formation of a conspiratorial worldview as a destructive coping strategy for dealing with an existential crisis.

Materials and methods. The empirical basis of the study comprises materials from Fund R-227 of the Komsomolsk-on-Amur City Archive – documents of Vladimir Desyatov, the representative of the President of Russia in Khabarovsk Krai, including a message from the head of the local branch of the Democratic Party of Russia, Yuri Reznichenko, concerning an alleged ritual assassination attempt on Boris Yeltsin being prepared in 1992. The methodological framework of the study combines a historical-genetic approach, which allows for the reconstruction of the socio-political context of the early post-Soviet era, with a historical-psychological interpretation of the text, which makes it possible to examine the message as a historical source that captures the state of individual consciousness in a crisis situation. This interdisciplinary synthesis has made it possible to go beyond the confines of conventional source criticism and to reconstruct the deep psychosocial mechanisms underlying the formation of a conspiratorial worldview as a maladaptive coping strategy.

Results. It was revealed that Reznichenko's conspiratorial message is a syncretic text in which the real socio-political fears of the era (the nomenklatura's revenge, sabotage of reforms, the image of a "communist underground") intertwined with esoteric myths (a world government, sacred artifacts). It is noted that the author constructs a binary "us/them" opposition, endowing the enemy with supernatural features and assigning himself the role of a "savior" possessing secret knowledge. It is shown that such myth-making serves a para-adaptive function, subjectively reducing anxiety and restoring a sense of control at the cost of a complete detachment from reality. It is concluded that conspiratorial thinking in conditions of social crisis is a destructive coping strategy. The case of Reznichenko illustrates how a combination of personal predisposition (anxiety, suspiciousness) and traumatic social changes leads to mental regression and the construction of an alternative reality. The research materials can be used to study the mechanisms of radicalization of public consciousness during transitional eras and to develop approaches for socio-psychological adaptation during periods of reform.

Keywords: conspiracy theory; post-Soviet transformation; conspirology; social maladjustment; coping strategies; B.N. Yeltsin; Khabarovsk Krai; historical psychology; regional history

For citation. Vorontsov, N. S., & Shibaev, V. S. (2026). Conspirology as a symptom of social maladjustment in the 1990s: A case study of the "conspiracy" against Boris Yeltsin in Khabarovsk Krai. *Russian Social and Humanitarian Studies*, *18*(3), 342-363. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-575

Введение

Период радикальной постсоветской трансформации в России 1990-х гг. традиционно исследуется с позиции приоритетного анализа политических и экономических изменений. Но не менее значимым аспектом эпохи является глубочайший кризис общественного сознания, вызванный распадом прежней идентичности, идеологическим вакуумом и шоком миллионов граждан бывшего Советского Союза. В этих условиях особую роль играли упрощённые модели объяснения реальности, среди которых центральное место занимают теории заговора, а конспирология зачастую выходила за рамки маргинального феномена и становилась симптомом, отражающим процессы коллективной травмы и дезадаптации.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных истории общества в 1990-х гг., проявления мировоззренческого кризиса на региональном и локальном уровнях по-прежнему остаются недостаточно изученными. Восполнить этот пробел позволяет введение в научный оборот исторических источников из местных архивов, которые раскрывают атмосферу страха, подозрительности и поиска «врага».

Цель исследования – на примере Хабаровского края в начале 1990-х гг. проанализировать, как общенациональный ментальный кризис преломлялся в сознании. В фокусе исследования – анализ теории заговора как дезадаптивной стратегии совладания (копинга), порожденной травмой социального слома, и анализ структуры конспирологического нарратива, впитавшего в себя реальные страхи и мифологемы ранней постсоветской эпохи.

Теоретическую базу исследования составляют работы, анализирующие состояние массового сознания в периоды социальных кризисов, [22], повседневные практики и всплеск интереса к мистике в позднесоветский и ранний постсоветский периоды [2; 23]. Важную роль играют исследования, посвящённые политической борьбе начала 1990-х гг. и конструированию образа врага. Д.П. Мочалов детально проанализировал феномен антикоммунизма в государственной политике 1991-1993 гг. [17], показав, как в официальном дискурсе формировались образы «коммунистического подполья» и

«номенклатурного реванша», создававшие питательную среду для конспирологии. Необходимым дополнением к общероссийским исследованиям выступают работы, посвященные региональному измерению постсоветской трансформации. Дальневосточные историки А.С. Ващук и С.Г. Коваленко неоднократно обращались к проблемам социально-политической обстановки в регионе, восприятии перестройки и распада СССР современниками, динамике надежд на социальную модернизацию и последующих разочарований, отношению к КПСС, взаимодействию власти и общества [3; 4; 12]. Ю.Н. Ковалевская в своих работах исследовала нарративы дальневосточников о 1990-х гг., а также влияние социальных трансформаций на повседневность и самоощущение [10; 11]. Данные исследования создают необходимый контекст и позволяют понять, как общенациональные процессы отражались в регионе.

Большое значение имеют психологические и социологические исследования природы конспирологического мышления. В работах А.Д. Казун, Р.Г. Ардашева и А.М. Прилуцкого конспирология рассматривается как упрощённая объяснительная модель (наивная герменевтика), коррелирующая с высокой тревожностью и сниженными аналитическими способностями [1; 8; 19]. Зарубежные исследования (M. Barkun, V. Swami, L. Stasielowicz) устанавливают связь веры в заговоры с дезадаптивными чертами личности, низкой самооценкой и мизантропией [24; 27; 28]. Особый интерес представляют концепция экзистенциальной угрозы (J. Van Prooijen), согласно которой конспирология активизируется при крушении привычного мира [30], а также подход к копинг-стратегиям Е.В. Суховой, рассматривающий асоциальные способы совладания со стрессом [21].

В целом в литературе сложились две основные трактовки конспирологического мышления: как продукта социальных кризисов (культурно-историческая) и как проявления личностных особенностей (индивидуально-психологическая). Они взаимно дополняют друг друга, позволяя совместить взаимодействие социального контекста постсоветской трансформации и индивидуальных психологических механизмов совладания.

Материалы и методы

Исследование построено вокруг конкретного случая (кейс-стади). Источниковой базой послужили материалы Комсомольского-на-Амуре городского архива (фонд Р-227 представителя Президента России в Хабаровском крае В.М. Десятова), содержащие большой массив документации о политической обстановке в регионе, включая обращения, жалобы и послания политически активных граждан. Среди них следует отметить послание председателя Хабаровского отделения Демократической партии России Ю.А. Резниченко Президенту России Б.Н. Ельцину, датированное 25 марта 1992 г. С опорой на материалы из фонда В.М. Десятова воссоздается социально-политическая обстановка в Хабаровском крае в 1991-1992 гг., позволившая выявить типичные страхи и опасения (саботаж реформ, намеренный срыв теплоснабжения, реванш прежних партийных руководителей), ставшие питательной средой для конспирологии. Исследование опирается на междисциплинарный подход, сочетающий исторический анализ источника с психологической интерпретацией, где ключевым понятием выступает дезадаптивная стратегия совладания, т.е. совокупность действий и когнитивных искажений, которые, будучи направленными на снижение стресса, приводят к ухудшению социального функционирования и отрыву от реальности. Конспирологическое мышление рассматривается как форма регрессии психики. При историко-психологической интерпретации текста использовались следующие критерии: наличие бинарных оппозиций с выраженной моральной оценкой («мы/они», «добро/зло»); приписывание противнику сверхъестественных возможностей; конструирование причинно-следственных связей между событиями, не имеющими объективной взаимосвязи; позиционирование автора как обладателя тайного знания; использование эзотерической лексики, обращение к ритуальным практикам.

Результаты и обсуждение

В периоды социальных кризисов сознание проходит через серьезные испытания. Регрессия психики, одним из проявлений которой выступает переход от рационального мышления к магиче-

скому, является типичной реакцией на бурно изменяющуюся среду. Магическое мышление присуще всем, но в кризис, при проблемах адаптации, оно выходит на передний план. Одной из наиболее распространённых форм магического мышления является конспирологическое мышление, характеризующееся поляризацией социального пространства на два непримиримых лагеря («мы» и «они») с бинарными моральными качествами и редукцией сложной социальной каузальности к противостоянию этих лагерей [9].

Исследователи конспирологического мышления отмечают его ключевую характеристику: объяснение генезиса общественно значимых явлений действиями некой сверхвлиятельной группы, заинтересованной в их создании [8]. Субъект такого мышления полагает, что благодаря обладанию эксклюзивной информацией ему открыта подлинная причинность событий, недоступная «непосвященным». Мир, согласно этому воззрению, не знает случайностей [24].

Как отмечал Е.В. Субботинский, человек на эмоциональном уровне может принять внушенную идею и действовать в соответствии с ней, даже осознавая ее неверность [20]. Однако при социальной дезадаптации с регрессией к паранойяльным формам критическая функция сознания блокируется, поисковые стратегии подчиняются подтверждению исходной гипотезы, формируя замкнутую, не фальсифицируемую картину мира [8].

Конспирологические убеждения более свойственны людям с высокой тревожностью, низкой самооценкой и менее развитыми аналитическими способностями. Эмпирические исследования показывают, что такие аспекты личности, как «необычные убеждения и переживания» и «подозрительность», значимо предсказывают веру в теории заговора [28]. К коррелятам также относятся низкая самооценка, мизантропия [25; 27], сниженный уровень просоциального поведения и доверия к науке [29]. В отечественной традиции носители конспирологического мышления зачастую характеризуются как маргиналы со статусом ниже среднего [1].

Почему же конспирологическое мышление не является редкостью? Его герменевтическая функция позволяет объяснять сложные

процессы на доступном для массовой аудитории уровне, предлагая простой и информативный нарратив [19]. Это особенно востребовано в эпоху постмодерна [7].

Таким образом, конспирологическое мышление можно рассматривать как деструктивную копинг-стратегию [21]. Парадоксально, но то, что мы определяем как дезадаптацию (мешающую здоровым отношениям), для конспиролога является «пара-адаптацией»: простые объяснения сложных процессов делают его «избранным», обладающим тайным знанием. Механизм «захвата» выглядит так: асоциальные черты личности создают зону угрозы, которая расширяется по мере трансформации значимых социально-политических конструкций, воспринимаемой как «экзистенциальная угроза» [30]. Нарастающая регрессия психики ведет к поиску простых объяснений, которые дает конспирология. Погружение в нее запускает автокаталитический процесс: психика находит все больше подтверждений, критическое мышление уступает, поиск направлен на новые «факты». Постепенная отчуждаемость социального окружения конспиролога сопутствующая деформации его критического мышления приводит к появлению ощущения элитарности и сверхценности имеющегося знания, что, в итоге, не дает человеку шанса вернуться в критическое поле окружающей действительности. Подобные процессы склонны автокаталитически усиливать сами себя по мере усиления каждой из составных частей данного процесса.

Призрак «реванша» в ранней постсоветской России как катализатор конспирологического мышления

Конец 1991 – начало 1992 гг. стали для России переломной точкой, в которой сошлись разрушение политических институтов Советского Союза, распад прежней системы ценностей и социальных ориентиров для миллионов граждан бывшего СССР [2, с. 89]. На фоне идеологического вакуума, образовавшегося после запрета КПСС, политическое руководство страны конструировало образ врага, необходимый для легитимации противоречивых реформ. Таким врагом вполне закономерно стало готовящее реванш «коммунистическое подполье». Основанием для подобных страхов по-

служило и состояние бюрократического аппарата новой России, по большей части укомплектованного бывшими советскими и партийными работниками. Это порождало угрозу саботажа реформ и воспроизводства старых управленческих практик, что казалось многим политикам-реформаторам из окружения Б.Н. Ельцина опаснее открытого противостояния. [17, с. 56]

Избавление от прежней символики, ликвидация центральных и региональных структур КПСС подавались как акты превентивного удара по реваншистским силам [16, с. 199]. При этом ведущие демократические издания конструировали образ опасной коммунистической оппозиции, а любая активность левых сил (в том числе не заявлявших о преемственности с КПСС) подавалась как часть плана по реставрации советского строя.

Общая атмосфера подозрительности и поиска внутреннего врага отчетливо проявилась в регионах. Оренбургский историк Д.П. Мочалов в своих работах приводит множество эпизодов, иллюстрирующих представление о сохранении нелегальных партийных комитетов, их подрывной работе и саботаже. В Челябинске депутаты в ноябре 1991 г. обвиняли председателя областного Совета в сговоре с бывшим обкомом КПСС, якобы организовавшем перебои с хлебом; глава городской администрации Омска объяснял протесты профсоюзов происками партократии; в 1992 г. глава администрации Липецкой области Г.В. Купцов утверждал, что областной Совет находится под контролем подпольного обкома и вместе с областной прокуратурой выполняет тайный план по саботажу рыночных реформ; из Белгородской области и Ставропольского края в газеты поступали письма граждан о том, что местные советы заполнены коммунистами, которые намеренно тормозят реформы, и даже недовольство простых граждан, стоящих в очередях, подогревается действиями бывшей партноменклатуры [17, с. 147-150].

Не стал исключением и Хабаровский край, где смена власти после августа 1991 г. носила поверхностный характер. Уличенные в непринятии мер по сопротивлению ГКЧП председатель краевого Совета народных депутатов Н.Н. Данилюк и председатель край-

исполкома В.В. Литвинов подали в отставку [5, л. 15-16]. Во главе созданной осенью 1991 г. администрации Хабаровского края встал В.И. Ишаев, бывший заместитель В.В. Литвинова, опытный хозяйственник, тесно связанный со своими предшественниками. Это назначение было воспринято местными демократами весьма настороженно. Как отмечал в марте 1992 г. В.М. Десятов, один из лидеров демократического движения в крае, народных депутат СССР, а с августа 1991 г. – представитель Президента России в Хабаровском крае, региональные власти «по сути, сменили вывеску исполкома на администрацию» [14, л. 58]. В.М. Десятов в своих аналитических записках утверждал, что бывшие партийные работники, а также прокуроры, офицеры КГБ и МВД умышленно уничтожали архивы КПСС, [14, л. 1-2], а новые администрации всех уровней сформированы «из числа бывшей номенклатуры, в том числе партийной» и не способны следовать реформаторским курсом [14, л. 71].

В.М. Десятов был далеко не одинок в своих опасениях. Об угрозе номенклатурного реванша сообщали депутаты Хабаровского городского и краевого Советов, представили групп «За демократизацию Советов», «Обновление», «Краевой совет Движения демократических реформ» М. Вовк, И. Галянт, М. Колбаско, Б. Резник и др. начиная с ноября 1991 г., когда заподозрили бывшее партийное руководство Хабаровска в намеренном срыве подготовки к отопительному сезону [13, л. 24-25]. В 1992 г. как прежнее руководство края (Н.Н. Данилюк, В.В. Литвинов), так и пришедшие им на смену глава администрации края В.И. Ишаев и новый председатель краевого Совета И.Н. Цветков неоднократно подвергались критике «демократического лагеря» за медленное проведение земельной реформы и приватизации, опору на бывшую партийно-хозяйственную номенклатуру, сохранению за ней контроля над финансовыми и материальными ресурсами, дискредитацию Президента и Правительства России [14, л. 71]. Большую тревогу В.М. Десятова и его соратников вызвала деятельность Дальневосточной ассоциации советов и ее руководства (включая Н.Н. Данилюка и И.Н. Цветкова). Представитель Президента утверждал, что под видом экономиче-

ской ассоциации создается параллельное правительство региона и идет подготовка к провозглашению Дальневосточной республики [14, л. 26, 33].

В атмосфере всеобщего недоверия и подозрений некоторые активисты из демократического лагеря видели заговоры даже в собственной повседневности. Ярким примером являются письма председателя Хабаровского отделения Демократической партии России Ю.А. Резниченко. В конце октября 1991 г. он направил заявление государственному секретарю России Г.Э. Бурбулису и председателю Демократической партии Н.И. Травкину, описав проникновение в его квартиру (являвшуюся также штаб-квартирой его партии), толкание под машину, слежку, незакрытый вентиль газовой плиты на кухне и т.д. Ю.А. Резниченко напрямую связывал неудачи с действиями политических фигур края (Н.Н. Данилюка, В.В. Литвинова, В.И. Ишаева), которые «где клеветой, где подкупом, где местью стремятся любым путём оставить власть за собой». Спасение же он видел во вмешательстве Москвы и полной смене регионального руководства [15, л. 9-10].

Послание Ю.А. Резниченко

25 марта 1992 г. в В.М. Десятова поступило несколько документов от Ю.А. Резниченко. На этот раз в них содержался целый манифест. Основное послание предваряли две короткие записки-инструкции на имя В.М. Десятова. В них представителю Президента рекомендовалось ознакомиться с материалами либо дома, либо «отойдя на значительное расстояние от письменного стола», намекая на прослушку кабинета [14, л. 17-18]. Затем следовало пространное письмо Б.Н. Ельцину. Документ объёмом 6 машинописных листов представлял собой синкретический текст, сочетающий элементы политического доноса, пророчества и программы действий по спасению человечества. Начав с констатации неустойчивого положения в стране, автор быстро переходил к главному тезису: все негативные явления в России и мире объясняются деятельностью тайного правительства или «Сионского ордена», также именуемого «братством Грааля» [14, л. 19-22].

Глобальная цель заговора, по версии Ю.А. Резниченко, заключалась в сокращении населения Земли путем развязывания Третьей мировой войны, катализатором которой должна была послужить кровь Президента России, приговоренного орденом к ритуальному убийству («жертвоприношению Ваалу») в ходе его ближайшего визита в Хабаровский край. В число заговорщиков автор вписал как мировых лидеров (М.С. Горбачёв, Дж. Буш, М. Тэтчер, Г. Коль, С. Хуссейн), так и региональных политиков, включая Н.Н. Данилюка, а исполнителем был назван депутат краевого Совета и предприниматель В.Е. Цой. Местом сбора заговорщиков автор послания назвал здание краевого совета профсоюзов, где «собираются коммунисты регулярно по средам» [14, л. 18, 25]. Ю.А. Резниченко связывал заговор с критикой реформ в Верховном Совете России, и недавним свержением Президента Грузии З.К. Гамсахурдия [14, л. 22], рассматривая события в Хабаровске как часть общей картины номенклатурного реванша на всем постсоветском пространстве.

Уникальность послания, в сравнении с ранее приведенными примерами из документооборота В.М. Десятова, заключается в его религиозно-мистической составляющей. Ритуал жертвоприношения Ельцина, по мнению Ю.А. Резниченко, должен быть совершён в подземном храме, якобы расположенном под зданием Хабаровского крайкома КПСС и хранящем сакральные артефакты христианской традиции – Копье Лонгина и Чашу Грааля. Посвящение Б.Н. Ельцина в «рыцари-командоры» Мальтийского ордена (реальный факт, освещавшийся в прессе) трактовалось как часть подготовки к заговору. Ю.А. Резниченко отмечал, что ритуал посвящения был проведен с нарушениями, что означает одно: Б.Н. Ельцина приняли в «рыцари» на короткий срок, как обреченную жертву, подобно императору Павлу I [14, л. 19-20].

Завершалось послание «планом спасения». Автор предлагал Б.Н. Ельцину тайно уничтожить тело В.И. Ленина как акт низвержения старого культа, явиться в подземный храм, уничтожить сакральные артефакты и конфисковать золотой запас. В конце послания Ю.А. Резниченко намекал Президенту России на возможность

личной встречи, сообщив о предстоящей поездке на собрание Либеральной фракции Демократической партии [14, л. 25].

Документ успешно прошёл региональный бюрократический фильтр. 3 апреля 1992 г. В.М. Десятов направил в Москву две копии письма – главному государственному инспектору Ю.Ю. Болдыреву и государственному советнику С.М. Шахраю, сопроводив их резолюцией: «Посылаю Вам материал, требующий глубокого анализа… Хотя, по моему, возможно необъективному мнению, автор этих документов имеет некоторые отклонения от обычных форм мышления и выражения мысли» [14, л. 15]. Дальнейшая судьба документа в аппаратных коридорах неизвестна. Упомянутые в письме лица (Данилюк, Цой, бывшие члены крайкома) преследованиям не подвергались. Сведений о попытках связать упомянутый в письме «заговор» с делом хабаровчанина майора И.В. Кислова, намеревавшегося в январе 1993 г. проникнуть в комплекс правительственных зданий на Старой площади для покушения на Б.Н. Ельцина [6], судя по открытым источникам, не предпринималось. Б.Н. Ельцин в ходе своего президентства посетил Хабаровск лишь один раз – в апреле 1996 г. Визит прошёл без происшествий [4, с. 132].

Психологическая характеристика дезадаптивной стратегии совладания в кейсе Ю.А. Резниченко

Письмо Ю.А. Резниченко 1992 г. представляет собой классический пример глубоко дезадаптивной стратегии совладания (копинга) с экзистенциальным кризисом, вызванным радикальной социально-политической трансформацией. Анализ документа позволяет выделить ключевые психологические механизмы, направленные на снижение тревоги и восстановление субъективного чувства контроля, но при этом ведущие к социальной и когнитивной дезадаптации.

В условиях краха привычной советской картины мира (когнитивного диссонанса) в случае Ю.А. Резниченко наблюдается трансформация восприятия действительности путем создания объяснительной системы, где политические процессы, религиозные символы, эзотерические мифы и бытовые наблюдения сплавляются в неразделимый конспирологический конструкт, который стано-

вится выражением формы магического мышления. Наблюдается яркое проявление «герменевтической функции» конспирологии, когда комплексные и травмирующие макропроцессы (распад СССР, экономический коллапс, борьба элит) сводятся к деятельности всемогущего и злонамеренного «тайного правительства». Такой механизм радикально снижает когнитивную нагрузку, устраняя неопределенность, однако делает это ценой полного отрыва от реальности.

Дезадаптивный копинг Ю.А. Резниченко включает жесткую бинарную поляризацию социального мира. Он выстраивает четкую оппозицию: «они» (абсолютное зло) в лице тайного правительства и их местных приспешников. Им приписываются сверхчеловеческие возможности и сакрально-ритуальные практики оккультного характера (жертвоприношение Ваалу). Им противостоят «мы» (спасители), а именно сам Ю.А. Резниченко как носитель тайного знания и, потенциально, Б.Н. Ельцин как фигура, которую можно обратить в союзника. Такая проекция позволяет экстернализировать источник тревоги и беспомощности, превратив страх в конкретного, пусть и фантастического, врага, борьба с которым дает иллюзию осмысленной деятельности и высокой миссии, и, как следствие помогает преодолеть экзистенциальный кризиса утери смысла в эпоху перемен.

Парадокс данной дезадаптивной стратегии заключается в ее субъективно-адаптивной функции для самого автора. Конспирологическая система Резниченко решает несколько острых психологических задач. Во-первых, восстановление чувства контроля и агентности: Ю.А. Резниченко – «агент-спаситель», раскрывший «заговор» и предлагающий конкретный план действий. Обладание «тайным знанием» выделяет его из массы «непосвященных», причисляя к интеллектуальной элите, он вступает в символический диалог с Президентом, позиционируя себя как советника по вопросам государственной важности. Провалы реформ и социальные бедствия объясняются не ошибками новой власти или сложностью переходного периода, а кознями всемогущего врага. Это снимает необходимость критического анализа неудач «своей» стороны, помогает объяснить все провалы новой власти враждебными, вредительскими действиями её противников.

Дезадаптивный копинг Ю.А. Резниченко не возникает в вакууме. Он укоренен в реальных общественных страхах начала 1990-х гг., включая миф о «золоте партии», недоверие к масонским ложам. Его мышление использует эти, пусть и спекулятивные, но актуальные тревоги как сырье для построения системы, связавшей воедино Буша-старшего и Саддама Хуссейна, а также непримиримых антагонистов в политике Хабаровского края – Н.Н. Данилюка и В.Е. Цоя (в одном из более поздних интервью Н.Н. Данилюк подчеркивал невозможность совместной работы с В.Е. Цоем [18]).

Исследования, приведенные в данной статье выше [8; 28] связывают склонность к конспирологическому мышлению с такими чертами, как подозрительность, необычные убеждения, высокая тревожность и сниженные аналитические способности. Несмотря на субъективное облегчение, стратегия является дезадаптивной в социальном плане. Эклектический язык документа, насыщенный сочетанием эзотерического символизма с позднесоветской действительностью, делает его неадекватным для диалога с властью, о чем свидетельствует резолюция В.М. Десятова об «отклонениях от обычных форм мышления». Кроме того, раскрывается и потенциал к опасным действиям: хотя сам Резниченко ограничился лишь посланием, логика «спасения мира» через разрушение сакральных артефактов или борьбу с «агентами заговора» может в других случаях привести к реальному насилию.

Заключение

Послание Ю.А. Резниченко является ценным историческим источником, отражающим один из вариантов индивидуального реагирования на кризисные проявления и социально-политические вызовы переходной эпохи. Его пример демонстрирует, как в условиях острого социокультурного кризиса личность может избрать деструктивную стратегию совладания, основанную на регрессии к конспирологическому мышлению и выполняющую пара-адаптивную функцию, временно снижая тревогу и восстанавливая чувство контроля и значимости через создание альтернативной реальности.

Выявленные документы не позволяют однозначно установить, были ли у автора послания единомышленники, либо он являлся единственным носителем вышеописанной искаженной картины мира. Однако его идеи не являлись изолированным феноменом. Сходные по структуре умозаключения (и зачастую в отношении тех же представителей регионального руководства) можно обнаружить в иных документах фонда В.М. Десятова, в том числе и в аналитических записках, посвященных активности коммунистов, проблеме номенклатурного реванша, сращиванию новой администрации с прежней партийно-хозяйственной бюрократией, использованию оппозицией недовольства граждан для дискредитации Президента и Правительства России. Некоторые их них также воспроизводят логику заговорщической модели, но при этом полностью лишены эзотерического компонента и глобального контекста.

Подобно сообщениям о «заговорах» из других регионов России, послание Ю.А. Резниченко фиксирует характерную для эпохи атмосферу подозрительности и уверенность, что за провалами реформ стоят сознательные действия противников. Принципиальное различие, однако, состоит в том, что у В.М. Десятова и его единомышленников из числа депутатов и представителей демократических организаций данный посыл встраивается в логику российского политического поля, у Ю.А. Резниченко же картина заговора приобретает черты доведенной до крайности конспирологии.

Информация о спонсорстве. Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБУН ИИАЭ ДВО РАН (FWMU-2026-0011: «Трансформационные и стабилизационные процессы на Дальнем Востоке России в эпоху глобализации: из XX в XXI век»).

Список литературы

1. Ардашев, Р. Г. (2020). Теории заговора в общественном мнении россиян. *Миссия конфессий*, *9*(1), 145–154. EDN: https://elibrary.ru/TLRZLL.
2. Бригадина, О. В. (2017). Жизнь в эпоху перемен: массовое сознание и повседневные практики советского населения в годы перестройки (1985–1991). *Жур-*

нал Белорусского государственного университета. История, (3), 87–93. EDN: https://elibrary.ru/YRXHOP.

3. Ващук, А. С. (2014). Перестройка на российском Дальнем Востоке в субъективных измерениях современников: надежды на социальную модернизацию и разочарования. *Россия и АТР*, (4), 5–22. EDN: https://elibrary.ru/TMOXFB.
4. Ващук, А. С., & Коваленко, С. Г. (2024). Визиты Б. Н. Ельцина на Дальний Восток в контексте политики федерального центра в отношении дальневосточных регионов в 1990-е годы. *Новый исторический вестник*, (4), 116–140. DOI: https://doi.org/10.54770/20729286_2024_4_116. EDN: https://elibrary.ru/GSLHBM.
5. Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-2039. Оп. 1. Д. 67.
6. Дорофеев, В., & Панков, Ю. (1993). Дело майора Ивана Кислова. *Коммерсантъ*, 28 января. https://www.kommersant.ru/doc/38195 (дата обращения: 25.01.2026).
7. Кадурина, Н. В. (2013). Конспирологические подходы к репрезентации политических процессов. *Russian Journal of Education and Psychology*, (6), 26. DOI: https://doi.org/10.12731/2218-7405-2013-6-57. EDN: https://elibrary.ru/RAHDJD.
8. Казун, А. Д. (2022). Конспирологическое мышление: понятие, измерение и факторы. *Экономическая социология*, *23*(2), 91–117. DOI: https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-2-91-117. EDN: https://elibrary.ru/YINBGD.
9. Карпоян, С. М. (2011). Отрицательные модальные оценки в интернет-комментарии. *Научная мысль Кавказа*, (3), 115–119. EDN: https://elibrary.ru/OGHAED.
10. Ковалевская, Ю. Н. (2016). Социальные трансформации 1990-х годов как фактор формирования кризисной повседневности дальневосточников (по результатам полевых исследований). *Региональные проблемы*, *19*(4), 109–116. EDN: https://elibrary.ru/XIAMLP.
11. Ковалевская, Ю. Н. (2023). Работа памяти: нарративы дальневосточников о 1990-х гг. в кратковременной и долговременной перспективе. *Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН*, *42*, 141–154. DOI: https://doi.org/10.24412/2658-5960-2023-42-141-154. EDN: https://elibrary.ru/KBYKYR.
12. Коваленко, С. Г. (2025). Критика и десакрализация КПСС на Дальнем Востоке в 1985–1993 гг. *Россия и АТР*, (4), 32–47. DOI: https://doi.org/10.24412/1026-8804-2025-4-32-47. EDN: https://elibrary.ru/JDFTRR.
13. Комсомольский-на-Амуре городской архив. Ф. Р-227. Оп. 1. Д. 85.
14. Комсомольский-на-Амуре городской архив. Ф. Р-227. Оп. 1. Д. 92.
15. Комсомольский-на-Амуре городской архив. Ф. Р-227. Оп. 1. Д. 100.
16. Любичанковский, С. В. (2019). «…Партия выходит из меня»: размышления рядового коммуниста (на материалах дневника Л. Н. Большакова конца 1980-х – начала 1990-х годов). *Вестник Оренбургского государственного педагогическо-*

го университета. Электронный научный журнал, (2), 190–201. DOI: https://doi.org/10.32516/2303-9922.2019.30.11. EDN: https://elibrary.ru/WFQZSE.

17. Мочалов, Д. П. (2025). *Государственная политика в отношении коммунистических партий и движений на начальном этапе радикальных реформ (1991–1992 гг.)* (дис. … канд. ист. наук). Оренбург. 194 с.
18. Николай Данилюк рассказал свою правду о краевой власти. (2011). *Дебри-ДВ*, 29 июля. http://debri-dv.com/article/4141.
19. Прилуцкий, А. М. (2024). Прагматика конспирологических мифологем. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*, (3), 124–135. DOI: https://doi.org/10.35231/18186653_2024_3_124. EDN: https://elibrary.ru/OUMFLJ.
20. Субботский, Е. В. (2005). Коммуникация и магическое мышление. *Известия Южного федерального университета. Технические науки*, *51*(7), 191–192.
21. Сухова, Е. В. (2014). Понятие «копинг-стратегии» и пример асоциальных копинг-стратегий. *Прикладная юридическая психология*, (1), 76–83. EDN: https://elibrary.ru/RXWYGR.
22. Тощенко, Ж. Т. (2015). *Фантомы российского общества*. Москва: Центр социального прогнозирования и маркетинга. https://www.isras.ru/files/File/publ/Toschenko_Fantomy_2015.pdf.
23. Шамякина, Т. И. (2022). Творческий поиск и мифы массового сознания в конце эпохи социализма. *София: электронный научно-просветительский журнал*, (2), 63–68. EDN: https://elibrary.ru/VVQQGX.
24. Barkun, M. (2013). *A Culture of Conspiracy: Apocalyptic Visions in Contemporary America*. Oakland, CA: University of California Press. DOI: https://doi.org/10.1525/california/9780520276826.001.0001.
25. Hettich, N., Beutel, M., Ernst, M., Schliessler, C., Kampling, H., Kruse, J., & Braehler, E. (2022). Conspiracy endorsement and its associations with personality functioning, anxiety, loneliness, and sociodemographic characteristics during the COVID-19 pandemic in a representative sample of the German population. *PLOS ONE*, *17*, e0263301. DOI: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0263301. EDN: https://elibrary.ru/IXGHNL.
26. Sen, A., & Zadrozny, B. (2020). QAnon groups have millions of members on Facebook, documents show. *NBC News*, 11 августа. https://www.nbcnews.com/tech/tech-news/qanon-groups-have-millions-members-facebook-documents-show-n1236317 (дата обращения: 09.02.2026).
27. Stasielowicz, L. (2022). Who believes in conspiracy theories? A meta-analysis on personality correlates. *Journal of Research in Personality*, *98*, 104229. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jrp.2022.104229. EDN: https://elibrary.ru/RBZQWE.
28. Swami, V., Weis, L., Lay, A., Barron, D., & Furnham, A. (2016). Associations between belief in conspiracy theories and the maladaptive personality traits of the per-

sonality inventory for DSM-5. *Psychiatry Research*, *236*, 86–90. DOI: https://doi.org/10.1016/j.psychres.2015.12.027.
29. Van der Linden, S. (2015). The conspiracy-effect: Exposure to conspiracy theories (about global warming) decreases pro-social behavior and science acceptance. *Personality and Individual Differences*, *87*, 171–173. DOI: https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.07.045.
30. Van Prooijen, J. (2019). An Existential Threat Model of Conspiracy Theories. *European Psychologist*, *25*(1), 16–25. DOI: https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000381. EDN: https://elibrary.ru/CIUYJD.

References

1. Ardashev, R. G. (2020). Conspiracy theories in the public opinion of Russians. *Mission of Confessions*, *9*(1), 145–154. EDN: https://elibrary.ru/TLRZLL.
2. Brigadina, O. V. (2017). Life in an era of change: Mass consciousness and everyday practices of the Soviet population during perestroika (1985–1991). *Journal of the Belarusian State University. History*, (3), 87–93. EDN: https://elibrary.ru/YRXHOP.
3. Vashchuk, A. S. (2014). Perestroika in the Russian Far East in the subjective perceptions of contemporaries: Hopes for social modernization and disappointments. *Russia and the Pacific*, (4), 5–22. EDN: https://elibrary.ru/TMOXFB.
4. Vashchuk, A. S., & Kovalenko, S. G. (2024). B. N. Yeltsin's visits to the Far East in the context of the federal center's policy toward the Far Eastern regions in the 1990s. *New Historical Bulletin*, (4), 116–140. DOI: https://doi.org/10.54770/20729286_2024_4_116. EDN: https://elibrary.ru/GSLHBM.
5. State Archive of Khabarovsk Krai. Fond R-2039, Inventory 1, File 67.
6. Dorofeev, V., & Pankov, Yu. (1993). The case of Major Ivan Kislov. *Kommersant*, January 28. https://www.kommersant.ru/doc/38195 (accessed: 25.01.2026).
7. Kadurina, N. V. (2013). Conspiratorial approaches to the representation of political processes. *Russian Journal of Education and Psychology*, (6), 26. DOI: https://doi.org/10.12731/2218-7405-2013-6-57. EDN: https://elibrary.ru/RAHDJD.
8. Kazun, A. D. (2022). Conspiratorial thinking: Concept, measurement, and factors. *Economic Sociology*, *23*(2), 91–117. DOI: https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-2-91-117. EDN: https://elibrary.ru/YINBGD.
9. Karpoyan, S. M. (2011). Negative modal evaluations in internet comments. *Scientific Thought of the Caucasus*, (3), 115–119. EDN: https://elibrary.ru/OGHAED.
10. Kovalevskaya, Yu. N. (2016). Social transformations of the 1990s as a factor in shaping the crisis everyday life of Far Easterners (based on field research). *Regional Problems*, *19*(4), 109–116. EDN: https://elibrary.ru/XIAMLP.
11. Kovalevskaya, Yu. N. (2023). The work of memory: Far Easterners' narratives about the 1990s in short-term and long-term perspective. *Proceedings of the Institute of*

History, Archaeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, *42*, 141–154. DOI: https://doi.org/10.24412/2658-5960-2023-42-141-154. EDN: https://elibrary.ru/KBYKYR.

12. Kovalenko, S. G. (2025). Criticism and desacralization of the CPSU in the Far East in 1985–1993. *Russia and the Pacific*, (4), 32–47. DOI: https://doi.org/10.24412/1026-8804-2025-4-32-47. EDN: https://elibrary.ru/JDFTRR.
13. Komsomolsk-on-Amur City Archive. Fond R-227, Inventory 1, File 85.
14. Komsomolsk-on-Amur City Archive. Fond R-227, Inventory 1, File 92.
15. Komsomolsk-on-Amur City Archive. Fond R-227, Inventory 1, File 100.
16. Lyubichankovsky, S. V. (2019). "...The party is leaving me": Reflections of an ordinary communist (based on the diary of L. N. Bolshakov from the late 1980s to the early 1990s). *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, (2), 190–201. DOI: https://doi.org/10.32516/2303-9922.2019.30.11. EDN: https://elibrary.ru/WFQZSE.
17. Mochalov, D. P. (2025). *State policy toward communist parties and movements at the initial stage of radical reforms (1991–1992)* (Cand. Sci. dissertation in History). Orenburg. 194 pp.
18. Nikolai Danilyuk tells his truth about the regional authorities. (2011). *Debri-DV*, July 29. http://debri-dv.com/article/4141.
19. Prilutsky, A. M. (2024). The pragmatics of conspiratorial mythologemes. *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, (3), 124–135. DOI: https://doi.org/10.35231/18186653_2024_3_124. EDN: https://elibrary.ru/OUMFLJ.
20. Subbotsky, E. V. (2005). Communication and magical thinking. *Izvestiya of the Southern Federal University. Technical Sciences*, *51*(7), 191–192.
21. Sukhova, E. V. (2014). The concept of "coping strategies" and an example of asocial coping strategies. *Applied Legal Psychology*, (1), 76–83. EDN: https://elibrary.ru/RXWYGR.
22. Toshchenko, Zh. T. (2015). *Phantoms of Russian Society*. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing. https://www.isras.ru/files/File/publ/Toschenko_Fantomy_2015.pdf.
23. Shamyakina, T. I. (2022). Creative inquiry and myths of mass consciousness at the end of the socialist era. *Sofia: Electronic Educational and Enlivening Journal*, (2), 63–68. EDN: https://elibrary.ru/VVQQGX.
24. Barkun, M. (2013). *A Culture of Conspiracy: Apocalyptic Visions in Contemporary America*. Oakland, CA: University of California Press. DOI: https://doi.org/10.1525/california/9780520276826.001.0001.
25. Hettich, N., Beutel, M., Ernst, M., Schliessler, C., Kampling, H., Kruse, J., & Braehler, E. (2022). Conspiracy endorsement and its associations with personality functioning, anxiety, loneliness, and sociodemographic characteristics during the

COVID-19 pandemic in a representative sample of the German population. *PLOS ONE*, *17*, e0263301. DOI: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0263301. EDN: https://elibrary.ru/IXGHNL.
26. Sen, A., & Zadrozny, B. (2020). QAnon groups have millions of members on Facebook, documents show. *NBC News*, August 11. https://www.nbcnews.com/tech/tech-news/qanon-groups-have-millions-members-facebook-documents-show-n1236317 (accessed: 09.02.2026).
27. Stasielowicz, L. (2022). Who believes in conspiracy theories? A meta-analysis on personality correlates. *Journal of Research in Personality*, *98*, 104229. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jrp.2022.104229. EDN: https://elibrary.ru/RBZQWE.
28. Swami, V., Weis, L., Lay, A., Barron, D., & Furnham, A. (2016). Associations between belief in conspiracy theories and the maladaptive personality traits of the personality inventory for DSM-5. *Psychiatry Research*, *236*, 86–90. DOI: https://doi.org/10.1016/j.psychres.2015.12.027.
29. Van der Linden, S. (2015). The conspiracy-effect: Exposure to conspiracy theories (about global warming) decreases pro-social behavior and science acceptance. *Personality and Individual Differences*, *87*, 171–173. DOI: https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.07.045.
30. Van Prooijen, J. (2019). An Existential Threat Model of Conspiracy Theories. *European Psychologist*, *25*(1), 16–25. DOI: https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000381. EDN: https://elibrary.ru/CIUYJD.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Воронцов Николай Степанович, кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук
ул. Пушкинская, 89, г. Владивосток, 690001, Российская Федерация
nsv91@yandex.ru

Шибаев Владимир Сергеевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
Морской государственный университет им. адмирала Г.И. Невельского
ул. Верхнепортовая, 50а, г. Владивосток, 690059, Российская Федерация
wladimirdw@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Nikolay S. Vorontsov, PhD in History, Researcher
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences

89, Pushkinskaya Str., Vladivostok, 690001, Russian Federation
nsv91@yandex.ru
SPIN-code: 4846-8330
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2755-3804

Vladimir S. Shibaev, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology
Admiral G.I. Nevelsky Maritime State University
50a, Verkhneportovaya Str., Vladivostok, 690059, Russian Federation
wladimirdw@gmail.com
SPIN-code: 5196-9847
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1702-0721
ResearcherID: L-5422-2017
Scopus Author ID: 55799874500
Academia.edu: https://independent.academia.edu/BWShibaev
ResearchGate: https://www.researchgate.net/profile/Vladimir-Shibaev

Поступила 20.07.2026
После рецензирования 21.08.2026
Принята 25.08.2026

Received 20.07.2026
Revised 21.08.2026
Accepted 25.08.2026

Интегративные гуманитарные исследования / Integrative Humanities Research

Научная статья
DOI: 10.12731/3033-5981-2026-18-3-617
УДК 81'373.21

Original article
EDN: ZBSQHA

Патриотическая составляющая в названиях бизнес-объектов города Воронежа

М.А. Мануковская
Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. В современном российском обществе все чаще и чаще обсуждаются темы, связанные с патриотизмом. Активное применение патриотической тематики затрагивает все сферы жизни, в том числе и коммерческие номинации. Наблюдаются изменения в подходах к наименованиям бизнес-объектов. Они перестают выполнять только идентифицирующую функцию, позволяющую выделять объект из ряда ему подобных. Коммерческие номинации отражают ценности, формируют локальную идентичность и усиливают чувство принадлежности к региону, в котором они функционируют. Для современной науки о языке актуальным является вопрос о том, какие лингвистические приемы, средства и процессы применяются для создания патриотического смысла в урбанонимии. Выявление патриотических элементов в именах собственных бизнес-объектов (ИСБО) позволяет установить связь между языковыми практиками, задействованными в процессе номинации, и социокультурными процессами в городской среде.

Цель – определить лингвистические модели и стратегии использования патриотической лексики в наименованиях бизнес-объектов г. Воронежа. Кроме того, необходимо их классифицировать и комплексно описать, а также выявить социокультурные функции данных коммерческих номинаций.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужил корпус, состоящий из более чем 300 наименований бизнес-объектов Воронежа (торговля, общепит, услуги, производство), содержащих патриотическую семантику. Корпус сформирован методом сплошной выборки из открытых источников (онлайн-справочников 2ГИС, Яндекс Карты). В работе применены следующие методы исследования: описательный метод, компонентный и контекстуальный анализ (для изучения семантики), лингвокультурологический анализ (для выявления национальных

культурных особенностей), количественные методы (для обработки данных), словообразовательный метод (для изучения структуры наименований).

Результаты. Выделены основные языковые стратегии, отражающие патриотическое содержание в ИСБО: лексико-семантическая (включает в себя номинации с прямым значением, исторические аллюзии на события или известных личностей прошлого, этнокультурные маркеры, передающие локальные ценности и традиции); морфологическая (состоит из таких способов словообразования, как аффиксация, сложение основ); семантико-стилистическая (содержит такие стилистические приемы, как метафора, метонимия, аллюзия); графическая (заключается в употреблении кириллического шрифта, использовании государственной символики).

Разработана типология ИСБО г. Воронежа, содержащих патриотическую лексику. Она охватывает следующие группы: географические наименования, историко-патриотические наименования, этнокультурные наименования, символические наименования, персонализированные наименования, традиционно-бытовые наименования.

Установлено, что патриотические маркеры присутствуют примерно в 25 % от общего количества коммерческих номинаций г. Воронежа. Среди них преобладают географические названия (40 %), менее частотны этнокультурные маркеры (30 %) и исторические аллюзии (20 %), символические названия составляют наименьшую долю (10 %).

Определены ключевые функции ИСБО с патриотической тематикой: идентифицирующая, рекламная, образовательная, культурологическая, эмотивная и коммуникативная.

Выявлено, что состав исследуемых патриотических номинаций имеет неравномерное распределение по сферам деятельности: наиболее распространены в торговле (45 %) и общественном питании (30 %), менее – в сфере услуг (15 %) и производства (10 %).

На основании проведённого анализа патриотических ИСБО были получены следующие результаты. Такие наименования являются важным компонентом городской семиотической среды. Они способствуют формированию локального патриотизма у целевой аудитории. Кроме того, они укрепляют региональную идентичность, проявляющуюся в осознании принадлежности к определенному региону, и выражают культурно-исторические ценности. Наряду с этим, установлено, что коммерческая номинация в Воронеже одновременно выполняет несколько функций. Основными среди них являются рекламная функция, которая проявляется в привлечении внимания покупателя и создание имиджа продукта/услуги, и идеологическая функция, которая демонстрирует ценностные ориентиры и социально-значимые смыслы через наименование бизнес-объекта. Вследствие этого

ИСБО отражают динамику языковых процессов и социокультурных изменений в современном русском языке.

Ключевые слова: патриотический дискурс; коммерческая номинация; урбанонимия; лингвокультурный концепт; имена собственные бизнес объектов; целевая аудитория; рекламный стиль; аллюзия

Для цитирования. Мануковская, М. А. (2026). Патриотическая составляющая в названиях бизнес-объектов города Воронежа. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, *18*(3), 364-385. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-617

The patriotic component in the proper names of business enterprises located in Voronezh

M.A. Manukovskaya
Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russian Federation

Abstract

Background. Nowadays the contemporary Russian society is more and more often discussing the topics related to patriotism. The frequent application of patriotic themes affects all spheres of life, including naming of business enterprises. Changes in approaches to name business enterprises are becoming apparent. These proper names are no longer fulfilling only an identifying function that allows to distinguish an object from similar ones. Modern proper names convey values, form local identity as well as strengthen the feeling of attachment to the area in which they operate. For modern linguistics it is particularly important to study the linguistic means, techniques and processes used to create patriotic meanings in urbanonymy. The analysis of patriotic markers that have been found in proper names of business enterprises makes it possible to uncover the relationship between linguistic practice involved in naming and sociocultural processes in the urban area.

Purpose. The purpose of the study is to identify the linguistic patterns and strategies of using words with patriotic semantics in the proper names of business enterprises located in Voronezh. Furthermore, it is necessary to classify them and describe them in detail. Besides, it is essential to reveal the sociocultural functions of these proper names.

Materials and methods. The research material consists of a dataset of more than 300 proper names of business enterprises located in Voronezh (collected from the sphere of trade, catering, services and manufacturing) which contain patriotic semantics. The dataset is formed via the method of systematic collecting of information from publicly accessible resources (online directories 2GIS and Yandex Maps). The research applies a number of methods: a descriptive method, component and contextual analysis (to study semantics), linguocultural analysis (to identify national and cultural specific features),

quantitative methods (to process the data), word formation analysis (to study the structure of proper names).

Results. The main linguistic strategies for representing patriotic meanings in the proper names of business enterprises have been identified. They are the following: lexical and semantic strategy (this involves proper names applied in their direct meaning, historical allusions to events or prominent personalities and ethno-cultural markers that convey local values and traditions); morphological strategy (this consists of such word formation techniques as affixation and compounding of bases); semantic and stylistic strategy (this includes such stylistic devices as metaphor, metonymy, and allusion); graphic strategy (this includes application of the Cyrillic alphabet and national symbols).

A typology of patriotic proper names of business enterprises located in Voronezh is developed classifying them into the following groups: geographical proper names, historical and patriotic proper names, ethno-cultural proper names, symbolic proper names, personalized proper names, traditional and daily proper names.

It was established that patriotic markers are represented in approximately 25 % of the total number of proper names of business enterprises located in Voronezh. Among them, geographical proper names predominate (40 %), while proper names with ethno-cultural markers (30 %) and historical allusions (20 %) are less frequent. Proper names with symbolic components make up the smallest share, accounting for 10 %.

The key functions of patriotic proper names of business enterprises are determined. They include identifying, marketing, educational, cultural, emotional and communicative ones.

It has been revealed that the dataset of the analysed patriotic proper names shows a significant disparity in different business sectors: they are most common in trade (45 %) and catering (30 %), and less common in the service sector (15 %) and manufacturing (10 %).

The results obtained from the research of patriotic proper names of business enterprises confirm that such proper names act as a significant element of the urban semiotic area. They contribute to the formation of local patriotism in the target audience. Furthermore, they strengthen regional identity that is displayed through realizing of belonging to a particular region and convey cultural and historical values. Besides, it has been discovered that the commercial nomination in Voronezh performs several functions simultaneously. The main ones are the marketing function that is revealed through attracting attention of buyers and shaping the image of a product or a service and the ideological function which demonstrates values and socially significant meanings through the proper name of a business enterprise. Thus, proper names reflect the dynamics of linguistic processes and sociocultural changes in the modern Russian language.

Keywords: patriotic discourse; commercial naming; urban onomastics; linguocultural concept; proper names of business enterprises; target audience; style of advertising; allusion

For citation. Manukovskaya, M. A. (2026). The patriotic component in the proper names of business enterprises located in Voronezh. *Russian Social and Humanitarian Studies*, *18*(3), 364-385. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-617

Введение

В современной лингвистике, которая отличается антропоцентрической направленностью, наблюдается устойчивая закономерность. Она проявляется в росте интереса к способам выражения ценностных ориентиров общества с помощью языковых средств. В этом смысле тема патриотизма приобретает особое значение, поскольку этот феномен является одной из важных ценностей и приоритетов для государства. Он проявляется в различных сферах коммуникации: в политике, медиатекстах, рекламе, городской среде и повседневной речи.

Сегодня в российском обществе прослеживается патриотический подъем. Данная тенденция значительно влияет на подходы к коммуникации и меняет их. Это касается и сферы бизнеса. Названия компаний и магазинов перестают выполнять только идентификационную функцию, определяющую предлагаемые товары и услуги. Сейчас коммерческие номинации помогают формировать ценности и чувство принадлежности к своему региону. На основе этого исследования имен собственных бизнес-объектов, для создания которых используются патриотические маркеры, становятся особенно актуальными.

Наименования предприятий - это речевые произведения. Они отражают культуру страны, историю и ценности общества. Это мнение разделяют многие исследователи в области урбанонимии. Например, Е. А. Яковлева отмечает, что «названия городских объектов сегодня имеют символическую ценность и отражают важные социокультурные процессы» [20, с. 45].

В своей работе по изучению топонимики эрзянского села Новые Сосны Самарской области Н. В. Беленов также придерживается подобной концепции. Лингвист утверждает, что культурная память сохраняется в языковых знаках. По мнению автора топонимы выполняют две функции. Во-первых, они служат для обозначения географических объектов, во-вторых транслируют этнокультурные ценности и историческую память региона [3]. Эти выводы применимы и к урбанонимии. Поскольку имена собственные биз-

нес-объектов с элементами патриотической лексики не только передают ценности локальной идентичности, но еще и актуализируют коллективную память, формируя тем самым связь между бизнесом и местным сообществом.

Следует отметить, что многие современные лингвисты занимаются исследованиями в области ономастики и коммерческой номинации. Это подтверждается рядом публикаций. Среди них на работы Васильевой Ю.А. [4], Новичихиной М.Е. [11], Поздняковой Е.Ю. [12], Радиной Н.К. и Крупной Д.А. [13], Разумова Р.В. [14], Ремчуковой Е.Н. и Замалетдиновой Л.Р. [15], Соколовой Т.П. [16], Чжэньго Л. [18]. Однако пока еще не существует системного описания того, как в названиях городских объектов отдельных российских городов представлены патриотические маркеры. На материале Воронежа настоящее исследование восполняет этот пробел. Впервые выявляются языковые модели и стратегии названий бизнес-объектов с патриотической семантикой. Кроме того, раскрывается их роль в формировании чувства принадлежности к региону.

Актуальность исследования определяется следующими факторами:

- Активизацией патриотического дискурса на государственном и общественном уровнях. Она непосредственно проявляется в номинативной практике.
- Динамикой роста числа наименований с патриотической семантикой, отражающей востребованность этого сегмента на рынке.
- Необходимостью детального изучения лингвистических средств формирования и трансляции патриотических смыслов в городском пространстве.
- Потребностью в системном анализе языковых и речевых свойств ИСБО с патриотическим компонентом как особых единиц языка рекламы.

Цель исследования – выявить, классифицировать и лингвистически описать модели употребления патриотических концептов в названиях бизнес-объектов г. Воронежа.

Задачи исследования:

1. Систематизировать типы патриотических маркеров в ИСБО.
2. Выявить основные лингвистические стратегии создания патриотических названий.
3. Проанализировать примеры из воронежской урбанонимии с позиций семантики и прагматики.
4. Определить социокультурную функцию патриотических наименований.
5. Рассмотреть ИСБО как речевые произведения рекламного стиля.

Материалом для исследования стал корпус, сформированный методом сплошной выборки из открытых источников (онлайн-справочников 2ГИС, Яндекс Карты). В него вошли более 300 наименований бизнес-объектов различных сфер деятельности (торговля, общепит, услуги), содержащих патриотическую семантику.

В работе использовался комплекс взаимодополняющих **методов**. Основу исследования составил описательный метод в сочетании с компонентным и контекстуальным анализом для изучения семантики. Для выявления национально-культурной специфики материала был применён лингвокультурологический анализ. Обработка данных велась с привлечением количественных методов, а для изучения структуры наименований – методы словообразовательного анализа.

Основная часть

Лингвистический анализ патриотических названий бизнес-объектов г. Воронежа

Теоретической и методологической базой данного исследования послужили положения диссертационной работы «Языковые и речевые свойства системы имён собственных бизнес-объектов на материале русского языка» [10]. Это позволило рассматривать наименования бизнес-объектов (ИСБО) г. Воронежа с патриотической семантикой как сложный речевой феномен.

В данном контексте ИСБО выступают не как номенклатурные знаки, а как сложные речевые произведения с двойной природой. С одной стороны, в них прослеживаются черты языка как системы:

системность (функционирование в системе городской номинации) и знаковость (способность заменить объект и содержать в себе определенное количество информации). С другой стороны, они проявляют свойства речи: коммуникативную направленность (ориентацию на адресата) и ситуативность (зависимость от конкретной ситуации употребления).

Функционально такие наименования являются важными компонентами номинативной триады «продавец/производитель – товар/услуга – покупатель/пользователь». При этом ИСБО выполняют не только идентифицирующую функцию, которая является базовой. Они также осуществляют и воздействующую функцию: формируют ценности, создают положительный имидж и укрепляют связь с целевой аудиторией на основе общих культурных норм.

Проведенный анализ выявил характерные языковые особенности патриотических ИСБО:

Многоуровневая семантика – сочетание прямого и переносного значений, образующих сложную смысловую структуру. Она усиливает воздействующий потенциал названия. Например, в ИСБО «Петровский пассаж» лексическое значение прямо обозначает время правления царя Петра Первого и тем самым ассоциируется с созданием Российского флота и становлением России как государства, а переносное значение рассматривается как помещение для клиентов со специфическими запросами на качество покупок и высокий уровень брендов. Оно создает представление у будущего клиента о том, что он будет приобретать (ассортимент) и как это будет происходить (атмосфера). В результате у потребителя возникают ассоциации с роскошью, престижем и комфортным времяпрепровождением.

Индивидуализирующая функция реализуется локальными маркерами, обозначающими географическую принадлежность объекта и выделяющими его среди конкурентов с обезличивающими или типовыми наименованиями. Например, в названии «Воронежский мясокомбинат» представлен топонимический компонент «Воронежский», указывающий не просто на место расположения предприятия,

а вызывающий ассоциации с местным производством, традициями качества и региональной идентичностью. В отличие от предыдущего, название «Мясокомбинат № 1» носит безликий характер, лишено локальной привязки и не вызывает ассоциации у покупателя.

Коммуникативная направленность – ориентация на адресата, способность вызывать у целевой аудитории определенную ассоциацию или эмоциональный отклик. Такие названия не просто идентифицируют объект, но и транслируют ценности, которые соотносятся с ожиданиями и культурным опытом покупателей. Например, наименование детского магазина «Наследникъ Выжанова» вызывает ассоциации с историей, качеством и заботой о будущем поколении. Оно может привлечь покупателей, которые ценят традиции и надежность. Название кафе «Уют» побуждает к мысли о комфорте и домашней атмосфере, именно поэтому подходит семьям и тем, кто ищет тихое место для отдыха.

Системность выражается в том, что наименования городских объектов группируются по определённым структурно-семантическим моделям, сложившимся в языковом и культурном пространстве города. На основании этой системности городского ономастического пространства между названиями возникают парадигматические отношения: они могут противопоставляться, дополнять друг друга или образовывать тематические ряды. Например, названия бизнес-объектов «Старый город» (ресторан) и «Новый Век» (торговый центр) в г. Воронеж создают чёткое смысловое противопоставление: «старое – новое»: первое название намекает на историческую ценность, уют, культуру, второе – на современность, динамику развития и новые технологии. Напротив, ИСБО аптек «36,6» и «Здоровый Город» отлично сочетаются и дополняют друг друга: первая подходит для широкого круга потребителей стандартного ассортимента, вторая предлагает товары для здорового образа жизни. Так, системность обеспечивает целостный характер номинативной среды, в которой каждый топоним функционирует не изолированно, а как элемент единой семиотической системы города, отражая его историю, ценности и коммуникативные установки горожан.

Выше рассмотрены основные языковые свойства городской номинации на материале ИСБО г. Воронежа. Перейдем к анализу одного из частных фактов – использованию патриотических смыслов в названиях коммерческих объектов. Лингвистические концепции патриотизма в коммерческой номинации показывают способы реализации языковых единиц (топонимов, исторических имен, символических обозначений) как носителей и элементов, транслирующих надежность, преемственность поколений и гражданские ценности. Наименования подобного рода не просто идентифицируют объект, но и передают ценностные ориентиры, тем самым формируя более тесное взаимодействие бизнеса с потребителем за счёт использования общих символов культуры.

Теоретическое обоснование этого процесса представлено у В. И. Карасика, называющего лингвокультурные концепты ментальными образованиями с языковыми признаками, которые отражают ценности общества [6, с. 24].

В наименованиях бизнес-объектов г. Воронежа прослеживаются такие стратегии выражения патриотической семантики:

1. Лексико-семантическая стратегия

Данная стратегия строится на прямом задействовании лексических единиц обладающих патриотической семантикой и культурно-историческим подтекстом. Она содержит следующие приемы:

- Прямые номинации – использование имён нарицательных с высокой степенью идеологизации: «Патриот» (гостиница), «Родина» (бизнес – парк, агрокомплекс, агентство недвижимости), «Отечество» (компания по производству грибов и трюфелей, юридическое бюро), «Родные просторы» (комбинат хлебобулочных изделий), «Воронеж» (промышленные предприятия, гостиницы и отели). Названия такого типа обращаются к фундаментальным патриотическим ценностям и вызывают чувство связи с национальными идеалами.
- Символы государственности – включение в ИСБО понятий, связанных с символом власти, символикой государства: «Флаг» (предприятие по производству гербов, флагов и дру-

гой рекламной продукции), «Герб» (компания, предоставляющая услуги в сфере грузоперевозок), «Кремль» (агентство недвижимости), («Триколор» (магазин электротехники, товаров для установки антенны). Эти лексемы отражают состояние стабильности и легитимности.

- Исторические аллюзии – отсылки к героическому прошлому страны или региона: «Победа» (сеть продуктовых магазинов), «Суворов» (жилой комплекс), «Пересвет» (спортивный клуб), «Застава» (бизнес-центр). Подобные названия оживляют общую историю, создают патриотический настрой и подчеркивают традиции.
- Этнокультурные маркеры – обозначения, связанные с нацией или культурой: «Русский аппетит» (сеть предприятий быстрого питания), «Русский стиль» (салон мебели), «Славянский» (торговый центр, транспортная компания), «Душа казака» (магазин одежды), «Каравай» (пекарня, кондитерская). Они создают эффект подлинности, традиций, этнокультурной принадлежности.

2. Морфологическая стратегия

Эта стратегия базируется на использовании словообразовательных средств для придания «патриотического колорита» и подчёркивания местного или национального характера наименования. Самые распространенные:

- Аффиксация – использование суффиксов для передачи принадлежности, традиционности: суффиксы -ск- («Воронежский», «Петровский», «Придонской») и -ов-, -ин- («Кольцовский», «Платоновский», «Никитинская») указывают на принадлежность к местности или исторической личности.
- Сложение основ – образование сложных терминов, сочетающих в себе патриотическую и функциональную семантику: «Воронежстальмост» (предприятие по изготовлению металлоконструкций), «Воронежсинтезкаучук» (предприятие по производству термоэластопластов и синтетических каучуков), «Воронежстройинвест» (строительная компания), «Во-

ронежспецтех» (компания, поставляющая оборудование). Такие наименования одновременно идентифицируют объект и при этом указывают на родство с отечественной культурой.

3. Семантико-стилистическая стратегия

Стратегия использует образные средства в целях создания выразительности и эмоциональности наименования. К ним относятся:

- Метафора – перенос значения на основе сходства: «Держава» (строительная компания), «Крепость» (военно-патриотический клуб) ассоциируются с силой, надежностью, государством.
- Метонимия – перенос по смежности: «Адмирал» (ресторан морской кухни) ассоциируется с морским флотом, честью и дисциплиной, «Дозор» (охранное предприятие) ассоциируется с наблюдением, внимательностью во время военной службы, верностью долгу и Отечеству.
- Аллюзия – косвенная отсылка к какой-либо культурной или исторической традиции: «Адмиралтейский» (жилой комплекс) намекает на морскую историю города; возникает идея о крепости, надёжности (как корабли времен Петра I), о том, что Воронеж занимал особое место в истории России. ИСБО «Варяг» (охранное предприятие) содержит косвенную отсылку на крейсер с таким названием, русский экипаж которого отказался сдаться врагу и предпочел затопить судно. Это один из самых сильных патриотических образов в русской культуре. Он связан с храбростью, честью, верностью долгу.

4. Графическая стратегия

Стратегия предусматривает реализацию патриотических смыслов с помощью невербальных средств визуализации:

- Акцентирующая роль кириллицы как элемента этнической принадлежности – намеренная замена латинского алфавита или транслитерации («Воронежхлеб» вместо Voronezhbread, «Брадобрейная» вместо Barbershop) демонстрирует принадлежность к русской языковой традиции.
- Включение элементов государственных символов в логотипы и дизайн-код: использование цветов флага (белый, синий,

красный), гербовых атрибутов, стилизованного изображения герба, двуглавого орла и т. д. Так, ИСБО «Звезда» (магазин военной экипировки) использует в своем логотипе пятиконечную звезду, которая является символом военной истории и службы в нашей стране. Этот графический элемент является патриотическим. В оформлении вывески ИСБО «Москва» (ресторан) используются цвета российского флага.

- Шрифты – использование шрифтов похожих на исторический почерк либо шрифтов, напоминающих официальный документ чтобы усилить эффект традиционности и авторитета. Так, ИСБО «Белый генералъ» (ресторан), Тулиновъ дом (ресторан), содержащие твердый знак, отсылают к дореволюционной орфографии и придают наименованиям значение традиционности и официальности.

Выделенные стратегии – лексико-семантическая, морфологическая, семантико-стилистическая и графическая – позволяют определить, что коммерческие номинации в Воронеже имеют не только номинативную функцию, но и являются носителем идеологии. Они распространяют идеи патриотизма, локальной идентичности и исторического сознания.

Как отмечает Т. В. Шмелёва, «Коммерческая номинация приобретает все большую идеологическую нагрузку и становится средством формирования ценностных установок» [19, с. 78]. Примеры из воронежского ономастического пространства подтверждают эту тенденцию. Ведь кроме того, что коммерческие наименования служат для обозначения объектов, они принимают участие в создании культурного ландшафта. Они влияют на восприятие города и способствуют воспитанию патриотизма у горожан.

На основе анализа патриотических наименований объектов бизнеса г. Воронежа построена их классификация, а также выделены следующие группы:

1. Географические наименования

Данные ИСБО идентифицируют определённые географические объекты, усиливают привязку к месту, показывают связь предпри-

ятия с регионом и создают ощущение доверия, «своего» производителя. Делятся на два вида:

- связанные с городом Воронеж: «Воронежский кондитер», «Воронежский мясокомбинат», «Воронежские окна» (имеется в виду локальное производство), «Центральный рынок Воронежа» (подчёркивает расположение);
- связанные с регионом: «Черноземье» (в честь природного богатства Центрально-Чернозёмного района), «Донская усадьба» (в честь реки, протекающей через область).

2. Историко-патриотические наименования

Такие ИСБО ориентируются на историю страны и в сознании потребителя вызывают ассоциации с героизмом, победой и исторической связью поколений. Они формируют образ надёжности через отсылку к важным событиям из прошлого. Примеры:

- «Чижовка» (бизнес-центр – отсылка к Чижовскому плацдарму, месту боёв за Воронеж в 1942–1943 гг. Победа Советских войск.);
- «Катюша» (торговый дом – отсылка к народному названию реактивных установок БМ-13 времён Великой Отечественной войны, которые собирали на заводе в Воронеже.);
- «Ил-2» (ресторан /бар) делает ставку на историческую память региона. Отсылка к легендарному штурмовику, который был произведен в Воронеже и являлся символом победы. Это ИСБО создает у целевой аудитории ассоциации с надежностью, мощью, патриотизмом.

3. Этнокультурные наименования

Данные ИСБО отражают связь с культурой страны, ее традициями и жизненным укладом. Такие номинации вызывают у адресата ассоциации разного плана – от ностальгических до гордости за культуру родной земли. Примеры:

- «Гармошка» (ресторан русской кухни с живой музыкой – отсылает к популярному музыкальному инструменту, символичному для русского фольклора и народных гуляний);
- «Славянка» (салон мебели – отсылает к славянскому наследию, подсознательно воспринимается как связь со своей историей);

- «Купеческий ряд» (продуктовый магазин – воссоздаёт исторический образ купечества как символа устойчивости, благосостояния и преемственности деловых традиций).

4. Символические наименования

Эти наименования бизнес-объектов г. Воронежа содержат абстрактные имена, обозначающие государственность, величие и патриотические ценности. Они подчёркивают значимость объекта и вызывают у потребителя ощущение силы, надежности, домашнего тепла и превосходства - ориентируясь на гражданские ценности и национальную гордость. статус объекта и формируют у потребителей ассоциации с мощью, стабильностью, семейным уютом и лидерством, апеллируя к гражданским чувствам и национальной идентичности. Приведем примеры:

- «Держава» (строительная компания – вызывает ассоциации с государственной мощью и устойчивостью, создавая ощущение надёжности и уверенности в качестве работы);
- «Отечество» (компания по производству грибов и трюфелей – создаёт ощущение безопасности, семейного уюта в контексте национальной идеи);
- «Империя красоты» (салон красоты – намекает на силу, мощь и масштабность, которые являются основными признаками могущественного государства).

5. Персонализированные наименования

К таким ИСБО относятся коммерческие наименования, включающие антропонимы – имена и фамилии исторических личностей, имеющих отношение к г. Воронежу или Воронежскому краю. Они обращены к исторической памяти, актуализируют связи поколений, повышают статус предприятия как носителя местной идентичности. Примеры:

- «Петровский» (отель);
- «Бунин» (жилой комплекс);
- «Кольцовский» (бизнес-центр).

6. Традиционно-бытовые

В Воронеже подобные наименования бизнес-объектов связаны с повседневной жизнью человека, обыденностью, узнаваемыми

реалиями. Такие названия ассоциируются с известными фактами, занятиями, местами, предметами быта, что вызывает доверие у жителей региона. Приведём примеры:

- «Папина лавка» (магазин фермерской продукции);
- «Деревенские продукты» (магазин фермерской продукции);
- «Здоровый сон» (химчистка).

Представленные выше группы имён собственных бизнес-объектов Воронежа – географические, историко-патриотические, этнокультурные, символические, персонализированные и традиционно-бытовые – свидетельствуют о процессе формирования локальной идентичности в урбанонимии. Как отмечает Н. А. Купина, «региональная идентичность в урбанонимии формируется за счёт обращения к локальным историческим фактам, местным названиям, элементам культуры и традициям, что создаёт особую семиотику городского пространства» [8, с. 112].

Употребление патриотических маркеров в коммерческой номинации реализует комплекс взаимодополняющих функций, что подтверждается положениями диссертационного исследования о языковых и речевых свойствах ИСБО г. Воронежа. Рассмотрим их подробнее:

1. **Идентифицирующая функция** проявляется в выражении признаков территориальной принадлежности, акцентировании региональной специфики объекта среди конкурентов посредством отсылки к местной идентичности.
2. **Рекламная функция** заключается в создании позитивного образа через ассоциации с традициями, качеством и надёжностью.
3. **Образовательная функция** состоит в формировании патриотических чувств у горожан, особенно у молодёжи. Ежедневное восприятие патриотических номинаций в городской среде способствует воспитанию гражданской позиции и приобщению к истории.
4. **Культурологическая функция** реализуется через хранение исторической информации и передачу культурных традиций из поколения в поколение.

5. **Эмотивная функция** призвана вызвать позитивные эмоции, ощущение гордости за себя и свою группу, чувство причастности к важному моменту или достижению.
6. **Коммуникативная функция** устанавливает связь между бизнесом и целевой аудиторией на основе общих ценностей и идентичности, создавая платформу для диалога.

Как отмечает О. П. Сологуб: «Патриотические номинации в городской среде выполняют роль своеобразных „культурных маяков“, поддерживающих связь между прошлым и настоящим, традицией и современностью» [17, с. 67].

На основе проведенного лингвистического анализа имен собственных бизнес-объектов г. Воронежа были получены результаты:

Около 25 % от общего числа наименований бизнес объектов содержат патриотические маркеры. В рамках патриотических ИСБО наиболее широко представлены географические названия, составляющие 40%, что свидетельствует о высокой значимости локальной идентичности. Далее следуют номинации с этнокультурными маркерами (30%), акцентирующие связь с национальными традициями. Исторические аллюзии и символические названия менее распространены – 20% и 10% соответственно. Они выполняют функцию трансляции исторической памяти и ценностных ориентиров.

Распределение патриотических ИСБО г. Воронежа по сферам деятельности носит неравномерный характер. Наиболее широко коммерческие номинации представлены в торговле (45%) и общественном питании (30%). В меньшей степени они характерны для сферы услуг (15%) и производства (10%).

ИСБО, содержащие патриотические маркеры, обладают выраженными лингвопрагматическими особенностями. Они адаптивны к целевой аудитории, одновременно выполняют идентифицирующую, рекламную и образовательную функции, опираются на культурно-исторические ассоциации, обладают высокой эмоциональной заряженностью и сохраняют социальную релевантность в контексте современных ценностных ориентиров.

Заключение

На основе проведенного исследования коммерческих номинаций бизнес-объектов города Воронежа было установлено, что патриотическая тематика активно используется для создания ИСБО. В качестве основных лингвистических стратегий выделяются следующие: прямое включение патриотического компонента в название предприятия, обращение к местным историко-географическим реалиям, а также создание позитивных ассоциаций через исторические и культурные аллюзии. Еще одним эффективным способом является использование словообразовательных средств с патриотической семантикой.

Кроме того, анализ материала позволил выделить следующие основные группы патриотических ИСБО в г. Воронеже: регионально-идентифицирующие, этнокультурные, историко-героические, традиционно-бытовые. Названные типы номинаций закрепляют в сознании адресата связи с территориальной принадлежностью, этническим самосознанием, героической историей и семейными традициями.

Полученные результаты исследования также подтверждают основные положения диссертации, согласно которым имена собственные бизнес-объектов (ИСБО) являются речевыми произведениями рекламного стиля. Они обладают свойствами языка и речи, выполняют разнообразные функции в городской среде и отражают тенденции развития современного русского языка.

Таким образом, коммерческая номинация выступает в качестве значимого инструмента языковой политики города, представляющего его социокультурную специфику и ценностные ориентиры жителей.

Использование патриотических маркеров в именах собственных бизнес-объектов способствует формированию локального патриотизма и укреплению региональной идентичности, а также участвует в создании упорядоченной семиотической среды, в которой каждое наименование вписывается в общую культурную парадигму города.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. (1999). *Язык и мир человека*. Москва: Языки русской культуры. 895 с.
2. Астафьева, И. А. (1996). *Способы номинации в речевой ситуации города (на материале ойкодомонимов г. Омска)* (дис. … канд. филол. наук). Москва. 148 с. EDN: https://elibrary.ru/NLHXTV.
3. Беленов, Н. В. (2025). Лексико-семантический анализ топонимии эрзянского села Новые Сосны Самарской области. *Российские социогуманитарные исследования*, *17*(4), 39–56. DOI: https://doi.org/10.12731/3033-5981-2025-17-4-536. EDN: https://elibrary.ru/UACZUV.
4. Васильева, Ю. А. (2025). Названия финансово-кредитных учреждений Астрахани в диахроническом аспекте. *Известия Воронежского государственного педагогического университета*, (4), 221–224. DOI: https://doi.org/10.47438/2309-7078_2025_4_221. EDN: https://elibrary.ru/RKDUWY.
5. Голомидова, М. В. (1998). *Искусственная номинация в русском языке: монография*. Екатеринбург. 232 с.
6. Карасик, В. И. (2002). *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена. С. 24–38.
7. Китайгородская, М. В. (2018). Языковое пространство современного города. *Русский язык сегодня*, (3), 89–98.
8. Купина, Н. А. (2009). Вербальные знаки идентичности в идеологическом пространстве Урала. В кн.: *Славянские языки: аспекты исследования: сб. науч. ст.* (с. 142–147). Минск: Изд. центр БГУ.
9. Лапинская, И. П., & Мануковская, М. А. (2019). Имена собственные бизнес-объектов как предмет современной лингвистики. *Современные лингвистические и методико-дидактические исследования*, (1), 18–29. DOI: https://doi.org/10.25987/VSTU.2019.41.1.014. EDN: https://elibrary.ru/VWGPZA.
10. Мануковская, М. А. (2022). *Языковые и речевые свойства системы имён собственных бизнес-объектов на материале русского языка* (дис. … канд. филол. наук). Елец. 155 с.
11. Новичихина, М. Е. (2023). К вопросу о коммуникативной эффективности коммерческих названий, сформированных на базе прецедентного текста. *Современная коммуникативистика*, *12*(2), 99–103. DOI: https://doi.org/10.12737/2587-9103-2023-12-2-99-103. EDN: https://elibrary.ru/KKMYAV.
12. Позднякова, Е. Ю. (2020). Принципы и способы номинации коммерческих объектов городского пространства. *Коммуникативные исследования*, *7*(1), 77–98. DOI: https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(1).77-98. EDN: https://elibrary.ru/DDZEEY.
13. Радина, Н. К., & Крупная, Д. А. (2022). Реализуя право на город: интерпретации и номинация городских объектов горожанами (на материале эргоурбано-

нимов нестоличных мегаполисов). *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (5), 172–195. DOI: https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2098. EDN: https://elibrary.ru/FIAGWC.

14. Разумов, Р. В. (2023). Русская урбанонимия и её лексикографическое представление: проблемы и перспективы. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, *16*(12), 4166–4171. DOI: https://doi.org/10.30853/phil20230633. EDN: https://elibrary.ru/GMNMVR.
15. Ремчукова, Е. Н., & Замалетдинова, Л. Р. (2016). Коммерческие урбанонимы России в аспекте креативной речевой деятельности. *Ценности и смыслы*, (6(46)), 87–95. EDN: https://elibrary.ru/XEUFSJ.
16. Соколова, Т. П. (2023). Прецедентность в городской коммерческой номинации. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, (4), 68–82. DOI: https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-4(9)-68-82. EDN: https://elibrary.ru/RLBYTF.
17. Сологуб, О. П. (2022). *Городская номинация как культурный феномен*. Санкт-Петербург: Питер. С. 65–79.
18. Чжэньго, Л. (2025). Словообразовательные особенности эргонимов в текстах вывесок современного Санкт-Петербурга (на материале наименований кафе, ресторанов, магазинов). *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение*, (3), 113–119. DOI: https://doi.org/10.53598/2410-3489-2025-3-362-113-119. EDN: https://elibrary.ru/LAACYT.
19. Шмелёва, Т. В. (2019). Коммерческая номинация: функции, стратегии, прагматика. *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, (4), 75–85.
20. Яковлева, Е. А. (2021). *Современная урбанонимия: социолингвистический аспект*. Москва: Наука. С. 45–52.

References

1. Arutyunova, N. D. (1999). *The Human Language and World*. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury. 895 p.
2. Astafyeva, I. A. (1996). *Ways of Nomination in the Urban Speech Situation (Based on the Material of Oikodomonyms of Omsk)* (Doctoral dissertation in Philology). Moscow. 148 p. EDN: https://elibrary.ru/NLHXTV.
3. Belenov, N. V. (2025). Lexico-semantic analysis of the toponymy of the Erzya village Novye Sosny in Samara Oblast. *Russian Social and Humanitarian Studies*, *17*(4), 39–56. DOI: https://doi.org/10.12731/3033-5981-2025-17-4-536. EDN: https://elibrary.ru/UACZUV.
4. Vasilieva, Yu. A. (2025). Names of financial and credit institutions in Astrakhan in a diachronic perspective. *Proceedings of Voronezh State Pedagogical University*, (4), 221–224. DOI: https://doi.org/10.47438/2309-7078_2025_4_221. EDN: https://elibrary.ru/RKDUWY.

5. Golomidova, M. V. (1998). *Artificial Nomination in the Russian Language: A Monograph*. Yekaterinburg. 232 p.
6. Karasik, V. I. (2002). *Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Volgograd: Peremena. pp. 24–38.
7. Kitaygorodskaya, M. V. (2018). The linguistic space of the modern city. *Russian Language Today*, (3), 89–98.
8. Kupina, N. A. (2009). Verbal signs of identity in the ideological space of the Urals. In: *Slavic Languages: Aspects of Research: Collection of Scientific Articles* (pp. 142–147). Minsk: Publishing Center of Belarusian State University.
9. Lapinskaya, I. P., & Manukovskaya, M. A. (2019). Proper names of business objects as a subject of modern linguistics. *Modern Linguistic and Methodological-Didactic Studies*, (1), 18–29. DOI: https://doi.org/10.25987/VSTU.2019.41.1.014. EDN: https://elibrary.ru/VWGPZA.
10. Manukovskaya, M. A. (2022). *Linguistic and Speech Properties of the System of Proper Names of Business Objects Based on the Russian Language Material* (Doctoral dissertation in Philology). Yelets. 155 pp.
11. Novichikhina, M. E. (2023). On the communicative effectiveness of commercial names formed on the basis of a precedent text. *Modern Communication Studies*, *12*(2), 99–103. DOI: https://doi.org/10.12737/2587-9103-2023-12-2-99-103. EDN: https://elibrary.ru/KKMYAV.
12. Pozdnyakova, E. Yu. (2020). Principles and methods of nominating commercial objects in urban space. *Communication Studies*, *7*(1), 77–98. DOI: https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(1).77-98. EDN: https://elibrary.ru/DDZEEY.
13. Radina, N. K., & Krupnaya, D. A. (2022). Exercising the right to the city: Interpretations and nomination of urban objects by citizens (based on ergourbanonyms of non-capital megacities). *Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes*, (5), 172–195. DOI: https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2098. EDN: https://elibrary.ru/FIAGWC.
14. Razumov, R. V. (2023). Russian urbanonymy and its lexicographic representation: Problems and prospects. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, *16*(12), 4166–4171. DOI: https://doi.org/10.30853/phil20230633. EDN: https://elibrary.ru/GMNMVR.
15. Remchukova, E. N., & Zamaletdinova, L. R. (2016). Commercial urbanonyms of Russia in the aspect of creative speech activity. *Values and Meanings*, (6), 87–95. EDN: https://elibrary.ru/XEUFSJ.
16. Sokolova, T. P. (2023). Precedence in urban commercial nomination. *VERBA. Northwestern Linguistic Journal*, (4), 68–82. DOI: https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-4(9)-68-82. EDN: https://elibrary.ru/RLBYTF.
17. Sologub, O. P. (2022). *Urban Nomination as a Cultural Phenomenon*. Saint Petersburg: Piter. Pp. 65–79.

18. Zhenguo, L. (2025). Word-formation features of ergonyms in sign texts of modern Saint Petersburg (based on names of cafes, restaurants, and shops). *Bulletin of Adyghe State University. Series: Philology and Art History*, (3), 113–119. DOI: https://doi.org/10.53598/2410-3489-2025-3-362-113-119. EDN: https://elibrary.ru/LAACYT.
19. Shmeleva, T. V. (2019). Commercial nomination: Functions, strategies, pragmatics. *Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology*, (4), 75–85.
20. Yakovleva, E. A. (2021). *Modern Urbanonymy: A Sociolinguistic Aspect*. Moscow: Nauka. pp. 45–52.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Мануковская Мария Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка и иностранных языков для неязыковых профилей

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»
ул. Ленина, 86, г. Воронеж, 394043, Российская Федерация
marsha_sweety@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Maria A. Manukovskaya, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of the French Language and Foreign Languages for Non-Linguistic Areas

Voronezh State Pedagogical University
86, Lenin Str., Voronezh, 394043, Russian Federation
marsha_sweety@mail.ru
SPIN-code: 7045-4701

Поступила 01.06.2026
После рецензирования 05.07.2026
Принята 07.07.2026

Received 01.06.2026
Revised 05.07.2026
Accepted 07.07.2026

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(https://soc-journal.ru/)

Научный журнал представляет собой междисциплинарную платформу для публикации результатов исследований в области социально-гуманитарного знания. Издание фокусируется на интеграции историко-культурных, философских и лингвистических исследований, способствуя формированию целостного представления о развитии человеческого общества.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	15–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания
	ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)
Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой (на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)
Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой (на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы
Библиографический список по формату APA

References
Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(https://soc-journal.ru/)

The scientific journal is an interdisciplinary platform for publishing research results in the field of social and humanitarian knowledge. The publication focuses on the integration of historical, cultural, philosophical, and linguistic research, contributing to the formation of a holistic view of the development of human society.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	15–24 pages A4 format, including tables, figures, references.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)
Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.
2. Objective.
3. Materials and methods.
4. Results of the research and Discussion.
5. Conclusion.
6. Conflict of interest information.
7. Sponsorship information.
8. Acknowledgments.

References
References text type should be APA Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЕЙШИЕ ПОДХОДЫ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ

«Три музы с грохотом вломились в да Винчи старенький музей»: образ музея в малых жанрах интернет-поэзии
И.А. Гринько, А.А. Шевцова 10

ВОПРОСЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ И ИДЕНТИЧНОСТИ

Блогосфера как инструмент актуализации этнической идентичности в цифровой среде
С.А. Шигаева 41

ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В ФИЛОСОФСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Коммунизм как безальтернативный образ будущего
Д.В. Грязных, Е.Г. Корнильцева, В.В. Лысенко 66

Проблема моральной ответственности в контексте развития сильного искусственного интеллекта
С.М. Мальцева, А.Д. Грачева, М.Б. Ротанова 84

Риски социального манипулирования в молодежной среде
Л.И. Кемалова, М.А. Никонорова 101

Этические аспекты развития IT-технологий в современной западной философии науки
О.В. Летов 124

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАДИЦИЙ НА ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКУ

Духовно-аксиологическая политика как инструмент гармонизации религиозного и светского начал в российском обществе
О.С. Батурина 143

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЯЗЫКОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ НАРОДОВ РОССИИ

Полисемия глагола в эвенском языке
С.Н. Саввинова 162

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Семантический сдвиг психологических терминов в повседневном английском языке
З.А. Заврумов, Л.А. Кауфова 174

Функции эмоционально окрашенных прилагательных в англоязычном политическом медиадискурсе
Б.Г. Овезов 190

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Семантическая адаптация англицизмов в новостных текстах: сопоставительный анализ естественного и ИИ-генерированного текста (на материале русского и английского языков)
З.Х. Фазлыева, К.Р. Вагнер 213

Сопоставительный анализ концептуальных признаков «красоты» в англоязычном и немецкоязычном сознании (на материале британских, американских и немецких текстов СМИ)
Е.Р. Боровкова, И.П. Зырянова 233

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИКИ

Аксиологический потенциал гастрономической лексики в русских и китайских паремиях
О.В. Макарова, Ю.С. Кагнер 256

Особенности перевода фонетической антинормы в художественном тексте
Ю.С. Елагина 271

Специфика передачи религиозно-правовой терминологии произведения Мухаммада ал-Булгари «Хазинатуль-улема ва зинетуль-фукаха» на русский язык
Ф.Х. Тарасова, М.Р. Тимуршин 289

Точка с запятой в британских новостных СМИ
К.М. Амирханова, А.В. Зорина 306

Способы передачи лексем лексико-семантического поля «Родина» в прозе Махмуда Дарвиша (на материале арабско-английского перевода)
Ф.Х. Тарасова, Ф.Г. Исмагилова 321

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Конспирология как симптом социальной дезадаптации в 1990-е гг. на примере «заговора» против Бориса Ельцина в Хабаровском крае
Н.С. Воронцов, В.С. Шибаев 342

Патриотическая составляющая в названиях бизнес-объектов города Воронежа
М.А. Мануковская 364

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 386

CONTENTS

LATEST APPROACHES IN SOURCE STUDIES

"Three muses burst noisily into the old da Vinci museum":
The image of the museum in small genres of internet poetry
I.A. Grinko, A.A. Shevtsova 10

ETHNOCULTURAL DIVERSITY AND IDENTITY ISSUES

The blogosphere as a tool for contemporary ethnic identity construction in the digital environment
S.A. Shigaeva 41

INDIVIDUAL, SOCIETY, AND STATE IN PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE

Communism as a non-alternative image of the future
D.V. Gryaznykh, E.G. Korniltseva, V.V. Lysenko 66

The problem of moral responsibility in the context of strong artificial intelligence development
S.M. Maltseva, A.D. Gracheva, M.B. Rotanova 84

The risks of social manipulation in the youth milieu
L.I. Kemalova, M.A. Nikonorova 101

Ethical aspects of IT development in modern Western philosophy of science
O.V. Letov 124

INFLUENCE OF RELIGIOUS TRADITIONS ON SOCIETY AND POLITICS

Spiritual and axiological policy as a tool for harmonizing religious and secular elements in Russian society
O.S. Baturina 143

RUSSIAN LANGUAGE AND LINGUISTIC DIVERSITY OF PEOPLES OF RUSSIA

Verb polysemy in the Even language
S.N. Savvinova 162

LANGUAGES OF FOREIGN COUNTRIES

Semantic shift of psychological terms in everyday English
Z.A. Zavrumov, L.A. Kaufova 174

Functions of emotionally charged adjectives in English-language political media discourse
B.G. Ovezov 190

LINGUISTIC MODELS AND LANGUAGE THEORY

Semantic adaptation of anglicisms in news texts: a comparative analysis of natural and AI-generated discourse (based on Russian and English)
Z.Kh. Fazlyeva, K.R. Vagner 213

A comparative analysis of the conceptual features of “beauty” in the English and German percepts (based on British, American, and German media texts)
E.R. Borovkova, I.P. Zyryanova 233

APPLIED ASPECTS OF LINGUISTICS

The axiological potential of gastronomic terminology in Russian and Chinese paremias
O.V. Makarova, Y.S. Kagner 256

Translating the phonetic anti-norm in literary texts
Y.S. Elagina 271

Specifics of rendering religious legal terminology into Russian in Muhammad al-Bulgari’s work “Khazinat al-‘Ulama wa Zinat al-Fuqaha”
F.Kh. Tarasova, M.R. Timurshin 289

Functions of the semicolon in British news media
K.M. Amirkhanova, A.V. Zorina 306

Methods of translating lexemes of the lexico-semantic field “homeland” in Mahmoud Darwish’s prose (based on the Arabic-English translation)
F.Kh. Tarasova, F.G. Ismagilova 321

INTEGRATIVE HUMANITIES RESEARCH

Conspirology as a symptom of social maladjustment in the 1990s: A case study of the “conspiracy” against Boris Yeltsin in Khabarovsk Krai
N.S. Vorontsov, V.S. Shibaev 342

The patriotic component in the proper names of business enterprises located in Voronezh
M.A. Manukovskaya 364

RULES FOR AUTHORS 386

Дата выхода в свет: 30.09.2026. Формат 60×84/16. Объем издания: 28,21 усл. печ. л. Тираж: печать по требованию (print-on-demand). Свободная цена. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ИП Ямашев Руслан Вадимович. ИНН 503810111205.